А. П. БОГДАНОВ

История России до петровских времен

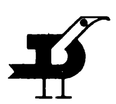
А. П. БОГДАНОВ

История России до петровских времен

10 – 11 классы

Пробный учебник для общеобразовательных учебных заведений

Допущено Министерством образования Российской Федерации

Москва
Издательский дом «Дрофа»
1996

УДК 373:947.0
ББК 63.3(2)7
Б73

Богданов А. П.
Б73 История России до Петровских времен. 10—11 кл.: Проб. учеб. для общеобразоват. учеб. заведений. — М.: Дрофа, 1996. — 336 с. — 16 л. цв. вкл.

ISBN 5—7107—0881—x

Учебник создан с учетом современных образовательных стандартов. В нем содержится обширный фактический материал, дополненный выдержками из исторических источников. В совокупности с развернутым методическим аппаратом это позволяет учащимся углубить знания по истории России, полученные в 5—9 классах.

Учебник одобрен Федеральным экспертным советом, рекомендован к изданию Министерством образования Российской Федерации и включен в Федеральный комплект учебников на 1997/98 учебный год.

УДК 373:947.0
ББК 63.3(2)7

ISBN 5—7107—0881—x

ИСТОРИЮ ДЕЛАЕМ МЫ

История не только всегда с нами, не только вокруг нас, но и в нас самих.

Б. А. Рыбаков

Каждый из нас занят в жизни многими делами, часто более интересными, чем чтение учебника. Но из всех наших дел — бросаемся ли мы в гущу событий или отсиживаемся в теплом углу — складывается история: деревни и города, области и республики, Российской державы и всего мира. Так устроено человеческое общество: оно не формируется по одним законам природы. История общества слагается из великого множества поступков каждого человека, основанных на его стремлениях и планах.

Свобода и тирания, кровавая бойня и счастливый мир, богатство и бедность, мировая держава и жалкая колония — все это результаты человеческих деяний. Каковы же мотивы этих деяний? Что заставляет нас поступать так, а не иначе? Прежде всего, это личные желания. Но во взаимодействии личных желаний огромной массы людей есть свои особенности, свои законы, которые ученые давно изучают, хотя так и не поняли еще до конца. И это к счастью: если обществом можно было бы четко и строго управлять, представляете, что мог бы натворить такой руководитель...

Сегодня общество, как и каждый человек, достигает своих целей при помощи планирования, основанного на опыте. Только на опыте уже не личном, частном, а историческом, который является плодом изучения жизни племен, малых и больших стран, наконец, всего человечества. Опыт этот обыкновенно печален. Много народов исчезло с лица земли, много держав погибло, несть числа преступлениям, совершенным государствами против своих и чужих подданных.

Образно говоря, путь человечества густо усыпан граблями, на которые народы, страны и отдельные люди с превеликим упорством наступают, потирают шишки на лбах — и все же продолжают наступать. Напрасно советуют, скажем, какому-нибудь президенту: «Не шагай с обрыва, нехорошо выйдет!» «У-у-ух!» — только и говорит президент, летя в пропасть вместе со своими советниками и народом. Более «мудрые» президенты отправляют вместо себя в опасные места только что окончивших школу молодых ребят.

Бывает, впрочем, что и народ посылает мудрого правителя куда подальше, чтобы не мешал скопом творить такие дела, от которых многим последующим поколениям будет великий стыд. А шибко умному советчику вроде Сократа демократически настроенные граждане могут поднести и чашу с ядом.

Historia est magistra vitae
(История — учительница жизни)

Итак, мало сказать, что история — это коллективная память человечества. Если человек без памяти недееспособен, то общество, изучающее лживую историю или вовсе истории не знающее, способно натворить такого, что небесам жарко станет! Кто посадит себе на шею злобного тирана, кто распродаст за майки и пепси-колу невосполнимые богатства страны, кто в окружении хищников разоружится, а кто и возомнит себя богоизбранным, лучшим и мудрейшим народом, за недостатком разума доказывая свою исключительность кровопролитием.

История совершенно необходима странам и народам, чтобы не совершать больших глупостей (если, конечно, руководствоваться ее опытом для выбора мудрых и выгодных государственных решений). Но это, скажете, дело политиков. Мы-то тут при чем? Большинство школьников в такое грязное дело, как политика, и не сунутся! Однако от истории не спрячешься. Вы, ваши учителя и я, автор, все мы здесь очень даже при чем.

Только в сказках государственные деятели руководствуются одними государственными интересами. На самом деле у них есть и более важные цели — свои личные. Величие, богатство и слава державы — это хорошо. Но что со всего этого будет иметь чиновник Н., министр П. или даже президент К.? Потребности власти и народа могут расходиться больше, чем

интересы двух враждебных государств! Вовсе не обязательно, чтобы нас грабили и притесняли внешние враги. Чаще и усерднее это делает собственная власть, да еще под лозунгами «величия державы», «суверенитета», «общей пользы» и «народного блага».

Помимо государственных чиновников в каждой стране существует неравенство между сословиями — общественными группами, играющими строго определенные роли и имеющими разные права (если не по закону — то на деле). Банкир автослесарю только на словах друг, товарищ и брат. Но и внутри сословий, например между банкирами, противоречий хватает. В некоторых странах нет равноправия между представителями разных народов. В других женщины не добились равных прав с мужчинами.

Поэтому на каждого человека ложится ответственность за контроль над государственным аппаратом — чтобы тот служил народу больше, чем самому себе. Мир и процветание страны возможны лишь тогда, когда подконтрольное нам с вами государство обеспечивает равные права всем детям, женщинам, мужчинам, сословиям, национальностям и иным самым разным группам людей. Именно мы отвечаем за то, чтобы интересы всех и каждого соблюдались государством в равной мере. От нас в конечном счете зависит, будет ли Россия могучей и процветающей мировой державой или превратится в нищего нахлебника, ходящего по миру с протянутой рукой.

Иным иное для знания, иным иное ради страха и осмотрительности.

Сильвестр Медведев

Для заботы о себе и своей стране необходимо, разумеется, понимать происходящее, научиться на историческом опыте отличать правду от лжи и истинные цели государственных мужей от шелухи навязчивой пропаганды. Знание истории является непременным свойством гражданина — человека, ответственного за свою страну. В истории мы черпаем чувство гордости за Россию, древнюю, могучую и великую державу, узнаем о свершениях и подвигах наших предков. Многое в нашей истории служит предостережением людям, стране и миру.

С древнейших времен историки спорили: следует ли хранить память о злодеяниях, в особенности правителей, или луч-

ше воспитывать читателя одними подвигами добродетели? Римский историк Публий Корнелий Тацит считал, что о добродетелях нельзя забывать, однако и о злодеяниях необходимо помнить, чтобы потомки видели пользу от добрых дел и страшились злодейства.

Греческий историк Дионисий Галикарнасский упорно твердил, что историку следует писать истину — ведь истина есть начало всякой мудрости. История без истины, по его словам, подобна слепцу, читающий ее — заблуждается. Правдивый рассказ требует не только соблюдения последовательности событий, но и объяснения всех их причин. Без понимания хода и причин событий, по словам автора «Всеобщей истории» Полибия, написанное будет баснословием, а не историей.

Ко всем этим и еще многим другим авторитетам обращался в XVII в. «любомудрый» царь Федор Алексеевич (1676—1682), когда со своими учеными друзьями задумал составить и издать первый обобщающий труд по истории России. Они решили, что нет ничего более поучительного для потомков, чем разумная и истинная История предков, открывающая «дела их славные, которые покрыты были темностью забвения». Но желание прославить страну в просвещенном мире не отвратило царя-философа от необходимости раскрыть также черные страницы летописей на страх злодеям и в назидание потомкам. Никакое имя и звание, заслуги, богатство и знатность не должны были уберечь злодея от позорного столпа истории.

Много позже с этим согласился великий русский историк Н. М. Карамзин, который любил монархию настолько, что написал в посвящении к своему труду: «История народа принадлежит царю». Однако верность правде истории заставила его сурово обличать и некоторых венценосцев: «Сии изверги вне законов, вне правил и вероятностей рассудка... сии блудящие огни страстей необузданных озаряют для нас, в пространстве веков, бездну возможного человеческого разврата, да видя содрогнемся!»

Описание царствования Ивана Грозного в «Истории» Карамзина изобилует особенно жуткими злодеяниями. Автор заключил его так: «Жизнь тирана есть бедствие для человечества, но его история всегда полезна, для государей и народов: вселять омерзение ко злу есть вселять любовь к добродетели. И слава времени, когда вооруженный истиною... может... выставить на позор такого властителя, да не будет впредь ему подобных!»

Задавать себе вопросы очень полезно, но отвечать на них очень опасно.

Шарль Сеньобос

Карамзин недаром славил то короткое время, когда мог позволить себе говорить правду о тиране. Еще первый русский ученый-историк, митрополит Сибирский Игнатий Римский-Корсаков, не признававший исторических рассуждений без доказательств и упорно отстаивавший свои взгляды, был объявлен сумасшедшим и уморен в темнице. Его коллега Сильвестр Медведев, оставивший непревзойденное по сей день описание народного восстания в Москве 1682 г., осмелился заявить, что человек имеет неотъемлемое право рассуждать, самостоятельно искать истину, невзирая на указания властей. И... был казнен как опасный государственный преступник на Лобном месте.

Да что говорить о веке XVII и тем паче о печально известной тайной полиции века Просвещения. Накануне освобождения крестьян, в середине XIX в., диссертация свободомыслящего историка Н. И. Костомарова была сожжена, как в средние века, а ученый провел годы в ссылке. Узнав, что многие российские университеты избрали Костомарова профессором, министр народного просвещения заявил историку, «что он не утвердит меня ни в один университет, и что если я хожу по Петербургу и цел, и невредим, то за это следует благодарить Господа Бога».

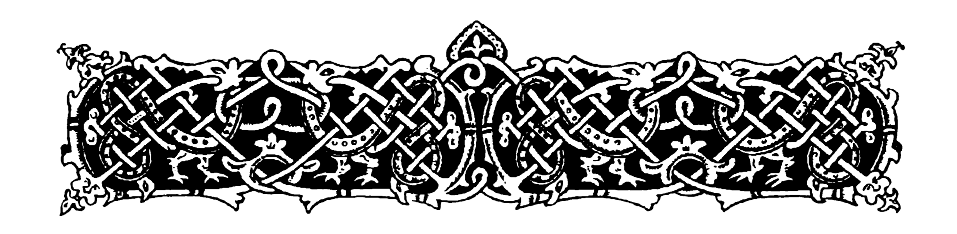
И в либеральные времена попытки ученых исследовать истинные мотивы деяний власти нередко жестоко преследовались. Даже безобидный профессор Московской духовной академии Н. Ф. Каптерев, изучавший историю православия и реформы патриарха Никона, подвергался упорным и грубым преследованиям. Невольно задумаешься, почему власть имущие так боятся историков? Почему едва не все далекие от политики академики были репрессированы при советской власти? Потому что самый глупый, мелкий чиноначальник чувствует: власть его больше держится не на силе и государственном праве, а на лжи, обмане и невежестве.

Подданный, знающий истинную историю Отечества, может стать гражданином, хозяином своей страны. Поэтому скромный монах Сильвестр Медведев был обвинен не в чем ином, как в намерении учеными книгами «попрать всю власть, царскую же и церковную»! В тиши своей кельи, водя пером по бе-

лой странице, Сильвестр знал о смертельной опасности правдивого исследования истории: «От нее можешь бело-черно знать и как тебе будет умирать».

Для историка выбора не было. Он должен был оставить потомкам слово истины, невзирая на занесенный топор палача. Высокое представление о миссии историка в освобождении человеческого разума Сильвестр выразил чеканной фразой: «И если Господь восхотел писанию сему быть — никто отвергнуть оное не смеет!»

Учебник — малая часть Истины, добытой учеными. В нем лишь важнейшие знания об истории наших предков, о зарождении и укреплении Российского государства. Тем же, кто хочет заглянуть глубже, один из первых русских историков советует словами пророка Иеремии: «Остановитесь на путях ваших, рассмотрите их и вопросите от путей древних, где же будет путь благ, и шествуйте по нему». Широкая дорога мудрости открыта гражданину вековым трудом историков — дорога к свободе, миру и благоденствию Отечества.

Глава 1
ИСТОКИ

§ 1. ЭПОХА КАМНЯ

По космическим масштабам Земля — сравнительно молодая планета. Человекообразные предки наши встали на ноги и взяли в руки изготовленные ими самими каменные орудия вообще недавно — примерно 3 млн лет назад. Самые древние останки первобытного человека найдены в Африке, но уже в древнем каменном веке — палеолите — человек с каменным рубилом ходил по земле нашей страны.

В темном периоде каменного века не разбирается никто, кроме археологов. Они отыскивают, раскапывают и изучают все сохранившиеся свидетельства о жизни древнего человека, начиная с костей и орудий его труда. Археологические исследования открыли нам важнейшие ступени развития человечества, приближенно датированные тысячелетиями. Датировка эта относительна: многие народности еще 1—2 столетия назад жили в каменном веке, некоторые племена и доныне остаются в первобытном состоянии.

Ранний палеолит В самом начале раннего палеолита, когда обезьяночеловек, по сведениям археологов, только встает на ноги, зажав в руках дубину и камень, Землю трясет и ломает, из недр ее тянутся к небесам огромные горы: Памир и Тянь-Шань, Альпы и Кавказ. Еще тепло. На островах в Северном Ледовитом океане растут лиственные леса. Но неуклонно надвигается мороз, ползут, волоча на себе огромные каменные глыбы, могучие ледники. Вот уже Уральские горы целиком скрыты под гладким ледяным панцирем — толщина его два километра!

Наш зверообразный предок сильно мерз, но не сдавался. Он научился использовать огонь, шить из теплых шкур одежду и, вынужденный в трудных условиях все лучше соображать, стал царем зверей. Даже гигантский мамонт не смог противостоять человеку. Уже 300 тыс. лет назад человек, презрев капризы природы в виде суровых оледенений, расселился по границе наступающих и отступающих ледников — с запада до востока современной территории нашей страны.

Средний палеолит Хотя силушки у предков было хоть отбавляй, выживали они в первую очередь за счет ума. Учились лучше вооружаться, одеваться, делать запасы пищи. Запоминали, как перехитрить зверя, охотясь всей своей первобытной ордой. Кто лучше учился — тот и выживал. «Двоечников» съедали звери или сами они помирали от голода. Примерно 100 тыс. лет назад человек вступил в средний палеолит и стал настоящей грозой животного царства. Неандертальцы научились сами добывать огонь, усовершенствовали каменные орудия и даже стали заботиться о близких. Умерших теперь не ели и даже не бросали, а хоронили.

Неандертальцы уже не прятались по пещерам. Они строили поселения там, где лучше охотилось. Их жилища найдены на Днестре, близ Волгограда на Волге, на р. Чусовой. Антилопа-сайга, снежный баран, благородный и северный олени, дикая лошадь, первобытный бык, пещерный медведь были верной добычей умелых охотников. Трех гигантов — мамонта, шерстистого носорога и пещерного льва — человек рассматривал не только как целые горы пищи. Для победы над великанами требовались бесстрашие, сила, ловкость и, главное, смекалка. Вот где можно было проявить сноровку!

Чтобы орду накормить и себя показать, охотники упорно преследовали этих могучих, но безобидных в сравнении с человеком зверей. До того доходило, что из костей мамонтов возводили целые поселения. Огромные черепа, бивни и челюсти мамонтов служили стенами и оградой жилищ всей орды. Костяное стойбище показывало, что обитатели его сыты и могущественны, что они хитрее огромного зверя.

Верхний палеолит Стараясь выйти из схваток с гигантами победителем, человек столь развил свой ум, что превратился в «человека разумного» (по-латыни — Homo sapiens). С этого начался около 30 тыс. лет назад верхний палеолит. К тому времени выделились три основные че-

ловеческие расы — европеоидная, монголоидная и негроидная, хотя различия между ними еще не очень резко бросались в глаза. Каменные и деревянные орудия становятся совершеннее, для их изготовления широко используются рог и кость, появляются метательные копья-дротики, а также копьеметалки, гарпуны и рогатины. Охота превращается в грандиозную облаву, требующую умного расчета и четкой организации. Удачливые вожаки становятся охотничьими вождями.

Но руководство обществом берут на себя те, кто рождает и учит членов племени. Наступает матриархат (по-латыни — власть матери). Мужчины должны были искать жен в других общинах, а связь поколений и передачу знаний осуществляли женщины. Конечно, рождаемость повысилась, а детская смертность снизилась. Возникло искусство. На всем пространстве от Средиземного моря до Байкала люди изготовляли священные фигурки женщины-Матери.

Почитая свой род, люди стали размышлять, откуда он пошел. Живя охотой, они ощущали свою тесную связь со зверями и задумывались: а не родичи ли мы, случаем, медведю, льву или самому мамонту? Так появился культ зверя — легендарного почитаемого предка и знака племени — тотема. Чем больше человек осознавал себя, тем меньше хотел верить, что после смерти личность его исчезнет насовсем. Так стали появляться представления о загробном мире, куда со всем старанием снаряжали мертвецов.

Археологи нашли сотни поселений и определили десятки культур верхнего палеолита на землях современной Европейской России и Сибири, Украины и Белоруссии. Народы явно переходили к полуоседлому образу жизни, перекочевывая с летних стоянок на зимние, и наоборот. Ледники и гигантские звери отступали, но человек от них не отставал, забираясь все севернее. В единоборстве со зверями, фигурки которых были чуть менее популярны, чем изображения Матери, мужчины могли отличиться. Понятно, что со временем столь желанные для первобытных людей гиганты стали ископаемыми.

Мезолит Средний каменный век (по-гречески — мезолит) длился примерно с XII до V тыс. до н. э. Природные катаклизмы стихли, ледники растаяли. От Балтики до Тихого океана через все необозримое пространство нашей страны протянулась тайга. Южнее шли полосы лиственных лесов и необъятные травянистые степи, наполненные разной живностью. Мамонтов — увы! — доели, так что добычей загонных охот стали бизоны, лошади да антилопы.

Поставленный перед суровой необходимостью брать пугливую и относительно мелкую добычу, человек изобрел лук и стрелы, силок и капкан. С появления этих орудий, собственно, и начался мезолит: время быстрого передвижения небольших охотничьих орд, следы присутствия которых археологи с изумлением обнаруживают в самых разных местах Евразии. Человек строил на стоянках легкие шалаши, наряду с охотой промышлял рыбалкой, приручал животных и собирал дикие злаки.

Лук, отдававший во власть человека и быстроногого зайца, и парящую птицу, стал одновременно символом свободы передвижения. Легким сделалось все снаряжение. Костяные и деревянные основы наконечников копий, гарпунов и стрел, ножей — все оснащалось тончайшими кремневыми вкладышами с острыми кромками, которые было легко заменить. Бродяге необходим был топор для обработки дерева — и топор появился, еще грубый, но надежный. Не хватало только легкого сосуда для приготовления пищи — глиняного горшка. Его изобретение означало наступление нового каменного века: неолита.

Неолит Часто говорят о неолитической революции. И правда! В V—VI тыс. до н. э. для человека эпохи камня настал воистину золотой век. Техника изготовления каменных орудий была блистательной. Человек научился сверлить, пилить и полировать камень, делая из него все что угодно, от блестящего фигурного топора до грубой зернотерки. Наконечник стрелы этого времени — часто произведение искусства, сделанное из прозрачного с красивыми прожилками камня. А ведь это обычное орудие, которое ломали и теряли!

Но начнем с горшка. В нем можно было варить и хранить. Оседлое земледелие, плоды которого требовали того и другого, распространилось по земле. За ним освоено было оседлое и полукочевое скотоводство. Рыболовство стало в некоторых районах ведущей отраслью хозяйства. Да что рыба! С изобретением поворотного гарпуна крупный морской зверь — хоть и сам кит — сделался обычным украшением стола приморских племен.

Простое на вид изобретение — поворотный гарпун — было следствием революции в работе с камнем. Наконечник гарпуна, слетавший с древка при ударе в цель, был просверлен ровно посредине: здесь крепился ремень, дернув за который зверобой поворачивал воткнутый в моржа или кита наконечник поперек раны. Но к морскому зверю надо еще подобраться. Не-

олитические мастера научились делать любые лодки, от крохотных речных до настоящих хозяев морских просторов. Где лодка, там весло и парус. В это время появилось и ткачество. Женщины, конечно, хотели приодеться, но заодно дали морякам легкие, не то что из шкур, паруса.

Ткани и прекрасные каменные орудия делали обычно дома. Однако лучшие мастера, создававшие непревзойденные предметы, стали кормиться почти исключительно ремеслом. Гордому своим искусством мастеру годился не всякий камень: и вот уже камень везут из дальних мест, выменивают у других племен. Возникает постоянная торговля как продуктами природы, так и продуктами труда. «Всеобщий закон гостеприимства» позволяет безопасно совершать дальние поездки для обмена знаниями и изделиями.

Золотой век неолита! Человек достиг высот в охоте, рыболовстве и собирательстве, покорил природу: лес — топором (и построил бревенчатый дом), водные просторы — с помощью лодки, воздух — летучей стрелой. Человек разумный уже переходил от присвоения даров природы к производящему хозяйству, земледелию и скотоводству, в основном сохранив коллективизм в труде и общую собственность на средства производства. Этот век недаром прославляли древние поэты и сказители.

1. Когда предки человека заселили просторы нашей страны?

2. Чему научились неандертальцы сравнительно с предками?

3. К какому времени относится появление человека разумного?

4. Какие изобретения и почему потребовались человеку в мезолите?

5. Почему мы говорим о неолитической революции?

§ 2. ЭНЕОЛИТ

На просторах Великой России археологи нашли сотни замечательных, как они говорят, «культур», то есть следов жизни более или менее развитых людских сообществ, знавших парусную лодку и колесо. Золото использовалось людьми, как и самородная медь, для украшений и мелких приспособлений. Оно еще не стало мерилом ценностей, хотя благодаря использованию металла этот период получил название энеолит, что по-латыни означает — медно-каменный.

Культура земледельцев Присмотримся внимательней к одной из археологических культур — трипольской. Памятники ее открыли в Приднепровье, по среднему течению Днестра и Бугу. Начало трипольских поселений приходится на рубеж IV и III тыс. до н. э. Они строились по берегам рек, на землях, которые можно было рыхлить мотыгами из рога, для прочности иногда имевшими каменный наконечник. Ведь земледелие было основой процветания трипольских племен: пшеница, ячмень, просо, полба и горох кормили людей независимо от удачливости охотников.

Урожаи были изрядные. Хранили их в ямах, обмазанных изнутри глиной, и больших сосудах рядом с домами. Дома тоже строили немалые: на 60—100 квадратных метров. Есть одноэтажный дом длиной 45 метров и 4—6 метров шириной. Вначале жили в полуземлянках, но сырость донимала. Стали настилать пол из нескольких пластов обожженной глины, из нее же выкладывали основание стен. А уж выше строили из дерева, промазывая щели глиной.

Дом всегда много говорит о хозяевах. В трипольских селениях по 50—200 домов: значит, род делится на большие семьи. Но войдем внутрь дома. Длинный корпус разделен поперек перегородками, в каждом отсеке своя сводчатая печь из обожженной глины (часто с лежанкой) и своя зернотерка. Домоводство, как видим, было делом малой, парной семьи. Когда появлялась новая семья, к дому могли пристроить еще отсек.

Женщина, склонившаяся над зернотеркой, — картина настолько обычная, что она изображена в одном из игрушечных глиняных домиков, которые нашли археологи. Размалывание зерна было тяжелым, но важным и даже священным делом. Может, поэтому его мужчинам и не доверяли. Ведь среди глиняных фигурок у трипольцев — чуть не сплошь женщины-Матери. Иногда внутри фигурок находят зернышки — символы плодородия. Многие народы впоследствии молились об урожае богиням растительности, плодородия, земли.

Чтобы понять, кто в трипольских племенах командовал, довольно взглянуть на посуду. Она — как у иных археологических культур замечательные ритуальные топоры или наскальная роспись — визитная карточка именно трипольцев. Такую раз увидишь — никогда не забудешь. По форме каждый горшочек — образец гончарного искусства. Блестящая черно-коричневая поверхность украшена глубоким нарезным орнаментом,

спиральным или овальным узором, оттененным красной, а то и двумя-тремя красками. Бытовые предметы выглядят как произведения художника!

Изящество линий и тонкость отделки свойственны трипольским орудиям труда. Простые топоры и тесла отшлифованы до зеркального блеска. Серпы с кремневыми вкладышами, костяные проколки, шильца, медные рыболовные крючочки для ловли сома, щуки или судака — на них и в витрине музея полюбоваться стоит. А оружия почти нет. Некоторые селения, правда, стоят на мысах, с суши укреплены рвом и валом с частоколом. Но это лишь в целях обороны.

Держали в поселениях и скот — в основном быков и коров, а также коз, овец и свиней. Однако больше половины потреблявшегося мяса добывали охотники. Старательно собрав все обглоданные косточки, археологи установили, что ловкие добытчики кормили сородичей мясом лосей, оленей, косуль, кабанов, а иногда и огромных быков-туров. Лет пятьсот прошло, пока мясо домашнего скота стало главной частью рациона трипольцев.

Волшебное веретено Развитие скотоводства любопытно связано с маленьким глиняным колечком — пряслицем. Когда пряслиц не находят, в раскопах обнаруживают целые груды кремневых скребков для выделки шкур. Меха и кожа — это, конечно, шик. Но представьте, что тканей вовсе нет! Маленькое пряслице, служившее грузиком на веретене при прядении нитей из шерсти домашних животных, изменило всю историю могучего и обширного союза трипольских племен. Оно, кони и бронза.

Кочевое или отгонное скотоводство не имело заметного преимущества перед земледелием, пока не давало ничего, кроме мяса и грубых да голых шкур. И то сказать, рысь, бобра, куницу, выдру да белку — пушного зверя не попасешь. Бык и свинья — твари для оседлого дома. Но как только козы и овцы стали давать людям шерстяную одежду, положение изменилось. Прялка сгубила женскую долю. Прялка и ситечко для обработки молочных продуктов. Трудолюбивая женщина из богини быстро превращалась в машину для непрерывного прядения и ткачества, доения и сбивания масла...

После тысячелетнего процветания трипольская культура стала приходить в упадок: керамика потускнела, расписана уже в один цвет, а то вообще рисунок нанесен штампом или простой веревочкой... Появляются полуземлянки с углублени-

ем для очага — это после печки с теплой лежанкой! Среди статуэток женские еще есть, но все чаще встречается высеченная из камня голова быка — зловещий символ патриархата.

Могучий трипольский союз расширился на север, достиг Черного моря на юге, Дуная — на западе. Но из жизни племен уходили красота и равновесие, исчезало равенство. Среди захоронений этой поры самые бедные — женские: там только пряслица. Вот мужское захоронение, рядом с покойным — топор, мотыга и серп. Вот другое — подле тела оружие, дорогой медный кинжал. А вот, под курганом высотой 40 метров, тот, с бычьей каменной головой: завален медными кинжалами и боевыми топорами, серебряными и медными височными кольцами, сосудами со всякой всячиной «на дорожку». Вождь и владыка...

К рубежу IV — III тыс. до н. э. относится самый древний документированный археологами факт существования и даже культового почитания домашнего коня на территории России. Совсем недалеко от Триполья, на правом берегу Днепра к югу от Кременчуга, находилось поселение настоящих коневодов. Табуны их коней были многочисленнее, чем отары и стада. Сами ли трипольцы додумались или под влиянием соседей, но и у них в хозяйстве резко увеличилось значение скотоводства. Именно оно стало преимущественно развиваться в бронзовом веке.

1. Какие археологические культуры вы запомнили?
2. Опишите черты быта древних земледельцев.
3. Какую роль в человеческой истории сыграла прялка?
4. В чем различия матриархата и патриархата?

§ 3. ЛЮДИ БРОНЗЫ

Бронза — сплав твердый, но дорогой для орудий. Годный как раз для оружия. Для наконечников копий, для мощного всесокрушающего топора. Для мечей, которые еще нельзя было сделать длинными, — бронза тверда кромкой, но хрупка на излом. Для центральной бляхи — умбона на обитый бычьими шкурами щит. Для чешуйчатых или пластинчатых лат богатых вождей. Для оковки боевой колесницы — сильнейшего оружия бронзового века, наступившего на рубеже III—II тыс. до н. э.

Коневоды и металлурги Но пока еще не дошло до колесниц — бронза незаменима для конских удил; без них нет настоящей узды коню, значит, нет и всадника — воина и пастуха. Перед нами еще не кочевой мир. Огромная полоса степей, опоясывающая Евразию, пока не заполнена ордами с домами на повозках. Северное Причерноморье переходит к пастушескому коневодству — всадники с огромными собаками-пастухами гоняют по лесостепям и степям близ своих селений стада крупного и мелкого рогатого скота, а дома держат еще и свиней.

Спрашивается, что нам-то за дело до этих трипольцев и звенящих бронзой причерноморских пастухов? Кто они такие, чтобы отдавать им предпочтение перед иными интересными археологическими культурами? Они — индоевропейцы. Они придумали слово «конь». У них кавалер, всадник — древнее название человека знатного (позже — аристократа, дворянина). Любопытно для оседлых народов, не правда ли? Но каких именно народов — вот в чем соль.

Когда и где изобрели бронзу (именно изобрели — ведь она представляет собой хитрый сплав меди с оловом, серебром или другими добавками) — тайна сия велика есть. Археологи знают несколько древних азиатских, кавказских и европейских центров добычи руд и обработки металла. Где успешнее развивалось скотоводство — тоже не главный вопрос.

Громовые боги Важно, что эти два процесса сошлись на прародине индоевропейцев. Те, как считают археологи и языковеды-лингвисты, в IV—III тыс. до н. э. сформировали общую культуру в южнорусских степях, на юго-востоке Европы и северо-востоке Передней Азии. В хозяйстве у них преобладало скотоводство, причем ведущей отраслью стало коневодство. Конь был главным культовым животным. С изобретением колесниц к рубежу III—II тыс. индоевропейцы были готовы устремиться на подвиги — благо миротворческие узы матриархата их уже не сдерживали.

Итак, по знаку своих боевых вождей вскочили индоевропейцы на колесницы (а кто победнее — просто на коней), надели бронзовые шлемы, поправили на поясах мечи, взмахнули сверкающими на солнце топорами и копьями — и помчались как вихрь в разные стороны, громко взывая к своим громовым богам: Зевсу, Перуну, Тору и прочим (различия в именах возникли позже). Боги помогали вовсю. По Европе (еще так не названной) стоял звон и пыль столбом.

Небо было им всем отцом, Земля — матерью. Тело было смертно, дух призывал колесничих к вечно сияющей, как небо, славе. Тело было от матери — матерей и жен поклонники громовых богов большей частью оставили дома, рассчитывая, победив всех врагов, их жен и девиц забрать себе. Так оно и вышло. Только, как гласит русская легенда, дети больше учатся от матери, поэтому язык индоевропейцев очень скоро разделился на наречия, языки, а потом и языковые группы.

Завоевание Запада Колеса бронзовых колесниц завертелись посолонь — по ходу солнца. Дальше всех на запад забрались кельты: они заселили огромные земли западнее Альп: Галлию, материковую Британию и Британские острова, наконец, Ирландию. Правда, потом их теснили римляне и другие народы, настоящими кельтами остались разве что ирландцы и жители полуострова Уэльс в Великобритании. Зато легенд от них осталось множество: ирландские саги, циклы сказаний о короле Артуре, о Тристане и Изольде, о Граале и Аваллоне...

Дальше всех на север ушли со своими вождями дисциплинированные германцы с их культом бога-вождя О́дина (Водана), который стал даже важнее громовержца Тора. Будущие немцы остановились на материке, а самые нелюдимые заселили Данию и Скандинавский полуостров. Позже эти рослые, угрюмые воины и мореходы стали отъявленными разбойниками, грабили прибрежные земли чуть не всей Европы, захватили как-то раз даже Сицилию, а уж Англию сделали почти сплошь говорящей на языке германской группы.

Греки сразу стали забирать к югу — к Балканам, островам Средиземного моря и побережью Малой Азии. Осев на благодатных землях, они построили множество городов, создали высокую культуру и изрядно прославились, сочетая воинственность с искренней любовью к прекрасному: литературе, музыке, изобразительному искусству, архитектуре, гуманитарным и естественным наукам. При Александре Македонском они и Азию изрядно просветили, а для всего мира поныне остаются классиками гуманитарной культуры.

Часть племен устремилась в благодатную Италию: сабины, оски, латины, умбры, фалиски и прочие герои италийцы обрели мировую славу во время расцвета Римской империи, благодаря завоеваниям которой испанцы, португальцы, французы и прочие нации говорят на языках романской индоевропейской группы.

Балтийские племена поначалу заселили большую территорию на побережье, к югу и востоку от Балтийского моря. Но позже пруссы и ятвяги были истреблены, предки латышей покорены немцами, жемайты завоеваны поляками, а жившие восточнее растворились среди русских. Одни храбрые литовцы основали могучее государство и более двух с половиной тысяч лет не подчинялись никому.

Арийцы Востока Благоразумные армяне вообще далеко не пошли: сдвинулись только к югу, в Малую Азию, и к востоку, на Кавказ. Армяне знавали великие времена, строили и разрушали царства, внесли немалый вклад в культуру. Многие племена, особенно турки, завидовали армянам и пытались их истребить. Не останавливаясь на деяниях албанцев, фракийцев, иллирийцев, фригийцев, венетов (построивших Венецию), дардов, нуристанцев и прочих, вспомним только наших дальних родственников, отправившихся против хода солнца.

Племена, двинувшиеся из южнорусских степей на восток, медленно, но верно заселили Среднюю Азию (где основали Хорезм, Бактрию, Согдиану), Иран и Афганистан. Их мудрецы написали великую книгу «Авеста». Необъятное Персидское царство, столь досаждавшее грекам и павшее под мечом Александра Великого, было возведено ими. Храбрые парфяне разгромили затем легионы Марка Красса и упорно сражались с Римом. Скифы и сарматы вернулись в южнорусские степи и прославились как непобедимые всадники. Упрямство, с коим иранская группа племен пошла против солнца, объясняет характер афганцев, коих никто не может завоевать, и курдов, доселе упорно сражающихся за свободу.

Наконец, часть индоевропейских племен в конце II — начале I тыс. до н. э. пришла в Индию, мигом ее завоевала, установила господство ведийской (или ведической, от слова «веда» — знание) мифологии и записала ее сказания в книгах на ведийском языке и санскрите. «Ригведа», «Яджурведа» и другие книги являются важнейшим источником изучения языка и культуры древних предков индоевропейских народов.

Славяне в кругу народов Но не могли же все просто бросить домашние очаги и разойтись на четыре стороны?! И верно. Самое большое, сильное и добродушное племя осталось в южнорусских степях, разрослось и понемногу, не торопясь, к середине II тыс. до н. э. заселило большую часть Европы. Это были славяне. Не грозные, кровожадные боги, а

Мать Сыра Земля (после принятия христианства — Матерь Божья) осталась у них главной защитницей и помощницей человека.

Славянские женщины особенно красивы, умны, добры и трудолюбивы. Ведь они воплощают исконный идеал большей части индоевропейских народов. Выделяются славяне и миролюбием. Только любовь к быстрой езде выдает у них общие корни с многочисленными потомками свирепых воинов на бронзовых колесницах. Недаром птица-тройка, летящая по бескрайней земле, стала излюбленным символом мечтательной славянской души.

Осваивая землю, славяне никого не уничтожали, мирно соседствовали и даже роднились со многими народами. На севере они граничили с балтами — предками нынешних латышей и литовцев. А весь северо-восток Европы был населен многочисленными племенами финно-угорской группы. Владения прародителей эстонцев, мордвы, хантов, манси, марийцев, удмуртов, коми, венгров простирались от Восточной Прибалтики до Верхнего и Среднего Поволжья, бассейна реки Оки — и дальше на восток, через Прикамье и Приуралье, в Восточную Сибирь.

Эти таежные жители, охотники и рыболовы, вместе с близкими родичами-самоедами расселились до Оби и Саяно-Алтайского нагорья. Многие элементы их культуры сохранились у тунгусских племен и юкагиров. На Севере и Дальнем Востоке, по берегам Тихого и Ледовитого океанов, издревле жили чукчи, эскимосы, коряки, ительмены и алеуты. Они с изрядной сообразительностью приспособили свои обычаи, жилища и орудия к нелегким условиям жизни и отважно охотились на крупного морского зверя.

На северо-западе славяне дошли до Одры (Одера) и Лабы (Эльбы), а некоторые — так даже до верховьев Рейна. Южнее — заселили бассейны Днепра, Днестра, Буга, Прута и Дуная, осели на Балканах и вышли к Адриатике. Граничили, значит, с древними германцами, кельтами, италийцами и македонцами. На восток от владений наших предков лежала Азия, откуда время от времени являлись дальнородственные индоиранские конники вперемешку с племенами вовсе неведомыми.

С юго-востока у славян было Предкавказье. Там они граничили с небольшими, но гордыми и свободолюбивыми народами кавказской языковой группы: абхазами, адыгами, вайнахами, грузинами, аварцами, даргинцами, лакцами, лезгинами и прочими. В общем, не счесть было у славян соседей самого разного обличья и нравов.

??

1. Как вы думаете, почему Северное Причерноморье стало прародиной индоевропейцев?

2. Что помогало индоевропейским племенам расселиться на столь обширной территории?

3. Назовите потомков индоевропейских племен на Западе и на Востоке.

4. Какое место занимают в группе индоевропейских народов славяне?

5. Какие племена с древних пор соседствовали со славянами?

Глава 2
СЛАВЯНЕ И ВЕЛИКАЯ СКИФИЯ

§ 4. О КОМ ПИСАЛ «ОТЕЦ ИСТОРИИ»

Как мы узнаём о древнем прошлом? Многое дают археологические источники, помогают лингвистика и топонимика, изучающие древние языки, происхождение названий вещей и мест. Но настоящая история, как утверждал еще 300 лет назад Сильвестр Медведев, это история письменная. Не следует только забывать, что первые рассказы письменных источников обычно являются мифами.

Начало любого древнего народа легендарно. Поэтому и фантастические детали, переплетаясь с фактами, ценятся далекими потомками, благодарными старинным, пусть не вполне правдивым рассказчикам. Где-то в глубине туманных сказаний о народах, живших к северу от Черного моря, кроются первые неясные известия о предках славян и мире, в котором они обитали.

«Отцом истории» прозвали древнегреческого историка V в. до н. э. Геродота. Многие страны и народы описал он в своей «Истории греко-персидских войн», местами очень точно, местами подменяя факты мифами. Рассказал Геродот и о народах Северного Причерноморья, среди которых древнейшими считал киммерийцев.

Киммерийцы «Славных героев божественный род. Называют их люди полубогами» — так писал греческий поэт Гесиод о людях, живших на стыке бронзового и железного веков. Эпоха железа началась на рубеже II—I тыс. до н. э. Она несла с собой формирование чисто скотоводческого хозяйства, превратившего степи Евразии в арену переселений могучих племен, катившихся волнами с востока на запад.

Природно-хозяйственные зоны определились. По кромке бескрайних степей и лесов Европы развивалось оседлое земледелие. Севернее, в густых хвойных лесах и непроходимой тайге, утвердились племена охотников и рыболовов. Даже у Полярного круга, в тундре, налаживали свой быт люди. А на Крайнем Севере и Дальнем Востоке спускали свои лодки в ледяные волны морские зверобои.

Необжитых земель почти не осталось: народы сталкивались, смешивались и теснили друг друга. Уже из глубин Центральной Азии появились потрясшие тысячи лет спустя всю вселенную тюркоязычные монголоиды, медленно, как бы копя энергию к будущему броску, двинулись на север, в сибирскую тайгу, и на запад — к Уралу, Средней Азии, Кавказу. С востока же на Северное Причерноморье обрушились могучие индоевропейские племена киммерийцев.

Именно в VIII—VII вв., когда писал Гесиод, союз киммерийских племен процветал в южнорусских степях до самого Днестра. Высокими курганами — могилами царей — отмечены места обитания этих сильных воинов, постепенно учившихся ковать железо и строить из камня. Конница их, проходя через Кавказ и Балканы, вторгалась в Малую и Переднюю Азию. Киммерийцы громили войска ассирийского царя Ашшурбанипала, добирались до Египта, не замечая, что рядом с ними в Переднюю Азию врываются орды нового индоиранского народа — скифов. Однажды киммерийцы обнаружили, что земли от Дона до Днестра заняты новыми хозяевами. Но войны между двумя народами не произошло, по крайней мере, как свидетельствует Геродот.

«Скифы-кочевники» Утвердившие свое господство в Причерноморье скифы были самыми настоящими кочевниками. Геродот пишет, что у них не было городов и селений, вся их жизнь проходила на коне или в кибитке. В войнах с ассирийцами, персами и греками неуловимые скифские всадники, метко стрелявшие на полном скаку из тугих луков, а в ближнем бою использовавшие копья, легкие щиты и короткие мечи-акинаки, были непобедимы. Свободные общинники не делили внутри рода собственность, выбирали военных вождей и подчинялись своим обожествленным царям, власть которых ограничивали царский совет и народное собрание.

Царей этот народ хоронил в высоких курганах с оружием, конями и наложницами, осыпав золотыми украшениями, выполненными в знаменитом зверином стиле: кони, олени, коз-

лы, лоси, барсы, львы, медведи и фантастические чудища как бы застыли в вечном движении на золоте ножен и рукоятей мечей, колчанов и кубков. Но и самого простого воина не клали в могилу без оружия. Только женщин сопровождали в загробный путь все те же пряслица да несколько незатейливых украшений.

В конце V в. до н. э. скифы построили на Нижнем Днепре свою столицу — Неаполь. Город превратился в торговый и металлургический центр. Но лучшие ювелирные изделия скифы покупали у греков, продавая скот, хлеб, меха и рабов. Главное — все больше и больше хлеба, кормившего все греческие владения и сказочно обогащавшего целую сеть возникших в Северном Причерноморье греческих торговых городов. Геродот, разумеется, постарался ответить: откуда у скифов хлеб?

«Скифы-пахари»

«Отец истории» четко отделяет «скифов-скотоводов» и царских скифов (коих считает правящим племенем) от «скифов-пахарей», которых называет «сколотами». Пахари, продававшие грекам хлеб, жили по берегам Днепра и западнее до Днестра. Геродот, убежденный, как все греки, что скифы суть варвары, додумался написать, что пахари сами не употребляют хлеба и выращивают его исключительно для дани и торговли. Чем питалось сельскохозяйственное население, отнесенное к «скифам-пахарям», остается только гадать.

Мы знаем, однако, что греческие колонии в Северном Причерноморье основывались именно для закупки хлеба и что землепашцы производили его в изрядном количестве еще при киммерийцах. В древнегреческой мифологии существует даже рассказ, что, когда боги научили греков земледелию и их герой понес эти знания по миру, именно днепровские племена оказались единственными, кто такими знаниями уже располагал. Греки и позже не желали верить, будто можно продавать столько хлеба, сколько поставляли на рынок пахари Северного Причерноморья, кормя еще и самих себя. Но какое место на самом деле занимали пахари в союзе различных племен, обобщенно именуемых скифами?

Согласно Геродоту, скифские племена верили, что ведут свой род от трех сыновей Таргитая — сына верховного божества и дочери Борисфена (реки Днепра). Бог-Отец не оставил своих земных потомков без небесных даров. С неба к скифам упали плуг, воловье ярмо, секира и чаша — все из чистого золота. Только младший сын Таргитая Колаксай сумел под-

нять эти предметы с земли. Он стал владыкой Скифии и разделил царство между своими сыновьями.

По расчетам академика Б. А. Рыбакова, владения «сколотов», или «скифов-пахарей», относились к местам древнего расселения славян, находились в районе развивавшихся на протяжении тысячелетий земледельческих культур. Так что рассказы о киммерийцах и скифах содержат частицы известий о предках россиян. Но что же сами славяне не рассказывали легенд о своем древнейшем прошлом? Почему же нет: вот вам самая интересная.

1. Какие хозяйственно-природные зоны определились на рубеже бронзового и железного веков?

2. Что нам известно о киммерийцах?

3. Чем знамениты скифы?

4. Как относились друг к другу «скифы-кочевники» и «скифы-пахари»?

§ 5. СКАЗАНИЕ О НАЧАЛЕ РУСИ

«История о начале Русской земли и о создании Новгорода и откуда влечется род славянских князей» дошла до нас в рукописях не ранее середины XVII в. Однако легенда известна по сочинениям западных славян гораздо раньше. Мы используем лучшее ее изложение летописцем Исидором Сназиным, сделанное около 1683 г.

Родоначальники Во время Всемирного потопа спаслась только семья праведного Ноя. На второй год, как спала вода, Ной завещал своему любимому сыну Афету властвовать над всеми западными и северными странами. Пока властвовать было не над кем. Однако люди вновь расплодились, возгордились и даже стали строить в Вавилоне столп — башню до самого неба. Вот и пришлось Богу перемешать людям языки, чтобы не могли понимать друг друга и сделаться небожителями.

Через 130 лет после Потопа (согласно подсчетам летописца — в 3135 г. до н. э.) сын Афета Мосох пришел с племенем своим от Вавилона и заселил земли на север от Причерноморья и Приазовья. Правнуки Афета Скиф и Казардан основали Великую Скифию. По прошествии времени потомки их столь расплодились, что из-за тесноты места начались распри, меж-

доусобие и вражда. Боролись пять князей-братьев: Словен, Рус, Болгор, Коман и Истер. Объективности ради сказитель добавил: от их же славного племени и «каган-сыроядец выскочил» (знакомый нам по былинам враг Руси).

Словен и Рус, как самые мудрые и храбрые из князей, первыми поняли, что так жить негоже. «Разве наша земля, — говорили они, — это уже вся вселенная? Неужто нет в наследии Афета другой земли, к поселению человеку угодной? Ведь мы слышали от отцов, что Ной благословил Афета всей землей западного и северного ветров! Ныне, братия и други, послушайте совета нашего. Оставим вражду из-за тесноты. Подвигнемся от этой земли и пойдем по свету, унаследованному от прадедов, куда нас приведет счастье!»

Люба была речь князей всем людям. И в 2409 г. до н. э. пошли Словен и Рус со своими родовичами от Черного моря прочь. Ходили они по странам вселенной, как крылатые орлы, перелетали пустыни многие, ища себе места на поселение. Во многих местах останавливались — и бросали их, нигде не обретая покоя.

14 лет путешествовали князья, пока не дошли до озера Мойска, которое потом называться стало в честь сестры их Ирмеры Ильмень-озером. Здесь колдовство повелело путешественникам остановиться. Старший князь Словен с родом своим и всеми, кто был под рукою его, осел на реке, что звалась тогда Мутная — впоследствии же наименовалась Волхов во имя старшего сына Словена — Волхва.

В 2395 г. до н. э. князь Словен построил город на реке Волхов и назвал его по имени своему Словенск. С того времени новопришельцы скифы начали именоваться словенами. Ведь они понимали слово друг друга в отличие от не знающих их языка немцев, то есть бессловесных, немых. Потом, стяжав во всем мире славу, привыкли называться славянами, как поныне слывут. Брат Словена Рус поселился на некотором расстоянии от Словенска, у Соленого Студенца. Здесь он создал град меж двух рек и назвал его Руса. В его честь славяне именовались также русью.

Осев у Ильменя, стали славяне обустраиваться и давать всему имена. Реку, впадавшую в Ильмень, прозвали во имя жены Словена Шелони. А именем его младшего сына Волховца назвали Оборотню — протоку, что течет из реки Волхова и вновь возвращается в нее.

Волхв, старший сын Словена, слыл чародеем. Говорили, что он, прикинувшись, например, лютым зверем крокодилом,

подстерегал на реке Волхове не покоряющихся ему — одних пожирал, других топил. Люди тогда думали: уж не сам ли бог грома Перун в Волхве воплощен? И правда, молился княжий сын Перуну, поставил идола его недалеко от Словенска, а вокруг возвел храм-капище. В этом капище любил Волхв ночами предаваться мечтам и колдовать.

Много рассказывают о волшебстве, что творил Волхв, и о том, как пропал он. Одни говорят, что одолели Перунова жреца демоны, с которыми он сражался. Другие верили, что нечистую силу Волхв победил — и заскучал. Тогда собрал дружину и устремился прямо на царство Индийское: царя тамошнего и воинов истребил, а красных девиц и жен за себя и воинов своих замуж взял. С тех пор славяне с индийцами нравами и языком сходны.

Словен и Рус осваивали земли и строили города, гласит легенда, когда все другие народы еще пребывали в дикости и забвении. Даже древние евреи, об истории которых рассказывает Библия, явили себя миру позднее. От основания великого града Словенска до появления у народа израильского своего героя, многострадального Иова, прошло 462 года, до пророка Моисея — 902 года, а до Иисуса Навина — аж 945 лет!

К тому времени Словен и Рус, жившие между собой в любви великой, давно померли. После них сыновья и внуки княжили, добыли богатство великое мечом и луком. Владели они северными странами во всему Поморью до пределов Ледовитого океана, землями по рекам Печоре, Выми, Оби и далее. Там брали дорогой ценою зверя соболя. Ходили и на Египетские страны воевать, многую храбрость показали в Иерусалимских странах и великий страх на все южные земли наводили. Словом, недаром именовались славянами. Это сам Александр Македонский подтвердил.

Златые письмена

Через два тысячелетия после основания Великого Словенска самодержцем всей вселенной был македонский царь Александр, сын Филиппа. Когда дошел до него слух о славянах и русах, то собрал Александр советников и сказал: «Что сделать подобает с этими варварами — ратями ополчиться многими, разбить их и покорить в вечное рабство?»

Смело говорил царь, только неудобным показалось ему такое предприятие из-за дальнего пути, труднопроходимых морских вод и превысоких гор. Не растерялся Александр — тотчас послал к славянам богатые дары и собственной высокодержавной десницей златыми письменами начертал послание:

«Александр, царь царей и над царями бич божий, преславный рыцарь, всего света обладатель и всех, что под солнцем, грозный повелитель, непокорным яростный меч, всего света самодержец — честнейшими над честнейшими в далеком и незнаемом краю вашем.

От нашего величества честь, мир и милость вам и по вас храброму народу словенскому, славнейшему колену, русским князьям и владельцам от моря Варяжского (Балтийского) даже до моря Хвалынского (Каспийского), любезным и милым моим, храброму Великосану, мудрому Асану, счастливому Авесхану. Вечно поздравляю, будто самих вас лицом к лицу целую и сердечно принимаю, как друзей сердцу моему.

Сию милость даю вашему величеству: если какой народ вселится в пределах вашего княжества от моря Варяжского даже до моря Хвалынского — да будет вам и роду вашему подлежать вечному рабству. Во иные же пределы отнюдь да не вступит нога ваша.

Это достохвальное дело удостоверено нашим листом и подписано царскою высокодержавною правицею, и за природным нашим государским златокованым гербом привешенным дано вашей честности навечно в городе нашей постройки, в Великой Александрии, изволением великих богов Марса и Юпитера и богини Венеры, месяца первого начального дня».

«Славянорусские князья», сподобившиеся принять столь великую честь от самодержца, гласит сказание, это послание весьма почитали: повесили в божнице своей по правую сторону от идола Велеса, бога богатства, поклонялись сей грамоте и праздник в ее честь установили в первый день первого месяца.

Переселения Минуло немало столетий, пока утешенные Александровой грамотой славяне вновь проявили себя. В 420 г. два храбрых новгородских князя бились под самыми стенами Царьграда, и хотя один пал — другой возвратился восвояси со многим богатством. В то же самое время опустошил славянскую землю страшный мор. Словенск и Руса вконец опустели, так что дикие звери обитали в градах и плодились. Одни люди ушли на север и восток и назвались весь, другие на Дунай возвратились.

По прошествии времени пришли славяне с Дуная, подняв с собою скифов и болгар немало, и начали вновь те города строить, Словенск и Русу населять. Но налетели на них гунны, повоевали и города разрушили, землю словенскую опустошили вконец.

Много времени прошло, пока услышали жители Скифии от беглецов о земле праотцев своих, что лежит пуста и небрегома. Пожалели о том весьма и стали думать, как вновь наследовать землю предков? И вновь поднялось с Дуная множество славян бессчетное, а с ними скифы, болгары и иностранники. Пришли на землю Словена и Руса, сели опять близ озера Ирмеря и обновили град на новом месте, от старого Словенска вниз по Волхову. Нарекли его Новгород Великий и поставили старейшиной Гостомысла. Город Русу возвели на старом месте, поэтому она именуется Старая Руса.

Многие города люди построили и широко расселились по земле. Одни осели в полях и назвались поляне, другие — полочане — по реке Полоте, третьи — мазовшане, четвертые — жмутяне, а иные — бужане — по реке Бугу. Были также смоляне, чудь, ростовцы, древляне, моравы, сербы, болгары, северяне, лопь, мордва, мурома. И всякий, гласит сказание, своим прозванием именовался.

Сына старейшего князя Гостомысла звали Молодой Словен. Он пошел в земли чуди, там над рекою поставил град во имя свое и, прокняжив в нем три года, умер. Сын его Избор переменил тому граду имя — нарек в свою честь Изборск. Земля Русская тогда процветала и долгие годы почивала в спокойствии с премудрым Гостомыслом.

Когда Гостомысл пришел в глубокую старость, не мог уже владеть такими многочисленными народами и успокоить мятежные кровопролития в роде своем, призвал он к себе властителей русских, бывших под властью его, и с улыбкою сказал им: «Мужи, братья и сыновья! Состарился я сильно, крепость моя исчезает и ум отступает, жду только смерти. Вижу, что земля наша добра и всем изобильна, только не имеет в себе царя от рода царского. Потому и мятеж велик и неутишим, и междоусобие зло. Молю вас, послушайте меня и примите совет, который дам вам. После смерти моей идите за моря в Варяжскую землю и просите живущих там самодержцев, которые принадлежат к роду самого римского императора Августа, чтобы шли к вам княжить. Не стыдно вам таким покориться!»

И все возлюбили речь Гостомысла. Когда же он умер, проводили его до места, называемого Волотово поле, и там с честью погребли. Однако совета его не исполнили, неукротимо враждуя между собой. Племя шло на племя, город на город, князь на князя, да и внутри родов согласия не было. Так прошло, подсчитал летописец, около четырехсот лет.

??

1. Чем знамениты легендарные князья Словен и Рус?

2. К какому времени относили основание града Словенска и когда он получил название Новгород?

3. Почему Александр Македонский не пошел войной на славян?

4. Какими племенами правил Гостомысл?

§ 6. ВЕНЕДЫ, АНТЫ И СКЛАВИНЫ

Во II—I вв. до н. э. скифы были вытеснены из южнорусских степей их дальними родичами сарматами, обитавшими прежде в степях Дона, Волги и в Южном Приуралье. Сарматы превосходили скифов в бою длинными стальными мечами. Женщины занимали почетное место в сарматском обществе, были смелы и ловки, участвовали в охоте и войнах. Оружие и конская сбруя часто встречаются в погребениях сарматских жен, которые, как поговаривали соседи, командовали мужьями. Сарматов даже прозвали «женоуправляемыми».

Сарматы, славяне, готы

Славяне-земледельцы приняли сарматов мирно. Белокурые и длиннобородые пришельцы, прислушиваясь к совету жен, мигом поняли удобство оседлой жизни. Бывшие кочевые скотоводы заселили античные города Причерноморья, занялись сельским хозяйством, ремеслами и торговлей, не забывая при этом пасти скот. Могучие воины грозили Риму, но внутри их земель царило спокойствие.

Ко временам господства сарматов в степях и на побережье Черного моря относятся первые упоминания о славянах. Находки археологов подтверждают сведения римских авторов I в. н. э. о том, что Балтийское побережье от острова Рюгена до устья Вислы на севере, долина Эльбы, Богемские предгорья и Карпаты на юго-западе, Днепр и Десна на юго-востоке представляли собой район обитания венедов — как называли славян римляне и германцы.

В III в. н. э. на земли от Дона до Дуная, не миновав Приднепровья, пришли готы. Они обнаружили, что местные жители, пахавшие тяжелыми плугами, пренебрегали военным делом и не заботились об укреплении своих больших богатых сел. У славян были свои занятия: земледелие, скотоводство,

металлургия, ювелирное и гончарное дело, торговля. В IV в. готский король Германарих двинулся на «могущественных благодаря своей многочисленности» венедов, но в 375 г. империя его рухнула под натиском гуннов.

Историк готов Иордан говорит о трех известных ему племенных союзах славян: венедах, антах и склавинах. Часть готов во главе с новым королем Винитарием, «пробуя проявить свою силу», вторглась в пределы антов. Их вождь Бож нанес готам поражение, однако во второй битве попал в окружение и был казнен вместе с сыновьями и старейшинами. Через год гунны разгромили Винитария, а славяне поняли, что надо учиться воевать. И научились. «Теперь, по грехам нашим, они свирепствуют повсеместно», — горестно писал Иордан.

Гунны и авары Необходимость взять в руки оружие либо бежать в северные леса по-настоящему доказали славянам гунны. В конце IV в. они огнем и мечом прошли по землям Восточной и Центральной Европы. Южнорусские степи еще не знали такого свирепства скотоводов-кочевников, которые «все наполняли резней и ужасом». К счастью для Европы, в 453 г. вождь гуннов Аттила умер и держава его распалась под совместным натиском отчаявшихся народов.

Не прошло и ста лет, как на славян из-за Волги обрушились новые кочевники — авары. Первоначальная русская летопись называет их обрами. «Обры воевали против славян и примучили дулебов, славянское племя, и насилье творили женам дулебским: если поедет куда обрин, то не позволял запрячь коня или вола, но приказывал впрячь в телегу три, четыре или пять жен и везти его. И так мучили дулебов».

Даром это обрам не прошло. В 630-х гг. Аварский каганат рухнул. «Были обры телом велики и умом горды, — заметил русский летописец, — и Бог истребил их, померли все, и не осталось ни одного обрина. Есть притча на Руси до сего дня: «погибоша, аки обре», — то есть не оставив ни племени, ни наследника. К середине VII в., когда на Востоке появился новый, Хазарский каганат, славяне полностью прониклись значением оружия и военного искусства среди всех этих «великих переселений народов».

В могилах славян в изобилии появляются копья и мечи. Соседи, узрев, что земледельцев нельзя безнаказанно задевать, проникаются к ним вниманием и начинают много, хотя не всегда правдиво, писать о них. Особенно многословными стали византийские авторы, когда многочисленные вооруженные

племена славян заняли левобережье Дуная и начали вторгаться во владения империи.

Славяне в VI в. Стремление византийцев получше узнать славян стало особенно настойчивым после 533 г., когда те победили на Дунае имперского полководца Хильбудия. С тех пор, писал Прокопий Кесарийский, несмотря на целую цепь крепостей, «река навсегда стала доступной для перехода варваров по их желанию и римская область — совершенно открытой для их вторжения». За несколько десятилетий славянские отряды прошли Византию до самой Спарты. Их флот ходил по морям, омывающим Грецию, заглядывал на Крит, тревожил сам Царьград.

Однако византийский автор «Стратегикона» видел у славян слабости, которые в своем трактате по военному делу советовал использовать. «Так как между ними нет единомыслия, то они не собираются вместе, а если и соберутся, то решенное ими тотчас же нарушают другие, так как все они враждебны друг другу». Автор предлагал подкупать одних славянских князей и натравливать на других. Византийцы не останавливались перед убийством или приглашением на службу многих уважаемых славян.

Стратег отмечал, что, «не имея над собой главы и враждуя друг с другом, они не признают военного строя, не способны сражаться в правильной битве, показываться на открытых и ровных местах» иначе как для быстрого нападения и отступления. Зато леса, горы и реки — союзники славян. «Среди теснин они отлично умеют сражаться... с выгодой для себя пользуются засадами, внезапными атаками, хитростями и днем, и ночью, изобретая много разных способов. Опытны они также и в переправе через реки, превосходя в этом отношении всех людей». Тактика славян диктовалась и их легким оружием. «Каждый вооружен двумя небольшими копьями, некоторые имеют также щиты, прочные, но трудногпереносимые. Они пользуются также деревянными луками и небольшими стрелами, намоченными особым для стрел сильнодействующим ядом».

Стараясь изобразить противников дикарями, автор «Стратегикона» не скрывал, что его сочинение направлено на изыскание наилучших способов грабежа славянских селений, а не сражения с их военными отрядами. Не скрывая жадности, император говорит о «большом количестве разнообразного скота и плодов земных, лежащих в кучах, в особенности проса и

пшеницы». Он требует делить нападающее на славянскую деревню войско на две «банды: одни грабят, другие охраняют грабящих». При таком настроении соседей понятно, отчего славяне селятся «у неудобных рек и болот», строят много выходов из жилищ и прячут необходимое в тайниках, скрываются под водой и т. п. Почему же обычный грабеж рассматривался византийцами как опасная военная операция?

«Племена славян и антов, — читаем в «Стратегиконе», — сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе; их никоим образом нельзя склонить к рабству или к подчинению в своей стране. Они многочисленны, выносливы, легко переносят жар, холод, дождь, наготу, недостаток в пище». В то же время «к прибывающим к ним иноземцам относятся ласково и, оказывая им всяческие знаки расположения, при переходе их из одного места на другое охраняют их в случае надобности... считая долгом чести отомстить за чужеземца».

Славяне вызывают опасения византийцев, поскольку не признают рабства. Даже пленных держат определенный срок и предлагают на выбор: «желают ли они за известный выкуп возвратиться восвояси или остаться там... на положении свободных и друзей». Прокопий Кесарийский подметил еще более опасные для империи качества славян. «Эти племена, славяне и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве, и поэтому счастье или несчастье в жизни считается общим делом... Они считают, что один только бог, творец молний, является владыкой над всем... Судьбы они не знают и вообще не признают, что она по отношению к людям имеет какую-либо силу. И когда им грозит смерть, охваченным ли болезнью или на войне попавшим в опасное положение, то они дают обещание, если спасутся, тотчас же принести богу жертву за свою душу; избегнув смерти, они приносят в жертву то, что обещали, и думают, что спасение ими куплено ценой этой жертвы. Они почитают реки, нимф и всякие другие божества...»

Автор «Стратегикона» заметил в связи со славянскими нравами, что «скромность их женщин превышает всяческую человеческую природу, так что большинство их считает смерть своего мужа своей смертью и добровольно удушают себя, не считая пребывание во вдовстве за жизнь». В отличие от сего теоретика, предпочитавшего грабительские набеги, проведший много лет на войне Прокопий хорошо представляет, как славяне сражаются в поле. «Вступая в битву, большинство из

них идет на врагов со щитами и дротиками в руках, панцирей же они никогда не надевают. Иные не носят ни рубашек, ни плащей, а одни только штаны, подтянутые широким поясом на бедрах, и в таком виде идут на сражение с врагами... Они очень высокого роста и огромной силы».

В самом конце столетия своеобразный итог подобным рассуждениям подвел папа римский Григорий I, писавший своему епископу: «Славянский народ, так сильно угрожающий вам, смущает меня и огорчает. Огорчаюсь, ибо соболезную вам. Смущаюсь, ибо славяне из Истрии стали уже проникать в Италию... Но не советую вам впадать в отчаяние, ибо тем, кто будет жить после нас, суждено увидеть еще худшее».

Неприятелям действительно предстояло ужаснуться, когда разрозненные славянские племена объединились в сильные государства, самым могущественным из которых стала Древняя Русь.

1. Как уживались славяне и сарматы?

2. Под какими именами славяне были известны античным авторам?

3. Как складывались отношения славян с готами, гуннами и аварами?

4. Почему славяне стали опасными соседями Византии?

Глава 3
СЛАВЯНЕ И ДРЕВНЯЯ РУСЬ

§ 7. ОБРАЗОВАНИЕ СЛАВЯНСКИХ ГОСУДАРСТВ

Обычно государство представляется как механизм угнетения большинства народа для выгоды и удовольствия пользующегося властью меньшинства. Чаще всего так оно и получается. Многие государства даже возникают путем завоевания одного народа другим: правители и ведут себя как завоеватели. Но вообще-то в основе создания большинства государств лежит идея объединения усилий людей для общей цели, общей пользы создающего государство народа. Это может быть защита от врагов, освобождение от иноземного ига, наконец, совместное обогащение путем грабежа более слабых и разрозненных племен (как обычно бывало у кочевников).

Условия появления государств Древние славянские племена состояли из родов и возглавлялись выборным вождем, подотчетным совету старейшин и народному собранию. Первобытные народоправство (по-гречески — демократия) и республика (что на латыни означает «общее дело») были основой объединения родов в племя, а племен в союзы. Со временем внутренние и внешние причины потребовали более прочного объединения славян путем создания особого аппарата власти — государства.

Чем больше слабел род и укреплялось хозяйство одной земледельческой семьи («дыма» — очага и «рала» — плуга), тем большая возникала нужда в новой форме объединения. Ведь «дым» одной семьи был беззащитнее, чем большой многолюдный род. Мало того что кругом снуют алчные иноземцы: чуть зазевался — и тебя уже ограбили, а не то и убили. Так и раз-

богатевший сосед норовит обидеть, обобрать или закабалить: помочь ссудой, чтоб тебя же и потомков твоих заставить на себя — боярина — работать. Древний старейшина уже не может толком защитить от боярина, но продолжает держаться за свою родовую власть над «дымами». От внешних врагов обороняет военный вождь — князь с его испытанными в боях опытными ратниками: дружиной. Их, конечно, надо сообща кормить и одевать. Зато князь может рассудить и с боярином, и со старейшиной, если власть его уже достаточно сильна.

Князья становились сильнее с умножением числа и умения воинов-дружинников. Оружие совершенствовалось, но владение им требовало все лучшей выучки и немалых расходов. Разоряемые тут и там врагами славяне убедились, что силушка не заменит воинской смекалки, сноровки и оснащения. Когда византийцы, к примеру, осуществляют хитроумный план грабежа славянских селений, собирать народное ополчение некогда — люди спешат свои дома оборонить. Тут нужна дружина, всегда готовая отразить захватчиков. А потом еще отомстить неприятелю, добыть славу и богатство, укрепляющие власть князя.

Под защитой князя и дружины заниматься ремеслом и хранить товары для торговли надежнее и выгоднее, чем в укрепленном селянами городище. Горожане, как и землепашцы, содержат своего защитника и судью — дают князю дань. Только одному племени уже не отбиться от врагов: помните, как «примучили» обры дулебов? И кто пресечет распри между племенами?! Ссорились-то славяне постоянно — особенно любили друг у друга девиц красть, да и других причин хватало. Настало время славянским племенам сменить мелких князей с маленькими дружинами на великих князей с большим войском, большой властью и большими запросами. Платить изрядную дань и в особенности покоряться власти великого князя не хотелось никому, но это было дешевле беззакония, вражеских грабежей и племенных ссор.

Общего славянского государства возникнуть не могло: племена занимали большую часть Европы, жили в разных географических и климатических условиях, общались с непохожими соседями и сталкивались с собственными проблемами. Сходство исторических судеб, постепенно складывавшиеся особенности языка и культуры позволяют разделить славян на три группы: западных, южных и восточных. Но в масштабах этих огромных групп государственное строительство было делом весьма трудным. В VII—IX вв. западные и южные славя-

не образовали несколько государств в соответствии со сложившимися племенными объединениями.

Западные славяне В самом центре Европы жило богатое и славное племя чехов. Зарились на чешские закрома германцы: сначала тюринги, а потом грозные франки. Пока чехи от них отбивались, с другой стороны навалились авары: обры наших летописей. Покорив чехов, устроили завоеватели в Центральной Европе Аварский каганат. Но восстали славяне под предводительством Само и победили обров, а Само выбрали в 623 г. князем. С его княжества ведет начало государство Чешское. В нем знаменит был правитель Крок, чей золотой стол (престол) стоял в Вышеграде над Влтавою. Трех вещих дочерей оставил Крок, и чехи мудрейшую из них — Любушу — сделали владычицей. Дева выбрала мужем себе земледельца Пршемысла. От этой пары пошли владыки, смело рубившиеся с ратями франков. Те упорно покушались на славянские земли, но через Чехию не прошли.

Воинственные франки, объединенные в самом начале IX в. Карлом Великим, носившим титул римского императора, хитростью завоевали племя бодричей (их земля — совр. Мекленбург) и живших южнее лужичей, между Одрой и Лабой (реки теперь зовутся Одер и Эльба). Бодричи помогли императору осилить мужественных саксов, а Карл в благодарность за помощь подсобил им побить лужичей. Из-за чего враждовали бодричи и союзное им славянское племя сербов с лужичами — неведомо. Но когда лужичи стали данниками Карла, попали под германскую пяту сами бодричи, а сербы бежали к своим родичам на юг.

Покорил император и моравов, однако германцы не смогли удержать этот лакомый кусок земли. Во второй четверти IX в. князь Моймир принял христианство и основал Моравское государство. После него князь Ростислав сражался против короля Людовика и, видя, что католическое духовенство стоит за германцев, в 862 г. призвал в Моравию славянских проповедников, святых равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия. Они стали учить православной вере на родном наречии и с помощью изобретенной ими азбуки перевели на славянский язык богослужебные книги.

Севернее, от Карпат до самых берегов Балтики, на реках Одре, Висле и Варте, жило многолюдное и заносчивое племя ляхов, соседствуя с мазовшанами и лужичами. Ляхи, то есть поляки, издревле славились как храбрые воины, хитрые тор-

говцы и непревзойденные хвастуны. Они рассказывали, что в давние времена ими правил род Попела, но в 860 г. Семовит, сын земледельца Пяста, захватил престол и стал княжить. Хотя досаждали полякам германцы с запада и дикие лесные племена с востока, государство Польское крепло и ширилось. Со временем Польша приняла католическую веру и латинский алфавит, но язык и обычаи сохранила славянские. Поклоняются они больше Богородице, чем Христу, и издревле почитают жен. Потому, наверное, одно время польская знать — шляхта — упорно доказывала, что происходит не от славян, как простые землепашцы, а от женоуправляемых сарматов.

Южные славяне По-иному возникло сильное государство южных славян — царство Болгарское. Сами болгары были пришельцами из Азии, осевшими в VII—VIII вв. в Поволжье. Здесь под благотворным влиянием местного населения они перешли к земледелию, освоили ремесла и торговлю, построили города. Однако Волжская Болгария не смогла отбиться от новых кочевых орд — хазар. Часть болгар во главе с ханом Аспарухом не захотела сидеть на месте и в 679 г. объявилась на Дунае, захватив власть над разрозненными славянскими племенами. Пришельцы вскоре растворились среди славян, оставив после себя лишь название государства.

Болгарские князья вели долгие и кровавые войны с Византийской империей. В середине IX в. болгарский князь Борис принял крещение от святого Мефодия, когда тот с братом Кириллом направлялся в Моравию. В 919 г. князь Симеон, не желая ни в чем уступать императору, стал царем Болгарии. Войны Симеона с Византией, поддержанные набегами ладейного флота Руси, расширили территорию царства. Симеон скончался в 927 г., заключив с Византией мир и женив сына Петра на внучке императора, но греки, выплачивая болгарам дань, строили против них коварные планы, в которые вскоре пришлось вмешаться русским...

Не одним болгарам полюбились южные земли. Еще в VII в. многие славянские племена, заключив союз с Константинополем, вошли в имперскую Иллирию, изгнали оттуда аваров и основали новые области: Хорватию, Словению, Сербию, Боснию, Крайну, Каринтию, Штирию и Далмацию. Тамошние старейшины — жупаны были воинственны и не стремились к объединению. Южные славяне сохранили многое от древней культуры, но едва ли не сильнее всех страдали от войн.

1. Вспомните, как возникали государства, которые вы изучали по истории древнего мира и средних веков.

2. Что побуждало славян создавать свои государства?

3. Какие государства появились у западных и южных славян?

4. Велики ли были различия в языке и культуре славян во времена образования ими государств?

§ 8. ИСТОКИ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Лучшие условия для строительства единого государства имели восточные славяне. Процесс образования Древнерусского государства начался с Новгорода. Климат там был хуже, чем в южнорусских и даже прибалтийских районах; возделывать землю было труднее, и урожай собирали скудный. Но земля Новгородская лежала на перекрестье водных путей между Севером и Югом, Азией и Европой.

Система водных путей

Европейская Россия обладает исполинскими речными системами, которые орошают ее и связывают единой сетью все районы. Два направления плавания считаются особенно важными. С Балтики на юг и через Днепр в Черное море, Юго-Восточную Европу и Переднюю Азию — «из варяг в греки». В Новгородской земле начинался и Волжский торговый путь, соединяющий Европу со Средней и Центральной Азией. Реки служили главными дорогами сквозь густые леса, разделявшие множество осевших по берегам славянских племен.

Древняя летопись подробно рассказывает нам, как назывались эти племена и где жили. Новгородские словене владели обширной озерной территорией на севере. Границами их земель служили волоки — участки, где суда приходилось тащить по суше, — между внутренней системой рек и озер (выводящей в Балтику) и водными системами Волги, Днепра, Западной и Северной Двины. Посмотрите на карту — и увидите, что именно новгородцам открывались пути к освоению севера и востока (населенного заволочской чудью), к свободному путешествию на восток, юг и запад, в земли, уже занятые союзными и родственными племенами.

Поплыв из Новгорода на восток, мы переволоклись бы в речку Медведицу — приток Волги, и остановились в одном из

новгородских форпостов на Волжской водной системе с характерными названиями: Торжок, Волок Ламский, Бежецк. Эти торговые места, перевалочные пункты, были издавна спорными между новгородцами и жителями Верхней Волги, главным образом мерей. Финно-угорское племя меря, издревле вошедшее в орбиту славянской цивилизации, справедливо рассматривалось летописцами как одно из племен, образовавших Древнерусское государство.

Главным городом мери был Ростов Великий на озере Неро, связанном рекой Которостью с Волгой. Чуть выше по течению в Волгу впадала Шексна, текущая из новгородского Белого озера, вокруг которого тесно сплетались интересы словен и мери. Ведь оттуда, через переволоки, открывался путь в Онежское и (по реке Свирь) Ладожское озера, а из последнего Нева вела в Финский залив. На север от Белоозера лежал путь по реке Онеге в Белое море, а по Сухоне — в Северную Двину и Вычегду, по которой нетрудно было достичь уже бассейна Печоры.

На юго-западе с владениями Новгорода была тесно связана земля большого славянского племени кривичей. Их владения охватывали верховья Волги, Днепра и Западной Двины, систему Чудского и Псковского озер. Но кривичи не были едины: они тяготели к трем городам на трех водных системах. У Чудского озера — к Изборску (позднее — Пскову). На Западной Двине кривичи тяготели к Полоцку, а у истоков Днепра — к Смоленску. Истоки Волги и Западной Двины сходились в земле кривичей.

Правда, плыть по Двине в Балтийское море пришлось бы отчасти через земли воинственной литвы и жмуди. Легче было бы подняться волжским притоком Тверцою на север, перейти через волок в Мсту и сплавиться в Ильмень. Мста и Тверца служили рубежами кривичей с новгородцами и ростовцами. Наконец, вывезти на Балтику то, что ввезено или произведено во владениях кривичей, можно было через смирную чудь в низовьях Чудской водной системы. Новгородцы, осторожно распространявшие здесь свое влияние, не могли ссориться с кривичами. Только средневековые западные авторы полагали, что «из варяг в греки» лежит сплошной водный путь. На самом деле между словенской рекой Ловатью и Верхним Днепром, где кривичи благоразумно построили град Смоленск, приходилось идти волоком до Двины и лишь затем переволочься в Днепр. Миновать Западную Двину было нельзя. Вот почему стоявший на ней Полоцк, а затем и днепровский Смоленск стали такими важными городами при создании Древнерусского государства.

Днепр-батюшка Днепровская водная система давала жизнь большинству восточнославянских племен. Кроме словен и части кривичей только вятичи, в поисках, как видно, места глухого и отдаленного, осели в дремучих лесах по реке Оке. Радимичи же облюбовали место рядом с южными кривичами, расселившись вдоль Сожа — левого притока Днепра. Городом их был Любеч, стоявший близ впадения Сожа в Днепр. По своему положению радимичи зависели от Смоленска, державшего ключи между системами Волги, Днепра и Двины.

Кривичи же полоцкие, в древние времена прозванные полочанами, оказывали сильное влияние на дреговичей, занимавших обширные земли южнее Западной Двины по правому берегу Днепра до самой Припяти. Землю дреговичей связывала с Днепром река Березина с притоками, на севере столь близко подходившими к притокам Двины, что там сам собою возник волок.

К югу от дреговичей бассейн Припяти с его густыми лесами заселили древляне. Даже город их — Искоростень был упрятан в чащобах. По притокам Припяти лежал, однако, путь на запад, в земли волынян на Буге, через которые можно было попасть к ляхам на Вислу, через ее верховья в Карпатах — к моравам и чехам, или двинуться на юг по Днестру, на восточном берегу которого лежали земли племени тиверцев, а на западном — уличей.

Левобережье Днепра занимали северяне, жившие по берегам реки Десны и ее многочисленных притоков. На Десне стоял град северян Чернигов. Это сильное племя в стремлении к плодородным землям юга заняло также бассейны Сейма, Сулы и Донца, который доселе в напоминание о древних жителях называется Северским. Через Северский Донец открывался путь на Дон, оттуда волоком в Волгу и Каспий или прямо — в Азовское море. Однако путь через южнорусские степи был опасен из-за рыскавших в поисках добычи кочевников.

По правому берегу Днепра от Припяти спускались к югу владения богатого племени полян с центром в Киеве. Он находился на самых плодородных землях, испокон веков кормивших хлебом и славян, и греков. Возникший примерно в VI в. Киев играл роль южного форпоста Руси на торговом пути к черноморским странам. Легенда рассказывает, что Киев был основан тремя братьями-полянами — Кием, Щеком, Хоривом — и сестрой их Лыбедью. В те времена поляне жили отдельными родами. Так, видно, с родом своим поселился каж-

дый брат на холмах над Днепром: «Кий на горе, где ныне подъем Боричев, Щек сидел на горе, которая ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, которая прозвалась по нему Хоревицей. И построили градок во имя старшего своего брата, и назвали его Киев».

У Киева был перевоз через Днепр, но киевский летописец был крайне раздражен рассказами, будто основатель стольного града работал перевозчиком. «Если бы Кий был перевозчиком, — написано в летописи, — то не ходил бы к Царьграду. А между тем Кий княжил в роде своем, и ходил он к царю... ведаем, что по рассказам великие почести воздал ему тот царь, при котором он приходил. Когда же он возвращался, то пришел на Дунай, облюбовал место и срубил небольшой город, — хотел обосноваться в нем со своим родом; но не дали ему близ живущие. Так и доныне называют придунайские жители городище то — Киевец. Кий же, вернувшись в свой город Киев, тут и умер; и братья его Щек и Хорив и сестра их Лыбедь тут же скончались. И по смерти братьев потомство их стало держать княжение у полян, а у древлян было свое княжение, у дреговичей свое, у словен в Новгороде свое, а другое на реке Полоте, где полочане...»

Славянские и соседственные финно-угорские племена, по словам летописца, жили между собой в мире, хотя поляне «имеют обычай отцов своих тихий и кроткий... имеют и обычай брачный... А древляне... радимичи, вятичи и северяне имели общий обычай... браков у них не было, но устраивались игрища между селами, и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни. И здесь умыкали себе жен по сговору с ними; имели по две и по три жены. И если кто умирал, то устраивали по нем тризну, а затем... сжигали».

При различии в обычаях восточнославянские племена были тесно связаны водными путями, имели города и княжескую власть, правда, как показывает пример Киева, довольно слабую. Киевский князь не мог защитить полян от притеснений древлян, а хазары пришли и сказали попросту: «Платите нам дань», — и пришлось платить. Поэтому когда к Киеву пришли из Новгорода на ладьях сильные мужи Аскольд и Дир, киевляне только и смогли сказать со вздохом: «А мы тут сидим и платим дань хазарам».

Аскольд и Дир без сопротивления взяли власть над Киевом, нуждавшимся в сильном и воинственном князе, способном защитить их от соседей. Подобные князья время от времени появлялись — не было лишь предводителя, способного

объединить многие племена и основать могучее государство. Для образования государства у восточных славян уже сложились условия, возникла и постепенно укреплялась в сознании потребность в сильной единой власти.

Русский меч Множество восточных, византийских и западных источников рассказывает о восточнославянских племенах перед тем, как они объединились в Древнюю Русь. Часто в этих рассказах фигурирует булатный меч— грозное оружие и свидетельство довольно высокого по тем временам уровня технологии. «Русы — а они из славянских племен — ...продают шкуры бобра, черной лисицы и мечи»,— отметил арабский ученый Ибн Хордабе. Чуть позже персидский автор «Книги пределов мира» с завистью писал, что в Киеве «выделываются разнообразные меха и ценные мечи», причем в «стране Рус» «изготавливают очень ценные клинки и мечи, которые можно согнуть пополам и они снова распрямляются сами».

Восточные торговцы были знакомы с богатыми русскими купцами, приходившими на многих кораблях. Арабы писали, что у русов есть большие и малые князья, хорошо вооруженное рыцарство и уважаемые жрецы, есть даже жены, готовые принести себя в жертву на огненных похоронах мужа. В древнем персидском «Рассуждении о стране Рус» сказано, что земля эта чрезвычайно богато одарена природой всем, что необходимо, и необычайно обширна. Жители ее «непокорны, держатся вызывающе, любят спорить, воинственны. Они воюют со всеми неверными, которые живут вокруг их страны, и одерживают победы». Однако победы давались при одном условии: объединении племен вокруг сильного князя. Иначе всем без исключения грозило поражение и покорение воинственными соседями.

В качестве дани упоминаются русские мечи в летописном рассказе о хазарах, «примучивших» племена полян, северян и вятичей. Если последние откупались серебром и мехами, то поляне сами предложили давать по мечу с «дыма», намекая на свое превосходство над вооруженными саблями хазарами. Хазар, по словам киевского летописца, мучили в этой связи тяжкие предчувствия, однако отказаться от дани они и не подумали. Ведь в отличие от славян они уже создали государство.

В VII в. Хазарский каганат стал могущественнейшей державой в Северном Причерноморье. Он на равных сражался с Византией и арабами, стремительно растекавшимися по зем-

ле под знаменем ислама. Багдадский халиф и его наместники заключали союзы с хазарами и женились на дочерях кагана. А тот еще более укрепил экономику страны, приняв изгнанных из Византии евреев и сделав государственной религией иудаизм. Держа в руках низовья Волги и Дон, хазары обложили пошлиной торговлю тех славянских племен, которые не платили им дань.

Веротерпимых и постепенно склонявшихся к оседлости хазар еще можно было выносить. Даже лихие конники венгры, покинув на Урале своих родичей хантов и манси и в первой половине IX в. примчавшись в степи Приазовья, Дона и Северского Донца, вскоре ушли в Паннонию, где и основали королевство. Но жестокие печенеги, согнавшие с пастбищ венгерские орды, завоевали кочевья западнее хазар, как раз по обе стороны Днепра. Именно эти «бесчеловечные и дикие племена», по словам послов «народа рос», записанных в «Бертинских анналах», перерезали торговые пути к Черному морю и уже точили сабли для похода на южных славян.

Что же, славяне не умели своим замечательным оружием владеть? Еще как умели! Византийские авторы писали о славянах не иначе как с ужасом. Еще на рубеже VIII и IX вв. в Крым «пришла рать великая русская из Новгорода, князь Бравлин весьма силен, и, попленив все от Корсуня до Корчева, со многой силою пришел к Сурожу. Десять дней продолжалась злая битва, и через десять дней Бравлин, силою взломав железные ворота, вошел в город».

Два-три десятилетия спустя на материковые владения Византии «было нашествие варваров, руси, народа, как все знают, в высшей степени дикого и грубого». Сея вокруг смерть, «этот губительный на деле и по имени народ, начав разорение от Босфора и посетив прочее побережье», ставил на месте разрушенных храмов свои алтари и, по словам митрополита Никейского Игнатия, поклонялся «лугам, источникам, деревьям».

Около 860 г. сам патриарх Фотий видел со стен Константинополя, как русы, «народ грубый и жестокий окружает город, расхищает городские предместья, все истребляет... всех поражает мечом!» Кто, взывал он к небесам, этот народ, «достигший блистательной высоты и несметного богатства, народ, где-то далеко от нас живущий... гордящийся оружием?» Это «многими многократно прославленные... так называемые русы, которые, поработив находящихся вокруг себя и отсюда помыслив о себе высокое, подняли руки и против Ромейской державы!»

Временно объединив силы, русы способны были повергнуть в трепет Царьград, но племенам северным, казалось, не было дела до того, что южные должны платить дань хуже вооруженным хазарам. Однако от отсутствия взаимопомощи страдали и новгородцы. «В лето 859, — с грустью писал летописец, — варяги из-за моря брали дань на чуди, и на словенах, и на мери, и на всех кривичах. А хазары брали на полянах, и на северянах, и на вятичах». Племена восточных славян стояли перед альтернативой: объединение или завоевание и разграбление иноземцами.

Легенда о Рюрике В 862 г. новгородцы «изгнали варягов за море, и не дали им дани, и стали сами собой владеть». Но вольнолюбивые и своенравные словене едва не передрались между собой. Уже род вставал на род, уже началась усобица, пишет летописец, когда новгородцы сумели опомниться. Вспомнили они совет древнего старейшины Гостомысла и, чтобы никакому роду не было обидно, решили пригласить князя со стороны (как часто потом делали). Согласно легенде в 862 г. общее посольство чуди, словен, кривичей «и всех» отыскало за морем трех братьев-варягов: Рюрика, Синеуса и Трувора. Их и посадили княжить в Новгороде, на Белоозере и в Изборске.

Кем были летописные варяги, историки спорят до сего дня. Одни говорят, что это разбойники-викинги, другие — что немцы, третьи — что пруссы, четвертые — что так назывались братья-славяне. Есть основания считать, что и братьев-то никаких у Рюрика не было. Что ж, легенда есть легенда: может, само призвание варягов выдумано князьями, желавшими вести род от иноземного корня, возведенного со временем к римскому императору Августу.

Как бы то ни было, сам Рюрик (коему по легенде шел уж восьмой десяток) большой роли не сыграл. Главное, что северные роды и племена в этот момент прекратили междоусобие, доверившись суду княжьих наместников. Как словене в Новгороде приняли Рюрика, так «мужи» его стали судить кривичей в Полоцке, весь в Белоозере, мерю в Ростове и мурому в Муроме. В 879 г. Рюрик умер, оставив после себя малолетнего сына Игоря, а править до его совершеннолетия завещал родичу — Олегу.

Олег, благодаря своей прозорливости прозванный Вещим, быстро смекнул, что не только северные, но и южные племена вдоль великого пути «из варяг в греки» готовы к объедине-

нию. Повсюду землепашцы и ремесленники, бортники и охотники утомлены ссорами и оскорблены иноземными данями. Достаточно было поставить перед их мужами высокую цель — войти в число владык могучего и славного государства. Чтобы повести за собой воинов всех племен, следовало показать способности вождя: ограбить, к примеру, сам Константинополь.

Другой бы на месте Олега поспешил. Ведь ему было известно, что некие Аскольд и Дир, обосновавшись в Киеве и устроив там, по выражению историка С. М. Соловьева, «притон варягов... стали вождями довольно многочисленной шайки». Собрав дружину, Аскольд и Дир «избили множество печенегов», дали урок древлянам, издавна обижавшим полян, и лишь потом собрались в разбойный поход на юг. Пошли на 200 ладьях от Днепра по морю вдоль берега, поссорились с уличами, затем с болгарами, и тех и других победили. Царьград содрогнулся от ужаса, но буря разбила ладьи. Аскольд и Дир вернулись с добычей, однако без того успеха, который сделал бы их желанными вождями восточнославянских племен.

Вещий Олег

Вещий Олег тем временем тщательно готовился совершить деяние, которое запомнилось бы на века и воплотило в сказочное богатство важнейшее достояние славянских племен: путь «из варяг в греки». Унаследовав в 879 г. власть Рюрика, Олег только три года правил в Новгороде, да и те потратил на укрепление дружины и сбор ополчения из подвластных племен: словен, чуди, мери, веси да кривичей. С сей ратью пошел Олег по великому торговому пути из подвластного ему Полоцка через волок на Днепр. Первым делом он явился в Смоленск и немедля посадил там своего наместника. Спускаясь по течению Днепра, войско пришло в землю северян и заняло город Любеч.

К Киеву Олег в 882 г. приплыл как купец, оставив бóльшую часть ладей позади. На своем корабле он спрятал отборных воинов. Правившие в Киеве Аскольд и Дир вышли посмотреть на товары приезжих — и тотчас были убиты. Горожане и дружина покорились Олегу. Путь к богатствам Византии был открыт. Однако Олег не спешил с обещанным царьградским походом. Сначала он хотел распространить свою власть на племена по обе стороны Днепра.

В 883 г. пошел Олег на запад от Днепра и покорил древлян. Воины их влились в Олегово войско, а остальные должны были давать каждый год по черной кунице с «дыма». В следующем году он двинулся на восток и углубился в земли

северян, плативших дань хазарам. «Я враг хазарам, а вовсе не вам», — говорил Олег. Северяне усомнились, но Олег победил их и установил дань легкую.

В 885 г. Олег послал сказать радимичам: «Не давайте хазарам, но платите мне». Подумали радимичи — и стали возить в Киев такую же дань, как раньше хазарам. Но Олег на этом не успокоился: покорил дулебов и хорватов, воевал с уличами и тиверцами. Только в 907 г., посадив во всех городах свои дружины и укрепив владения крепостями, двинулся Олег в великий поход на Византию. Целых две тысячи кораблей одолели пороги Днепра и вышли в Черное море. В каждой ладье плыло по 40 мужей, да еще часть войска шла на конях берегом.

Ужаснулись греки, затворили ворота Константинополя, а вход в гавань перегородили огромной цепью. Но воины Олега не спешили осаждать город. Высадившись на цветущий берег, они оправдали худшие опасения византийцев: разграбили все начисто, разрушили дворцы и храмы, убили и замучили всех, кто не успел убежать. Согласно легенде Олег велел поставить ладьи на колеса. Подняв паруса, славянское воинство с попутным ветром пошло по суху, аки по морю, к стенам города. «Не губи! — возопили греки к Олегу. — Дадим тебе дань какую захочешь!» И первым делом послали вдоволь отравленной пищи и вина. Но Вещий Олег знал проделки хитрых греков — сам есть не стал и другим не дал.

«Горе нам! — разволновались царьградцы, не ожидавшие от варвара такой проницательности. — Это не Олег, но сам святой Дмитрий, посланный на нас от Бога!» А князь постарался, чтобы память о нем осталась надолго. Когда он прибил на городских воротах свой щит в знак победы, горожане лишь усмехнулись. Но когда назвал цену выкупа — заплакали. На каждый из 2 тыс. кораблей взял князь по 12 гривен серебра на весло, да паруса велел сшить для своей дружины шелковые, а для ополчения — из полотна тонкой выделки. К тому же Олег взял дань для городов, где сидели его наместники: Киева, Чернигова, Переяславля, Полоцка, Ростова, Любеча и прочих. Еще, пока греки не опомнились, договорился, чтобы русские купцы и послы вольно приходили в Царьград и жили за счет греков по 6 месяцев, мылись сколько захотят в банях и, собираясь в обратный путь, получали на дорогу все запасы.

На том и помирились. Византийские императоры Лев VI и Александр поклялись соблюдать договор на кресте. Олег с мужами по закону русскому клялись оружием, Перуном — богом грома, покровителем дружин, и Велесом — богом богатст-

ва и торговли. Нагрузили русские свои ладьи золотом, серебром, шелками и всяким узорочьем, плодами и винами да и двинулись восвояси. С тех пор стали русские вольно торговать в Константинополе.

В 911 г. послы князя Олега подписали новый договор со статьями, как судить и казнить виновных в преступлениях, случавшихся при торговле. Оберегая купцов, греки и русские обязались взаимно помогать потерпевшим кораблекрушение у своих берегов, позволять им продать товар и провожать с честью домой. Также пленных греков и русских договорились обязательно выкупать по одной цене и отправлять на родину, беглых слуг возвращать хозяевам, а имущество умерших за границей — наследникам. Наконец, русским наемникам позволялось служить у императоров.

По подсчетам летописца, княжил Олег на Руси тридцать три года. Племена восточных славян были объединены и исправно платили дань. За счет нее содержалась сильная дружина, способная поддержать мир. Говорят, что ходил Олег и к Волге, на хазар, чтобы отвадить их от набегов. Богатства Руси прирастали вольным торгом с Византией. Север и Юг спорят, кому принадлежит могила вещего князя. Новгородцы уверяют, что перед смертью он пришел в их земли и был похоронен в Ладоге. Киевляне же записали целое предание о смерти Олега, широко известное в стихах Пушкина.

1. Какие географические особенности больше всего способствовали объединению восточных славян?

2. Почему на рубеже VIII и IX вв. славяне были одновременно грозными врагами и добычей для соседних племен и государств?

3. Что заставило новгородцев искать себе князя на стороне?

4. Сравните роли Рюрика, Аскольда и Дира, Вещего Олега в образовании государства у восточных славян.

5. Какое значение имел поход Олега на Византию?

§ 9. КНЯГИНЯ ОЛЬГА

Олег объединил значительную часть восточных славян под властью князя в Киеве и его наместников в городах. Племена платили дань, получая взамен защиту, возможность обогатиться за счет военной добычи и выгодной торговлей. Миссия

мудрого военного вождя этим исчерпывалась. Для строительства Древнерусской державы требовался государственный деятель. Им-то и стала княгиня Ольга, которую летописцы считают праправнучкой легендарного Гостомысла. Не от стремления к власти сделалась Ольга строительницей государства, а вследствие слабости мужа своего Игоря.

Игорь Старый С младенчества князь Игорь Рюрикович воспитывался старшим родичем Вещим Олегом. С 903 г., как только Игорь стал взрослым, женил его Олег на псковитянке Ольге и стал посылать вместо себя собирать с племен дань. Когда Олег ходил на Царьград, Игорь оставался править за него в Киеве. Но как только вещего князя не стало, гордые древляне взбунтовались, отказавшись платить дань тому, кто всю жизнь «ходил по Олеге», был лишь тенью великого вождя. В 914 г. Игорь воевал с древлянами, вновь покорил их и обложил данью больше прежней. И затем больше четверти века ничего значительного не совершил, только помирился с печенегами.

В 941 г. Игорь решил отличиться: повел на Царьград 10 тыс. ладей. Но еще не доплыв до места, бросились воины Игоря грабить берега, разбиты были византийскими воеводами, а в море их ладьи пожег греческий флот. Вернувшись из бесславного похода, Игорь стал собирать огромное воинство, особенно приглашая варягов, нанял и печенегов. Пошли они в 944 г. морем и сушей на Византию. Только добрались до Дуная — встретили послов от императора с дарами. Стал Игорь советоваться с воинами, но каков князь — такова и дружина. «Зачем биться и еще, чего доброго, помирать, — сказали участники совета, — коли можно без боя взять золото, серебро и шелка!» Взяли дань и пошли восвояси.

Греки поняли, что Игоря бояться нечего. Они подтвердили старый Олегов договор о мире и торговле, но с разными обидными для купцов Русской земли ограничениями. В особенности не хотели византийцы, чтобы русские закреплялись на южных землях. В Константинополе и даже в устье Днепра им по договору зимовать не разрешалось. Зато греческие владения в Крыму князь Игорь обещал не трогать и оберегать от дунайских болгар.

Не особо храбрый князь Игорь был еще и ленив. Знай сидел себе в Киеве, в то время как его воеводы и воины подчиненных племен промышляли на свой страх и риск. Одни вместе с воеводой Свенельдом три года осаждали Пересечен, главный город

уличей, и покорили-таки это племя. Другие целыми ватагами уходили в Византию и воевали под императорскими знаменами в Италии. Третьи по Волге выходили в Каспийское море, промышляя по берегам его до самого Азербайджана: где торговали, а где и воевали. «Народ этот мужественный, — писал арабский историк о росах, взявших в 943 г. богатый город Бердаа, — телосложение у них крупное, мужество большое, не знают они бегства».

Сиднем сидевшая в Киеве дружина в конце концов возмутилась: воины наместников княжьих оделись и вооружились на славу, а те, кто служит самому Игорю, чуть не голыми ходят! Пришлось князю в 945 г. самому вести дружину за данью к древлянам. На обратном пути показалось Игорю добычи мало. Отпустил он дружину домой, а сам с малым числом воинов вернулся, «желая большего имения». «Да этот жадный волк всех нас задерет!» — решили древляне. Во главе с князем Малом взялись они за оружие и перебили грабителей, а самого Игоря предали лютой казни.

Месть Ольги К вдове Игоря княгине Ольге, растившей маленького сына Святослава, древляне не питали вражды. Убив старого Игоря, которому шел уже седьмой десяток, послали они в Киев двенадцать знатных послов. Те приплыли в ладье и явились к княгине в каменный терем.

— Добрые гости пришли, — сказала вдова Игоря.

— Пришли, княгиня, — ответили древляне.

— Говорите, зачем пришли сюда.

— Послала нас Древлянская земля с такими словами: «Мужа твоего мы убили, ибо муж твой, как волк, расхищал и грабил, а наши князья добрые, потому что спасли Древлянскую землю. Пойди замуж за князя нашего Мала!»

— Люба мне речь ваша, — сказала Ольга, — уже мне мужа своего не воскресить. Но хочу почтить вас завтра утром перед людьми своими. Ныне идите в ладью и ложитесь спать. Я утром пошлю за вами, а вы говорите: не поедем на конях и пешими не пойдем, но несите нас в ладье! И понесут вас в ладье.

Отпустила Ольга древлян, а сама велела выкопать на дворе у терема огромную яму. По обычаю, должна она была отомстить за мужа. Кровная месть служила тогда законом, защитой общества. Не княгине было нарушать его. Однако дело не только в обычае. Может, был князь Мал мудр и собой хорош, но маленький Святослав, сын Ольги от Игоря, ему бы мешал. Чего не сделает мать ради безопасности сына, даже если грозит ему целое племя!

Поутру случилось все так, как Ольга умыслила. Заставили древляне нести себя на холм к терему в ладье. Дотащили их киевляне — да и бросили с ладьей в яму. Склонилась над нею Ольга и спросила: «Добра ли вам честь?» — «Хуже Игоревой смерти!» — закричали древляне. И велела княгиня засыпать яму. Погребли древлян живыми. А Ольга послала к мятежному племени сказать: «Коли вправду просите меня замуж, то пришлите людей познатнее, чтобы с великой честью идти за князя вашего, а то не отпустят меня киевляне». Обрадовались древляне, не зная, что случилось с первым посольством, и тотчас нарядили сватами самых знатных своих правителей. Их Ольга пригласила в баню и сожгла.

И вновь послала к древлянам: «Уже иду к вам, готовьте хмельного меда побольше у града, где убили мужа моего. Поплачу на могиле его и устрою ему тризну». С малой дружиной пришла княгиня к древлянам, плакала и возвела курган над могилой Игоря, а во время тризны велела отрокам поить древлян. Когда же те упились, приказала дружине рубить врагов.

Много знатных древлян оросили кровью могилу Игоря. Но Ольге было этого мало: на следующий год, собрав войско, пошла княгиня с маленьким сыном покорять мятежное племя. Святослав выехал на битву, поддерживаемый по бокам суровыми воинами — учителем своим Асмундом и воеводой Свенельдом. С трудом бросил мальчик боевое копье через голову коня — упало оно коню в ноги. Но воины вскричали: «Князь начал, вперед, дружина, за князем!»

В жестокой сече древляне были разбиты. Все города Древлянской земли обязались платить дань, только Искоростень стоял неприступно все лето. Но и его взяла Ольга хитростью. Старейшин она казнила, других сделала рабами, а жителей заставила платить тяжкую дань, ибо уже свершилась месть за Игоря.

Строительница Руси

Суровой расправой над древлянами премудрая Ольга решила сразу несколько проблем. Безнаказанность древлян позволила бы и другим племенам отказаться от дани Киеву. А восшествие князя Мала на киевский престол означало возвышение одного племени над другими, что непременно вело к усобице. Примерно отомстив, княгиня доказала, что достойна править ничуть не меньше князя, пока ее сын не достигнет совершеннолетия.

На самом деле Ольга была более прозорливой правительницей, чем большинство мужчин до и после нее. Совершив месть, княгиня принялась устанавливать в Древлянской зем-

ле, а затем и по всей Руси единый порядок уплаты дани и выполнения государственных работ. Со времен Олега князья и их воеводы ездили зимой в «полюдье», верша суд и собирая дань по закону силы. Ольга же занялась насаждением на территории всех племен единого княжеского права и определением обязанностей подданных.

Ее наместники должны были собирать установленный оброк и вершить княжий суд по уставу в определенных местах — погостах. Но для этого Ольге следовало самой объехать всю землю Русскую, наладить дороги и перевозы между речными системами. Княгиня должна была так разместить погосты, чтобы не обидеть людей, живших на торных путях, отяготив их данями и работами за счет благоденствующих в глухих, недоступных княжеским людям местах. Более двадцати лет трудилась неутомимая Ольга, превращая военное объединение племен в единое государственное хозяйство.

Подвиг княгини поражал древних летописцев, находивших следы ее деятельности на всей Русской земле. Не только по Днепру и Десне — на самом крайнем северо-востоке владений новгородских, там, где граничили они с ростовцами и другими обитателями Верхней Волги, установлены были по реке Мсте Ольгины погосты и дани. На северо-западе, по реке Луге, укрепились по завету княгини дани и оброки. Псковичи не одно столетие хранили сани, на которых объезжала Ольга их земли. Ловища для птиц и охотничьи угодья связывались с именем Ольги у всех племен.

Царьградская добыча

Прежние князья киевские совершали походы на Константинополь. Ольга и здесь не уступила, победив византийцев не силою оружия, но острым умом. Со свитой из знатных женщин, в окружении русских послов, купцов и переводчиков княгиня отправилась в Царьград. Чиновники императора Константина Багрянородного вели себя высокомерно. Гостей долго продержали в гавани, а когда соизволили пригласить на прием во дворец, отвели Ольге место между знатными гречанками. Княгиня промолчала, но использовала это унижение против византийцев: когда все гречанки пали перед императрицей ниц, Ольга лишь слегка поклонилась. Император, описавший прием Ольги, понял ошибку блюстителей придворного протокола. Он сам беседовал с княгиней и приглашал ее обедать за столом со своим семейством.

Русское предание рассказывает, что Константин был настолько сражен красотой и разумом Ольги, что возжаждал сде-

лать ее императрицей. Мудрая княгиня отвечала ему: «Я язычница. Если хочешь крестить меня — крести сам, иначе не крещусь». Император и константинопольский патриарх Полиевкт торжественно крестили Ольгу, дав ей христианское имя Елена. Как же был разочарован Константин, когда на предложение выйти за него замуж услыхал от княгини, что христианский закон это запрещает — ведь она теперь его крестная дочь!

Этот рассказ летописи не соответствует действительности, но показывает, сколь русские книжники гордились княгиней и стремились восславить ее мудрость. Как бы то ни было, получив от императора дары, Ольга вернулась на Русь с бесценным для государства сокровищем — православной верой. Христианство при ней не стало религией господствующей, но постепенно распространялось на Руси под покровительством благочестивой княгини, и здесь глядевшей дальше иных государственных мужей.

Византийцы, рассчитывавшие через крещение Ольги и распространение христианства укрепить свое политическое влияние на Руси, просчитались. Когда императорские послы в Киеве стали просить обещанные княгиней войско и дары, Ольга велела передать Константину: «тогда тебе дам, если простоишь на Почайне столько, сколько я в царьградской гавани». Возможно, и этот ответ придуман летописцем, хотевшим подчеркнуть, что Ольга не позволила Византии представить Русь своим вассалом, обязанным службой и данью. Более того, данницей в глазах своих подданных княгиня сделала Византию, добившись с помощью мирного посольства того же, чего князья достигали силой.

1. Какие события происходили на Руси в княжение Игоря?

2. Почему Ольга жестоко расправилась с древлянами?

3. Какова роль княгини в истории Древнерусского государства?

4. Какие личные качества проявились в деяниях Ольги?

§ 10. СВЯТОСЛАВ

Обустраивая Русь, великая княгиня Ольга немало заботилась и о воспитании своего сына Святослава. Из него вырос, как говорили тогда, пардус — леопард, воин «с конца копья вскормленный». Ольга сделала все, чтобы укрепить едва сло-

жившееся государство. Князь-полководец мог усилить Русь стократ, завоевав своим подданным господство над торговыми путями. Жертва премудрой княгини, посвятившей сына подвигам ратным, далеким от забот матери о мирном землеустроении, была не напрасной. С именем Святослава связано в нашем Отечестве представление о воинской доблести, чести и славе русского оружия, прогремевшей по всему миру.

Первые подвиги Обычай требовал, чтобы мальчика обучали воины — наставниками княжича стали опытнейшие ратоборцы Свенельд и Асмунд. Когда Святослав подрос и возмужал, стал он собирать в дружину к себе множество храбрых воинов, способных, как и он, легко ходить в дальних походах, не возя с собой ни котлов, ни шатров. Ольга позаботилась, чтобы сыну было чем привлечь в дружину: две трети оброка, собиравшегося на Руси, шло в Киев для князя, и только треть оставалась во дворце правительницы в Вышгороде. Когда в 964 г. князь стал взрослым, он имел отлично вооруженную и обученную дружину, неутомимую и храбрую — себе под стать.

По словам летописца, князь «посылал к странам, говоря: «Хочу идти на вас!» Трудно было поверить, что Святослав бросает вызов многим соседям и собирается с равным успехом сразиться с ними на конях, на боевых ладьях и в пешем строю. Но так оно и было. Первым делом Святослав обратился на восток, где для Древнерусского государства складывалось положение неудобное и даже обидное. Русь владела огромными территориями на северо-востоке, ладьи первопроходцев ходили по Ледовитому океану, и уже открывались бескрайние азиатские земли. Но уже на Оке вятичи не признавали княжеской власти. В среднем течении Волги стояла Волжская Булгария, то требовавшая от русских купцов пошлины, а то и грабившая их. Ниже, в Поволжье и Донских степях гнездился слабеющий, но еще опасный Хазарский каганат. В Прикаспии помимо множества воинственных племен появились мусульманские войска под зеленым знаменем Пророка. Не то что торговать — грабить было несподручно!

Порядок на востоке Святослав начал наводить с вятичей. Он прошел с дружиной по Оке до самой Волги, но вятичи извернулись. «Мы, — говорят, — платим дань хазарам. Как завоевать уже завоеванных?» Тогда послал Святослав сказать «Иду на вы» хазарам. Бросилась на русскую дружину лихая конница во главе с самим каганом. На этом история Хазар-

ского каганата и закончилась. Для полного разгрома хазар Святослав штурмом взял Саркел — крепость, построенную византийским инженером на искусственном острове у переправы через Дон. С тех пор она стала русской Белой Вежей. После этого князь со спокойной совестью мог пойти на Оку к вятичам. «Победил их и дань на них возложил».

На Волге флот Святослава из 500 ладей с 40 воинами на каждой показался невелик булгарам, запершимся в своей столице Булгаре. Русская дружина быстро убедила их в ошибке и, оставив догорать столицу Булгарии, отмстила неразумно нападавшей на русских путешественников мордве. Спускаясь по Волге, Святослав взял хазарские города Итиль и Хазаран, не упустил из виду и Семендер на Каспии. «Пришли на него, — грустно пишет арабский летописец Ибн Хаукаль, — русийи, и не осталось в городе ни винограда, ни изюма». Желающих воевать Святослав энергично преследовал, но мирному населению позволил беспрепятственно вернуться в завоеванные им города.

Пути от Балтики, Днепра и Дона до Каспия были теперь свободными от неприятеля. В предгорьях Кавказа, между Каспийским и Черным морями, жили воинственные племена ясов и касогов. Они не упустили случая напасть на Святослава, когда он шел с Каспия, чтобы основать русское княжество на Таманском полуострове. Князь победил и их, радуясь, что путешествие не было скучным. Столицей нового владения у входа в Азовское море он сделал Тмутаракань — древнюю греческую Гермонассу.

Поход на Дунай

Вернулся Святослав в Киев и погрузился в размышления: не время ли завоевать Крым, тем паче что Керчь он уже взял. В Крыму привлекательно выглядел славный город Херсонес, по-нашему Корсунь. Византийцы имели в нем важнейший передовой пункт торговли со славянами, перекупая товар в ущерб русским купцам. Открыто не пускать на юг русских купцов мешали старые договоры. Но греки подкупали печенегов, подстерегавших купцов на Днепровских порогах. Затем русским ладьям приходилось идти вдоль берегов не вполне дружественной Болгарии. Наконец, купцов обманывали и притесняли в Царьграде.

Русские, конечно, были не лыком шиты и везли товары на запад Европы через Балтийское море или трудным путем через Краков и Прагу. Средневековый французский поэт даже воспел красавицу, одетую в «русские шелка» — дорогую ма-

терию, доставленную нашим купцом с Востока. Но путь по Дунаю, пересекающему Европу, и в особенности через проливы в Средиземное море — средоточие тогдашней торговли, — бдительно охранялся перекупщиками-греками.

Опасаясь завоевания Русью Крыма, византийцы составили коварный план. Прислали Святославу богатые дары и предложили идти в поход на Дунай против болгарского царя Петра. Тот был союзником Византии, но император боялся и ненавидел «бедный и гнусный народ скифский» (как он изволил называть болгар). Пусть, думали в Царьграде, варвары истребляют друг друга! Святослав, посоветовавшись с матерью и старыми вельможами — боярами, выступил в поход на Болгарию. А византийцы тем временем предупредили царя Петра, чтобы он встретил русских с большим войском.

Едва пристали княжьи ладьи к берегу Дуная, бросилась на них тьма-тьмущая болгар. Дружинники спрыгнули с ладей, сомкнули щиты — и вскоре бежало все царское воинство. Сам Петр заперся в крепости и умер от горя. Но Святослав не захотел разорять Болгарию. Русские помирились со многими болгарскими владыками, правившими частями страны после смерти царя, и прочно обосновались в нижнем течении Дуная, сделав столицей своей град Переяславец. «Здесь середина земли моей, — сказал Святослав, — сюда стекаются все блага: из Греческой земли — золото, драгоценные ткани, вина и разные плоды; из Чехии и Венгрии — серебро и кони; с Руси же меха и воск, мед и рабы». Легко было с Дуная и продолжить завоевания на юге.

Однако византийцы использовали все свое хитроумие, чтобы помешать русским закрепиться в Болгарии. По их наущению орда кочевников-печенегов осадила Киев. Гонец княгини Ольги с трудом пробрался сквозь кольцо врагов. Храбрый воевода Претич с малой дружиной успел спасти город, но печенеги отступили недалеко. Киевляне воззвали к Святославу: «Ты, князь, ищешь чужой земли, а свою покинул. А нас чуть было не взяли печенеги, и мать твою, и детей твоих. Если не придешь и не защитишь, возьмут нас. Неужто не жаль тебе своей отчизны, матери и детей?!»

Спешно бросился Святослав с отборной дружиной к Киеву и прогнал печенегов. «Видишь, я больна, — говорила сыну Ольга, — куда хочешь уйти от меня? Когда похоронишь — отправляйся, куда желаешь!» Хоть и не любо было князю сидеть в Киеве, не покинул он мать. Только похоронив Ольгу по христианскому обычаю, решился уйти, однако не бросил стра-

ну без защиты и управления, а разделил города и дружину между тремя сыновьями.

Уже не как великий князь, а всего лишь как воевода форпоста Руси на юге, вновь устремился Святослав в Болгарию, набрав едва 10 тыс. воинов. Теперь ему предстояло воевать со всей Византийской империей, на престол которой взошел талантливый полководец Иоанн Цимисхий. Наконец-то князь встретил достойного противника и мог стяжать высшую воинскую славу!

Война с Византией

С тяжелым сердцем приближались русские к Переяславцу. Ведал князь, что войско нового болгарского царя Бориса погубило его дружинников и захватило город. Бесчисленные полки вышли из Переяславца навстречу русским ладьям. «Здесь нам и пасть! — закричал Святослав. — Постоим же мужественно, братья и дружина!» К вечеру одолел Святослав и взял город копьем. Но не стал мстить болгарам, не разорил их царство, а заключил мир с Борисом, оставил ему корону и армию, даже не тронул казну. Ибо узнал князь, что это греки болгар на него возмутили, желая, чтобы славяне перебили друг друга.

«Иду на вы, — объявил Святослав Византии, — брать столицу вашу!» Греки запричитали, что хотят платить дань, только не знают, на сколько воинов давать. «Нас 20 тысяч», — ответил князь, 10 тысяч прибавив к числу своих людей. «А у нас 100 тысяч!» — возрадовались греки и начали войну. С присоединившимися к нему народами князь двумя отрядами вторгся во Фракию. Друзья Святослава из болгар, венгров и печенегов погибли в сече с греческой армией. Узнав о поражении товарищей, князь поспешил ударить по главным силам неприятеля. Сверкая доспехами, заполнили обширную фракийскую равнину имперские легионы и закованные в тяжелые латы всадники. Русские встали против них, наподобие стены, перегородив поле своими щитами. Но шаталась стена, ибо страшилась испытанная дружина великого множества врагов. Видя это, Святослав сказал:

— Уже нам некуда деться, волей или неволей надо стоять. Да не посрамим земли Русской, но ляжем костьми, ибо мертвые сраму не имут. Если же побежим — осрамимся. Не отступим, но станем крепко. Я впереди вас пойду: если моя голова падет, тогда делайте что хотите.

— Где твоя голова, — закричали воины, — там и свои головы сложим!

Так гласит русское предание, записанное со слов участников битвы. А византийскому автору спасшиеся легионеры пересказали речь Святослава так:

— Погибнет слава, спутница русского оружия, если мы постыдно уступим грекам. С храбростью предков наших и мыслью, что русская сила была доселе непобедима, сразимся мужественно. У нас нет обычая бегством спасаться в свое отечество, но или жить победителями, или, совершив знаменитые подвиги, умереть со славою!

Дрогнули легионы, зная, что воины Святослава отважны и мужественны, больше смерти боятся позора, никогда не отступают и, даже побежденные, не сдаются. «И ополчилась Русь, и была сеча великая, и одолел Святослав, и бежали греки», — гласит летопись.

Беря по пути города, шел князь на Царьград. Послал император богатые дары — Святослав на них и не взглянул. Тогда прислали греки оружие: князь обрадовался и похвалил сталь. «Соглашайся на дань, — сказали советники императору, — ибо грозен и лют этот князь: презирает золото, а любит лишь острое железо». Святослав взял дань на живых и на каждого погибшего, говоря: «Род его возьмет». И ушел в Болгарию, потому что совсем мало осталось с ним воинов.

Последние битвы Святослава

На следующий год император Иоанн Цимисхий нарушил мир и с огромной армией осадил столицу Болгарии Преслав. Болгары стойко защищались. Греки обманом взяли город и пленили болгарского царя. Русский отряд до последнего бился в охваченном огнем дворце. Дружинники предпочли сгореть, но не сдаться. Святослав встретил врага под стенами крепости Доростол. Сомкнув щиты, дружинники целый день стояли под бешеным натиском новых и новых легионов, пока князь не велел отойти в крепость.

Началась осада. Русские голодали, но продолжали ходить на вылазки. Святослав вызывал на бой императора. Однажды под знаменем Иоанна Цимисхия появился всадник в драгоценных латах. Князь сразил его, прорубившись через императорскую гвардию. Это оказался командир гвардейцев. Поняв, что Святослава ему не победить, Иоанн Цимисхий предложил мир. Князь приплыл к месту встречи в простой белой одежде и вел переговоры, сидя в ладье вместе с гребцами. Он был среднего роста, густобров и голубоглаз, с длинными усами и чу-

бом на бритой голове. На нем не было драгоценностей, кроме серьги в ухе. Князь согласился взять дары, заключить с Византией новый договор и вернуться на Русь.

Император, подкупив печенегов, уговорил их устроить засаду на Днепровских порогах. «Обойди, князь, пороги на конях, — советовал воевода Свенельд. — Не к добру стоят на порогах печенеги!» Но Святослав, казалось, искал смерти. Отправив Свенельда домой степью, князь с остатком дружины выбрал самый опасный путь к Киеву. Он не мог вернуться без победы и сложил свою буйну голову, как хотел, — в бою.

Все походы Святослава укладываются в несколько лет: с 965 по 972 г. Будто одним широким взмахом меча князь разрубил сковывавшие Русь путы и дал построенному его матерью государству мировую славу, соединившую племена между собой еще более крепко, чем выгода. Даже печенеги считали Святослава образцом воина и молились, чтобы их князья были похожи на него.

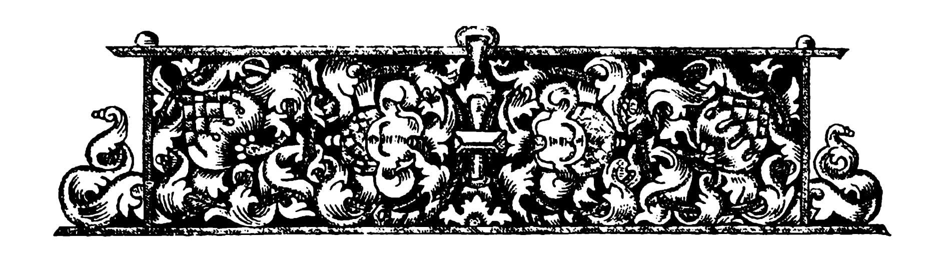

1. Что заставило Ольгу воспитать своего сына как воина?

2. Какие деяния совершил Святослав на востоке и юго-востоке?

3. Был ли смысл в походах Святослава на Дунай?

4. Почему князь больше жизни ценил честь и славу русского оружия?

Глава 4
ВРЕМЕНА БЫЛИННЫЕ

§ 11. ВЛАДИМИР КРАСНОЕ СОЛНЫШКО

Премудрое землеустроение княгини Ольги и походы Святослава создали условия для процветания Древнерусского государства. В неспокойном и часто враждебном мире объединенные племена восточных славян и финно-угров могли мирно трудиться и выгодно торговать под защитой княжеской власти. Страна богатела и расширялась, славилась по всему миру. Княжение сына Святослава князя Владимира веками вспоминал народ с гордостью как время богатырское, былинное. В образе Владимира Красное Солнышко слились воедино черты Владимира I и его потомка — Владимира Мономаха. В былинах Русь конца X — начала XII в. предстает одним героическим периодом. Но не забывали народные сказители о бедах и напастях, об опасных неприятелях, одолевавших Русь из-за княжеского своеволия и распрей.

Сын князя и рабыни Между двумя сыновьями разделил великий князь Святослав свои владения после смерти матери. Старшего сына Ярополка посадил он в 970 г. княжить в Киеве, а младшего, Олега, у древлян.

— Не хотим управляться наместниками! — возмутились новгородцы. — Если не дадите от своего рода — сами добудем себе князя!

— А кто бы пошел к вам? — полюбопытствовал Святослав, зная гордый и независимый нрав Новгорода.

Спросили Ярополка и Олега — те дружно отказались. Приуныли было новгородцы — да выручил их Добрыня, слуга княгини Ольги. Рассказал он, что есть у Святослава еще один

сын — Владимир, рожденный от Добрыниной сестры Малуши. Брата с сестрой взяла мудрая княгиня из Любеча, Добрыню сделала конюхом, потом стольником, а Малушу — своей ключницей. Доверенные слуги давали тогда клятву служить хозяину в вечном рабстве. А раб считался много ниже свободного человека. Когда появился на свет Владимир, послала Ольга его с матерью от княжьего двора подальше, в село Будутино. Потому мало кто знал, что родила Малуша Святославу сына-«робичича», то есть от рабыни.

— Дай нам Владимира! — сказали Святославу вольнолюбивые новгородцы. Киевские предрассудки их не трогали, да и воспитать маленького княжича они хотели по-своему.

— Вот он вам! — обрадовался Святослав.

Так и рос Владимир в Великом Новгороде, пока братья его не перессорились. В 975 г. Олег, коему было тогда не более 13 лет, убил заехавшего в его охотничьи угодья Люта — сына Свенельда, старого воеводы Святослава и советника Ярополка. Через два года 16-летний Ярополк объявил войну брату и вторгся в Древлянскую землю. Из сечи под Овручем бежала дружина Олегова, в панике столкнув своего князя с моста через крепостной ров. Сильно горевал Ярополк, когда нашел брата мертвым под горою тел, и обвинял Свенельда в случившемся. Не сами братья, а их властолюбивые советники начали эту войну.

Испугался Добрыня за жизнь своего племянника и бежал с Владимиром из Новгорода за море. Вся Русь теперь принадлежала Ярополку, а Владимир скитался с разбойниками-викингами по морям. Но в 980 г. вернулся Владимир в Новгород и прогнал посадников Ярополка: «Идите к брату моему и скажите — Владимир идет на тебя, готовься с ним биться!» Добрыня, руководивший действиями юного племянника, должен был спешить, пока сидевшие без дела викинги не начали буйствовать среди новгородцев, финансировавших поход на Киев. Спешно собирая войско среди словен, чуди и кривичей, Добрыня призывал постоять за старых добрых богов. Ведь мягкосердечный Ярополк, оставаясь язычником, благоволил к христианам.

Водный путь между Киевом и Новгородом лежал через княжество Полоцкое. Там правил Рогволд, имевший двух сыновей и дочь Рогнеду. Владимир и Ярополк посватались за нее одновременно.

— Хочешь ли выйти за Владимира? — спросил Рогволд у дочери.

— Не хочу разуть робичича, — заносчиво отвечала Рогнеда (по свадебному обряду свадьбы жена должна была разуть мужа). — Хочу за Ярополка!

Владимир с дядей немедля напали на Полоцк. Рогволд с сыновьями был убит, Рогнеду Владимир насильно взял в жены. Во главе большого войска юноша направился к Киеву, хотя и опасался дружины брата, выступившей на кривичей. Войска сошлись на реке Друче, в трех днях пути от Смоленска, но подкупленные Добрыней воеводы изменили киевскому князю. Ярополк, сердившийся на дружину за смерть брата Олега, не собирал больших полков в Киеве. Да и льстивые советники, замышлявшие предательство, уверяли князя, что младший брат против него — как синица против орла.

Особенно усердствовал советник Блуд. Он и стал главным предателем, выманив Ярополка из Киева, где князя поддерживали жители, в крепость Родню: там не было припасов и вскоре начался голод. Желая спасти своих людей, Ярополк начал переговоры о мире с братом. Коварный Блуд убеждал его, что Владимир не хочет кровопролития. Ярополка заманили в Киев и предательски убили прямо на княжьем дворе.

Заняв престол в Киеве, обманул Владимир и викингов. Вначале не дал грабить город, пообещав огромный выкуп. Через месяц, собравшись с силами и перекупив в свою новую дружину лучших из заморских ратников, предложил остальным убираться подобру-поздорову. Воины-разбойники уплыли на службу к византийскому императору, которого князь попросил ни под каким видом не пускать их обратно на Русь.

Богатырские пиры и заставы

Войдя в Киев завоевателем, Владимир стремился укрепить свою власть. Он следовал древним дружинным традициям с невиданным размахом, соответствующим богатству Русского государства. Бóльшая часть былин начинается с похвалы пирам Владимира Красное Солнышко. Часто по многу дней и недель кормил-поил князь дружинников. Старших — бояр — за своим белодубовым столом, середних — видных воинов — за столами подалее, младших, неотличившихся, и вовсе в сенях.

У индоевропейских народов, особенно северных — кельтов, славян и германцев, пирам вождей с воинами воздается превеликая хвала. А Владимир дружинные обычаи распространял на весь народ. Звал на свои пиры богатых купцов — гостей, знатных горожан — торговцев и ремесленников, приглашал и «мужиков деревенских». Выставлялись широкие столы

на княжий двор: заходи любой, ешь досыта и пей допьяна! К тому времени на Руси одни богаты были, другие — зажиточны, третьи — нищи и убоги. Чтоб не голодали бедные в промежутках между пирами и праздниками, приказал Владимир раздавать на своем дворе пищу и питье всякий день. И даже более: велел слугам грузить снедь на телеги и возить по городу, кормить-поить больных и неспособных ходить. Для дружины же ничего не жалел.

Закричали как-то раз в подпитии воины: «Зло есть нашим головам! Дал нам князь есть ложками деревянными!» Тогда пол-Европы вообще ложек не знало, руками обходилось. Но русский князь немедля велел сковать всем ложки драгоценные: «Серебром и златом не соберу дружины, а с дружиной добуду золото и серебро!» И точно — широко разлетелась слава о столе Владимира. Со всех сторон съезжались к нему богатыри.

Многие события последующих времен (особенно княжения Владимира Мономаха) перенесены сказителями ко двору Владимира, как западные предания перемещают героев к Круглому Столу короля Артура. Но заставы богатырские — и впрямь творение Владимира Святославича. Сильно досаждали Руси лихие налеты степняков-печенегов, ведь степи тогда простирались чуть не до самого Чернигова.

По четырем рекам, пересекающим степи и впадающим в Днепр слева, построил Владимир города и крепости, призвав в них воинов со всей Русской земли. Первыми встречали печенегов крепости на реке Суле; главная из них звалась Воинь. Следующая линия обороны шла по Трубежу, где на главном броде стоял град Переяславль. Пути к Чернигову прикрывались оборонительными линиями по рекам Остру и Десне.

На правом берегу Днепра стояла на горе крепость Витичев. Дальше прямую дорогу к Киеву заграждали крепости вдоль реки Стугны, соединенные валом. Позади них, на речке Ирпени, была выстроена большая крепость Белгород. А заставы, на которых служили и совершали свои подвиги былинные богатыри, уходили далеко в степи, в самые пасти многоглавого змея, как изображали кочевников в русских сказках.

Но не всегда удавалось вовремя предупредить о набеге и сдерживать врага, покуда соберет князь воинство. Не раз гибли заставы и горели крепости, угрожали враги стольному граду Киеву. Самому Владимиру случилось нежданно встретить с малой дружиной печенежскую орду. Едва спасся он после побоища, спрятавшись под мостом, хорошо еще вовремя подоспела подмога.

Войны и походы Владимир, особенно по молодости, был изрядный вояка, да и соседи буянили не только на юге. Чешский король Болеслав Благочестивый зарился на Червенскую землю, граничившую с древлянами, и уже отписал ее пражскому епископству. Но великий герцог польский Мечислав его опередил. Немцам было все равно: польский епископ был подчинен архиепископу магдебургскому. В 981 г. русская дружина разбила поляков, отобрав у них города Червоной Руси (современная Западная Украина). Местные жители, волыняне и хорваты, рады были спасению от свирепых христиан-католиков и не хотели, чтобы русские уходили. Владимир успокоил их, посадил в городах Галиче, Червене, Бельзе и других своих воевод, а в дружины набрал местных удальцов.

Червенская земля прочно вошла в Русское государство, но само оно было еще хрупким. Не успела победоносная дружина вернуться в Киев, как вятичи отказались платить дань. Пришлось князю идти на восток и, победив разрозненные рати, установить дань с каждого плуга. Однако и после поражения вятичи упорно не покорялись. Владимир целое лето ходил по их земле, подавляя очаги восстания и рассаживая всюду своих воевод.

Вятичи были земледельцы, хоть и лесные жители. А вот западные соседи дреговичей ятвяги вели буйную, полудикую жизнь. Желая их покорить, Владимир 983 г. провел среди густых лесов и болот на северо-западе. Он разорил городища ятвягов, но они попрятались в своих дебрях и потом еще столетия воевали с русскими.

В 984 г. Владимир отправился в поход на радимичей, живших в самом сердце Руси, на великом торговом пути между Смоленском и Черниговом. Воинство радимичей было разбито на реке Пищане отрядом Владимира, которым командовал воевода Волчий Хвост. К необходимости нести налоги и повозы — повинности по перевозке грузов, установленные радимичам еще Ольгой, — прибавилась обидная поговорка: «Пищанцы волчьего хвоста бегают!»

В 985 г. задумал Владимир, по примеру предков, большой поход для общей пользы. Противником князь избрал булгар, что жили в среднем течении Волги и звались серебряными. Они грабили купцов: русских, везущих товары на Восток, и арабских, идущих с Каспия. В поход устремились новгородцы с Добрыней, киевляне с Владимиром и ополчения многих земель, обозленных упадком восточной торговли. Тяжеловооруженная дружина шла на ладьях, конница торков и других со-

юзных племен двигалась сушей. Смело устремившиеся в бой булгары были разбиты и пленены.

Владимир принял выкуп, но по совету дяди завоевывать Серебряную Булгарию не стал. «Осмотрел я пленных, — сказал Добрыня князю, — они все в сапогах. С этих нам дани не собрать, богатые скорей удавятся, чем заплатят. Пойдем поищем себе лапотников!» Болгары, счастливые своим избавлением, клялись, что нарушат мир, только если камень станет плавать, а хмель тонуть. И какое-то время впрямь не слишком грабили.

Владимир тоже пару лет передохнул, прежде чем вновь собрал изрядное войско. На сей раз путь его лежал в Крым, на Корсунь. Корсуняне сражались героически, но предатель показал Владимиру, где перекопать подземный водопровод, и городу пришлось сдаться. Среди изрядной добычи русские увезли в Киев медные скульптуры, в том числе четырех коней. К тому же за Корсунь Владимир выторговал у императоров веру и царевну.

После этого князь успокоился, разве что сходил в 992 г. на белых хорватов в верховья Днестра, в Карпаты. О результатах хорватской войны летописи почему-то молчат. Однако есть известия, что в тот же год русские разгромили Мечислава Польского за Вислой. Как бы то ни было, до самой смерти в 1015 г. князь не начинал войн. Булгары, нарушая мир, просто вынуждали Владимира наказывать их в 994 и 997 гг., но в конце концов признали взаимовыгодный торговый договор. Князь договорился о дружбе с королями Стефаном Венгерским и Болеславом Чешским, помирился даже с великим герцогом польским Болеславом Храбрым, сыном Мечислава.

1. Как Владимир стал великим князем киевским?
2. Какое значение имели знаменитые пиры Владимира?
3. Что сделал князь для защиты страны?
4. Какие походы Владимира вам запомнились?

§ 12. ЯЗЫЧЕСТВО И ХРИСТИАНСТВО

Неустанно заботился Владимир об укреплении Древнерусского государства и своей княжеской власти. Единство каждой страны держится на общих интересах народа, поэтому Владимир энергично защищал страну от врагов, воевал с теми, кто мешал процветанию Руси, не стесняясь и отобрать богатство у

соседей. Единство опиралось на силу — князь не останавливался перед использованием ее против восставших племен и беспокойных соседей. Не меньше силы важна была объединяющая людей вера. Конечно, вера — в живые силы природы, духов и богов, борьбу добра и зла, единого Бога или человеческий разум — самоценная часть духовного богатства человека. Но Владимира вера волновала именно с точки зрения пользы для его государства, и вряд ли можно его за это осуждать.

Княжьи идолы Едва поселившись на княжьем дворе в Киеве, велел Владимир поставить на холме за теремным двором громадного дубового идола с серебряной головой и золотыми усами. Это был Перун — древний бог воинов, повелитель грома и молний, хранитель дружинной клятвы на мечах. Над всеми богами вознесся Владимиров Перун, как князь с верными дружинниками, пирующий в высоком тереме, возвышался над простым народом. Справа и слева от изображения Перуна, будто за пиршественным столом, на устроенном Владимиром капище были расставлены идолы пониже, чтобы ясно было, что боги не равны, и видели люди, кто главный.

Был здесь Стри́бог — создатель вселенной, обитавший на самом высоком, дед вихрей-ветров, которые одни могли донести до его обители весть о происходящем на земле, среди людей. Ниже находилось небо Да́ждьбога. Не было источника Даждьбогу-свету, ниоткуда не исходил он, но был виден и позволял видеть людям. Светил и согревал Даждьбог, позволяя родить земле, жить зверям, птицам и людям. Он даровал славянам календарь, чтобы можно было считать дни и лета. Благодаря Даждьбогу появились власти и налоги. Хорошо знали славяне, что свет и без солнца бывает: довольно съездить на Север и посмотреть на долгий белый день. Только свет светом, а любо людям красно солнышко — солнечный диск Хорс. Радовались славяне появлению Хорса на небе, приветствовали его хороводами, украшали дома резными «солнышками». Сразу по левую руку от Перуна поставил его идола Владимир, а летописец, описывая это княжье божественное собрание, и вовсе назвал Хорса после Перуна вторым.

Мать сыра земля — Мо́кошь — черным-черна, лежит внизу, под ногами. Из нее все живое выходит к небу-отцу и в нее все возвращается, чтобы родиться вновь и вновь. Она щедро дарует жизнь природе, порождает урожаи. Рог изобилия в руке Мокоши, вокруг нее пляшут русалки, от нее происходят

Род и Рожаницы. Любили славяне и грозного на вид зверя-птицу, крылатого пса Симаргла, обвитого нежными побегами. Он — верный спутник Мокоши, бог побегов и всходов, охраняющий посевы любимых своих славян-земледельцев. А те славят его: весной при посеве, летом, видя первые всходы, осенью, наслаждаясь урожаем, чествуют зимой, помня старое добро и надеясь на новое.

Хотел Владимир, чтобы это собрание богов стало всеми почитаемо и объединило людей на Руси. Но не мог самый большой и красивый идол в Киеве заменить людям разных мест и племен их привычных богов. Придет какой-нибудь радимич на княжье капище, посмотрит на собрание идолов — ничего не говорят его сердцу истуканы незнакомые. Кроме того, где же остальные боги?! Где главный соперник Перуна, древний бог скота, торговли и богатства Веле́с, где Сваро́г, добрый бог, который дал людям семью, огонь, научил делу кузнечному, подарил земледельцу плуг, где Род, отец славянского племени?

К тому же кровавых жертв требовали боги Владимира. Убивали перед истуканами мальчиков и девочек, испрашивая милости от идолов и устрашая людей. Кровожадный Перун радовался — а другие боги, особенно Мокошь, оскорблялись. У иных народов бывала богиня плодородия свирепой, требовала ужасных жертв. Но у славян-то сыра земля была доброй Матерью — кормилицей и источником силы своих детей. Недаром самые могучие богатыри, коли становилось туго, припадали к Матери сырой земле. Не удалась языческая реформа князя киевского, как рухнули, оставив лишь злую память, все последующие замешанные на крови начинания на нашей земле.

Выбор веры В 986 г. великий князь Владимир, по словам древнего летописца, всерьез задумался о новой государственной вере. Весть об этом разлетелась по миру, и представители трех великих религий заспорили у престола киевского. Возможно, летописный рассказ о выборе Владимиром веры — только художественный образ, но отражает он реальные проблемы и сомнения, которые должен был разрешить великий князь.

Первыми подоспели мусульмане, утвердившиеся уже в Волжской Булгарии. Рассказали они князю о законе своем, но Владимир отверг его, пошутив, что не подходит нам вера, запрещающая вино: «Руси есть веселие пить, не можем без того быть!» Да и от свинины русские, особливо киевляне, отказаться не могли. А рай мусульманский, в котором праведникам дано будет по 70

красивых жен, вообще для Владимира адом выглядел. Ведь по молодости лет был князь «побежден похотью женской» — буквально не мог пропустить ни одной красавицы. В результате к зрелым годам, остепенившись, задумался горестно: что делать с пятью женами и восьмью сотнями наложниц?!

У иудеев, рассеянных по всему миру, нашел Владимир другой недостаток.

— Где же земля ваша? — спросил князь раввинов, жрецов иудейского бога Иеговы.

— В Иерусалиме, — отвечают.

— Да точно ли там? — переспросил Владимир, худо-бедно знавший политическую географию.

— Разгневался Бог на отцов наших, — признались иудеи, — и рассеял нас по разным странам за грехи наши, а землю нашу отдал иноверцам.

— Как же вы иных учите, а сами отвергнуты Богом и рассеяны? — укорил их Владимир. — Или и нам того же хотите?

Много общего видел князь в законах мусульман и иудеев: делать обрезание, не есть свинины, почитать святые места на далеком юге и потомков некогда живших там людей (представителей «колен Израилевых» или родичей Магомета). У тех и у других священники мало зависели от государственной власти и чтились едва ли не выше нее. Последнее было свойственно и западным христианам-католикам, почитавшим папу римского. Он как наместник Бога на земле был выше князей, королей и императоров.

То ли дело христианство восточное, православное. Там четыре патриарха, из которых даже самый главный, Константинопольский, служил византийскому императору, признавая власть царскую священной защитницей и покровительницей благочестия. Все же выбор Владимира был нелегок. Западные-то соседи один за другим потихоньку склонялись к католичеству: Венгрия, Чехия и Моравия, Польша, Дания, Швеция и Норвегия признали в конце концов духовную власть папы.

Принять веру православную тоже означало сделать Русь зависимым от патриарха Константинопольского, то есть подчиненным византийскому императору, вассальным государством. Папа был дальше, однако вместе с католичеством на соседние славянские государства наступали немцы. К тому же послы Владимира, отряженные посмотреть, у кого Богу поклоняются торжественней, вернувшись в Киев, рассказывали, что нет на земле зрелища красивее, чем служба в Константинопольском православном храме.

Да что обсуждать, сказали бояре Владимиру: «Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы его бабушка твоя Ольга, а она была мудрейшей из людей!» Оставалось придумать, как завести новую веру, не уронив при сем государственного достоинства.

Крещение Руси Обсудили этот вопрос князь с дружиной и решили: веру надобно завоевать! Так был задуман военный поход на Корсунь-Херсонес. Захватив его, тотчас отписал великий князь двум братьям-императорам Василию и Константину:

— Вот уже взял ваш город славный. Слышу же, что сестру имеете девицу. Если не отдадите ее за меня, сотворю столице вашей то же, что этому городу!

— Не пристало, — отвечали императоры, — христианам выдавать жен за язычников. Если крестишься, то и ее получишь, и Царство небесное. Если же нет — не сможем выдать сестру за тебя.

— Скажите вашим царям так, — заявил Владимир имперским послам, — я крещусь, потому что люба мне ваша вера и богослужение.

Услыхав такие слова, бросились Василий и Константин уговаривать сестру выйти замуж за великого князя русского: никак не могли уломать. Пришлось хитрить.

— Крестись, — послали сказать Владимиру, — и тогда пошлем сестру свою к тебе.

— Пришлите сестру, — ответил князь, зная гораздых на обман греков, — тогда и крестите меня.

— Иду, как в полон, — плакала царевна, — лучше бы мне здесь умереть!

— Может быть, — утешали ее братья, — с твоей помощью обратит Бог Русскую землю к покаянию, а Византию ты избавишь от ужасной войны. Разве не видишь, сколько уже зла причинила нам Русь?!

Получив в жены сестру императоров, Владимир принял крещение в 988 г. Его примеру последовала дружина. С богатой добычей и славой вернулся он из похода, везя с собой священников корсунских, святые мощи, иконы и сосуды церковные. А город отдал обратно грекам как обычный на Руси выкуп за невесту. В Киеве распорядился князь опрокинуть идолов, одних изрубить, других сжечь. Перуна же приказал волочить с горы к воде, дубася палками. Сплавили дружинники идола в Днепр и проводили, отталкивая от берега, за пороги.

Затем послал Владимир объявить по городу: «Кто не придет завтра на реку — богатый или бедный, нищий и даже раб, будет мне враг!» Киевляне рассудили, что крещение не так уж плохо: «Если бы не было это хорошим, не приняли бы его князь наш и бояре». Крестив киевлян, Владимир принялся с усердием вкоренять новую веру во всех городах русских.

На месте капищ повелел князь строить церкви, определять в них попов, крестить и учить людей православной вере. Посылал он собирать у лучших людей детей и отдавать в обучение книжное. Так начинались на Руси школы, а матери плакали о первых школьниках как о мертвых, ибо в новой вере еще не утвердились.

Первый митрополит Киевский и всея Руси Михаил, приехав из Царьграда, действовал осторожно. С сильной охраной прошел он, проповедуя и крестя, вверх по Днепру, через переволоки до Ловати и самого Великого Новгорода. Здесь поставил он церковь Преображения, но капища языческие не тронул. Затем двинулся на восток по Шексне до самого Ростова, насаждал христианство на Верхней Волге и Оке.

Не показывал мудрый Михаил язычникам, что христианский Бог не терпит иных верований. Но в школах при нем стали учить не древнему славянскому письму, а новоизобретенной кириллице. Старая грамота постепенно забывалась, книги христиане читали переводные с греческого, а прежние славянские стали уничтожать. И столь в этом злодействе упорствовали, что истребили сплошь древнейшие письменные предания. Потом же стали доказывать, что до христианства ни истории, ни культуры своей у славян не было.

После Михаила пришел из Царьграда заносчивый митрополит Леон, разгневался: почему-де в великом Новгороде остались идолы! Послал епископа с воеводами крестить северные племена. Поздно всполошились новгородцы, не думавшие, что из-за веры можно кровь проливать. Киевская дружина Добрыни и ростовский полк тысяцкого Путяты ворвались в город, рубили людей и поджигали дома во славу Христа. «Добрыня крестил мечом, а Путята — огнем».

Идолов сокрушили, а Перуна в Волхов сбросили. О дружинном боге не шибко горевали новгородцы, но Громовик, по преданию, все же над попами и воеводами шутку сыграл. Когда плыл под мостом, соединяющим две части Новгорода, бросил на него свою палицу: «Тешьтесь, люди новгородские, поминайте меня!» С тех пор столетие за столетием пыталась церковь запретить на мосту праздники: потехи, маскарады и непременный кулачный бой.

Русское православие Нелегкую борьбу вела на Руси церковь со многими обрядами языческими: хороводами и играми на реках возле костров, скоморохами и гаданиями. Век от века пыталось духовенство истребить народные гуляния, шутки и смех, музыку и пение нецерковное. Люди же, потихоньку новую веру усваивая, находили ей свое применение: например, чтобы вызвать дождь в засуху, стали катать по полю не волхва, а попа. Кончилось все тем, что христианство лишь постольку народом усвоилось, поскольку слилось с язычеством, вобрало в себя русские традиции.

Мать сыру землю поминали в сказках и бывальщинах, в церкви же молились Богоматери. Перуна заменил скачущий по небу на громовой колеснице Илья-пророк. Доброго Велеса — народный заступник святой Никола. Новогодние языческие святки на 12 дней стали праздноваться в связи с Рождеством и Крещением. Масленицу попы насилу за пределы Великого поста выдворили. Славление Ярилы 4 июня стало Троицыным днем, праздник Купалы 24 июня (по церковному календарю рождество Иоанна Предтечи) — днем Ивана Купалы.

Христианство как вера княжеская утверждалось долго и с трудом. Через полвека после Владимира даже большие города, вроде Ростова и Мурома, оставались в основном языческими, а в деревню новая вера разве чудом забредала. Киевский митрополит Иларион писал тогда, что русские — все еще «малое стадо Христово». Только мирный нрав язычников и их волхвов уберегал христиан от расправы. Но еще через сто лет язычников прижали настолько, что ярославцы восстали во главе с волхвами, и лишь под Белоозером их поход на христиан был остановлен дружинниками.

Когда в Новгород на место убитого епископа Стефана прибыл святитель Федор, случился у него на площади спор с волхвом. Поднял епископ крест и закричал: «Кто принимает веру волхва, пусть идет за ним. Кто истинно верует — пусть к кресту идет!» Миг — и новгородцы оказались возле волхва, а у креста остался князь с дружинниками. Когда бы не зарубил резвый князь жреца языческого, быть в Новгороде мятежу велику!

Совсем истребить язычество на просторах страны нашей не удалось. Да и традиционное добродушие к иным богам не сменилось у православных обычной христианской ненавистью. Ничего похожего на крестоносцев и инквизиторов не породила Русская земля. Несмотря на трудности, стало православие опорой власти государственной, какая бы власть Россией ни

правила. В тяжкие времена спасала единая вера большинства народа государство Русское, заставляла земли тянуться друг к другу. А разделение Руси, несущее ей бесчисленные беды, началось уже при князе Владимире.

1. С какой целью князь воздвиг в Киеве идолов? Каким языческим богам он заставлял поклоняться, а каких отвергал?

2. Среди каких религий князь и дружина выбирали себе веру?

3. Когда и как состоялось крещение Руси?

4. Какими путями утверждалось на Руси христианство?

§ 13. ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ

Времена единовластного правления Владимира Святославича, прозванного в ознаменование крещения Руси Святым, и его сына Ярослава Мудрого запомнились как периоды процветания, могущества, обогащения и расширения Древнерусского государства. Войны и напасти не прекращались, но они не шли ни в какое сравнение с ужасами десятилетия братоубийственной борьбы сыновей Владимира за власть (1015—1026), завершившейся победой Ярослава. Контраст между благосостоянием единого великого государства и жалким положением разодранной междоусобицами Руси был весьма поучителен. Но собственный печальный опыт ничему не научил ни Владимира, ни Ярослава, каждый из которых разделил страну между сыновьями, взрыхлив и удобрив почву для новых раздоров.

Усобица Владимир Святой после крещения и женитьбы на византийской царевне предложил своим языческим женам подыскать новых мужей, но многочисленных сыновей не обидел: роздал им княжения в Новгороде, Полоцке, Турове, Ростове, Пскове, Искоростене, Владимире-Волынском, Тмутаракани, Смоленске и Муроме. Оскорбив жен, среди которых громче всего выражала свое негодование Рогнеда, родившая Владимиру шестерых детей, великий князь напрасно надеялся, что сыновья будут почитать отца и после его кончины мирно уживутся между собой.

Молодые князья не стали дожидаться смерти неразумного родителя. Всеволод во Владимире-Волынском сговорился с викингами, но в войне не преуспел и бежал за море, где впоследствии был убит. Святополк в Турове плел против отца интри-

ги с поляками и немцами. Особую ненависть к Владимиру Святому испытывал третий сын Рогнеды Ярослав, урожденный паралитик, преодолевший недуг (согласно рассказу летописи) именно благодаря гневу на отца за изгнание матери и на всю жизнь сохранивший хромоту.

Женившись на дочери шведского короля Олафа, Ярослав собрал в Новгороде изрядную дружину викингов и в 1014 г. отказался посылать в Киев две трети собираемых в его княжестве налогов. Новгородцы не обрадовались этому, особенно когда разгневанный Владимир приказал мостить мосты и расчищать дороги для похода на север. Угроза войны и княжеские наемники, творившие насилие в городе, озлобили людей настолько, что августовской ночью 1015 г. они поднялись и порубили викингов, буйствовавших на дворе некоего Парамона.

Ярослав страшно разгневался на граждан, поставивших под угрозу его дружбу с викингами, однако чувств своих не показал. Он обласкал новгородцев и призвал лучших мужей на княжеский загородный двор. Здесь их и убили, немногим удалось уйти. Той же ночью из Киева к Ярославу прискакал гонец от сестры Предславы: 15 июня великий князь скончался, между братьями началась война за престол. Без поддержки новгородцев князя ждала гибель. Наутро интересы наемников уже не волновали Ярослава. Собрав граждан Господина Великого Новгорода на вече, Ярослав заплакал: «О, моя любимая и честная дружина, которую я вчера в безумии своем изрубил! Смерть их теперь никаким золотом нельзя искупить... — Утерев слезы, князь продолжил:— Братья! Отец мой Владимир умер; в Киеве княжит Святополк. Я хочу идти на него войной — поддержите меня!»

Новгородцы сочли, что лучше сделать великим князем Ярослава, чем дожидаться, пока война князей придет в их земли. Новгород дал 3 тыс. воинов, викингов было 1 тыс. Но и с этими силами три месяца прождал Ярослав у Любеча, не решаясь переправиться через Днепр и напасть на войско киевского князя Святополка. Наступила поздняя осень.

А киевляне кричали: «Чего пришли с хромцом этим, вы же плотники? Мы и поставим вас нам хоромы рубить!» Новгородцы сказали Ярославу: «Завтра мы переправимся к ним, даже если никто за нами не пойдет». Наутро рать Ярослава высадилась на другом берегу и отпустила по течению ладьи, не намереваясь отступать. Печенеги, союзники Святополка, не смогли прийти ему на помощь. Разбитый Святополк бежал в

Польшу, а Ярослав пришел в Киев и занял великокняжеский престол. Было ему в ту пору 37 лет.

Святополк позаботился, чтобы его преемнику не пришлось особенно беспокоиться из-за других братьев. Владимир не любил своего старшего сына и хотел оставить великое княжение Борису, однако занемог, когда тот был в походе на печенегов. Святополк занял престол, но киевляне, принимая от нового великого князя богатые дары, не спешили оказать ему поддержку. Отцовская дружина уговаривала Бориса взять власть. Князь отказался: «Не подниму руки на брата старшего, пусть будет мне вместо отца!» Борис распустил воинов по домам, отдавая себя на милость Святополка. Люди были уверены, что юный князь знал о готовящемся убийстве, но предпочел гибель междоусобице.

Единоутробный брат его Глеб был вызван Святополком из Мурома якобы к больному отцу. Уже под Смоленском получил он предупреждение Ярослава: «Не ходи. Отец умер, а брат твой убит Святополком». Но Глеб тоже не сопротивлялся убийцам. Гибель братьев позволила Ярославу представить свой поход на Киев местью братоубийце. Церковь освятила подвиг самопожертвования Бориса и Глеба во имя единства Русской земли. Святые братья стали олицетворением верности высшему долгу: христианскому и патриотическому. Такой памяти не удостоился князь Святослав, при известии о гибели братьев бежавший из Древлянской земли. Погоня, посланная Святополком, настигла несчастного уже в Карпатах. Обстоятельства смерти еще нескольких Владимировичей неведомы; важно, что, когда Ярослав уселся на отцовский престол, из 11 его братьев на просторах Руси оставалось лишь двое младших: Мстислав в Тмутаракани и Судислав во Пскове.

Победитель мог распустить полки, особенно щедро наградив новгородцев. Служившим в его войске крестьянам-смердам князь дал по гривне, старостам и горожанам — по 10 гривен серебра. В ознаменование заслуг Новгорода Ярослав пожаловал ему льготную грамоту на налоги, собиравшиеся в киевскую казну. Кроме того, в своем судебном уставе князь решительно поставил новгородцев и вообще русских вдвое выше заморских гостей. Столь патриотичная позиция была весьма предусмотрительным ответом на вызов со стороны Святополка, который вынужден был опираться на иноземцев. Беглец нашел приют у тестя, польского князя Болеслава Храброго, и вдобавок искал помощи у печенегов. Ярослав заключил союз с германским императором Генрихом II, но немцы были так побиты поляками, что император просил о мире и сам советовал Болеславу обратить силы на восток.

Святополк Окаянный и Мстислав Тмутараканский

В 1017 г. печенеги напали на Киев. Ярослав едва одолел их в сече под стенами города. На следующий год на Русь двинулось войско поляков, печенегов, немцев и венгров под командой Болеслава и Святополка. Ярослав поспешил на Волынь и встретил врага у переправы через пограничную реку Буг. Болеслав был так велик и тяжел, что едва сидел на коне, но русские напрасно дразнили его толстяком. Знаменитый воин, не стерпев насмешек, бросился на коне в реку, крикнув своим воинам: «Коли вам сего укора не жаль, я погибну один!» Не ожидавшее стремительного нападения войско Ярослава было уничтожено.

Князь с четырьмя спутниками прибежал в Новгород и намерен был податься за море. Но новгородцы во главе с посадником Константином, сыном Добрыни, изрубили приготовленные к бегству ладьи, сказав князю: «Хотим еще биться с Болеславом и Святополком». Объявили сбор воинства и денег: сельские старосты дали по 10 гривен, бояре — много больше. В том же 1018 г. князь двинулся на Киев с новой армией, к которой по пути охотно присоединялись русские воины.

Ведь иноземцы, вступив в Киев со Святополком, разошлись и по другим городам «на покорм», всюду грабя и буйствуя. Вскорости народ восстал, Болеслав, уже имевший печальный опыт столкновения с рассвирепевшим народом в Чехии, бросил своего союзника и бежал, прихватив киевскую казну, бояр и сестер Ярослава. За одну из них — Предславу — Болеслав безуспешно сватался прежде. Теперь он сделал ее наложницей.

Святополк бежал к печенегам, а Ярослав вновь утвердился в Киеве. Братья готовились к решающей битве. В 1019 г. войско великого князя сошлось с печенежской ордой на реке Альте, притоке Трубежа. На восходе солнца сошлись противники на бой столь жестокий, какого еще не бывало на Руси, и к вечеру полегли под русскими мечами печенеги. Израненный Святополк спасся с поля брани, но не ушел от расплаты. Ненавидимый народом и проклинаемый церковью, князь бежал, согласно летописи, все дальше и дальше, терзаемый манией преследования, пока не сгинул где-то между Польшей и Чехией. По скандинавскому преданию, он был убит Эймундом, тем самым, кто ранее по приказу Ярослава отрубил голову князю Борису и принес ее своему повелителю. Однако как ни темны деяния князей, тот, кто сражался против иноземцев, остался в памяти народа Ярославом Мудрым, а Святополк — Окаянным.

Но усобица еще не была завершена. Пока Ярослав боролся за великокняжеский престол, его младший брат Мстислав в благодатном граде Тмутаракани на берегу Керченского пролива развлекался войной и охотой. Мстислав был дороден телом, румян, с большими глазами. Он был храбр в бою, не дурак выпить и поесть, но больше всего любил и берег дружину. Во время войны с касогами он предпочел решить исход битвы единоборством вождей, одолел великана Редедю и принял побежденных в подданство. Служили князю и остатки хазар. Однако когда в 1024 г. Мстислав неожиданно ворвался в Киев, воспользовавшись отъездом Ярославав Новгород, горожане попросту указали ему на ворота. Князь не обиделся и сел в Чернигове, где северяне приняли его с распростертыми объятиями.

Ярослав ходил в Новгород потому, что его племянник Брячислав Изяславич, князь полоцкий, сумел ограбить город и угнать немало жителей. Великий князь сумел отбить добычу и полон, однако не наказал любимого племянника, внука Рогнеды, но во избежание новых буйств добавил ему городов во владение.

При известии о набеге Мстислава Ярослав обратился за помощью к викингам. Их полк он поставил в центре войска в битве под Лиственом близ Чернигова. При последних отблесках вечерней зари Мстислав успел выстроить против северных разбойников ратников из племени северян. «Пойдем на них», — сказал Мстислав воинам. Ночью в грозу началась страшная сеча. Тмутараканская дружина, поставленная Мстиславом на флангах, обошла викингов, но не помешала Ярославу бежать. «Кто этому не обрадуется? — спрашивал полководец утром, объезжая поле битвы. — Вот лежит северянин, вот викинг, а своя дружина цела!»

За Ярославом Мстислав послал вдогонку сказать: «Садись в своем Киеве, ты старший брат, а мне пусть будет эта сторона Днепра» (то есть Левобережье). Ярослав, конечно, не поверил брату и счел за благо не возвращаться в Киев, управляя им из Новгорода через посадников, пока не собрал много воинов. Только в 1026 г. он вернулся, но не решился на битву и заключил с Мстиславом мир. «Кончилась, — говорит летопись, — усобица и мятеж, настала тишина великая в земле Русской». Несколько лет люди не верили, что вражда князей наконец окончилась. Под 1029 г. летописец записал всего два слова: «Мирно было».

Не охваченное смутой государство богатело и расширялось. В 1030 г. Ярослав победил чудь и утвердил свою власть на за-

падном берегу Чудского озера. Он поставил здесь город Юрьев, названный по его христианскому имени (позже немцы переименовали город в Дерпт, а эстонцы в нынешнем столетии — в Тарту). На следующий год Ярослав и Мстислав отбили у поляков захваченные Болеславом во время усобицы Червенские земли и в назидание повоевали Польшу. Через несколько лет Мстислав разболелся на охоте и умер, не оставив сыновей. Вся власть на Руси перешла к Ярославу Мудрому.

«Самовластец Русской земли»

Правил Ярослав безраздельно, ибо не с кем ему было делить землю. Единственного живого еще брата Судислава Псковского засадил он по навету в темницу в 1036 г., когда ездил в Новгород, чтобы почтить северную столицу и дать ей в правление сына своего Владимира. Новгородцы же дали Ярославу деньги и много воинов для выручки южной столицы, когда ее обложили печенеги. Жестокая битва под Киевом оказалась для печенегов последней. Бежали они в разные стороны, иные потонули в реках, «а остальные, — писал летописец, — бегают, неизвестно где, и до сего дня». Отодвинутая в степь южная граница по реке Роси, которую Ярослав много лет населял людьми и укреплял городами, стала более безопасной. Тихо было и на севере, где россияне продвигались все дальше в земли эстов, карелов и к берегам Северной Двины.

Грозные для всего тогдашнего мира скандинавы им не препятствовали. В Швеции королем был тесть Ярослава Олаф I. В Норвегии взошел на престол долго живший при дворе князя Олаф Святой, а затем его сын Магнус Добрый, воспитывавшийся на Руси. Дружбой Ярослава гордились и другие короли шведские: Снеткиль, сын и брат служивших Ярославу ярлов — воевод, и сын его Инге. А еще один король норвежский, Гаральд Прекрасноволосый, добивался руки дочери Ярослава Елизаветы и преуспел в этом смелом замысле.

Впрочем, и у Ярослава устройство дочерей замуж соответственно государственным интересам вызывало немалую заботу. Анну великий князь выдал за французского короля Генриха I Капета, Анастасию — за короля Андрея I Венгерского. Нельзя сказать, что отъезд с цветущей и богатой Руси в страны малые, к народам, грубым нравами, был для воспитанных в книжном учении княжон большим счастьем. Но положение обязывало. И сестру свою Доброгневу Ярослав принес в жертву политике, требовавшей поддержать Польшу, которую после смерти Болеслава Храброго раздирали на части собствен-

ная знать и соседи. Доброгнева вышла за польского короля Казимира I, а сын Ярослава Изяслав женился на его сестре.

Политическим расчетом определялись и браки двух других сыновей великого князя русского с немецкими княжнами. Западнее Вислы Казимиру удалось остановить чехов и утишить восстание крестьян с помощью немцев, восточнее действовали войска Ярослава. Он вторгся в Мазовию на ладьях, в 1043 г. русские войска ходили туда дважды, но только в 1047 г. добились решительной победы. Мазовия была вновь подчинена королю польскому. Пленники, взятые еще Болеславом, вернулись на Русь.

Брачный союз с Византией был связан с войной, начатой Ярославом из-за обид, наносимых греками русским купцам. Сын великого князя Всеволод Ярославич победил на море, император Константин — на суше. В результате обе стороны воевать расхотели и император скрепил договор рукою своей дочери, выдав ее за Всеволода. Принцесса, надо полагать, ехала на Русь не в меньшей тоске и печали, чем дочери Ярослава — на Запад, хотя во время правления Ярослава представления греков о «варварстве» далекой северной страны были уже сильно устаревшими. Киев, величине и населенности коего поражались западные гости, встречал царевну блистающими на солнце Золотыми воротами с надвратной церковью Благовещения. Христианскому Богу служили и в сотнях других городских храмов, главным из которых был собор св. Софии.

Процветающая страна и мировая торговля приносили князю огромные богатства, которые Ярослав щедро тратил не только на строительство и украшение храмов да на приглашение множества священников. Как сказал о Ярославе летописец: «Отец его Владимир землю вспахал и размягчил, то есть крещением просветил. Этот же засеял книжными словами сердца верных людей, а мы пожинаем, учение получая книжное». Великий князь по себе знал великое удовольствие от книг, «часто читая их, и ночью и днем... Это — реки, напояющие вселенную, это источники мудрости, в книгах неизмерима глубина». Но книг в то время было мало. Поэтому князь собрал в Киеве множество книгописцев, которые делали копии древнеболгарских книг и переводили с греческого. Так появилась библиотека при Софийском соборе.

Князь приложил немалые усилия и для распространения грамотности среди населения. Ярослав начал со своей семьи, где грамотны были и сыновья, и дочери. В Новгороде собрал он «от старост и поповых детей 300 человек учиться книгам».

Школа при Ярославе появилась даже в таком небольшом городке, как Курск. Упомянуты в источниках школы в Галиче, Смоленске, Владимире-на-Клязьме. Там готовили вовсе не только будущих священников — ведь учились и девочки.

Писать начинали на деревянных табличках, покрытых мягким воском. На нем и царапали буквы острием металлического писала, а потом переворачивали его и заглаживали воск лопаточкой. Начисто писали на специально выделанной коре березы: берестяные грамоты найдены археологами во многих древнерусских городах. Люди писали о работе, домашних делах, политических событиях и личных переживаниях. Писали мужчины и женщины, взрослые и дети, не забывавшие, что на бересте можно и рисовать.

Важную роль в просвещении играла церковь, особенно после того как при Ярославе на Руси появились монастыри. Церковь становилась очагом культуры и надеждой на единство очень непрочного государства, готового, как оказалось, рассыпаться на мелкие, вроде западных королевств, княжества.

Наследие Ярослава Могущественнейший государь Европы, Ярослав не довольствовался уже титулом великого князя русского. Он не противился старинному величанию каганом или, подобно византийскому императору, царем. Когда в 1054 г. на 76-м году жизни Ярослав скончался, в Софийском соборе была сделана торжественная надпись об «успении царя нашего». Но слава и пышные титулы еще не делали князя похожим на хазарского кагана или царя греческого. Настоящего представления о государстве как едином организме у Ярослава, подобно множеству других средневековых владык, не было. Русь представлялась ему семейной собственностью княжьего рода, Ярослава, сыновей. Им великий князь и роздал при жизни своей земли Руси, как это сделал бы любой крестьянин, заботящийся, чтобы по его смерти сыновья не поссорились, деля между собой двор, поле, лужок и лесок. Завещание — наряд — Ярослава старательно записано в летописи:

«Вот отхожу с сего света, сыны мои. Живите в любви, потому что все вы братья, от одного отца и одной матери. И если будете жить в любви друг к другу, Бог будет с вами и покорит вам врагов ваших, и проживете в мире. Если же будете в ненависти жить, в распрях и междоусобии, то погибнете сами и погубите землю отцов и дедов своих, которую они добыли трудом великим, — но живите в мире, слушаясь брат брата.

Вот я завещаю в свое место престол киевский старшему брату вашему Изяславу. Его слушайтесь, как слушались меня, пусть он будет вам вместо меня. А Святославу даю Чернигов, Всеволоду — Переяславль, Игорю — Владимир (Волынский), Вячеславу — Смоленск. Если кто захочет обидеть брата своего, — велел напоследок Ярослав старшему сыну Изяславу, — то ты помогай обиженному».

Со смертью Ярослава Русь вновь перестала существовать как единая держава, разделившись на княжения. Всего десять лет понадобилось сыновьям, внукам и племянникам царя русского, чтобы начать братоубийственную войну. Напрасно Ярослав уповал, что дети одной матери в отличие от его собственных братьев-соперников избегнут ненависти друг к другу и смогут поддерживать мир, несмотря на то что в Полоцке сидел Всеслав Брячиславич, потомок Изяслава, старшего сына Владимира Святого, а в Ростове — Ростислав Владимирович, внук Ярослава от старшего сына, умершего при жизни отца и потому обойденного в завещании.

Великий князь только подразумевал, что Новгород останется во владении князя киевского — и будет управляться его наместником, что никогда не нравилось новгородцам. Земли на восток от Днепра, до Мурома и Тмутаракани, вроде бы зависели от князей черниговских. Однако в результате разных перетасовок Ростов, Суздаль, Белоозеро и Поволжье оказались в зависимости от князей переяславских. Ярослав не оговорил в завещании принадлежность многих русских земель, заложив возможности для княжеских ссор.

Внешняя угроза, которая, по мнению Ярослава, должна была укрепить братскую любовь суверенных князей, никогда не могла заставить их забыть своекорыстные интересы. Только за одно десятилетие по смерти Ярослава общие враги Руси сделали все, чтобы доказать князьям необходимость союза. На южнорусские степи надвигались неисчислимые полчища кочевников-кипчаков, или половцев. Первым признаком опасности стали нападения прежних союзников — торков, выбитых со своих пастбищ и теснимых половцами на запад. Зимой 1055 г. Всеволоду Ярославичу пришлось защищать от них пограничную крепость Воинь. В том же году Всеволод встретился с передовой ордой половцев, заключил мир с ханом Болушем. На этот раз половцы ушли.

Объединившись против торков, русские князья в 1060 г. повели на юг на конях и в ладьях бесчисленное войско. Кочевники были разбиты «и перемерли в бегах, кто от стужи,

кто от голода, иные от болезней». На освободившееся место немедленно пришли половцы. 2 февраля 1061 г. хан Искал одолел выступившую против него дружину Всеволода Ярославича. Необходимость объединения князей против нового, опаснейшего врага Руси стала очевидной. В 1068 г. трое князей — Изяслав, Святослав и Всеволод — соединили силы, чтобы встретить половцев на реке Альте. В ночном сражении русские дружины, ослабленные братоубийством предыдущих лет, были разбиты, князья бежали и заперлись каждый в своем городе.

Киевляне, видя, что князь Изяслав дрожит только за свою шкуру, устроили на торгу народное собрание — вече: «Половцы рассыпались по всей земле, выдай, князь, оружие и коней, мы еще побьемся с ними!» Город сказал свое слово, князь не внял. Киевляне восстали, изгнали Изяслава и посадили на престол Всеслава Полоцкого, который был изменой захвачен Ярославичами, ослеплен и замурован в темнице. Изяслав же не к братьям обратился за помощью, а повел на Русь полки польского короля Болеслава... Междоусобицы и союзы с общими для страны неприятелями на века сделались обычными для князей русских.

1. Как укреплял Ярослав положение Руси среди других государств?

2. Что сделал мудрый князь для просвещения страны?

3. Почему в завещании Ярослава Русское государство было разделено?

4. Какую роль играла внешняя опасность в отношениях между наследниками Ярослава?

§ 14. ВЛАДИМИР МОНОМАХ

Среди внуков Ярослава Мудрого народные сказители выделили и, слив в единый образ с Владимиром Святым, воспели в былинах одну фигуру: Владимира Мономаха, наиболее деятельного и оставившего по себе громкую память представителя своего времени. Он родился в 1053 г., за год до кончины деда Ярослава, княжил в нескольких городах, участвовал в 83 военных походах по Руси, южным степям и странам западным. С именем Мономаха связаны почти все важные события русской истории второй половины XI — первой четверти

XII в. Ни об одном из князей после Владимира Святого не сохранилось столько преданий, и именно о нем вспоминали московские государи, готовясь объявить себя царями всея Руси.

Отрочество и зрелые годы Отпрыск Всеволода, любимого сына Ярослава, и Марии, дочери греческого императора Константина Мономаха, носил три имени — княжеское Владимир, христианское Василий и дедовское по матери прозвание — Мономах. Отец Владимира изучил пять иностранных языков. А внук Ярослава и византийского императора не только блестяще владел доступной в его время литературой, но и сам обладал незаурядным писательским талантом, ярко проявившимся в автобиографическом «Поучении». Оно предназначалось не только взрослым детям князя, но широкому читателю.

Детские годы княжича прошли в Переяславле на южном рубеже, где начинались знаменитые «Змиевы валы» — древнейшие оборонительные сооружения против кочевников. Неизвестно, принимал ли отрок участие в бедственном для его отца и дядьев сражении 1068 г. на Альте, но он хорошо запомнил нашествие Шарукана, который, по народному преданию, «широку дорожку прокладывает, жгучим огнем уравнивает, людом христианским речки-озера запруживает».

Во взрослую жизнь тогда вступали рано. В 13-летнем возрасте совершил Владимир первое большое путешествие из Переяславля в Ростов для хозяйского догляда за отцовским княжеством. Ехать пришлось сквозь глухие Брынские леса, где гнездился былинный Соловей-разбойник и где реальные вятичи сжигали покойников по древнему обряду и насыпали над ними курганы, а язычники убивали христианских миссионеров.

До того как в возрасте 25 лет Владимир получил княжий стол в Чернигове, ему случилось совершить 20 «великих путей» между пятью подлежащими его управлению городами, проскакав по меньшей мере 16 тыс. километров. Об участии Мономаха в многочисленных схватках между князьями известно мало. В 1077 г. Владимир совершил поход в Польшу, чтобы помочь королю Болеславу II Смелому против чехов — союзников германского императора Генриха IV. Император дерзостно требовал от любимого дяди Владимира, Святослава, вернуть киевский престол другому дяде, Изяславу, ездившему на поклон к немцам и обещавшему признать зависимость Руси от папы римского. Воля папы и императора помогла че-

хам и полякам помириться, но Владимир и воевал в Чехии, пока не приняли честный мир и дары.

В «Поучении» князь писал, что примерно в эти годы водил половцев на упорствующее в непокорности Ярославичам Полоцкое княжество. Но к чести Владимира следует отметить, что с ближними родичами он не воевал. Даже отец его Всеволод после смерти Святослава, выступив против Изяслава, шедшего на Русь с поляками, без боя уступил Киев старшему брату, когда тот отказался от помощи иноземцев. В 1068 г. Мономах получил собственное княжество Смоленское. Именно он взял приступом и сжег внешний город изменивших отцу черниговцев. В жесточайшем сражении с половцами на Нежатиной ниве 3 октября 1068 г. погибли великий князь Изяслав и изменник Борис, но враг был разбит. Всеволод Ярославич стал князем киевским, а сын его Владимир Мономах — черниговским.

В столицу Юго-Восточной Руси пришел князь с молодою женой Гитой — дочерью английского короля Гаральда, что погиб в сече с норманнами при Гастингсе — и двухлетним сыном Мстиславом. На склоне лет с удовольствием вспоминал князь о жизни в Чернигове. «То, что мог сделать мой дружинник, я делал всегда сам и на войне, и на охоте, не давая себе отдыха ни ночью, ни днем, невзирая на зной или стужу. Я не полагался на посадников и гонцов, но сам следил за всем порядком в своем хозяйстве. Я заботился и об устройстве охоты, и о конях, и даже о ловчих птицах, о соколах и ястребах».

О рачительности князя свидетельствует возведенный им замок в Любече. Дорога от Чернигова до Любеча (60 километров) была поделена сторожевыми курганами на небольшие участки с запасными конями. Князь не хвастался, говоря, что «из Чернигова я сотни раз скакал к отцу в Киев за один день, до вечерни», а это 140 километров. Любимейшим занятием князя была охота. «Вот когда я жил в Чернигове, — вспоминал Мономах в старости о периоде 1078—1094 гг., — я своими руками стреножил в лесных пущах три десятка диких коней. Да еще когда приходилось ездить по степи, то собственноручно ловил их. Два раза туры поднимали меня с конем на рога. Олень бодал меня рогами, лось ногами топтал, а другой бодал. Дикий вепрь сорвал у меня с бедра меч, медведь укусил мне колено, а рысь однажды, прыгнув мне на бедра, повалила вместе с конем». И вправду — нашли археологи в лесу под Черниговом золотой нагрудный знак Мономаха, потерянный в одном из этих поединков.

Что касается рыцарских турниров, входивших в моду на Западе, то русским витязям с избытком хватало настоящих боев. С одними половцами сражался Мономах 12 раз в княжение отца своего. В 1080 г. он быстро подавил восстание подвластных Руси торков. Через четыре года вернул во Владимир-Волынский Ярополка Изяславича, изгнанного оттуда неугомонными Ростиславичами, угнездившимися за польской границей. Облагодетельствованный вскоре сам выступил на Всеволода, и Владимиру пришлось изгнать Ярополка в Польшу. Но Ярополк повинился — и ему вернули престол. Между тем с 1092 г. половцы напирали повсюду, разоряя и грабя даже небольшие города. Сушь, неурожай и эпидемии усугубляли бедствие, мрачные знамения предвещали еще худшие беды.

Роковые решения

13 апреля 1093 г. Владимир и младший брат его Ростислав Переяславский плакали над умирающим отцом. Мономах должен был провозгласить себя великим князем киевским, но пребывал в сомнениях: выдержит ли вдвоем с братом войну за передел земель, которую непременно начнут многочисленные родичи? Поддержат ли их города, особенно Киев, знатные люди которого были возмущены тем, что почивший Всеволод окружил себя людьми неродовитыми? Мономах почел за благо отказаться от столь опасного великокняжеского престола.

Киевским князем стал вызванный Владимиром из Турова Святополк Изяславич. Союз Святополка Киевского, Владимира Черниговского и Ростислава Переяславского был достаточно силен, чтобы не позволить другим князьям начать усобицу. Но Святополк оказался жадным и неразумным правителем. Если раньше киевляне не желали видеть на престоле Владимира, то теперь возлюбили его в сравнении со Святополком, который везде расставил своих людей, приведенных из Турова, и душил народ налогами. Когда в Киев пришли половецкие послы требовать дани, подручные дали Святополку дурной совет. Князь сначала заточил половецких послов, а потом выпустил их, испугавшись войны. Увидав перед собой врага и труса, половцы войну начали.

Первыми приняли на себя удар подвластные Киеву племена черных клобуков, состоявшие из остатков кочевых племен торков, печенегов и берендеев, а также переселенных Ярославом поляков. Частью они кочевали на огромном степном пространстве между Днепром, Стугной и Росью, частью осели в городах по Роси: Каневе, Юрьеве, Корсуни, Дверене и Торчес-

ке. Только когда половецкая орда обложила Торческ, Святополк понял, что оскудевшая от войн и налогов земля не даст ему сильного войска.

Он воззвал к Владимиру, и тот привел к Киеву черниговскую рать, приказав брату своему Ростиславу прийти с воинами переяславскими. Собравшись в Михайловском монастыре, князья препирались о дальнейших планах, пока не сказала дружина: «Чего вы ссоритесь между собою? А поганые губят землю Русскую. После договоритесь, а теперь идите навстречу половцам либо заключать мир, либо воевать!» Князья выступили в сомнениях, на берегу реки Стугны спор продолжился. Владимир склонялся к миру, полагая, что лучше откупиться от половцев, пока те сильны, и дождаться, когда их ханы перессорятся. Князь вспоминал в старости, что ему 19 раз удавался этот прием. Но на Стугне большинство, и прежде всего киевляне, выступило за войну.

20 мая 1093 г. русские перешли вздувшуюся от талой воды реку и тремя отдельными полками заняли позиции у Треполя между древними валами. Половцы первой атакой опрокинули киевлян, затем ударили на черниговцев, наконец, пустился в бегство и центральный полк переяславцев. Все бояре Владимира пали в битве или оказались в плену. С остатками дружины князь бросился в Стугну и не смог помочь брату своему Ростиславу, который утонул у него на глазах. Мономах вспоминал, что это было его единственное поражение в битве за всю жизнь.

В слезах вернулся Владимир в Чернигов, Святополк же убежал в Киев. Узнав о приближении кочевников, киевляне дали Святополку большое войско, но поздно. Все оно полегло под городом, сам князь едва вырвался из побоища. Более 9 недель оборонялся Торческ, пока не сдались защитники города, оставшиеся без помощи, умирающие от голода и жажды. Стон и плач стоял по всей Южной Руси, огромными толпами гнали печенеги людей в рабство.

Не зная, как остановить врага, Святополк на следующий год взял в жены дочь половецкого хана Тугоркана — известного в былинах как Тугарин Змеевич. Тогда половцы во главе с Олегом Святославичем, который уже в третий раз вел врагов на Русь, бросились на Чернигов. Горожане не любили Владимира, некогда сжегшего полгорода, и князю с малой дружиной пришлось отбиваться в замке. На девятый день боев, видя кругом горящие села и монастыри, Владимир сказал: «Не хвалиться поганым!» Чтобы половцы не ворвались в город, он от-

дал Олегу Чернигов. Не более ста человек, считая с женами и детьми, ехало с Владимиром в Переяславль сквозь толпы половецкие, видя кругом ужасные зверства.

Переяславское княжение

«Сидел я в Переяславле три лета и три зимы с дружиною своею, — писал князь, — и много бед натерпелись мы от войны и голода». Владимир выкупил из плена оставшихся в живых после Трепольского побоища и собирал дружинников, когда в 1095 г. ханы Китан и Итларь (былинное Идолище Поганое) пришли к Переяславлю за данью. Дав Китану в заложники своего сына Святослава, Владимир пригласил Итларя в город. Ночью дружинники сначала выкрали Святослава, затем прикончили Китана с его воинами. Итларя со свитой заперли в бане и перестреляли через крышу. В том же году Владимиру удалось объединиться со Святополком. Вместе князья ринулись в степь и захватили Итларевы станы вместе с людьми и скотом. Олег Святославич Черниговский укрыл у себя сына Итларя. Когда Олег отказался «урядиться о Русской земле... чтобы сообща оборонять Русскую землю от поганых», Владимир и Святополк силой изгнали его из Черниговского княжества. Но это не принесло мира. В жестоких междоусобицах князья разоряли землю, в бою пал и сын Владимира Изяслав.

Одни половцы сражались на стороне Мономаха и даже несли в сражении его стяг, другие тем временем грабили Русь. Хан Боняк выжег в 1096 г. окрестности Киева, хан Куря — пригороды Переяславля. Напал на Переяславль и тесть киевского князя Тугоркан, но этому не повезло: объединенное войско Мономаха и Святополка прижало орду к стенам города и истребило. Тело хана Тугоркана зять с честью похоронил близ Киева, в который вскоре едва не ворвался Боняк. В столь плачевном состоянии находилась Русь, что даже разорение волжскими болгарами Мурома осталось безнаказанным. Города все чаще закрывали перед князьями ворота, говоря попросту: «Не ходи к нам». Князьям пора было браться за ум.

В 1097 г. в принадлежавшем теперь Олегу Любечском замке состоялся княжеский съезд «для устроения мира». Первым вопросом было: «Зачем губим Русскую землю, сами на себя ссоры навлекая? А половцы землю нашу расхищают и радуются, что нас раздирают междоусобные войны». Князья договорились о разделе земель и совместном наказании любого, кто преступит договор: «Да с этих пор объединимся чистосердечно и будем охранять Русскую землю».

Всего через несколько месяцев Святополк в сговоре с Давыдом Игоревичем предательски ослепил князя Василька Ростиславича. Мономах немедля воззвал к Давыду и Олегу Святославичам: «Бросили между нами нож; если это оставим так, то большее зло встанет, начнет убивать брат брата и погибнет земля Русская — враги наши половцы придут и возьмут ее!» Соединенные полки князей пошли к Киеву. Святополк порывался бежать, но горожане не отпустили. «Если станете воевать друг с другом, — объявили киевляне, — то поганые обрадуются, возьмут землю Русскую, которую приобрели деды и отцы ваши». Князья не смогли пойти против города и помирились на том, что Святополк сам накажет Давыда Игоревича. Эта карательная мера вылилась в кровавую войну всех против всех в Западной Руси, в коей князья использовали поляков, венгров и половцев. Только в 1100 г. княжеский съезд в Уветичах надолго закрепил мир. Мечта Мономаха об объединении Руси против половцев близилась к осуществлению.

В 1001 г. Святополк, Владимир и трое Святославичей собрали воинство, но половцы упредили — предложили мир. Стороны обменялись заложниками, но весной 1003 г. Мономах съехался со Святополком в Долобске и уговорил двинуться в степь. Многие князья присоединились к ним и пошли, на конях и ладьях, вниз по Днепру до острова Хортица. Оттуда еще четыре дня шли степями, пока не нагрянули в самое сердце кочевий половецких. 20 ханов полегло в битве. Увели на Русь огромный полон, угнали скот и увезли имущество, прежде степными разбойниками награбленное. Но половцы были еще сильны.

В 1005 г. хан Боняк разромил берендеев и торков, через год воеводы русские едва отбили полон, угоняемый злодеями. В 1007 г. налетел Боняк, захватил лошадей у Переяславля, показал ханам, что открыт путь на Русь. Старый Шарукан и иные князья половецкие шли следом, но на Лубне встретили их объединенные силы русские: гнали и рубили до Хорола, обоз и четырех ханов добыли, сам Шарукан едва удрал. Мономах, Олег и Давыд Святославичи взяли за сыновей своих дочерей тех ханов, что еще не были побеждены.

И вновь тщетно призывал Мономах добить половцев в их гнездовьях на Дону — не шли князья за ним. Зимой 1109 г. воевода его Дмитр Иворович дошел с боями до самого Дона. Весной в поход с Владимиром выступили Святополк и Давыд, но повернули вспять от крепости Воинь. Тогда церковь поддержала Мономаха, пугая верующих небесным знамени-

ем и доказывая, что «ангел вложил Владимиру мысль поднять братию свою, русских князей, на иноплеменников». Весной 1111 г. объединенная рать выступила в поход.

На Дону город Шарукань открыл русским ворота, Сугров пришлось сжечь, а половцев все не было. Тогда Мономах пошел дальше, к Кавказу. 24 марта половцы решились на битву, заполонив собою весь окоем. Князья, поцеловавшись, сказали: «Станем крепко, насмерть». Двинулась дружина и истребила половцев видимо-невидимо. Но еще не все враги собрались, еще сбегались воины со степей к молодому хану Шаруканович. На третий день вновь обложили половцы полки русские. С громом столкнулись полки, головы летали и кровь заполняла овраги. Говорили потом, что ангелы реяли над полками русскими и секли врага сверкающим оружием. Остатки половцев бежали за Волгу и Кавказ. Слава об этой победе разлетелась по Греции, Венгрии, Польше, Чехии и до самого Рима.

Великое княжение киевское

Когда умер Святополк, киевляне послали сказать Мономаху: «Пойди, князь, на престол отцовский и дедовский». 60-летний Владимир колебался, а тем временем народ в стольном граде принялся мстить тем, кто особенно наживался на их бедствиях в правление корыстолюбивого и жестокого князя. Первым делом разнесли по бревнышку дом богатейшего киевского боярина, тысяцкого Путяты Вышатича, затем принялись за его помощников — сотских. Бросились и на дворы проклинаемых церковью евреев, ненавистных ростовщиков, которых подозревали к тому же в изобретении соляного налога (вызывавшего восстания по всей Европе).

Но духовенство и задолжавшая евреям знать недолго радовались. Вскоре от этих «смысленных» киевлян к Мономаху полетело новое послание: «Нападут на невестку твою, и на бояр, и на монастыри, и ты будешь держать ответ, князь, если разграбят монастыри». Владимир приехал. Киевляне утихли. Зато зашевелились половцы, понадеявшись на обычную княжескую смуту. Однако сбор русских войск был отлажен Владимиром — разбойники бежали, не успев пограбить.

Позже русские ратники по приказу великого князя вновь навели порядок на Дону, утвердив его границей Руси на востоке. Половцев загнали за Волгу и Яик, остатки печенегов и торков переселили под Киев. На западе границей Руси стал Дунай. Воевода Иван Войтишич захватил там торговые города

для Леона, сына византийского императора Диогена и зятя Владимира. Но Леон был злодейски убит, и Мономах, подумав, выдал свою внучку Добродею Мстиславовну за нового императора Алексея Комнина.

В те рыцарские времена правящие дома Европы вообще были похожи на одну семью. Младшая сестра Мономаха Адельгейд была замужем за немецким императором Генрихом IV; старшая Анна, монахиня, часто гостила у родственников в Константинополе. Дочери Святополка Изяславича вышли за польского и венгерского королей, дочь Владимира была замужем за королем Стефаном II Венгерским. Старший сын Мономаха женился на дочери шведского короля, а свою дочь выдал сначала за норвежского, потом за датского короля. Вторая дочь Мстислава была женой датского принца и матерью короля Вальдемара I, названного в честь деда, третья — византийской императрицей, четвертая — королевой Венгрии. Таких политических браков было не счесть, только второй сын Владимира Ярополк женился по любви на удивительно красивой осетинке — дочери князя ясов, которую захватил в походе на юг.

Военные силы, за десятилетия накопленные для борьбы с половцами, и отношения между князьями, когда младшие привыкли выступать в поход по зову старшего, обеспечили Руси относительный мир в течение 12 лет великого княжения Мономаха (1113—1125) и 7 лет — державе его сына Мстислава Великого (1125—1132). Восстававших против его власти князей Владимир по первому разу прощал с одним только условием: «Всегда иди, когда я позову». Но попытки призвать на помощь поляков, венгров или чехов оканчивались для князей-смутников изгнанием. Поражения, которые во время усобиц осмеливались наносить русским дружинам племена северные, были отомщены, а Новгород и Ладога окружены могучими крепостями. На востоке сын Мономаха Юрий Долгорукий, князь ростовский, пресек бесчинства булгар на Волге и возвратился в Ростов с большим полоном, честью и славой.

После смерти Владимира II совет князей принял решение избирать великих князей только из рода Мономаха. Великим князем киевским стали именовать первого среди равных правителя, по указу которого все князья должны были собираться с войском для защиты мира и безопасности Руси. Но Русь уже распадалась на полтора десятка самостоятельных княжеств, и вскоре титул утратил свое значение. О славе и величии государства остались лишь воспоминания. Наступил период раздробленности, длившийся три с лишним столетия.

??

1. В какой обстановке прошла юность князя Владимира?

2. Почему князь с удовольствием вспоминал на склоне лет о своем правлении в Чернигове?

3. Что заставило Владимира отказаться от киевского престола в пользу двоюродного брата и было ли это решение мудрым?

4. К чему стремился и чего добился Мономах во время княжения в Переяславле?

5. На что надеялись киевляне, требуя на престол князя Владимира? Оправдал ли Мономах их надежды?

Глава 5
ДРЕВНЯЯ РУСЬ

§ 15. ИЗБЫ И ХОРОМЫ

Русские летописи — главные письменные источники по нашей древней истории — повествуют главным образом о князьях и дружинах, городской знати и духовенстве. Основная масса населения — «черные» люди, платящие налоги и отбывающие повинности, — появляется на авансцене истории изредка. Если бы не археологические раскопки и не устное народное творчество, мы знали бы только, что крестьяне и ремесленники существовали, кормили и снабжали всем необходимым власть имущих, страдали от неприятелей и княжеских усобиц да время от времени меняли ход событий, поддержав того или другого князя. Посмотрим на Древнюю Русь с птичьего полета, чтобы за пышностью дворцов и храмов разглядеть жизнь «черного» человека — кормильца земли Русской.

Весь Выражение «города и веси» пришло из глубины веков. Весью называлось обычное сельское поселение. Десятки тысяч весей покрывают пространство от Волги до Буга. Они гуще скапливаются вдоль судоходных рек и озер, теряются в лесах на мелких реках и едва видны в непролазных дебрях центра страны. Приглядевшись, мы различим в северных весях рубленные из огромных бревен избы, стоящие прямо на земле или поднятые на ледниковые валуны.

Дома изрядной величины, но не потому, что жители очень богаты: бо́льшую часть дома занимает хлев для скотины, овин с запасами сена, житницы для зерна, сарай для саней и прочего инвентаря. Рыбаки закатывают в дома лодки, а то и целые морские суда — кочи. Скаты крыши высоки, а потолков еще

нет. Над головой при свете горящей в железном поставце лучины видны почерневшие стропила.

В жилье много места занимает народная любимица — русская печь. Строится это замечательное инженерное сооружение особыми мастерами на отдельном фундаменте. Нигде в мире не изобрели и близкого по эффективности обогревательного прибора, служащего еще кухонной плитой, лежанкой, баней, сушилом — и всем, кроме разве средства передвижения.

Печь дает силу и способствует мечтательности русского характера. Илья Муромец 30 лет не слазил с печи, пока не пришло время его подвигов. Главный сказочный герой Иванушка исправил единственный недостаток печи и путешествовал, не покидая ее. Веками мастера совершенствовали печь, но радикальной идеей была только одна: выводить дым в трубу над крышей. Выпускать дым через прорезанные между верхними венцами избы и задвигающиеся доской узкие волоковые оконца было экономно и полезно против комаров и всякого гнуса. Но из-за клубившегося в избе дыма люди столетиями ходили черными.

В центральной полосе России большая изба сменяется множеством отдельных построек для жилья, скота и запасов. Чем дальше на юг, тем реже встречаются маленькие избенки у воды — бани. На Среднем Днепре, Десне, Припяти и южнее можно разглядеть хаты, чуть ли не наполовину вкопанные в землю и даже сложенные не из бревен, а из обмазанных глиной хворостин. Вместо печей здесь встречаются открытые очаги, ведь людям больше досаждает не холод, а летний зной.

Пахарь на юге идет за большим тяжелым плугом со множеством полезных приспособлений, а в северных лесах пользуются простой сохой. Ведь на юге глубокий слой черноземов, а чем дальше на север — тем плодородный слой тоньше и плугом его можно выпахать за один сезон. То ли дело соха, не выворачивающая глину и песок из-под перегноя. Северному земледельцу и так приходилось раз в несколько лет выжигать и расчищать новый участок леса, пока постепенно не перешли к трехпольной системе земледелия.

Трехполье подразумевало севооборот с чередованием культур: одну часть земли обрабатывали, но не засевали (оставляли под паром), на другой осенью сеяли озимые (большей частью рожь, способную переносить зимовку под снегом), на третьей весной — яровые (рожь, пшеница, ячмень, овес, просо, гречиха). Прошло немало времени, пока развитие скотоводства дало довольно естественных удобрений для скудных

северных почв: не только огородов, где навоз использовали в первую очередь, но и полей. Когда именно это произошло — тайна велика есть. Но использовать яровой и озимый посев стали еще в языческие времена.

Погост Ни на севере с его бедными почвами, ни на юге, где одни степные разбойники сменялись другими, дома не отделывались на века, в них не было утвари, которую нельзя было бы унести или своими силами восстановить. Мебель ограничивалась столом и лавками, убранство — половиками, полавочниками, скатертями и полотенцами-ширинками. В доме имелись ручные жернова для размола зерна, деревянные бочки, корыта, глиняные корчаги и горшки.

Женщины свое богатство носили на себе: цепочки, монисто, серебряные и бронзовые подвески, кольца, браслеты, жемчужное и бисерное шитье головных уборов — кокошников, разноцветные бусы, продаваемые бродячими купцами — коробейниками. Орудия труда — железный серп и пряслица для веретен из розового шифера с Волыни, которые находят по всей Руси, — было нетрудно унести. В путешествиях женщина вешала на грудь ларчик для домашних мелочей и нож. Мужчины владели серебром и золотом в виде ошейников — гривен, браслетов и нагрудных амулетов (на которых в христианские времена появилось изображение креста), а из железа имели копье или меч, топор, нож и сошник.

Мобильность и привязанность не к своему клочку пашни, а ко всей Русской земле стали основой национального самосознания. Не случайно село, к которому, как легко видеть с высоты птичьего полета, тянутся дорожки от окрестных деревень-весей, именуется погостом (от понятий гость, гостить). С утверждением христианства село стали отличать от деревни по наличию церкви. Словом «погост» обозначали уже церковную общину, приход (а также кладбище), объединяющий сходившихся к храму жителей сельской округи.

Гостем именовали приезжего, чужеземца, а слово «гостинец» означало не только подарок, но и большую проезжую дорогу. Погосты строила, как мы помним, княгиня Ольга, используя их для постоя княжеской дружины во время сбора дани. Погосты основывали и ватаги славян, расселявшихся в поисках новых земель как среди родственных, так и между финно-угорских, балтских и иных местных племен, вскоре роднившихся с жителями окрестных весей. Недаром похищение девиц в жены себе («с какой кто уговорится») на игрищах

и плясаниях долго оставалось излюбленным свадебным обычаем большинства славянских племен, а идея сговора с родителями и выкупа невесты упорно не прививалась.

То, что белоозерская весь, ростовская меря, муромская мурома и вообще заволочская чудь оставила след разве что в курносом и скуластом облике многих россиян, народных говорах с «оканьем» и «цоканьем», да замысловатых узорах на вышивках — свидетельствует о неколебимой мощи и притягательности древней культуры славян-земледельцев, легко снимавшихся с места и расчищавших себе новые поля среди народов, которые живо уподоблялись пришельцам и сливались с ними. Историки отмечают, что картина древнерусской деревни, которую можно воспроизвести по археологическим находкам, ничем особенно не отличается от значительно лучше известной сельской жизни XVIII—XIX вв.

В чрезвычайно стабильном, мало подверженном изменениям укладе крестьянской жизни значение имели не столетия, а повторяющийся годовой цикл, определяющий, когда пахать, сеять и собирать урожай, заготавливать сено и дрова, добывать зверя и птицу, ставить квас, мед и брагу, когда праздновать и веселиться. Как огурец всегда был огурцом, так лапоть — лаптем, и как повязывала платок — убрус матушка Ильи Муромца, так его и сейчас в деревне повязывают. Изменявшиеся социальные и экологические условия и орудия труда, даже прямая война государства против крестьян (при Иване Грозном и Петре I) до XX в. не смогли поколебать прочных устоев сельской жизни.

Уж на что церковь ретиво преследовала идущие из языческой древности праздничные обычаи, хороводы, свадебные песни, надгробные плачи и поминки, заговоры и заклинания, наносящие урон христианской нравственности игры вокруг костров в ночь на Купалу и общие посиделки зимой — никакого следа многовековые усилия мощной организации не оставили. Только вконец испоганив природу, технологической цивилизации удалось истребить русалок и леших, но еще живы домовые и действуют приворотные зелья, да молодежные игры слегка переменили форму.

Скептическое отношение к потугам светской и духовной власти полонить умы, всегдашняя готовность удалиться от оной на необходимое расстояние и жить своим разумом — черта русского характера стойкая, однако исторически не вполне положительная. Ведь когда люди с сильным, самостоятельным характером уходят куда глаза глядят, оставшиеся попадают

под более тяжкое ярмо. Недаром восстания против деспотизма побеждали в странах, где людям было буквально некуда деваться (в Нидерландах, Англии и т. п.).

Боярский двор Ярмо неволи в Древней Руси имело зримые очертания. Уже в VIII—IX вв. мы можем увидеть среди весей и погостов тысячи укрепленных строений — хором. Они состояли из деревянных срубов, подобно хороводу окружавших сомкнутыми стенами небольшой двор, обычно на холме. В хоромах гнездился боярин со своими домочадцами и слугами (челядью), всего 20—30 человек. У подножия холма была разбросана сотня-другая жилищ зависимых крестьян: холопов — рабов, закупов — временно несвободных должников, отрабатывающих взятую некогда ссуду — купу, и рядовичей, ставших холопами по договору — ряду с ограничительными условиями.

Хоромы знаменовали собой господство над крестьянами, принадлежащими владетельному семейству. Кроме хором и людей, боярин владел землей, угодьями, пчелиными бортями, рыбными ловлями, скотом и птицей, запасами зерна и снеди, хозяйственным инвентарем и деньгами — всем тем, что могло понадобиться обычному крестьянину — смерду, особенно в тяжелый год.

Смердами в Древней Руси называли свободных горожан и крестьян. Лично свободных крестьян в стране было подавляющее большинство, однако и шансов угодить в кабалу у смердов хватало. Например, рабов добывали в военных походах, в том числе во время усобиц. Так, Изяслав Ярославич с братьями в борьбе со Всеславом «взяли Минск и изрубили всех мужчин, а женщин и детей увели в рабство». Владимир Мономах тоже хвастался: «Ходили с черниговцами и с половцами к Минску, захватили город и не оставили там ни челядина, ни скотины».

Раб был вещью, имуществом господина, и убить его хозяин мог так же просто, как разбить горшок. Если раб поднимал руку на свободного — его убивали. Убить чужого раба без повода значило нанести вред имуществу: за это следовало заплатить цену холопа владельцу и штраф 12 гривен князю, как за всякую порчу чужой собственности. Холоп не мог свидетельствовать в суде, а дети и все изделия раба принадлежали хозяину. Женившийся на рабе без ряда с ее господином становился не рядовичем, а полным — обельным — холопом. Смерду, взявшему в тяжелый год ссуду, приходилось отрабатывать ее

почти как холопу. Хозяин мог побить закупа за провинность (за битье без вины полагался штраф), но не мог продать. Закуп отвечал за порчу имущества господина, а не выплатив купу, совершив преступление или попытавшись бежать, превращался в раба.

Особая подлость системы угнетения состояла в том, что порабощение проводили рабы. Приказчиками, ведавшими хозяйством и домом любого господина — тиунами и ключниками — могли быть только холопы или рядовичи. Они ненавидели свободных смердов и стремились обратить их в рабство. Смерды, жившие на земле, так или иначе присвоенной или пожалованной боярину князем, постоянно чувствовали эту опасность. Развитием этих отношений стало появление в селах принадлежавших боярам укрепленных дворов, тип которых местами сохранился до сих пор: дом, хлев и сараи стоят глухими стенами наружу, а свободное пространство между ними перекрыто высоким забором с воротами, в которых имеется калитка. Здесь, как в тюрьме, жили холоп-приказчик, рабы и закупы, вынужденные оберегать хозяйское добро от свободных и окруженные ненавистью соседей. Но у боярских хором и дворов было свое пугало — княжеские замки.

1. О чем напоминают нам древние названия «весь» и «погост»?

2. Что общего было в укладе жизни русских крестьян севера, юга и центральной полосы? Какие различия вам запомнились?

3. Почему так устойчив был веками образ жизни русской деревни?

4. Какие виды неволи несли в себе боярские хоромы?

§ 16. ЗАМОК

Вся Западная и Центральная Европа покрыта различными по архитектуре, но одинаковыми по замыслу следами средневековья: рыцарскими замками, тяжелыми и зримыми символами господства вооруженного меньшинства над покоренным населением и постоянной войны владетелей микроскопических государств между собою. На Руси таких символов средневековья почти не осталось, но это не значит, что их не было. Экспедицией академика Б. А. Рыбакова были тщательно изу-

чены остатки замка в Любече, построенного Владимиром Мономахом в бытность его князем черниговским. Рассмотрев устройство и жизнь этой крепости, мы можем быть уверены, что познакомились с основными чертами всех русских княжеских замков и отношений, завязанных вокруг них.

Гнездо Мономаха Замковая гора в древнем городе Любече у Днепра отрезана от домов горожан глубоким рвом. Укрепленная площадка на вершине крутого холма невелика — всего 35×100 метров. Князю не приходило в голову строить защиту для кого-либо, кроме себя, своей дружины и имущества. Дубовые срубы с жилыми клетями внутри образовывали высокую стену с внешней стороны. Стена с проходящей по ее верху крытой стрелковой галереей охватывала замок отдельно от города. Подъемный мост через ров вел в мостовую башню. Пробившийся через нее супостат попадал в узкий проезд между двумя стенками, поднимавшийся к главным воротам с двумя башнями.

Неприятель, избежавший смерти на этом пути, упирался в расположенный под башнями длинный туннель с тремя заслонами. Проломав оные, обваренный кипятком и оглушенный каменьем незваный гость оказывался в дворике внешней стражи, огороженном тыном (стенкой из врытых в землю заостренных сверху кольев). Во дворике располагались каморки с очагами для обогрева часовых, погреб и ход на стены. Увы, отдохнуть здесь штурмующему замок не пришлось бы. Главная четырехъярусная башня — вежа, подобная западному донжону, высилась над всеми замковыми постройками, не связанная со стенами, но позволяющая простреливать все крепостное пространство.

Только через вежу с ее мощными вратами можно было пробиться к хозяйственным клетям со всевозможной «готовизной» — мясом, рыбой, вином, пивом и медом, к овощехранилищам и сеновалам, к глубоким подвалам с запасами зерна и воды. Благодаря этим запасам 200—250 человек жителей замка могли просидеть в осаде более года. Без ведома хранителя вежи нельзя было попасть ни к парадному двору с шатром для почетной стражи, за которым высился княжеский дворец с тремя высокими теремами, ни к небольшой церкви под свинцовой кровлей.

В нижнем этаже дворца здесь стояли печи, хранились необходимые запасы для повседневного дворцового обихода, жила челядь. Парадным был второй этаж, опоясанный ши-

рокой крытой галереей — сенями для летних пиров. В княжеской палате, богато украшенной майоликовыми щитами, оленьими и турьими рогами, можно было принимать почти 100 человек. Наверху, в теремах, хозяйничали женщины. Как и везде на Руси, собирались они на посиделки с прялками, только помечая пряслица своими именами, как грамотные горожанки, а не значками, подобно большинству крестьянских жен, и прядя не лен, а тонкую шерсть да драгоценные нити на вышивку.

Замок был полон тайн. В каждом здании прятались свои запасы пищи и воды, которой накапливались сотни тонн. Из дворца, одной из медуш и от церкви на разные стороны замковой горы вели глубокие подземные ходы. Но из мрачных подземелий центральной вежи, владыка которой управлял всем движением людей в замке, тайного выхода не было. Этот человек не мог отступить и спрятаться. Он успел только зарыть под башней груду великолепных золотых и серебряных украшений, доставшихся археологам.

Но кто же был хранителем высокой вежи замка Мономаха и как случилось, что столь основательно подготовленное к обороне сооружение было без больших трудов взято смоленским князем, разграблено и сожжено в 1147 г.? Ни пожаров при штурме, ни проломов, ни утыканных стрелами стен и рассыпанных костей: чистенькое пепелище с одной лишь зловещей деталью — драгоценным кладом, за которым так и не смог вернуться хранитель вежи...

«Тиун его как огонь... рядовичи как искры»

С высокой башни замка далеко озирал окрестности Любеча особо доверенный княжий холоп — огнищанин. Он — глава княжой вотчины, выше любого боярина, не только местного, но и дружинного. Ему подчиняется подъездной княж — сборщик податей, и приказчики — тиуны. Разве что старший конюший может сравниться с огнищанином, хотя жизнь всех этих важнейших для хозяйства рабов князь оценивает одинаково. 80 гривен (4 килограмма серебра) — сумма годовой дани с крупной волости, — такой штраф налагался на убившего княжьего слугу из праведной мести за причиненную обиду. Если убийца был неизвестен, штраф налагался на округу, где было найдено тело: эта круговая порука называлась дикой вирой. Когда же огнищанина или подъездного убивали без оправдательных в глазах закона обстоятельств — преступника уничтожали «во пса место».

Не стоит удивляться, что жизнь холопа оценивалась ровно вдвое выше, чем свободного мужа (например, дружинника или купца), и что княжьего раба нельзя было убить даже по священному праву кровной мести. Холопство прихлебателей всегда было особо дорого власть имущим. Для истории важен перепад цен на жизнь. Убийство знатной женщины оценивалось, например, в 20 гривен, а вот княжий сельский староста, боярский тиун, ремесленник и ремесленница, пестун (воспитатель) и кормилица стоили одинаково, по 12 гривен. Рабыня ценилась в 6, а раб — только в 5 гривен.

Видно, крепко был ненавидим огнищанин с его подъездными, вирниками, мечниками и иными бодрыми подручными, коли его жизнь пришлось охранять воистину диким штрафом. Не случайно князь доверил ему высокую вежу — сердце обороны замка. Изменить князю огнищанин не мог, не пригодился бы ему и подземный ход. Без защиты князя едва ли не каждый встречный убил бы злого холопа с превеликим удовольствием. Ведь правители замков пользовались тем, что князья то и дело переходили в новый город, на новый престол, особо не заботясь о сохранении благосостояния местных жителей и стремясь как можно скорее взять с владений елико возможно больше. Свора огнищан с подручными рыскала по всей стране от Киева до Белоозера, обогащаясь за счет едва прикрытого грабежа и «творимых вир» — надуманных поводов для штрафов.

Не только смерды, но и бояре страдали от жадности слуг, поставленных князьями собирать дани и творить суд вместо себя. Недаром мудрый древний книжник советовал боярину: «Не имей двора близ княжа двора и не держи села близ княжа села: тиун его как огонь... рядовичи как искры. Коли от огня убережешься — от искр не сможешь устеречься». Рядовичи здесь упомянуты не случайно. Замки правдами и неправдами обрастали собственным хозяйством. Даже смерд, порядившийся с огнищанином, мог покуситься на лужок или лесок соседей — обогащая себя, он расширял владения замка.

Единственной рекомендацией, которую давали простым подданным церковные авторы, составлявшие поучения, было «послушным быть до смерти, трудиться до смерти». Богатым и знатным советовали: «Князя бойся всею силою своею». Бояре понимали, что не могут сравниться с князем и в мере господства над зависимыми людьми. «Не разгневай мужа в нищете его», — говорило поучение тому, кто не располагал достаточной силой для обуздания отчаявшихся бедняков.

Сила и закон

Безумная алчность власть имущих, готовых разорить и уморить голодом тех, кто их же кормит, испокон веков ограничивается силой сопротивления подданных. Поборы князей и их холопов ослабляли крестьянское хозяйство, лишая его запасов на случай неурожая. Отдельные смерды еще могли выжить в тяжелый год, сделавшись закупами или холопами. Установления Русской Правды — свода законов, создававшегося князьями от Ярослава Мудрого до Владимира Мономаха, защищали замок от гнева бедняков. Русская Правда стеной стоит за слуг князя, его земли, закрома, кладовые, хлева, борти (ульи диких пчел) и прочие владения. Она оберегает княжьих коней, волов, коров, коз, овец, свиней, кур, голубей, уток, гусей, лебедей и журавлей, рабов, рабынь, рядовичей, собак, ястребов, соколов и прочее.

Угроза княжеской дружины не всегда могла отвратить отчаявшегося человека от вооруженного сопротивления огнищанину или тиуну. Но огромный штраф — фактически грабеж всей округи — заставлял самих смердов сдерживать гнев разоренных соседей. Иное дело, когда речь шла об общем бедствии. «Видишь, князь, люди взвыли!» — услыхал Изяслав Ярославич в 1068 г. и, поглядев в оконце на разгневанных киевлян, почел за благо бежать. Восстания смердов указывали, где проходит грань, переступив которую власть имущие должны были думать о спасении собственной жизни.

Положения Русской Правды должны были охранять существующие отношения в целом. Наказание за разрушение межи — границы между земельными владениями, или за кражу, разбой, убийства и пытки, защищают даже смердов (хотя пытка смерда стоила 3 гривны, а огнищанина — 12). Но сама по себе охрана порядка, которой ожидают от власти подданные, интересует власть с точки зрения самосохранения и особенно — выгоды. Ведь основная часть штрафов идет не в пользу пострадавших, а в мошну князей.

Еще Ярослав Мудрый, жалуя новгородцев льготной грамотой, под предлогом борьбы с кровной местью, во-первых, присвоил себе право регулировать отношения оскорбителя и оскорбленного, во-вторых, при отсутствии у убитого родных ближе отца, сына, дяди и племянника забирал штраф за убийство себе. В дальнейшем князья установили, что имущество смерда, не оставившего после себя сыновей, переходило в их казну. Общинникам не оставалось ничего, хотя они были связаны круговой порукой. Это князь мог, а забрать имение умершего боярина и дружинника не мог, потому что его право

обирать смердов обеспечивала именно дружина. Однако самые острые булатные мечи дружины и могучие дубовые стены не гарантировали неприступности княжеского замка.

Превышение возможностей грабежа народа способно было вышвырнуть князя с престола и из любого замка, как из катапульты. А многочисленность князей позволяла подданным обеспечить переход власти к тому, кто их больше устраивал. Одному говорили: «Ты — наш князь, где узрим твой стяг, там и мы с тобой!» Другому заявляли: «Поди, княже, прочь. Ты нам еси не надобен!» Те, кто был способен подкрепить подобные заявления делом, заставляли власть считать их выгоду своей.

Увы, это были не крестьяне, которые даже в былинах редко и с неохотой отрывались от плуга для участия в битвах и походах. Зато земское боярство нуждалось в князьях как защитниках собственной власти. Оно могло выставить в поле воинов, превосходящих числом княжьи дружины, способно было дать денег для сбора войска. Боярам не раз удавалось добиться, чтобы городские ворота оказались затворенными перед претендентом на престол. Недаром «Устав» Владимира Мономаха — новые статьи, внесенные князем в Русскую Правду, — тщательно учитывал интересы боярства.

Конечно, князь, занявший престол во время народного восстания, должен был поумерить пыл своих управителей. «Покон вирный» определял, какой прокорм должно давать население вирникам — чиновникам, взимавшим штрафы за преступления. Мономах строже регламентировал «продажу» — княжескую долю штрафов. Более четко было определено положение закупов и холопов. Однако главное отличие «Устава» Мономаха в том, что здесь реже употребляется слово «княжее», добавляется — «боярское», а в основном речь идет о «господине»: то есть защищается и княжеский замок, и боярские хоромы. Темы укрепления прав собственности и ограничения чиновного произвола развиваются в Русской Правде на фоне признания земского боярства как мощной политической силы.

Даже вовсе не разумное на первый взгляд разделение страны между Мономашичами отвечало настоятельному требованию бояр. Их не устраивала власть, способная прийти им на помощь лишь спустя несколько недель, и при этом не радовало правление наместников-временщиков. Для боярского хозяйства не нужны были огромные масштабы Древней Руси. Наоборот, порабощать смердов, извлекать больше доходов из

труда холопов и закупов было удобнее при своем князе. Таком, который старался бы прожить в мире с боярством и передать детям не разоренную грабежом землю, а крепкую княжескую вотчину — наследственное владение.

Возможность основательно строить свое гнездо при поддержке боярского войска оказалась весьма привлекательной для князей. Тем паче что, когда князь тянул засевших в своих вотчинах бояр на какую-нибудь нежеланную для них войну, те, по меткому выражению летописца, «идучи не идяху». Зато слишком ретивому князю спешили намекнуть на широкий выбор из числа его родичей, кормившихся в городках типа Курска. А дружина, с помощью которой можно было бы покарать непокорных, сама видела свое будущее в теплых и уютных хоромах посреди собственных вотчин. Героические времена минули.

1. Заметили ли вы различия в строении замка Мономаха и средневековых замков Западной Европы?

2. Кому принадлежал клад, зарытый в замке, и откуда взялись эти драгоценности?

3. Чьи интересы и как защищала Русская Правда?

4. Как вы думаете, в чем были слабые места замка Мономаха и почему хозяин не смог вернуться за своим кладом?

§ 17. ГОРОД

Древнерусские города играли важнейшую роль в развитии государства. Многие из них были политическими и экономическими центрами крупных племенных объединений задолго до легендарного Рюрика. Возводили города и князья: например, Псков, Юрьев, Владимир-Волынский и Ярославль, а позднее и Москву, — хотя это не означает, что строили они на пустом месте. Городские смерды — ремесленники и торговцы — в максимальной степени обеспечивали технико-экономический прогресс страны. Будучи средоточием церковной жизни и просвещения, города вносили основной вклад в развитие культуры. Город служил общей крепостью для всей округи, коллективным замком для князей, бояр и дружины, центром государственного управления — и одновременно тем местом, где правителей могли наиболее убедительно призвать к ответу, в крайнем случае выгнав князя за ворота.

Становление Москвы

О возникновении и первоначальном развитии средневековых русских городов мы имеем сведения легендарные и отрывочные. Но общие черты этого процесса довольно явственно проступают в истории Москвы. Место, где она возникла, находилось в сердце дремучих лесов, по которым уже около 3 тыс. лет до н. э. бродили охотники и рыболовы. Самое раннее поселение здесь относится к неолиту. В бронзовом веке скотоводческие племена фатьяновской культуры славились по всей Европе шлифованными до блеска каменными и металлическими топорами. К железному веку, примерно к середине VII в. до н. э., на территории Москвы относятся сильно укрепленные дьяконовские городища.

Примерно в V в. н. э. в московских лесах живут вятичи. Их богатое серебром поселение стояло и на Боровицком холме, в центре современного Кремля. Мужчины у вятичей были непритязательны и отправлялись на тот свет только с ножом на ремне. Зато женщины и перед предками стремились покрасоваться знаменитыми семилопастными кольцами для прически, подвешивая к волосам от двух до семи таких колец. Погребения вятичей в курганах (самые поздние датируются XIVв.) узнаются также по бусам из горного хрусталя и красного сердолика, по решетчатым перстенькам с хитрыми узорами. Можно верить восточным авторам, что мужи прямо разорялись на эти украшения, хотя и арабские монеты все же у них оставались.

В 40 километрах к северу от Боровицкого холма проходила граница вятичей со вторым племенем, сыгравшим важную роль в формировании русского народа, — кривичами. Не менее упорные в своих пристрастиях, те хотя и уводили женщин у вятичей, но украшали их прически исключительно браслетообразными кольцами. Даже спустя столетия после образования Древнерусского государства старейшина вятичей Ходота два года не покорялся Владимиру Мономаху. Тот, в свою очередь, считал подвигом проезд через вятичские леса, а киевляне вообще называли Русь за этими лесами «Залесской». Уже в 1175 г. два войска, шедшие друг против друга из Москвы и Владимира, заблудились и разминулись в густых лесах.

Главное для истории, что не заблудился сын Мономаха Юрий Долгорукий, получивший от отца в княжение Ростово-Суздальскую землю. Направляясь из Южной Руси во Владимир, он угодил на Москву-реку и узрел по берегам ее красивейшие села богатого боярина Стефана Ивановича Кучки. Хоромы его на Боровицком холме были окружены посадом —

селением ремесленников и торговцев. Князь «взошел на гору и, обозрев с нее очами своими семо и овамо по обе стороны Москвы реки и за Неглинною, возлюбил села оные». Он тут же убил Кучку и присвоил его владения. На месте боярских хором Долгорукий поставил княжью крепость и назвал ее в честь реки Москвой. Это название со временем вытеснило старинное именование Кучково. К западу от Москвы лежало Смоленское княжество, к югу — Черниговское, на юго-востоке — Рязанское. Крепость, окруженная посадом, закрывала водный путь из Рязани на север, к Ростову, и на восток, во Владимир. Сухопутные дороги были проложены в лесах на Владимир, Ярославль, Новгород и Рязань.

Самое раннее летописное упоминание о Москве относится к 4 апреля 1147 г., когда Юрий Долгорукий дал здесь «обед силен» своему союзнику Новгородскому князю Святославу Ольговичу. Гостя было чем угостить: место славилось бортными угодьями, лосями, медведями, зайцами, тетеревами и водной птицей. Помимо сельского хозяйства, ремесла и торговли, москвичи промышляли мехами бобра, волка, лисы, куницы и белки; до XVI в. сохранилась память о водившихся окрест соболях и горностаях. Город потихоньку богател, укрываясь в дебрях, сохранившихся даже у подножия Боровицкого холма. Лишь раз в ходе княжеских распрей Москва была сожжена князем Глебом в 1176 г. Тем временем княжья крепость стала важным местом сбора войск владимиро-суздальских князей, что весьма способствовало развитию ремесла. В начале XIII в. город получил собственного князя: младшего сына Всеволода Большое Гнездо, а затем его малолетнего внука. К первому собору Рождества Иоанна Предтечи и храму Спаса на Бору прибавилось несколько новых церквей и монастырей. Все шло хорошо, пока с юго-востока не заявились татары...

Прогулка по древнерусскому городу

Мысленно посетив древнерусский город, мы прежде всего узрим могучие на вид дубовые стены на обрывистом мысу, с трех сторон окруженном водой, на высоком холме или на мощном земляном валу. Рост городов век за веком отмечен расширяющимися кольцами новых укреплений. Недавно появившиеся в городе избы отгорожены от внешнего мира острогом — заостренным сверху частоколом. Княжие и боярские дворы обычно стоят в центральной, первоначальной крепости — кремле (детинце). Здесь же сохраняются старые дворы ремесленников и купцов. Кремль

невозможно запереть от пришлого народа, потому что в нем высится главный храм города — собор.

Улицы в городе образуются смыкающимися заборами соседних дворов и украшены только приходскими церквями. Дома и хозяйственные постройки стоят в глубине, на задних дворах у них — огороды. Все зажиточные горожане держат еще владения за городом, стараясь иметь собственные продукты, а выгоном для скота и лугами пользуются совместно. Улицы выглядят скучновато, зато часто имеют деревянные мостовые и обыкновенно — пешеходные настилы вдоль заборов.

Что в городе отсутствует — так это тишина. С первыми петухами раздается перезвон десятков и сотен наковален; молотам и молоточкам кузнецов вторят топоры и деревянные киянки плотников и столяров; жужжат гончарные круги, скрипит кожа... В небо поднимается дым от печей металлургов, стеклодувов, гончаров. В крупном городе можно насчитать больше сотни ремесленных профессий, даже при том, что простой черный кузнец сделает лемех плуга и гвоздик, а седельный мастер работает с кожей и деревом, кует стремена, чеканит узорные накладки на седельные луки.

Слава русских мастеров простерлась по всей ведомой образованному горожанину земле: от Китая на востоке до Британии на западе. Глаза иноземцев разгорались не только на драгоценные булатные мечи. Утонченный византиец воспевал в стихах нашу резьбу по кости. Западный ученый в технической энциклопедии XI в. поставил Русь сразу после Греции среди стран, прославленных искусствами. Он особенно восхищался тончайшими эмалями на золоте и чернью на серебре. И поныне вызывает восторг русская перегородчатая эмаль, зернь и скань — узоры из мельчайших капелек металла и дивно припаянных проволочек. Простонародье покупало медные литые и чеканные украшения под зернь и скань. А женщины любили носить хрупкие тонкие стеклянные браслеты и колечки.

Работать мастера старались на заказ, но трудились и на продажу. Розничная торговля шла на специальных площадях, сплошь застроенных лавками и лотками. Далеко не все мастерские имели свою торговлю: многие сдавали товар перекупщикам — крупным купцам, лавочникам или странствующим коробейникам. Купцы не сидели на месте, и былинный образ Садко отражает характер тех удачливых торговцев, которые и жену арабского халифа Гаруна аль-Рашида подбили ввести в моду шубы из русских соболей и горностаев — это на знойном-то юге!

Большой торг мы всегда найдем при дороге, а главные дороги на Руси — реки. У пристаней торгуют огромными партиями сельских продуктов: хлебом, льном и коноплей, домашними тканями, воском, салом, мехами и прочим. Здесь можно закупить выплавленный металл, соль, западное сукно и восточный шелк, балтийскую сельдь и индийские драгоценности, вообще все, что в мире производится и добывается. Но русские купцы блюдут свои интересы: иноземцам, будь то волжские булгары или немцы, дозволено торговать лишь в городах, и притом оптом, к скупке товаров у производителей и розничной продаже они не допущены.

Средневековый город издали предупреждал о себе мощной вонью. Если на Западе ночной горшок опорожняли на головы прохожих, то у нас — на огород. Но русские города были много больше немецких или французских по площади и населенности, и на радовавший сердца предков здоровый дух борща и его последствий можно было топор вешать. Не случайно открытые сени делали на втором этаже, ловя свежий ветерок, а терема, где женщины сидели за рукодельем, старались поднять еще выше.

Восклицание поэта «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет!» имело материальный смысл, связанный с составом продуктов питания. Растительная пища была на Руси основной, а рыба и мясо добавлялись по возможности. Пили весьма умеренно, даже на буйных дружинных пирах доходили «до нужной кондиции» примерно за неделю, поскольку закусывали основательно, посуду использовали мелкую, а водку до петровского времени применяли в лечебных целях.

Нарочитые мужи и работные люди

Притулив свое пузатое судно, скажем, к Волховской пристани и выйдя на улицы Новгорода, немецкий купец мог подумать, что город сплошь населен рыцарями. По бревенчатым мостовым стучали подковы коней, на коих гордо восседали бородатые мужи в броне, с копьями, мечами и щитами. Пешим ходом шествовали, не уступая никому дороги, детины в богатой и бедной одежде с непременными мечами у пояса. И немцам, и арабам требовалось время, чтобы понять, что меч, повсеместно служивший признаком воинского сословия, на Руси могли носить все свободные мужи.

Мечи не только носили, но с легкостью использовали для защиты своего достоинства и имущества. Даже буйные викинги знали, что в Гардарике толкать горожанина, тыкать в него пальцем и тем паче хватать за бороду опасно. Ярослав Муд-

рый, устанавливая размеры выкупа-виры, исходил из того, что только целым состоянием можно убедить отказаться от кровавой мести обидчику горожанина: будь то новгородец, киевлянин или вообще безродный изгой, княжий воин (гридень, мечник или варяг), купчина или хозяин ремесленной мастерской (тем более что мастерские и лавки часто держали в городе богатые землевладельцы-бояре).

Древнейшие статьи Русской Правды рисуют нравы всех этих важных, нарочитых мужей, с самой печальной стороны. Они оскорбляют друг друга, грозят обнаженными мечами, бьют насмерть или отрубают разные части тела, присваивают чужих коней, оружие и рабов, ломают копья и щиты, рвут порты. Даже при отсутствии оружия, например, на пиру, мужи бьются чашами и турьими рогами. Их безоружные холопы и слуги бросаются в свалку с дубинами и в случае чего спасаются в крепких господских хоромах. Надо, однако, учитывать, что суждение о любом времени по его уголовному кодексу будет не менее огорчительным.

В реальной жизни горожанки, например, спокойно ходили по городу, смущая непривычных к такой свободе иноземцев. Особенностью русских городов была грамотность. Идучи по улице, мы могли бы подобрать обрывок бересты — выброшенную кем-то записку. Горожане фиксировали на бересте торговые сделки, писали отчеты о работах, донесения, приглашения, любовные письма, записывали загадки и стихи с легкостью, невообразимой для Востока, где письменным языком во множестве разноязыких стран был арабский, и для Запада, где, чтобы научиться писать, следовало прежде изучить латынь. На Руси простой гончар мог украсить изделие пожеланием: «Благодатнейша полна корчага сия». Даже в храме прихожане царапали свои изречения на стенах.

Княжеские штрафы и развитие грамотности способствовали постепенному смягчению нравов. Тому же косвенно служили объединения нарочитых мужей по социальному положению (например, бояр) и профессиональным интересам. В Новгороде богатейшие купцы составляли Иваново сто — корпорацию при храме Ивана Великого на Опоках, в подвалах коего хранились торговые грамоты и договоры, общественная казна и ценнейшие товары. В храме проходили советы и торговые суды, при нем был Гостиный двор и эталонные городские весы. Само собой, обижать члена Иванова ста не следовало. Как, впрочем, и корпорации купцов понизовских, поморских или прасолов. Профессиональная солидарность отражалась и в де-

лении города на пять районов — концов: Плотницкий, Славенский, Гончарский, Загородный и Неревский. Кончане избирали старост концов, уличане — улиц, например, Щитной, где жили мастера по изготовлению воинских щитов.

Каждый мастер кормил в своем доме множество наемных или похолопленных работных людей, необходимых для разумного разделения труда. Ведь изготовление самого простого щита требовало работы над деревянной основой, кожаной обивкой и ременной сбруей, центральной стальной бляхой и оковкой по краям, не говоря уже о росписи для красоты. Считалось справедливым, что, отработав много лет на хозяина, эти люди, и даже холопы, заведут свое хозяйство, выбьются в мужи. Ясное дело, они стремглав летели на крик «наших бьют!». Пока речь шла об обиде хозяина или корпорации, дело кончалось более-менее мощной потасовкой. Но задевать интересы значительной части нарочитых мужей, в особенности объединявшего горожан общего собрания — веча, не следовало никому.

Город и князь

Вече — такой же традиционный элемент русской жизни, как баня. В глубокой древности мужи племени или союза племен собирались на вече под предводительством вождей и старейшин. В VI в. византийский автор упоминал, что для решения политических вопросов собрались «почти все анты». Позже летописец отмечал, что древляне обсуждали свои дела всей «Деревьской землей». Договариваясь с греками, послы Руси говорили, что их послали «великий князь наш Игорь, и князья, и бояре его, и люди все русские».

Вече как народное собрание не сочеталось с полновластием князей. До середины XI в. нам известны два веча, собиравшиеся в Киеве и Белгороде в отсутствие князей для общего спасения от врага. А в 1068 г. киевское вече закончилось изгнанием князя. С развитием городов нарочитые мужи стали нуждаться в вече, чтобы получить поддержку «всенародного множества людей» в противовес княжеско-дружинной власти. Случалось, князья заливали город кровью до того, как граждане набирали силу. Бывало, противостояние оканчивалось мирно, призванием князя, изгнанием его или уступками городу.

Иноземец почти всякое вече мог принять за восстание. Когда на самую большую площадь города по призыву вечевого колокола сходились все мужи в сопровождении своих работных людей, правота того или иного оратора подтверждалась крепостью глоток, а то и кулаков его сторонников. Новгородцы, сделавшие вече основой своей республики, отшлифовали обычаи

народоправства до блеска. Позиции именитых мужей, собиравшихся предложить свои решения, были известны заранее. Партии, стремившиеся получить большинство, производили отсев избирателей уже на мосту через Волхов. Одни пропускали только своих, другие прорывались кулачным боем, неудачников бросали в реку. Итоги подводились на площади.

Если «отцы города» сговаривались заранее и никакого развлечения вече не обещало — устраивали спортивный бой «стенка на стенку». Менее опытные киевляне вынуждены были после каждого веча мириться с тем, что народ разнесет несколько дворов. В 1113 г., призывая на престол Владимира Мономаха, «смысленные» люди Киева признавали, что гнев народа против властей и ростовщиков не удается удержать в рамках обычного вечевого буйства. Еще бы! От недостатков законодательства страдали даже купеческие корпорации, а человек, взявший 6 гривен в долг, должен был нескончаемое количество лет выплачивать по 3 гривны процентов, пока не вернет вдобавок и сам долг.

Мономах пошел навстречу народу, серьезно изменив законодательство. Прежде всего проценты было позволено взимать не более трех лет, после чего долг считался выплаченным. В нашем примере речь идет о 9 гривнах, что составляет 150% (17% годовых вместо 50%). Кроме того, были четко определены права должников-закупов; им было позволено не отвечать за господское имущество и уходить от хозяина на поиски денег или с жалобой князю. Эти и другие статьи Русской Правды были завоеваны прежде всего беднейшими смердами Киева и поддержавшей горожан округи.

«Покон вирный» был уступкой боярам и сельским смердам. Для купцов, постоянно рисковавших очутиться в лапах ростовщиков, особенно важной стала льгота при платеже долгов, если товар погиб на море, в пожаре или на войне. Но кредиторы, которыми часто выступали купеческие корпорации, были вправе распорядиться имуществом того, кто «в безумье чужой товар испортит», пропьет или проспорит. Поскольку русское купечество получало изрядную выгоду от заморских гостей, иноземные купцы получили по новому закону преимущественное право при продаже товаров несостоятельного должника. Тщательно были проработаны законы о наследовании имущества по мужской и женской линиям. Сироты передавались опекуну со всем имуществом и домом до того, как смогут самостоятельно вести дела. Доходы от торговли или ростовщичества шли опекуну, но само дело и деньги он должен был сохранить в целости.

Владимир Мономах, применяясь к степени народного недовольства в Киеве, «польготил» гражданам всей страны. Однако другим городам было весьма трудно добиться от великого князя решения в свою пользу, исключая те случаи, когда он был им лично обязан, как, например, Ярослав Мудрый новгородцам. Издали любому вечу нелегко было сделать свои интересы достаточно весомыми и зримыми, чтобы они дошли до разумения княжей власти. Поэтому города, как и земское боярство, старались заиметь своего, постоянного и знающего местные потребности князя.

Первыми в этом деле шли новгородцы, заполучив малолетнего сына Мономаха Мстислава и полюбив князя, ими же воспитанного. Они возроптали, когда Мстислава перевели в Ростов, и послали сказать новому князю Давыду: «Не ходи к нам». «Новгородцы же, — говорит летопись, — пошли в Ростов за Мстиславом Владимировичем и, взяв, привели его в Новгород». Занятые усобицей князья не поняли значения этого взятия. Через несколько лет Мономах договорился со Святополком, что тот посадит в Новгороде своего сына, а Мстиславу отдаст Владимир. Новгородцы пришли в Киев и сказали великому князю Святополку: «Если две головы у сына твоего, то посылай его. А Мстислава дал нам Всеволод Ярославич, и вскормили мы сами себе князя...» Святополк много спорил с ними, рассказывает летописец, «но они, взяв Мстислава, пришли в Новгород». Против воли города, твердо определившего свой выбор, князья ничего поделать не могли.

1. Почему Древнюю Русь называли страной городов?

2. Что вам запомнилось в истории становления Москвы?

3. Как вы можете описать древнерусский город? В чем он похож на другие города Европы, а чем отличается от них?

4. Как были связаны в городе нарочитые мужи и работные люди?

5. Что такое вече и как оно помогало горожанам договориться с князем?

§ 18. РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ

Угроза киевлян в 1113 г. «разграбить монастыри» не означала, что в их душах вдруг проснулось язычество. Если кое-где волхвы еще могли собрать вокруг себя негодующий народ, то в

основном потому, что, говоря от имени древних богов, придавали мистический смысл стихийному возмущению сложившимся в государстве порядком. А церковь упорно утверждала на Руси, где все свободные издревле мнили себя равными, идею господства одних людей над другими, богоутвержденного неравенства. Церковная организация зримо воплощала формулу: «Рабы да повинуются господину своему». Она сама была важной частью системы власти. В то же время Русская православная церковь не заняла бы столь видного места в государстве, хозяйстве и культуре, если бы не привлекала людей идеалами более возвышенными, чем существовавшие вне ее.

Пастыри и храмы

В широком смысле «церковь» означает все сообщество верующих. В Древней Руси православие признавали единственной правой верой представители власти, горожане и некоторое количество селян, то есть далеко не все население. Еще меньшая часть людей веровала активно: исправно руководствовалась церковными правилами в быту, регулярно посещала храмы и стремилась поддержать церковь материально. Но церковь в узком смысле: как организация профессиональных служителей Христовых, — быстро распространилась и упрочилась при поддержке светских властей.

Устроена она была так. Во главе стоял Киевский митрополит. В крупные города митрополит назначал епископов, которые ведали церковными делами большой округи — епархии, включая находящиеся в ней храмы, монастыри, земельные владения, зависимых смердов, слуг и т. д. Митрополит и епископы принимали от князей десятину — десятую часть всех даней и оброков. Они вели особо торжественные службы в соборах, освящали церкви, ставили в храмы попов — священников и их помощников — дьяконов, вершили церковный суд, независимый от княжеской власти.

Жизнеописания: митрополит Иларион

Первых митрополитов в Киев назначал патриарх Константинопольский из числа греческого духовенства. В 1951 г. Ярослав Мудрый, собрав епископов, поставил митрополитом священнослужителя княжеской церкви в селе Берестовом Илариона. Иларион прославился благочестием, аскетизмом — отказом от земных благ, книжной ученостью и талантом оратора. Но летописец не случайно подчеркивает еще одно его качество: он был русским в отличие от епископов, приезжавших на Русь из Византии и проводивших политику приобщения варваров к империи.

«Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, читавшееся в храме Софии Киевской, стало краеугольным камнем русского хри-

стианства. Опираясь на авторитет Священного писания — Ветхого и Нового заветов, — Иларион доказывал, что христианство, как вода морская, покрыло всю землю, и ни один народ не может хвалиться своим первенством в делах религии. Более того, для новой веры потребны новые люди: они не нуждаются ни в чьей опеке и превзойдут старые народы в служении Богу, который наших соотечественников не зря «спас и в разум истинный привел».

Предрекая русскому народу великую миссию, Иларион восславил Владимира — наследника великих князей, кои «не в худой и не в неведомой земле владычествовали, но в Русской, которая ведома и слышима во все концы земли». Не высокомерные греки крестили Русь, но могучий и славный владыка Владимир, не уступающий, по словам Илариона, равноапостольному императору Константину Великому. «Только от благого помысла и остроумия» принял христианство непобедимый князь, открыв новую страницу истории. Теперь русские являются «новыми людьми», народом, избранным Богом.

Вознося хвалу Ярославу Мудрому, Иларион утверждает, что именно он бросил вызов церковному господству Византии. Самого Илариона летописец не называет попом или дьяконом, но туманно именует пресвитером, то есть священнослужителем. Ведь попы и дьяконы принадлежали к «белому» духовенству, не принимавшему обета безбрачия и жившему среди людей, в миру. Однако высшие церковные чины — епископы и митрополит — могли быть избраны только из черного духовенства — монахов, часть которых тоже получала право церковной службы. Чтобы как-то замаскировать нарушение церковных правил, явно допущенное Ярославом, в летописи рассказывается, что Иларион любил молиться втайне, в вырытой им пещерке, подобно монаху-пустыннику.

Но что было делать «самовластцу Русской земли», желавшему поставить главой церкви русского, коли монастырей на Руси еще не было? Князь все равно поступил по-своему, ибо был не слабее императора, но позаботился о будущем: при его поддержке Антоний Любечанин положил начало знаменитому Киево-Печерскому монастырю. Вскоре добровольные братства людей, отрекшихся от семьи и мирских забот, давших монашеский обет и посвятивших себя служению Богу, стали возникать по всей Руси. Монастыри превратились в крупные хозяйственные центры, средоточие книжной учености и опору духовного единства страны.

На первых порах епископы назначались в пять крупнейших городов, ставших центрами важнейших княжеств. Со временем их число дошло до пятнадцати. Князья, утверждая свое величие и стремясь выглядеть по меньшей мере не хуже других, желали иметь свои епархии и соревновались в красоте и монументальности возводимых ими соборов. Чернигов и Киев, например, почти одновременно, в 1036—1037 гг., украсились огромными каменными храмами. Вскоре церкви Софии-Премудрости, символа богоутвержденной власти, высились по

всем стольным градам Руси. Рано обособившийся Полоцк выделялся и необычной планировкой своего Софийского собора. Оригинальные архитектурные стили не преминули завести у себя Новгород, Галич, Смоленск и Владимир-на-Клязьме.

Древнерусские храмы стали зеркалом мастерства и духовности своих строителей. Сочетая влияние Византии, Востока и Запада, русские зодчие выработали собственный национальный стиль, обогащенный вариациями, свойственными разным частям единой Руси. Для Европы оно может быть определено как высокий образец романского искусства, к которому особенно близок Дмитровский собор во Владимире-на-Клязьме. Сочетание утонченных пропорций с пышной резной орнаментикой, христианской идеи с одушевленным миром языческой природы производит потрясающее впечатление до сего дня. А башнеподобные, стремящиеся ввысь каменные храмы Чернигова, Смоленска, Полоцка и Пскова показывают, сколь богатые идеи почерпнули их строители у мастеров деревянного зодчества.

В средневековом храме объединялись разные виды искусства: архитектура и живопись, скульптура и музыка. Древних икон на досках сохранилось немного, но мозаика из кусочков разноцветного стекла и фрески — особенно прочная, повсеместно распространенная роспись по сырой штукатурке — реставрированы и вошли в галерею мирового искусства. «С киевской живописью XI в., — пишет знаменитый историк русского искусства В. Н. Лазарев, — не выдерживает сравнения ни одно произведение, вышедшее из недр романской школы».

Вступив в мир образов, отделенный от городского шума, человек шел мимо стен и уходящих ввысь столпов, с которых взирали на него святые в одеждах епископов, царей, воинов и монахов. Суровые отцы церкви, готовые поучать и карать, стройными рядами выступали перед алтарем. Тем большее умиление вызывала добрая Матерь Божья, через которую легче было просить о милости Сына, чей огромный лик как бы парил в пространстве купола, затянутом дымом ладана. Не случайно Христос, пронзающий нас очами в Софии Новгородской, как символ Премудрости Божией у мягких потомков полян со временем уступил место Богородице. Но выходя из храма, человек везде испытывал потрясение от ужаса, ожидающего грешников, ибо упирался взором в сцену Страшного суда. В храмах использовали и более простые поучения, рисуя, например, как воевода небесных сил архангел Михаил карает восставших крестьян.

В каждом городе церкви возносились над хижинами и хоромами, создавались как доминанта — господствующая составная

часть архитектурного ансамбля. Под стать храмам была неземная красота богослужения, сладостные звуки церковного хора, роскошь облачений епископов и сознание поразительной власти над человеком в жизни и смерти, якобы врученной им свыше. Все эти детали, включая бесполезное на первый взгляд осыпание священного одеяния драгоценностями, были созданы с учетом особенностей человеческого восприятия. Ведь еще Даниил Заточник, древнерусский мастер саркастического афоризма, отметил: «Богатый возглаголет — все молчат и вознесут слово его до облаков; убогий скажет — все на него крикнут; чья одежда богата — у того и речь умна». Но больше внешней красоты и блеска на людей действует обаяние власти.

Руководство жизнью

Церковному суду подлежало все, что духовенство определяло как святотатство, еретичество, волшебство, языческое моление. С соизволения князей церковь взяла на себя регулирование всех семейных дел и поведения человека в быту. При этом пастыри хотя и учитывали статьи Русской Правды, но руководствовались в основном византийскими церковными и гражданскими установлениями по Кормчей (руководящей) книге и «Номоканону» (собранию законов и правил).

Устремления духовных отцов были благими. Церковь брала под защиту права женщин и детей, не позволяя бить их, мучить и изгонять из дому, ринулась в поход против многоженства, умыкания девиц, насильной выдачи замуж, в то же время ополчившись против разврата и считая женщину сосудом всяких грехов. Но масса мелочных правил, державших византийцев под тяжким ярмом государства и церкви, стремление сделать из здоровых, жизнерадостных людей сумрачных постников, за столетия не нашла отклика в сердцах большинства русских, не исключая убеленных сединами старцев.

Вот как древний проповедник обрушивался на солидных благопристойных горожан, отдающих дань уличным артистам, песням и танцам, водящих детей своих на пиры: «А спросите-ка этих бесстыдных старцев, как жили пророки и апостолы? Не знают они этого и не ответят вам. Вот если речь зайдет о лошадях или птицах — тут они философы, мудрецы!» Что плохого находила церковная власть в почтенном искусстве псовой и соколиной охоты и почему нарочитый муж должен был уподобиться пророку — предки в массе своей не понимали.

Столь агрессивная политика в области нравов вызывала естественное сопротивление. Например, преследование принято-

го у языческих славян срамословия в быту не искоренило его до сего дня. Народ же усвоил примету, что увидеть попа или, хуже того, монаха — к несчастью. Не удалось церкви и такое насущное дело, как предотвращение княжеских распрей. Впрочем, сколько-нибудь серьезно порицать своих кормильцев и защитников епископы просто не могли. Князья строили соборы, давали десятину, чинили расправу над переданными им духовным судом преступниками (церковь могла «смирять» по небольшим проступкам заточением в монастыре). Князья больше всех жаловали епископов землями и рабами.

Именно отвергая рабство, давая рабам личную свободу и призывая к тому же всех господ, церковь способствовала не скорому, но очень серьезному изменению общественного строя. Рабам давали личную свободу, однако прикрепляли к земле, заставляя отдавать часть урожая (оброк) и отрабатывать барщину на хозяйском поле. Объявив себя оплотом изгоев, потерявших защиту мирских обществ, духовные землевладельцы и их сажали на землю, давая ссуду (под проценты), но из христианского милосердия не обращая потом в холопство, а лишь запрещая уходить. Рабовладение не каралось церковным законом, но экономическое превосходство крепостничества над рабским трудом неуклонно прокладывало ему дорогу.

Монастыри Внушительные успехи церковного землевладения объяснялись, конечно, не только антипатией к рабскому труду. Ведь достояние церкви не делилось между наследниками, кроме случая разделения епархий. Монастырские владения рачительно управлялись, быстро превращаясь в образцовые богатые хозяйства. Купец, давший деньги в рост, мог умереть, еврея-ростовщика могли случаем убить, от бессмертного многоглавого хозяина-монастыря должнику спасения не было. В то же время крестьянам и работникам богатого монастыря, как правило, жилось лучше соседей, пахавших на небогатого боярина или княжьего воина, получившего под условием службы клочок земли с крестьянами. Выжимать из хозяйства последние соки монастырям приходилось редко. Обычно монастыри придерживались золотой середины между святостью аскетов, живших только своим трудом, и безумием стяжания, заставлявшего их в голодный год спекулировать хлебом, навлекая на себя гнев народа.

Едва ли не каждый монастырь начинался с попытки глубоко верующих людей уйти от соблазнов окружающего мира в пустыню — безлюдное место, где можно было сосредоточиться на

молитве. Однако эти аскеты долго не удалялись на заметное расстояние от крупных городов, и скоро в пригородные монастыри хлынули пожертвования от верующих, не способных покинуть мир, но желающих спастись молитвами подвижников. Вступление в монастырь новых людей было обусловлено вкладом, в зависимости от размеров коего братья занимали почетные места или становились простыми работниками. Главами монастырей — архимандритами и игуменами — становились богатые люди боярского и купеческого рода. Земельные и денежные пожертвования возрастали, управление хозяйством, торговля, ростовщичество и политика поглощали внимание братии.

История знает немало случаев, когда в поисках святой жизни сами основатели монастырей вновь и вновь бежали в леса из монастырей-вертепов, гонимые облепившими обитель алчными «братьями». И вновь основанные ими монастыри становились форпостами русской колонизации: экономической, духовной и военной опорой христиан-первопоселенцев в дальних и неведомых краях. Их стены давали укрытие от врага, их запасы позволяли выдержать войну и неурожай. Нередко поселенцы становились монастырскими крестьянами и работниками. Но самые неугомонные из них могли бежать дальше, туда, куда брели потихоньку братья-подвижники...

Жизнеописания: Феодосий Печерский

Прославленному монашескими подвигами Феодосию Печерскому (ок. 1036—1091) посвящено одно из древнейших житий — жизнеописаний святых. Он родился в городке Василеве и в детстве переселился в Курск. В семье зажиточных землевладельцев после смерти отца Феодосия распоряжалась по закону и обычаю мать, женщина решительная и властная. Сын ее рос молчаливым и задумчивым. Он избегал детских игр, читал появившиеся в городе христианские книги. Идеал отшельничества, отказа от всего мирского был близок Феодосию. Он перестал носить богатое платье, приличное его положению, облачился в лохмотья рабов и пожелал с ними трудиться. Мать прибегла к испытанному средству — розге. Наслушавшись рассказов калик перехожих — паломников по святым местам, один из коих, игумен Даниил, замечательно описал свое хождение в Иерусалим, подросток увязался за одной из их дружин. Мать поймала его и держала в оковах, пока Феодосий не дал обещания не убегать из дому.

Со временем Феодосий стал видным парнем. Посадник князя Ярослава взял его на свой двор, одел в хорошее платье, но юноша обменялся одеждой с нищим и надел еще железные цепи — вериги для самоистязания. Мать сорвала с Феодосия цепи, раздиравшие тело до крови, и вновь побила. Тогда он бежал в Киев, обошел созданные там монастыри, но не был принят без вклада. Только в пещерки на берегу

Днепра пустили его отшельники, хоть и сомневались, что парень «вытерпит скорбь в месте сем». Феодосий питался хлебом и водой, заработанными своим трудом, стремился услужить братии, носил воду, рубил дрова, молол муку. Летними ночами он выходил из пещеры, обнажался до пояса на съедение тучам комаров и пел псалмы, плетя из шерсти чулки и шапки на продажу. Когда монахи построили церковь, Феодосий приходил в нее первым и стоял не шевелясь до конца службы.

Превзойдя всех подвигами самоотречения, он был избран братией настоятелем монастыря. Феодосий завел самый строгий порядок, какой только мог отыскать в монастырских уставах. Монахов он переселил из пещер в кельи, которые сам проверял днем и ночью. Разговоры и владение собственными вещами запрещались, никто не смел есть иначе как в общей трапезе, и только то, что разрешит настоятель. Даже для мирян Феодосий считал главным не соблюдение правил и постов, а полную покорность духовному отцу. Безоговорочное послушание монахов настоятель считал гарантией спасения души. Феодосий установил, чтобы печерские монахи только с позволения старших братьев принимали сан настоятеля в другом монастыре, епископа или митрополита. Печерская духовная власть оставалась и для высших церковных чинов главным авторитетом, а надежда быть похороненными в месте монашеского обещания помогала пережить мерзость служения «в селениях грешников». Феодосий требовал, чтобы питомцы Киевской Печерской обители повсюду хранили и распространяли ее заветы.

Как писал владимиро-суздальский епископ Симон, послание которого стало важной частью наиболее популярной древнерусской книги — Киево-Печерского патерика (рассказов об отцах-монахах) — краса соборов и богатство его епархии хуже одной щепки Печерской обители. Но возвышения монастыря над Церковью Феодосию было мало. Настоятель добился, чтобы его обитель, как созданная самой Богородицей, освободилась от власти не только архиереев, но и князей. Сам он неоднократно давал пример поучения земных владык, не боясь вмешиваться в борьбу меж князьями.

Везде, куда являлся печерский настоятель, даже в палатах великого князя, исчезали веселье и смех, смолкала музыка. Феодосий учил, что неурожаи, голод, эпидемии и нашествия кочевников — Божья кара за греховность светской жизни. Власть имущие должны были выслушивать укоры человека, творившего, как говорили, чудеса, которому нечего было терять, кроме бренной земной жизни. Только в делах поучения и милостыни велел Феодосий монахам общаться с мирскими людьми. Заступление за обиженных перед князьями и судьями было утверждено им как важнейшее право духовенства. Для больных, убогих и увечных построил он близ монастыря богадельню, узникам в тюрьмах посылал хлеб. Казны настоятель не жалел, ростовщичество — порицал. Благодаря Феодосию Печерский монастырь приобрел политический авторитет и славу святого места, закрепленную на века в книгах.

Книжники Имя печерского монаха Нестора, оставившего нам житие Феодосия, — первое в ряду летописцев, благодаря которым мы в основном знаем историю своей страны вплоть до XVI в. На основании множества источников и по собственной памяти Нестор составил самое знаменитое на Руси историческое сочинение — Повесть временных лет. С нее начинаются почти все последующие летописи, в которых события описаны по годам — летам. Труд Нестора был продолжен игуменом Выдубицкого монастыря Сильвестром.

В XII—XIII вв. летописцы работали не только в Киеве, где была составлена Ипатьевская летопись, продолженная затем в Галицко-Волынской. Замечательным памятником владимиро-суздальского княжеского летописания является Лаврентьевская летопись. Крупнейшим летописным центром стал Великий Новгород. Летописание велось там при дворе архиепископа и в Юрьевом монастыре. Известен летописец Герман Воята, священник церкви святого Якова, и книгописец при том же храме Тимофей. Новгородские бояре и посадники заполняли свой досуг не только игрой в шахматы и охотой, музыкой и пирами. Полагают, что древнейшую новгородскую летопись заказал посадник Остромир, для которого было написано и знаменитое своей красотой «Остромирово Евангелие».

Основными заказчиками летописей в Чернигове, Ростове, Переяславле-Южном и Переяславле-Залесском, Смоленске и Новгороде-Северском были князья и воеводы. Писали их монахи и священнослужители, нарочитые мужи, иногда сами бояре. В дружинной среде было создано «Слово о полку Игореве» — одна из величайших героических поэм рыцарских времен. «Поучение» Владимира Мономаха раскрывает перед нами взгляд на мир с престола княжеского, а «Слово» и «Моление» Даниила Заточника — с позиции человека служилого, который пытается из ссылки объяснить князю: «Храброго быстро добудешь, а умный дорог!»

Сарказм Даниила был весьма популярен у читателей. От Заточника доставалось всем, включая монахов с их видениями и чудесами: «Скажешь, княже — постригись в чернецы. Так я не видел мертвеца, ездящего на свинье, ни черта на бабе, не едал смоквы от дубов». Многие духовные лица «ангельский образ носят на себе, а распутный нрав, святительский имеют на себе сан, а обычай похабный».

Фантастической бесовщины много было в Киево-Печерском патерике. А не вошедшее в него «Житие Авраамия Смоленского» рассказывает, как обличение плохих пастырей навлекло на

попа страшный гнев: Авраамия требовали заточить, «к стене пригвоздить и сжечь», чуть ли не «живьем сожрать». Но к «малым и великим, рабам и свободным» обращался с проповедью не только смоленский священник. Кирилл, епископ Туровский, призывал к состраданию зависимым людям, а митрополит Климент Смолятич насмехался над жадностью епископов, копящих дома, села и угодья.

Климент был мудр не только в богословии: его упрекали за цитирование Гомера, Аристотеля и Платона. Монашеское звание, избавляя от повседневных забот, давало наилучшую возможность читать и писать книги. Недаром «Житие Ефросинии Полоцкой» повествует, как княжна, постригшись в монахини, «начала писать книги своими руками и полученное за них раздавала нуждающимся».

Еще Нестор использовал как первоначальные русские летописи и сказания, составлявшиеся на церковнославянском языке с конца X в., так и переводные исторические памятники. Интерес читателей вызывали переводы из Библии, византийские жития святых, хроники Георгия Амартола и Иоанна Малалы, «летописец» патриарха Никифора, собрания — изборники — исторических и философских сочинений, рыцарские романы.

Увлекались чтением, писанием и переводом книг во всех слоях общества, но важно, что в церквях и особенно в монастырях книги гораздо лучше сохранялись и время от времени обновлялись переписчиками. Монахи больше интересовались духовной литературой, а немногие светские сочинения дошли до нас просто чудом. Даже «Слово о полку Игореве» и «Поучение» Владимира Мономаха сохранились в единственных рукописях. Поэтому, отдавая должное монастырскому книгописанию, не следует считать, что только духовенство было светочем книжной культуры в Древней Руси.

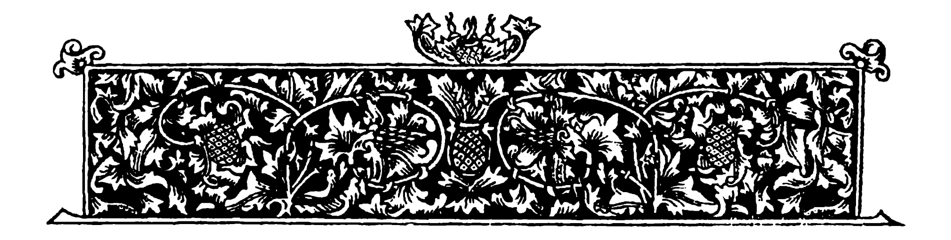
1. Как была устроена церковь в Древней Руси? Почему она называется Русской православной церковью?

2. Какое значение имел храм и чем это значение утверждалось?

3. Какие вопросы и насколько успешно решал церковный суд?

4. В чем вы видите роль монастырей в древней истории Руси?

5. Какие старинные книги вам запомнились? Можете ли вы назвать их авторов?

Глава 6
РАЗДРОБЛЕННОСТЬ

§ 19. КНЯЖЕСТВА И ЗЕМЛИ В XII — НАЧАЛЕ XIII в.

«О светло светлая, украсно украшенная земля Русская, многими красотами удивлена ты... всего исполнена», — вспоминал о былом величии и богатстве Руси автор «Слова о погибели Русской земли». Сознание единства русских земель было еще живо в памяти людей, но великой державы уже не существовало: она была разделена на семь крупных княжеств, которые продолжали дробиться на мелкие уделы. В рамках отдельных земель и княжеств легче было осуществлять реальную власть над подданными — само это слово, означающее «людей под данью», прекрасно характеризует отношение властвующего меньшинства к трудящемуся большинству.

Размеры русских земель продолжали оставаться огромными сравнительно с западными королевствами, однако неприятелей, желавших поживиться расчлененной и охваченной усобицей страной, было в избытке. Тяжко читать призывы благонамеренных людей к объединению страны, обращенные к разделившим ее властям. Князья, охраняя свои границы, легко посягали на чужое. Десятилетиями шел передел земли, нескончаемые войны еще более ослабляли неустойчивые государственные образования, возникшие на руинах Древней Руси.

Разделенная Русь уже не могла успешно играть роль щита Европы при нашествии полчищ азиатских кочевников. Киевский князь мог только просить других вступить «в злат стремень... за землю Русскую». Через некоторое время и временный военный союз против общей опасности стал невозможен. Богатые земли Руси ждали, когда их соблаговолят взять завоеватели. Но пока

князья и бояре не догадались, для кого копят свои богатства, посмотрим на семь основных осколков великой державы.

Господин Великий Новгород На обоих берегах реки Волхов раскинулся величайший из средневековых городов-республик Европы. Берега реки, поделенные на пристани, были густо уставлены кораблями разных стран и народов. Временами они покрывали Волхов так, что пожар с одного берега по судам перебрасывался на другой. Город был обнесен могучими стенами, а вокруг него располагались кольцом укрепленные монастыри. В центральной части высился кремль, защищавший гордость новгородцев — собор Софии, символ государственного суверенитета. «Где святая София — тут и Новгород!» — говаривали граждане, свысока смотревшие на подвластные князьям города.

Сами-то они не допускали, чтобы в Новгород «сажали» князей из Киева, но только «вводили» к себе князя (и при нужде изгоняли), а еще лучше — «выкармливали» с малолетства. Когда в 1118 г. новгородских бояр вызвали в Киев, чтобы заставить присягнуть на верность внуку Мономаха Всеволоду, некоторых из них пришлось заточить за непокорство князю Владимиру. Вот как, по рассказу былины, говорил один из узников, сотник Ставр (которого потом молода жена еле вызволила из «погребов глубоких»):

Ой, глупые бояре, неразумные,
Они хвалятся градом Киевом...
А что за ограда во Киеве
У ласкова князя Володимера?
У меня ли, у Ставра, широкий двор
Не хуже будет города Киева!

В 1136 г., как писал в летописи знаменитый новгородский математик Кирик, «не восхотели люди Всеволода». Горожане восстали и изгнали князя с его приспешниками, конфисковав имущество сторонников княжеской власти. С той поры новгородцы управлялись сами, нанимая князей главным образом для военных нужд и ставя власть города выше всех земных правителей. Если почти все воины Европы писали на знаменах «С нами Бог!», то новгородцы шли в бой с кличем: «Кто на Бога и Великий Новгород!»

Источником власти в республике было вече. Оно избирало главного управителя — посадника и воеводу — тысяцкого, в мирное время ведавшего торговыми делами вместе с архиепи-

скопом и руководством купеческих корпораций. Архиепископа новгородцы именовали владыкой и гордились, что по рангу он был на Руси вторым духовным лицом после митрополита Киевского. Софийскому дому — резиденции владыки в кремле — принадлежали огромные земельные владения, а вместе с духовными властями (архимандритами и игуменами, священниками крупнейших соборов — протопопами) архиепископ играл очень важную роль в решении судеб республики.

Боярские роды и их политические объединения, купеческие корпорации, кончане (выборные главы пяти районов города — концов) и уличане (предводители свободного населения улиц) обычно оказывали определяющее влияние на вечевые постановления. Случалось, однако, что народ — «простая чадь» — приходил в сильное негодование от деяний властей и закулисных сделок сильных мира сего. Тогда мятеж обрушивался на видных деятелей республики. В 1209 г. несметные богатства посадника Дмитра Мирошкинича были разделены восставшими «по зубу, по 3 гривны по всему граду». Через 20 лет «взмятеся весь град» против архиепископа Арсения и тысяцкого Вячеслава, оружие погуляло и по боярским дворам. В результате был поставлен другой архиепископ, а одним из его помощников сделали мастера Микифора Щитника.

Стоя на перекрестке мировых торговых путей, Новгород вел обширную торговлю с русскими княжествами, с Востоком и Византией. Он тесно сотрудничал с купечеством балтийского острова Готланд, Дании и Швеции. В немецком граде Любек, который со временем возглавил Ганзейский торговый союз, новгородские купцы держали торговый двор еще с XII в., как и в Киеве. В свою очередь западные купцы имели Немецкий и Готский дворы в Новгороде. Договоры с Ганзейским союзом охраняли интересы русского купечества, дозволяя иноземцам только оптовую торговлю с новгородскими посредниками.

Отличием Новгорода от западных городов-республик была его огромная государственная территория, простиравшаяся до Ледовитого океана и Урала. Она не только являлась неистощимым источником пушнины, моржовой кости, охотничьих соколов и прочего драгоценного товара. Хозяйственное освоение Севера и большей частью мирное включение тамошних народов в орбиту русской цивилизации давало ремесленно-торговому Новгороду и его форпостам — пригородам прочную экономическую базу. Веча зависимых городов, например Пскова и Ладоги, принимали участие в принятии важнейших государ-

ственных решений. Со временем такие крупные пригороды, как Псков, получили полную независимость.

Великий Новгород изначально не стремился вмешиваться во внутреннюю жизнь городов и земель, построенных и освоенных отважными землепроходцами вместе с местными жителями. Карельский город Карела в XIII в. стал пригородом наравне со Псковом и Ладогой. Племя весь в значительной мере заселило Обонежские погосты. Русские погосты по Северной Двине и Ваге уходили все дальше на северо-восток. Местами, например, на реке Вычегде, погосты оказались заселены людьми, сохранившими русские костюмы и обряды, но говорящими на языке коми.

Бассейн Вычегды и верховья Мезени назывались Старой Пермью и принадлежали коми, а область верхнего течения Камы — Великой Пермью, где жили коми-пермяки. Самой отдаленной колонией Новгорода стала Вятская земля. На Кольском полуострове новгородцы общались с саами, на Северном Урале, идучи через пролив Югорский Шар и вдоль мыса Русский Заворот, — с ненцами. Легко оценить мастерство русских мореходов, подсчитав, что плавание до этих мест составляло около 5 тыс. километров, что равно путешествию из Новгорода в Лондон и обратно.

Владимиро-Суздальское княжество В междуречье Волги и Оки уже в XI в. существовали такие крупные города, как Ростов, Суздаль, Муром, Рязань и Ярославль. При Владимире Мономахе были построены Владимир-на-Клязьме, Переяславль-Залесский и др. Этот край называли Ростово-Суздальской землей. Она обособилась от Киева одновременно с другими княжествами в 1132—1135 гг. при Юрии Долгоруком. Хваткий князь построил Москву, Дмитров, Юрьев-Польской, Звенигород и иные города, воевал с Волжской Булгарией. Но больше всего сил положил он на борьбу за киевский престол, на коем и умер в 1157 г.

Настоящим хозяином Северо-Восточной Руси, как еще называют эту землю, стал сын Юрия — Андрей Боголюбский, избранный князем ростовцами и суздальцами. Новый князь не замедлил проявить крутой нрав: изгнал младших братьев и старую дружину отца, а столицу перенес во Владимир, расширив город и значительно умножив число жителей: «купцов, хитрых рукодельников и ремесленников разных». Образованный князь, не лишенный литературного дара, покровительствовал искусствам и развернул большие строительные работы. При нем поя-

вились такие классические памятники древнерусского искусства, как церковь Покрова на Нерли, Успенский собор и Золотые ворота Владимира, великолепный белокаменный замок в Боголюбове, близ столицы, — от него Андрей и получил прозвище.

Из этого замка князь пытался править самовластно, не считаясь ни с дружиной, ни с боярами, ни с городскими нарочитыми мужами. К тому же его охватила жажда завоеваний. Он бросился на Новгород, но был побит. Тогда устремился к Киеву и разграбил его в 1169 г. Затем Боголюбский решил в союзе с муромским и рязанскими князьями напасть на Волжскую Булгарию. Из затеи ничего не вышло, потому что боярское воинство попросту не явилось. Южнорусские князья тоже не покорились Боголюбскому, отослав его посла назад обритым наголо. Даже энергичный сбор огромного войска не помог: владимиро-суздальская рать вернулась домой после долгой и бесплодной осады Вышгорода.

Неудачи заставляли «самовластца» все больше свирепствовать. 29 июня 1174 г. боярин Яким Кучкович сказал собравшимся по соседству с княжеским замком родным и друзьям, что князь задумал казнить его брата: «День — того казнил, а нас — завтра; а промыслим о князе сем!» Бояре ворвались в княжескую опочивальню и изрубили Андрея Боголюбского. Наутро против княжеских посадников и тиунов восстали жители Боголюбова, затем бить управителей «самовластца» бросились владимирцы.

Кроме Георгия, ставшего впоследствии царем Грузии, сыновей Юрий не оставил. Ростов и Суздаль пригласили к себе по князю, владимирцы в пику им взяли третьего. Ростовцы рассвирепели: «Сожжем Владимир или снова пошлем туда нашего посадника — ведь это же наши холопы, каменщики!» Посадника во Владимир посадить удалось, его подручные стали, вестимо, грабить. Тогда поднялись «новые меньшие люди» Владимира и горожане Суздаля перешли на их сторону. Вернув себе князя Всеволода, владимирцы и суздальцы разгромили ростовцев в сече у Юрьева, разорили и Рязань, где укрылись остатки ростовских бояр.

Началось блистательное княжение Всеволода Большое Гнездо (1176—1212), способного, как говорили, Волгу веслами расплескать и Дон шеломами вычерпать. Всеволод влиял на политику Великого Новгорода, получил богатый удел на Киевщине и вмешивался иногда в южнорусские дела. В Переяславле-Южном он сажал на княжение своих сыновей, а шестерых удальцов — рязанских князей — держал на коротком поводке, как борзых.

Важно заметить, что славили Всеволода не за войны и походы, хотя он в 1183 г. и разгромил Волжскую Булгарию. Властителя, не растрачивавшего силы княжества в бессмысленном кровопролитии, хвалили именно за то, что на укрепившуюся и разросшуюся благодаря миру Владимиро-Суздальскую Русь никто не решался идти войной. После себя князь разделил сильное государство между многочисленными сыновьями. Они должны были по важным вопросам слушаться великого князя владимирского Юрия Всеволодовича, которому присягнули бояре, духовенство, купцы и дворяне, созванные Всеволодом Большое Гнездо со всей земли.

Однако ослабленная начавшейся после смерти Всеволода усобицей и раздробленная на уделы Владимиро-Суздальская Русь стала утрачивать былое могущество. Но богатство земли еще прирастало. В 1221 г. на восточном рубеже, при слиянии Волги и Оки, вырос славный город-крепость Нижний Новгород (Нижний, поскольку лежал ниже по течению Волги, чем старые города, потому-то и все Поволжье называли Низом). К приходу татар эта земля была лакомым куском: богатым и слабо защищенным.

Смоленское княжество

Западнее Владимиро-Суздальской земли лежала Смоленщина, древняя земля кривичей, где завершался водный путь по Днепру. Только Любеч, владение князей Черниговских, мешал смоленским ладьям плавать к Киеву. В 1147 г. князь Ростислав Мстиславич изничтожил это препятствие, после чего в Любече жили только «псари да половцы».

Защищенный со всех сторон русскими землями, Смоленск богател. Смоленские князья почти все побывали на киевском престоле. Сила постоянно упражнявшейся в походах княжеской дружины привела к печальному концу восстание нарочитых смолян в 1186 г.: тогда «много голов пало лучших мужей». Однако народ не особенно роптал, поскольку княжеские предприятия держали открытым путь для транзитной торговли между Новгородом и Полоцком на севере и Киевом на юге. Она обогащала купцов, давала работу корабелам и прочим ремесленникам, не говоря уже о многочисленных чернорабочих, обслуживавших волок между Днепром и Западной Двиной. Международное значение Смоленска как торгового центра было закреплено в договоре 1229 г. с немецкими городами.

Как и Великий Новгород, Смоленск таинственным образом не пострадал даже во время нашествия Батыя, который направился было к нему, но обошел стороной. Пытаясь объяснить

эту загадку, одни историки ссылались на спасительное вмешательство небесных сил, другие говорили об «измотанности» завоевателей грабежом и даже о страхе Батыя перед стенами Смоленска (забывая о том, что «уморившиеся» монголо-татары прошли потом Польшу и Венгрию). Не часто вспоминают о главной черте, объединяющей Новгород и Смоленск: это были богатейшие города, опытные в торговле...

Полоцкое княжество Земли полоцкие простирались от Западной Двины на севере до Полесья на юге и от Днепра на востоке до Немана на западе. Здесь правили потомки Владимира Святого и Рогнеды, из коих самым известным был слепой волхв Всеслав. При Всеславичах Полоцкая земля распалась на несколько уделов: Минск, Витебск, Друцк, Изяславль и другие города получили собственных князей. Однако князь богатого торгового Полоцка был их признанным вождем.

Полоцкие владыки непрестанно воевали с соседями, в том числе с Владимиром Мономахом. Наконец, сын Мономаха Мстислав Великий, собрав войска со всех концов Руси, победил и изгнал Всеславичей в Византию. Однако в 1132 г. Полоцк выбрал себе нового князя и окончательно обособился от власти Киева. Горожане Полоцка отличались еще не раз, по звону вечевого колокола творя «мятеж велик» против неугодного князя и защищая очередного избранника. Раз они даже схватили жену князя, интриговавшую против его детей и ближних бояр, обвинили в колдовстве и заточили.

Между тем соседи Полоцка тоже не дремали. Литовцы вышли из своих лесов и начали совершать набеги, которым не могли противостоять, по выражению автора «Слова о полку Игореве», выщербленные в усобицах мечи русских князей. Немецкие рыцари-меченосцы захватили земли ливов, находившиеся в зависимости от полоцких князей, и заперли своими крепостями прямой выход к Балтийскому морю. Поскольку усобиц полочане не прекращали, им оставалось лишь ждать, какие завоеватели окажутся более расторопными.

Галицко-волынские земли Древние владения дулебов на юго-западе Руси, в предгорьях Карпат, тяготели к Днестру. Соседствуя и непрерывно воюя с Венгрией и Польшей, земля эта была хорошо известна на Западе, до самой Франции, своей силой и изобилием. Здесь добывали, помимо прочего, соль, которую везли в Киев и другие русские

города. Плодородная почва, мягкий климат и сравнительная безопасность от кочевников стали источником богатства земли, силы местного боярства и благосостояния множества городов: Перемышля, Луцка, Теребовля, Червена, Холма, Берестья и др. Но главные княжеские центры утвердились в двух новых городах: сначала во Владимире-Волынском, названном в честь Владимира Святого, а с середины XII в. и в Галиче. Только в конце столетия Роман Мстиславич Волынский объединил Галицкую землю и Волынь в сильное государство, пережившее монголо-татарское нашествие и происки соседей.

Искони Галицко-Волынская земля торговала с причерноморскими городами. Через нее проходили важнейшие для Европы торговые пути с юга и востока на Гданьск, Краков, Регенсбург и Прагу. Город Дрогичин на реке Буг был своего рода общерусской таможней. Археологи нашли там десятки тысяч товарных пломб XI—XIII вв. со знаками русских князей. Была эта земля ведома и византийцам, настолько, что два императора в разное время бежали сюда, чтобы найти убежище и «утешение» у могущественных князей. Галицко-волынские властители, в свою очередь, любили интриги и войны, сновали с дружинами по всей Руси, а проиграв — бежали за границу, например в ту же Византию.

Приключения местных князей могли бы составить не один рыцарский роман. Мы хорошо знаем о них благодаря летописям, среди которых Галицко-Волынская — одна из самых интересных. Она рисует богатую землю, покрытую множеством городов, скрывающих за крепкими стенами изящные здания. По всей стране разбросаны мощные замки бояр, часто не уступающие княжеским. Сильные бояре спорят с князьями, диктуя им свою волю и устраивая коварные заговоры. Города играют активную роль в политике, за полюбившегося князя временами стеной встают сельские смерды. Князья едва не всех русских земель причастны к борьбе на Волыни, с далекого северо-востока дотягивается сюда десница Юрия Долгорукого. Само собой, не теряются соседи: венгры, поляки и немцы участвуют в интригах и войнах, отхватывая себе земли и богатства.

В опере Бородина «Князь Игорь» красочно изображен Владимир Галицкий — веселый бражник, который согласно летописи «был любезен питию многому и думы не любил с мужами своими», зато прославился похождениями с симпатичными горожанками. Сказывалась наследственность: дочь Юрия Долгорукого княгиня Ольга с юным сыном Владимиром уехала в Польшу от мужа, князя Ярослава Осмомысла, открыто жившего со своей любовницей Настасьей. Тогда галичане по-

рубили княжеских союзников-половцев, спалили Настасью на костре, а с Ярослава взяли клятву честно жить с женой. Княгиня Ольга вернулась, но сыну вновь пришлось бежать от злого отца. Тот с помощью поляков преследовал Владимира на Волыни и затем по всей Руси. Защиту Владимир нашел только в Путивле — городе Игоря Святославича и его жены, своей сестры, Ефросиньи («Ярославны»).

Когда Ярослав умер, передав престол незаконнорожденному сыну, галичане вновь восстали и вернули Владимира. Но тот влюбился в поповскую жену, ни за что не хотел с нею расстаться и должен был бежать с любимой и ее детьми в Венгрию. Там его коварно заточили на вершине высокой башни. Неунывающий князь разрезал шатер, в котором ему пришлось жить, свил из него веревки и ускользнул в Германию. С помощью императора Фридриха Барбароссы и поляков он отвоевал Галич и окончил свои дни в мире.

Еще больше приключений пришлось пережить Даниилу Галицкому, в четырехлетнем возрасте наследовавшему славному объединителю Галича и Волыни князю Роману. Вскоре маленького князя чудом спасли от заговорщиков, унеся на руках через подземный ход. Мальчик скрывался в Польше, когда галичане прогнали завоевателей-венгров, повесили своих князей и призвали его на престол. Однако мать Даниила была изгнана из города — и мальчик уехал с ней, рубанув мечом по рукам людей, хватавших его коня за повод. Княжество было захвачено боярином-самозванцем, затем иноземцами, и только десятилетия спустя, с помощью своего тестя Мстислава Удалого, Даниил окончательно утвердился на отцовском престоле. Еще много заговоров, покушений и крамолы пришлось вытерпеть будущему королю, шаг за шагом укреплявшему свою власть.

Киевское княжество Изрядные земли на Правобережье Днепра, спускавшиеся в степи до рек Орели и Самары, издавна тяготели к Киеву. На юге славянских земледельцев сменяли черные клобуки — подвластные русским князьям остатки торков, печенегов и берендеев. Славное своим прошлым и все еще богатое Киевское княжество оставалось церковным центром Руси, а главное — символическим «златым столом» главного, великого князя. Занять его стремились князья в поисках чести и славы, неустанно воюя друг с другом. В результате именитые мужи Киева, в основном крепкое боярство, все чаще могли принимать или изгонять князей «по всей своей воле».

Киевских князей XII—XIII вв. академик Б. А. Рыбаков точно характеризует словом «незадачливые»: одни менее, другие более, вплоть до князя, продержавшегося на престоле всего восемь дней. Этот рекорд был побит: новый князь, пообещав на вече слушать киевлян во всем, не успел сесть пировать, как народ уже громил дворы тиунов и мечников, а вскоре и самого правителя постригли в монахи. Просто согнанные с престола были счастливцами: по приговору веча князя могли убить, а если он был силен, как, например, Юрий Долгорукий, составить заговор и тайно отравить.

Затем киевляне стали приглашать сразу двух князей-соправителей. Один сидел в городе и правил Киевом, другой — Киевщиной из Вышгорода или Белгорода. Военные и дипломатические вопросы они решали сообща. Воевать Киеву приходилось почти со всеми русскими княжествами, кроме Новгорода и Полоцка, причем, взяв город, свои грабили его не хуже половцев.

В 1183 г. князья-соправители Святослав и Рюрик соединили силы в походе на западное объединение половцев во главе с ханом Кобяком. Киевские, переяславские, волынские и галицкие дружины настигли врага на реке Орели близ Днепровских порогов. «Железные великие полки половецкие» были разгромлены, хан убит, кочевья уничтожены до самого моря. С западным половецким союзом было покончено. Но уже на следующий год на Русь двинулся объединитель восточных племен хан Кончак. Он уже давно вступил в союз с новгород-северским князем Игорем (героем «Слова о полку Игореве» и оперы Бородина). Однажды разбитые киевлянами Кончак с Игорем бежали из сечи в одной лодке. Друг Игорь сохранял нейтралитет, когда хан устремился на Русь.

Но Кончаку не повезло. Святослав и Рюрик с союзниками разбили половцев на реке Хороле, а потом захватили еще многие кочевья. Новую страницу борьбы со степью открыл славный объединитель Галича и Волыни князь Роман Мстиславич, севший в 1202 г. в Киеве. Немедля грянул он на половецкие кочевья, захватил их и вернул на Русь множество пленных. «...Устремлялся на поганых, как лев, — пишет о Романе летописец, — свиреп был, как рысь, истреблял их, как крокодил, проходил землю их, как орел, храбр был, как тур». Но на следующий год изгнанный Романом из Киева князь Рюрик в союзе с черниговскими князьями привел в город половцев: «от Крещения не было такого зла над Киевом».

Город, храмы и монастыри были разграблены, попы и монахи вырублены, «а юных черниц, жен и дочерей киевлян уве-

ли в полон». Роман спас часть пленных, разгромил половецкие станы и пленил Рюрика. Но вскоре он был убит на охоте. Снова на киевском престоле замелькала череда слабых князей. Даже под угрозой монголо-татарского нашествия ничуть не затихли бои вокруг Киева, доставшегося завоевателям, точно яркий пряник на подносе.

Черниговское и Северское княжества Левый берег Днепра был враждебен правому. Земли северян со столицей в Новгороде-Северском на Десне, городами Путивлем, Рыльском и Курском, принадлежали Ольговичам — потомкам князя Олега Святославича, двоюродного брата Владимира Мономаха. Они не скоро отделились от соседнего Черниговского княжества, тянувшегося в землях радимичей и вятичей, от Смоленщины на севере далеко в степи. Там на юге, отрезанная половецкими кочевьями, лежала подвластная черниговским князьям Тмутаракань. Хотя Черниговская и Северская земли со временем разделились на мелкие княжения, владело ими одно «хороброе гнездо Ольговичей».

Не пуская в свою землю чужих князей, Ольговичи часто приводили на Русь половцев: благо их владения клином врезались в остальные земли. Когда киевские князья Святослав и Рюрик одолели хана Кончака, новгород-северский князь Игорь Святославич с друзьями и вассалами не мог упустить случая ограбить своего старого приятеля. Войско его полетело от Северского Донца к Азовскому морю, громя половецкие кочевья, и лишь далеко на юге, на берегах реки Каялы, встретилось с полками Кончака. В трехдневном сражении погибли почти все воины Игоря, а сам он угодил в плен.

Князь, как известно, удачно бежал из полупустых половецких кочевий: все воины устремились в «ворота, которые он отворил на Русскую землю». Благодаря успешному грабежу Кончак укрепил свою власть над кочевниками и передал ханство сыну Юрию, которого летописец называет «большим всех половцем». Печально знаменитый Игорь Святославич стал со временем весьма уважаемым князем черниговским, который, согласно летописи, непрестанно думал о благе земли Русской. Династически и в отношении церковном к Чернигову тянулись занятые столь же беспокойными князьями Рязанской земли: лишний повод к столкновению с князьями владимиро-суздальскими.

Опыт союзов со степняками и крепкое пограничное воинство должны были помочь Ольговичам достойно встретить та-

тар. Вот как, словами Буй-тура Всеволода, описывает древний автор воинов — кметей Курска:

А мои-то куряне ведомы кмети,
Под трубами повиты, под шеломами взлелеяны,
С конца копья вскормлены...
Скачут, как серые волки в поле,
Ища себе чести, а князю славы.

Но усобицы были для князей важнее совместной обороны Руси. Уже после первого столкновения с татарами, за пять лет до нашествия Батыя, был лютый бой под Черниговом: насмерть рубились местные полки с войском Даниила Галицкого. Даниил не взял города, оставив его Батыю. А уж тот своего не упустил.

1. Кому была полезна раздробленность Руси?

2. Назовите главные части, на которые разделилась Русь.

3. Каковы были наиболее заметные различия в управлении разными землями Древней Руси?

4. Как Новгород стал величайшим из городов-республик Европы?

5. Кто из князей времен раздробленности вам запомнился?

§ 20. НАШЕСТВИЕ

Шпионы монголо-татар с любопытством наблюдали, как под угрозой нашествия русские князья продолжают колошматить друг друга. Они уже знали по богатому опыту, что народы, гордящиеся своей цивилизованностью, не могут противостоять натиску значительно меньших по численности, но хорошо организованных кочевников. В Орде почти каждый мужчина был воином, один конный скотовод почти в любом деле мог заменить другого. Глубокое разделение труда в богатых странах, подлежащих завоеванию и ограблению, сделало военное дело профессией незначительного меньшинства населения. Сравнительно малочисленные дружины местных владык временами могли превосходить монголо-татар вооружением и выучкой, но далеко не настолько, чтобы надеяться на победу над значительно большим количеством воинов. К тому же те, кому суждено было стать добычей завоевателей, никогда не объединяли сил, чтобы выставить сколько-нибудь приличное случаю воинство.

Машина завоеваний В отличие от земледельцев, способных прокормить профессиональное войско, но мало склонных покидать свои поля, конные скотоводы легко соединялись и перемещались большими массами. Со времен расселения индоевропейцев потрясали мир их завоевания. Много измышлено причин, заставлявших конные орды мчаться по свету, круша все на своем пути. Но тайны в монголо-татарском нашествии не больше чем в возникновении лавины в горах.

Кочевники склонны сталкиваться с соседями, как камень — падать и задевать другие. Необходимо лишь, чтобы среди множества неудачливых вождей нашелся лидер, способный объединить племена в силу, которая увлечет за собой скотоводов-соседей и вырвется за пределы кочевий, круша все, что способна сокрушить. Когда в 1206 г. некий Темучин был провозглашен всемонгольским владыкой под именем Чингисхана, племена кочевников получили организатора, сковавшего их железной дисциплиной.

Способные носить оружие мужчины были объединены в десятки, десятки — в сотни, сотни — в тысячи, тысячи — в тумены («тьмы», т. е. 10 тыс.). Круговая порука (если из боя бежал один, казнили десяток, не выполнил приказ десяток, казнили сотню) и жесточайшие наказания за малейшее неповиновение превратили племена в армию. Монголо-татарское войско было сильно единством. У воинов была одна цель — победа, одна семья — свой отряд. Подчиняясь суровой дисциплине, кочевники-воины получали возможность покорять и грабить всех, кто оказался слабее, и с каждым походом увеличивать численность войска за счет присоединенных племен.

Монголы подчинили бурят, якутов, ойратов, киргизов и уйгуров. После этого хлынули в Северный Китай, где облачились в шелка и сталь. В Среднюю Азию, во владения хорезмшахов, вторглось уже 15—20 туменов воинов с саблями, копьями и луками, в металлических и кожаных латах, надежно защищавших всадников и коней. В распоряжении Чингисхана были лучшие мастера и самая совершенная по тем временам техника для взятия крепостей: разбивающие ворота и стены тараны, мечущие огромные камни и стрелы баллисты и катапульты, передвижные башни, с которых удобно было расстреливать защитников, и т. п.

Двукратно превосходившие монголо-татар силы владыки Хорезма были рассредоточены по городам и провинциям. Подлежащие порабощению государства Средней Азии и Закавказья не

прекращали враждовать между собой. Ненавистные кочевникам города и крепости Чингисхан разрушал, всех, кто мог представлять опасность или был бесполезен, истреблял. Потери завоевателей с лихвой восполнялись отличными конниками из покоренных народов, в столицу Чингисхана Каракорум была угнана целая армия ремесленников из Самарканда, Бухары, Ургенча, Ходжента, Мерва, Нахичевани, Шемахи, Тебриза, Тбилиси и множества других, некогда богатых и славных городов.

Чингисхан заботился, чтобы его армия не потонула в непривычной роскоши. Даже когда в распоряжении монголо-татар оказались лучшие ремесленники от Китая до Кавказа и Персидского залива, степные воины по-прежнему носили доспехи из перекрывающих друг друга металлических пластинок, связанных ремешками. В отличие от кольчуг и другой хитрой брони такие доспехи мог починить каждый воин. Города, взятые монголо-татарами, археологи узнают по грубым кованым наконечникам стрел, трехлопастным или игловидным (для пробивания кольчуг).

Но дикая сила завоевателей не была абсолютно подавляющей, да и победа далеко не всегда им сопутствовала. Упорно сражался с монголо-татарами Тимур-мелик, один из хорезмских воевод. Много лет изводил их отважный и жестокий наследник хорезмшахов султан Джелал-ад-Дин. Грузины и армяне, объединившись, сумели отбиться от завоевателей. Даже отдельным крепостям, например Шамхору и Баку, удавалось выстоять против монголо-татар и избежать разгрома. Военачальники Чингисхана, умело используя ужас, бежавший впереди их коней, прекрасно понимали ограниченность своих сил, не спешили ломить стеной без разведки, предпочитая победить хитростью и поберечь воинов.

Основу военной доктрины монголо-татар описал летописец, рассказавший, что произошло, когда войско Джебе и Субэдэя, огнем и мечом пройдя через Иран и Закавказье, тайными тропами обошло укрепления Дербента и внезапно появилось в верховьях Кубани. Жившие там аланы (предки осетин) и половцы объединились и не давали врагам спуску. Тогда Джебе и Субэдэй послали сказать половцам: «Мы и вы — один народ и одного племени, аланы же нам чужие; мы заключим с вами договор, что не будем нападать друг на друга, и дадим вам столько золота и платья, сколько душа пожелает, только предоставьте алан нам».

Половецкие ханы взяли сокровища, монголо-татары жестоко расправились с аланами, а затем взялись за половцев, «убивая всякого, кого находили, и отобрали вдвое больше то-

го, что перед тем дали». От Каспийского моря до самой границы с Русью гнали Субэдэй и Джебе половцев. Хан Котян, спасаясь, прискакал в Галич к своему зятю князю Мстиславу Удалому, рассказал о гибели ханов Юрия Кончаковича и Данилы Кобяковича и попросил помощи: «Нашу землю сегодня взяли, а завтра придут и вашу возьмут».

Жизнеописания: Мстислав Удалой

Мстислав Удалой, сын новгородского князя Мстислава Храброго, жил со своей женой-половчанкой посередь Смоленской земли, в Торопце, и мирно растил дочерей, когда прослышал, что Всеволод Большое Гнездо с сыновьями обижает Великий Новгород. Зимой примчался Удалой на Волхов, заковал всеволодовых людей в цепи и послал на вече со словами: «Кланяюсь св. Софии, и гробу отца моего, и всем новгородцам. Пришел к вам, услышавши, что князья творят вам насилие — жаль мне моей отчины!» Новгородцы ударили челом: «Иди, князь, на стол». Войско Мстислава устрашило Всеволода, и мир был восстановлен без боя.

Только Мстислав покорил Новгороду всю чудь до моря, как бросились ему в ноги Мономашичи, силой изгнанные из Киева черниговскими Ольговичами. Удалой рассказал об этом на вече. «Куда, князь, взглянешь ты очами, туда обратимся мы своими головами!» — вскричали новгородцы. В походе к войску присоединились смоленцы. Черниговцев побили, но столицу их Мстислав не тронул — взял дары и заключил мир. Князь посадил в Киеве своего двоюродного брата Мстислава Романовича и вернулся в Новгород.

Здесь и застали его посольство: поляки предлагали выгнать венгров из Галича. «Есть у меня дела на Руси, — сказал Мстислав новгородцам, — а вы вольны в князьях». Удалой прогнал венгров и обручил свою дочь с юным Даниилом Романовичем, княжившим тогда на Волыни. Однако поляки объединились с венграми и частью галицких бояр, война разыгралась не на шутку. Тут пришла весть, что князья опять творят насилие над Новгородом.

Новгородцы уже помирали от голода, великое множество их было угнано во Владимиро-Суздальскую землю и томилось в цепях, когда прискакал Мстислав, собрал вече, поцеловал крест и воскликнул: «Либо возвращу новгородских мужей и новгородские волости, либо голову свою повалю за Великий Новгород!» Обидно было Удалому, что мучил новгородцев его собственный зять князь Ярослав с союзниками. «Сын мой!» — писал ему Мстислав, призывая помириться. Однако пришлось выступить в поход, призвав на помощь псковичей, смолян и ростовцев.

«Не хочу мира, — заносчиво отвечал Ярослав, — пошли, так идите, сто наших будет на одного вашего!» «Седлами закидаем!» — кричала многочисленная рать союзных владимиро-суздальских князей, ожидая Мстислава на битву к Липице. Как ни уговаривал Удалой не проливать кровь, не желали князья мира. Супротив Мстислава стояла тяжелая

дружина, за спиной — граждане. «Братья! — сказал своим князь, — побежавши, не уйдем; идите в бой, как кому любо умирать!» Новгородцы и смоленцы сошли с коней, скинули сапоги и платье и повалили с топорами на возвышенность, где сверкала доспехами владимиро-суздальская рать. Мстислав с топором трижды прорубался сквозь полки, пока враг не был повергнут.

Удалой не дал штурмовать ни Владимир, ни Переяславль, но покончил дело миром, освободив пленных, взяв дары и рассадив князей по старшинству. Лишь у злого Ярослава, признавшего: «По правде меня крест убил!» — забрал он свою дочь. Не только врагов, но и изменников князь, подержав немного в темнице, по широте души неизменно прощал и отпускал. Однако пора было в Галич, где свирепствовали венгры и поляки. Удалой разгромил их, умело разъединив, в единой битве. Венгры окопались в Галиче — князь взял его подкопом, вновь пожалел и пленных, и изменников, а с сыном венгерского короля даже обручил свою дочь.

Первый раз в жизни Мстислав был разбит в сече на Калке, не сумев сплотить силы русских князей и половцев для дружного отпора монголо-татарам. Удалой спасся, разбил потом венгерского короля и умер в мире, позаботившись о спасении души. Его авторитета и воинского счастья оказалось мало, чтобы заставить русских князей стать плечом к плечу в бою. Когда после смерти Мстислава Удалого на Русь обрушились полчища Батыя, князья не смогли даже совместно выступить в поход.

Битва на Калке Узнав от половцев о монголо-татарском нашествии, Мстислав Удалой созвал князей в Киев и уговаривал: «Если мы им не поможем, то половцы пристанут к врагам и сила их станет больше». «Лучше встретить врага на чужой земле, чем в своей», — решили князья. Монголо-татары прислали послов с обычной хитростью, желая разделить русских и половцев, но им не поверили и убили. Много ладей пришло к сборному месту русских войск на Днепре у Варяжского острова, однако не было на них ни новгородцев, псковичей и полочан, ни владимиро-суздальцев. В степь вместе с остатками половцев выступили полки галицкие и волынские, смоленские, киевские и черниговские.

Мстислав с полками галицко-волынскими, сторожевыми отрядами союзных князей и половцами шел впереди главного войска. Трижды удальцы схватывались с монголо-татарами и побеждали. На девятый день похода, 31 мая 1223 г., перейдя речку Калка (недалеко от Азовского моря), вступил Мстислав со товарищи в бой со всеми неприятельскими полчищами. Храбро сражались молодые князья Олег Курский, Мстислав Немой и Даниил Романович Волынский.

Но старшие князья послали в бой только половцев, а сами держались позади, не вступая в битву. Опрокинутые тяжелой монголо-татарской конницей, половцы побежали и смяли русские ряды. Войска Мстислава Удалого, а затем стоявшие в тылу полки Мстислава Черниговского были разбиты и бросились в бегство, началась резня. Монголо-татары преследовали бегущих до самого Днепра, шестеро князей во главе с Мстиславом Черниговским и несчетно дружинников бесславно сложили головы, унося ноги.

В разгар битвы рать Мстислава Киевского, насчитывавшая более 10 тыс. воинов, не поспешила на помощь союзникам, но оградилась кольями на холме над Калкой. Там русские отбивались три дня, потом поверили монголо-татарам, пообещавшим отпустить их на родину, сдались и были перебиты. Трое князей подверглись позорной казни: были задавлены досками, поверх которых, постелив ковры, пировали победители. Едва ли десятая часть воинов, выступивших в поход, вернулась домой. С битвой на Калке народные сказания связывали гибель семидесяти русских богатырей во главе с Алешей Поповичем.

Ослабленные потерями монголо-татары повернули на восток, не доходя Переяславля. Они вторглись в пределы Волжской Булгарии, потерпели на Волге ряд поражений и были вынуждены убраться восвояси. Однако это была лишь разведка боем.

Батыево разорение После смерти Чингисхана в 1227 г. монголо-татары избрали себе нового владыку и долго совещались, в какой последовательности завершить завоевание мира. Надумали послать две группы войск: одну в сторону океана Индийского, другую — к Атлантике, «последнему морю». Поход на Запад поручили внуку Чингисхана Бату (на Руси его звали Батыем). Орда Батыя неспешно собралась в Средней Азии и степях Казахстана, в 1236 г. переправилась через реку Урал и обрушилась на Волжскую Булгарию. Селения булгар, чувашей, мордвы и буртасов были сметены, население перебито.

В конце 1237 г. войско Батыя подошло к границам Руси. Рязанские князья не захотели отдать врагу десятую часть людей и добра и обратились за помощью к великим князьям владимирскому и черниговскому. Но «ни один из русских князей не пришел другому на помощь, — гласит летопись, — каждый думал собрать отдельно рать против безбожных». Рязан-

ское войско полегло на границе, столица была уничтожена на шестой день осады. Батый разорил все княжество, включая сдавшиеся города, и двинулся к Коломне.

Хан выбрал удобный путь для перекочевки по льду Оки и Москвы-реки. Ведь Орда жила в походе, влача с собой юрты на колесах с семьями и хозяйством, огромный обоз под запасы и награбленное, гоня стада скота и толпы рабов. У Коломны татары уничтожили сторожевой отряд князя Юрия Владимирского. Москвичи, оборонявшие свой город во главе с воеводой Филиппом Нянько́м, были перебиты «от старца до младенца». Затем монголо-татары осадили Владимир. Огромный город был в считанные дни окружен тыном и осадными башнями, а стены его разбиты таранами.

Часть жителей, включая семью великого князя, погибла под саблями и в огне, других гнали по снегу голыми и босыми. Отряды Батыя разорили Суздаль, Ростов, Ярославль, Переяславец, Юрьев, Волок Ламский, Дмитров, Тверь, Городец, Галич-Мерский и другие города. Ни один из них не был приспособлен для обороны от осадной техники и даже от серьезного штурма. До той поры споры за город решались битвами в поле, в лучшем случае перед главными воротами. Только они и строились из камня, играя роль триумфальной арки для победителя. Метательные машины можно было подводить к стенам чуть ли не вплотную, стрелковые галереи легко разрушались, рвы засыпались, и даже клети деревянных стен часто не забивались камнем и глиной, а использовались как кладовые.

Еще более не соответствовало обстоятельствам поведение князей. После гибели рязанских князей и своих сыновей Юрий Владимирский с соратниками под предлогом сбора войск скрылся в укрепленном лагере на реке Сити. Ни лет, прошедших с битвы на Калке, ни месяцев с начала нашествия великому князю на подготовку не хватило... Потеряв все, когда монголо-татары уже уходили из сожженного и обезлюдевшего княжества, князь Юрий собрал остатки чести, вступил в бой, был окружен и погиб. Более ни один русский князь с оружием в руках в поле перед Батыем не вышел.

«Немилосердно истреблял» неприятеля воспетый в народном сказании отряд Евпатия Коловрата — знатного рязанца, вернувшегося из Чернигова, когда от дома его остался один пепел. Он собрал 1700 таких же отчаявшихся людей, готовых биться «один с тысячей, а два с тьмою», и нагнал врага в Суздальской земле. Воеводы Батыя повернули на Коловрата и бы-

ли поражены, увидав, что русские способны умирать, не отступая. Окруженные храбрецы сражались столь яростно, что их пришлось расстрелять из камнеметных машин.

Вторгнувшись весной 1238 г. в Новгородскую землю, монголо-татары столкнулись с распутицей и сильным сопротивлением населения. Город Торжок держался против всей осадной техники две недели. Не дойдя 100 верст до Великого Новгорода, Батый повернул на юг. О его походе через Смоленское княжество сохранилось предание, что один из отрядов появился под столицей, но был отбит, причем отличились не князь или дружинники, а некий «прехрабрый» юноша Меркурий, причисленный к лику святых.

На Черниговщине монголо-татары потеряли до 4 тыс. воинов, 7 недель штурмуя героически оборонявшийся Козельск, и нарекли город «злым». К концу весны Батый ушел в степи и провел там более года. Отдельные его отряды разорили в 1239 г. на севере Муром и Гороховец, на юге — некогда грозный Переяславль-Южный, Чернигов и Глухов. Осенью 1240 г. Батый из облюбованных им низовьев Волги и Дона двинулся на запад. Киевляне под предводительством воеводы Дмитра сутки бились на разбитых таранами стенах, а наутро продолжили битву у Десятинной церкви. Раненого Дмитра монголо-татары «не убили ради его храбрости». Разрушив город до основания, завоеватели направились в Галицко-Волынскую землю, где им впервые пришлось отступить перед хорошо укрепленным Каменцом. Жители Владимира-Волынского и Галича были истреблены, другие города, «им же нет числа», взяты штурмом или обманом.

Где же были все это время князья черниговские, киевские, галицкие и волынские? Там же, где несчастный хан Котян, уже после Калки бившийся с Ордой, — в Венгрии. Но хан просил убежища у короля Белы IV для 40 тыс. своих людей и получил для них земли. Князья же спасали свою жизнь, иногда, как Даниил Галицкий, успев позаботиться также о семье. Впрочем, в 1241 г. Батый прошел огнем и мечом Венгрию, Польшу, Восточную Чехию, Молдавию, Валахию и Трансильванию, разбив по пути и немецких рыцарей. В следующем году монголо-татары вторглись в Хорватию и Далмацию. Батый осмотрел Адриатическое море, и оно ему не понравилось. Гористая местность на западе также не привлекала кочевников. Монголо-татарская конница пошла назад, на Восток, оставив Запад истово благодарить Бога за чудесное избавление.

1. Как появились страшные для народов и государств монголо-татарские завоеватели?

2. Что помогало монголо-татарам побеждать противников?

3. Почему Мстислав Удалой объединил князей против монголо-татарского войска и что стало причиной поражения на Калке?

4. Какие обстоятельства Батыева разорения кажутся по прошествии столетий наиболее ужасными?

§ 21. ИГО

Батыево нашествие разорило и ослабило Русь, но не уничтожило ее. Взглянув на карту страны по прошествии десятилетий, мы увидим пеструю мозаику земель и княжеств. Их северо-восточная часть удивительным образом сохранила свою самобытность, войдя в состав Золотой Орды. Западная же, попытавшись найти в Европе союзников для сопротивления монголо-татарам, постепенно оказалась разделенной между государствами Польским и Литовско-Русским, чтобы обернуться со временем Белоруссией и Украиной. Католическая Европа воспользовалась монголо-татарским погромом для нового крестового похода на восток. Венгерский и шведский короли, немецкие рыцарские ордена по благословению папы римского спешили заглотить окровавленные куски Руси, ставшие им костью в горле.

Золотая Орда и ее холопы

Есть предел, до которого можно заставить победоносных воинов соблюдать железную дисциплину и ограничиваться лишь самым необходимым среди гор награбленных богатств и толп рабов. Он наступил во всей бескрайней монголо-татарской империи вскоре после походов Батыя. Побывав в дальних странах, захватив богатую добычу, суровые воины потянулись к роскоши. Сам Бату-хан обосновался в городе Сарай-Бату, построенном в низовьях Волги русскими, булгарскими и иными рабами. Отсюда он правил Золотой Ордой — одной из четырех частей империи. Орда простиралась от Северного Хорезма, Кавказа и Крыма до Дуная и Финского залива, включая в себя завоеванную Русь.

В Поволжье и Подонье быстро возрождались старые города и строились новые с согнанным сюда многочисленным ремесленным населением, обслуживавшим нужды ордынской зна-

ти. На Руси после Батыева погрома исчезли не только многие памятники культуры, но и целые ремесленные специальности. В Орде же мастера производили столько великолепных вещей, что поток товаров хлынул по захиревшим было торговым путям. Завоеватели вскоре растворились в массе значительно более цивилизованного населения. Восточные авторы называли занятые монголо-татарами степи попросту Дешт-и-Кыпчак — Половецкое поле, утверждая, что монголо-татары «смешались и породнились» с половцами. Собирательное имя господствующего в Орде слоя — татары — стало относиться также к потомкам волжских булгар, алан и других народов восточной границы Европы, части населения Западной Сибири и в весьма значительной мере — к потомкам русских, угнанных в плен или хлынувших на юго-восток в качестве торговцев.

Для тех, кто вынужден был своим трудом содержать новых господ, Орда была воистину Золотой. Ханы требовали регулярно доставлять им десятую часть всего имущества покоренных народов, а кроме того, нередко взимали дополнительную дань хлебом, скотом и деньгами. За неплатеж в лучшем случае обращали в рабство. Ответственными за порядок и уплату налогов Батый сделал князей, которые тут же устремились лобызать ханские стопы.

В 1243 г. в ставку хана прибыл Ярослав, ставший великим князем после смерти своего брата Юрия Владимирского в сече на Сити. Батый выдал Ярославу грамоту — ярлык на великое княжение. В 1245 г. в Орду приехали подтверждать свои права великие князья Даниил Галицкий и Михаил Черниговский. Они спорили из-за земель еще до Батыева погрома и продолжали соперничать в Орде. Михаил заслужил уважение хана, назвавшего его великим человеком за то, что князь отказался поступиться верою и участвовать в языческих обрядах; за это Михаила и боярина Федора зверски убили. Обходительный Даниил делал что прикажут и понравился Батыю. «Ты уже наш татарин», — сказал хан и дал ему ярлык на галицко-волынское великое княжение. «О, злее зла честь татарская! — писал летописец. — Данило Романович, князь великий, обладавший Русскою землею, Киевом, Волынью, Галичем и другими странами, ныне стоит на коленях, называется холопом, облагается данью, за жизнь трепещет и угроз страшится!»

Но большинство князей сочло, что стыд глаза не выест, что плетью обуха не перешибешь, что вся тяжесть дани ляжет на чернь, и обрадовались защите от воли бояр и народа, от нападений соперников и соседей-иноплеменников. Ведь

хан Золотой Орды заменил для князей высшую государственную власть, утраченную с раздробленностью. Довольно было признать его «царем», чтобы не стыдиться именовать себя «холопами» и ползать в Орде на коленях.

Признавая свое княжение собственностью «царя татарского», князь получал его обратно как наследственное владение с обязанностью служить хану и правом на покровительство с его стороны. Ханы не меняли обычного порядка наследования княжеских столов. Лишь в случае возникновения распрей, получив просьбу о суде и помощи, «царь» решал по своему произволу, какому князю отдать престол. Батый не внес существенных изменений в государственное устройство Руси именно потому, что не видел в нем ни малейшей опасности для власти Золотой Орды.

Очень быстро ханы усвоили и значение церкви, признав ее особую роль на Руси. Сами они приняли и распространили в своих владениях ислам, однако сохранили исконно присущую язычникам терпимость и уважение к иным религиям. Уже в 1261 г. в Сарае была основана русская православная епископия. Пастырь ее был настолько близок к хану, что не покидал его двор даже во время кочевок. Русский митрополит с церковными служителями, монахами и работными людьми был освобожден от даней и повинностей в пользу татар. Ханские ярлыки строго защищали земли, имущество и права духовенства, уверявшего, что царская власть от Бога.

Численники и баскаки

Царем для князей и церкви был хан в Сарае. Другое дело — великий хан в Каракоруме, стремившийся воспрепятствовать распаду империи на уделы, владыки которых подчинялись лишь ханам своего улуса, вроде Золотой Орды. Великий хан Менгу приступил к созданию новой структуры власти в империи с размахом Чингисхана. В 1252 г. поголовная перепись населения была проведена в Китае, на следующий год — в Иране, в 1257 г. «исчисление народа» докатилось до Руси.

Учет жителей покоренных земель проводился и раньше: в первые годы после Батыева погрома власти Золотой Орды не меньше великих ханов хотели знать, какой доход им причитается, пока не поняли, что в сборе дани удобнее положиться на князей, получивших свои ярлыки в Сарае. Но уже в 1246 г., когда перепись на Руси вел один чиновник от Батыя и великого хана Гуюка, в Каракоруме был отравлен сарайский ставленник великий князь Ярослав. Борьба за то, кто будет ставить на Руси великих князей, шла несколько лет и на первых порах с пере-

весом Каракорума. Однако не следовало гадать, кому будут более усердно служить князья: ярлык далекого Каракорума для них мало значил без ярлыка близкого и могучего Сарая.

Великий хан Менгу понимал, что произойдет, если дани с покоренных земель пойдут через руки улусных ханов. Те станут полновластными владыками и превратят Каракорум в чисто символический центр, основываясь на всеобщем правиле: вассал моего вассала — не мой вассал. Поэтому численники великого хана, переписывая население империи, разбивая его на десятки, сотни, тысячи и тумены, готовили почву для введения единой местной администрации: баскаков. Те должны были собирать дань и формировать военные отряды, чтобы в конечном счете образовать новую иерархию среди подданных империи, начиная с десятских и сотников в каждом селе до великого баскака, например, при великих князьях.

Опора на людей, желающих возвыситься над своим народом путем открытого перехода в другой лагерь, — один из краеугольных камней диктатуры. Прими ислам — и станешь помыкать односельчанами, а при должном усердии — боярами и даже князьями! Баскачество распространялось по Руси как раковая опухоль. Великий хан Менгу понимал, что все они будут воровать и грабить, но не волновался за свою казну. В каждом улусе великий баскак был не только чиновником Каракорума, строго следившим за местными властями, но и откупщиком. Он откупал право сбора дани за определенную сумму, периодически вносимую в казну. Благодаря баскачеству ханы улусов и тем более туземные власти, вроде русских князей, становились декоративными фигурами. План кардинального укрепления монгольской империи не удался, наткнувшись на всеобщее сопротивление. На Руси его возглавили города.

Летом 1257 г. Великий Новгород был охвачен тревогой и смятением. Из Владимиро-Суздальской Руси шли слухи о злодеяниях численников, неотвратимо продвигавшихся к границе. Новгородцы восстали и убили посадника Михалку, который уговаривал их покориться монголо-татарам. Тогда великий князь Александр Ярославич Невский сам прибыл в город с ордынскими послами: требовать, чтобы земля приняла численников и платила дань. Княживший в Новгороде сын Александра Василий устыдился поведения отца и бежал во Псков. Невский повелел схватить его, а боярам, наиболее рьяно его поддерживавшим, отрезать носы и вырвать глаза. Новгородцев это не устрашило. Князь уехал ни с чем. Только зимой 1259 г., узнав о сборе большого войска против Новгорода, граждане согласились пустить численников.

Но одно дело — слышать, а другое — видеть бесчинства татар, прибывших в сопровождении великого и удельных князей и снующих по родным землям. Как ни уговаривали народ бояре, уловившие, что численники устанавливают дань, одинаковую для богатых и бедных, «меньшие люди» собрались «умереть честно за св. Софию». Численники, приехавшие с семьями и свитой, чтобы прочно осесть на новом месте, заволновались. Даже в Городце под Новгородом, где они остановились, жить приходилось под охраной княжеской дружины. Наконец, Александр сделал вид, что покидает землю, подлежащую разорению.

Новгородцы одумались и пустили численников в город. Те были достаточно напуганы, чтобы тихонько поездить по улицам, пересчитать дворы и убраться восвояси, даже не думая насаждать систему баскачества. Да и кто осмелился бы тут пойти в баскаки? В 1262 г. даже на разоренных монголо-татарами землях — во Владимире, Суздале, Ростове, Переяславле, Ярославле, Устюге и других городах — вечевые колокола возвестили о кончине баскаков. Переменивших веру убивали с особенным остервенением, но природных татар, отказавшихся от своего «басурманства», щадили.

В Великом Устюге баскак Буга взял в наложницы местную девушку Марию. Она полюбила татарина, укрыла от опасности и уговорила принять христианство. Народ отказался от мести и предпочел погулять на свадьбе Марии с новокрещенным Иоанном, который со временем заслужил всеобщее уважение. Баскачество не смогло утвердиться на Руси, хотя великие ханы не оставляли своих попыток до конца столетия. Сбор дани и власть остались в руках князей. Сохранение российской государственности было в немалой мере заслугой Александра Невского, дипломата и воина.

Между монголо-татарами и крестоносцами

В 1238 г., когда Владимиро-Суздальская земля лежала в развалинах и Орда громила южнорусские города, Новгород праздновал свадьбу своего молодого князя Александра с Александрой, дочерью Брячислава Полоцкого. Между тем немецкие рыцарские ордена: тевтонцы и меченосцы, битые литовцами под Шяуляем и Даниилом Галицким на Южном Буге, — объединились для наступления на Новгородскую землю, которую папа римский милостиво пожаловал эзельскому епископу Генриху. Рыцари многих стран спешили в захваченный Орденом Юрьев для участия в благочестивом походе за добычей и рабами. На другом берегу Балтики шведы получили

папское благословение выступить против «врагов христианства». В 1240 г. крестоносцы с двух сторон бросились на Русь.

Шведы вошли в Неву и остановились передохнуть перед взятием Ладоги. Их предводитель Биргер послал Александру заносчивый вызов. Однако князь с дружиной, прихватив по пути ладожан, прискакал раньше, чем его ждали. Около 11 часов утра 15 июня 1240 г. Александр узрел в устье Ижоры лагерь шведов с высоким золоченым шатром Биргера и множество кораблей, соединенных с берегом сходнями. Русские дружно устремились на врага. Вскоре златой шатер уже не красовался, подрубленный дружинником Саввой. Гаврила Олексич, гоня шведов, сгоряча чуть не заехал по сходням на корабль, но был низвержен с конем в воду и продолжил бой «посреди полка шведского». Новгородец Миша с пешими воинами уничтожил несколько шведских кораблей. Самому Биргеру Александр острым копьем «возложил печать на лицо». Шведы бежали, понеся тяжкие потери.

Александр, прозванный за эту победу Невским, вскоре поссорился с боярами. Новгородцы опомнились, когда он отбыл в Переяславль-Залесский, и насилу уговорили князя вернуться: крестоносцы уже взяли Изборск, изменой захватили Псков и грабили в 30 верстах от Новгорода! Вернувшись, Александр истребил крестоносных разбойников, а в следующем году, дождавшись помощи из Владимиро-Суздальского княжества, освободил Псков: рыцарей заковал в железа, изменников же во главе с посадником перевешал.

Александр был уже на пограничном Чудском озере, когда собравшиеся с силами крестоносцы заступили ему путь. В урочище Узмени, у Вороньего камня, русская пехота выдержала тяжкий натиск построенных клином («свиньей») рыцарей, а конная дружина ударила на врага с флангов. К полудню 5 апреля 1242 г. лед провалился под тяжестью беспорядочно бегущих крестоносцев, и озеро поглотило последних завоевателей. Немецкий Drang nach Osten — поход на восток — был остановлен на шесть с половиной столетий.

Папа Иннокентий IV немедля возлюбил Александра и прислал к нему послами двух кардиналов, коим князь ответил кратко: «От вас учения не принимаем». Татары не навязывали своей веры, но требовали изъявить покорность. Сам Батый принял Александра с братом его Андреем в 1247 г. и отправил в Каракорум, где менее года назад отравили их отца Ярослава. Вдоволь хлебнув унижений, братья получили ярлыки: Андрей на великое княжение владимирское, а Александр на киевское. Невский знал, что Киев «сведен почти ни на что: едва сущест-

вует там двести дворов», по всей лесостепи белеют «бесчисленные головы и кости мертвых людей» и промышляют шайки татар. Однако Александр не проявил недовольства и выбрался из Каракорума живым.

Он не поехал в Киев, но затаился в Новгороде, пока брат Андрей не женился на дочери Даниила Галицкого, стремившегося скинуть ордынское иго. В 1252 г. Александр в Орде обвинил брата в утаивании дани, получил ярлык на Владимир и войско для отвоевания великого княжения под командой Неврюя. «Что это, Господи! — воскликнул Андрей. — Доколе нам между собою ссориться и наводить друг на друга татар? Лучше мне бежать в чужую землю, чем дружиться с татарами и служить им!» Но Неврюй уже жег землю Русскую. Андрей пошел на него, был разбит и, не принятый нигде, бежал в Швецию.

Пепел Переяславля и разоренные села стали платой за великое княжение Александра Невского. При новом золотоордынском хане Берке, желавшем осторожно освободиться от власти Каракорума, Александр вначале заставил Новгород провести перепись, будто не обратив внимания, что на огромных землях не приняли баскаков, а в 1262 г. бросился в Сарай, не покарав восставшие города. Проведя в Орде зиму и лето, Невский добился не только «прощения» земле, но и разрешения князьям не ходить на войну с Ордой.

Покорность или борьба? На пути домой в ноябре 1263 г. великий князь Александр умер: «Зашло солнце земли Русской», — сказал митрополит Кирилл. Великокняжеская власть ослабла, сарайские ханы стравливали князей, зависимых от их поддержки в усобицах. Так легче было держать Русь в руках и подавлять восстания, вспыхивавшие то в Ростове, то в Курске, то в Ярославле, то в Твери. Но система собственной княжеской и церковной власти, сохраненная на Руси Батыем, благодаря Александру Невскому закрепилась. Путь же борьбы, на который вступил Даниил Галицкий, не увенчался успехом.

Вернувшись после Батыева разорения на Русь, Даниил из-за смрада разлагавшихся трупов не смог въехать ни в Брест, ни во Владимир-Волынский. Земля раздиралась на части боярами, разорялась набегами язычников литовцев и Ростислава Черниговского в союзе с венграми и поляками, а семь южных городов сохранились потому, что их князья обещали сеять пшеницу и просо татарам. Бояр Даниил усмирил, договорившиеся с татарами города выжег, Романа с иноземцами разбил наголову. Папа римский, власть которого князь готов был при-

знать, величал его королем, но обещанного крестоносного воинства все не было. «Что мне в королевском венце? — вопрошал Даниил. — Татары не перестают делать нам зло; зачем я буду принимать венец, когда мне не дают помощи?!» В это время пришли послы Батыя со словами: «Дай Галич!» Смиря гордость, князю пришлось идти на поклон в Орду. И вновь папа обещал крестовый поход на татар.

В надежде на объединение сил против общего врага Даниил породнился с венгерским королем, австрийскими и польскими герцогами, литовскими князьями, принимал участие в их усобицах и убедился, что надежды на «помощь Запада» тщетны. Вступая в 1254 г. в войну с татарами, Даниил имел союз лишь с литовским князем Миндовгом, как и он, притворно принявшим королевское звание от католиков. Дело шло хорошо, пока против Галицко-Волынской Руси стояла только кочевавшая у Днепра орда Куремсы.

Положение круто изменилось, когда Сарай прислал опытного воеводу Бурундая. Он имел сильное войско и чтил традиции. Не укоряя Даниила, Бурундай велел прислать войска для похода на Литву. Когда татары и русские прошли по ней огнем и мечом, воевода пригласил всех галицко-волынских князей, не состоящих с ним в войне, в свою ставку. Даниил бежал в Венгрию. Прибывшим князьям Бурундай приказал снести укрепления городов Галицко-Волынской земли и самолично наблюдал за выполнением приказа.

Татарам и князьям не покорился лишь Холм. Бурундай обошел его и вместе с русскими вассалами разорил Польшу. Когда татары ушли, Даниил вернулся в Холм, где и скончался. Галицко-Волынская Русь распалась на мелкие княжения и, лишенная крепостей, сделалась легкой добычей давно мечтавших об этом соседей. Галичем овладела Польша, Волынью — Литва, вскоре превратившаяся в могучее государство.

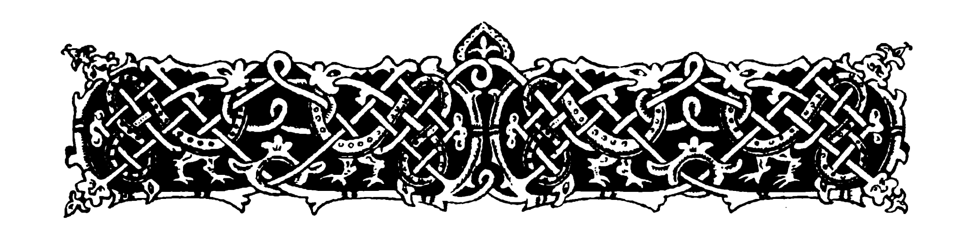

1. Почему ханы Золотой Орды не стали менять государственного устройства Руси?

2. Кто и зачем умыслил завести баскаков? Что не позволило баскачеству укорениться на Руси?

3. Почему Александр Невский встречал крестоносцев мечом, а в Орде использовал дипломатию?

4. Сравните результаты военной и государственной деятельности Александра Невского и Даниила Галицкого.

Глава 7
ОБЪЕДИНЕНИЕ

§ 22. ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ

В то время когда Северо-Восточная Русь в составе Золотой Орды старалась сохранить под властью царя татарского свою веру и государственность, на западных и юго-западных землях была совершена смелая попытка объединения в обширное государство для освобождения от ига и защиты от многочисленных неприятелей. Катализатором этого процесса стали языческие племена литовцев, пробужденные от сравнительно мирной жизни в лесах Прибалтики натиском немецких псов-рыцарей. По их имени новое государство прозывалось Литовским, хотя девять десятых его населения, государственный язык и письменность были русскими, а вера — православною. Литовско-Русское государство вписало немало славных страниц в историю нашего народа, добилось выдающихся успехов, но не смогло объединить всю Русь и пришло в упадок, уступив ведущее место государству Московскому.

Гедимин, Кейстут и Ольгерд

Прошло полстолетия смуты и поражений после смерти мудрого Миндовга, союзника и свойственника Даниила Галицкого, покорявшего русские княжества лихой конницей литовцев и укреплявшего господство над литовскими князьками с помощью русских полков. С 1316 г. западными землями стал править князь Гедимин. Его города были укреплены по всем правилам военного искусства, рати отлично устроены и вооружены, земли хорошо защищены и богаты.

Русские и литовцы на равных служили в войсках Гедимина, управляли полками, городами и сельскими районами —

волостями. Сам Гедимин был женат на русской и детям устраивал браки с русскими же. Он титуловал себя «князем литовским и русским». Князья охотно присоединялись к этой своеобразной федерации, сохраняя самостоятельность во внутренних делах: ведь Гедимин успешно защищал государство от Орды, венгров, поляков и крестоносцев. В его Тракайском замке посреди озера не было места для разговоров о выплате дани кому бы то ни было. Военная добыча и налоги в пользу великого князя шли на нужды войска и строительство крепостей, центральной из которых стала Вильна.

После смерти Гедимина Трокайский замок занял его сын Кейстут, управлявший в основном литовцами и обороной страны от крестоносцев. Наступление немцев было остановлено. Другой сын, Ольгерд, сел в Вильне и занялся русскими делами. «Не столько силою, елико мудростью», — говорит летопись, он окончательно подчинил Волынь и Киев, овладел Черниговско-Северской землей и Брянском, распространил свое влияние на Смоленск. В 1362 г. в сражении на берегу реки Синие Воды Ольгерд разгромил объединенное войско кочевавших между Днестром и Днепром степных разбойников, заставив их бежать в Крым и Добруджу.

Образованное Гедиминовичами могучее Литовско-Русское государство от Балтийского моря до южнорусских степей страшило всех соседей, даже Орда не помышляла воевать с ним. Лишь на северо-востоке походы Ольгерда встретили неодолимое сопротивление Москвы. Напрасно пытался Ольгерд укрепиться во Пскове и Новгороде, поддержать в борьбе с московскими князьями Тверь или заключить против них союз с Ордой. Москва стала сильным препятствием для объединения Руси в державе Гедиминовичей. Вскоре прибавилось препятствие еще более роковое — уния (союз) с Польшей и католицизмом.

Ягайло и Витовт

Через несколько лет после смерти Ольгерда его сын Ягайло вступил в преступный сговор с крестоносцами против Кейстута и предательски убил старого рыцаря. После нескольких лет бесславного правления злодей был приглашен поляками в качестве мужа для королевы Ядвиги, последней в угасающей династии Пястов. Ягайло с готовностью принял католическую веру и подписал Кревскую унию 1385 г., по которой государство Литовское соединялось с Польшей и подлежало окатоличиванию. Князь женился на Ядвиге и стал королем объединенного государства. Это прекратило польско-литовскую вражду из-за южнорус-

ских земель и помогло Польше отбить у венгров города Червонной Руси — Галич, Львов и др. Союз был необходим и против Тевтонского ордена, захватившего уже Польское Поморье.

Однако лишить самостоятельности огромное государство в интересах польских панов и епископов оказалось непросто. Язычники литовцы относительно спокойно смотрели на уничтожение миссионерами древних капищ и священного огня, не особенно противились крещению. Но русское население и даже бóльшая часть литовской знати были православными. Грубость и высокомерие польских католиков, живо напомнившие крестоносцев, заставили власти и народ встать на сторону Витовта — чудом спасшегося из Ягайловой темницы сына Кейстута. Не разрывая династическую унию, Витовт к 1392 г. добился фактической независимости от короля как «великий князь литовский и русский».

Вместе с Ягайлой Витовт одержал победу над объединенными силами Тевтонского ордена. В полдень 15 июля 1410 г. на широком поле у деревни Грюнвальд собрались крестоносные рыцари с наемниками, солдатами-кнехтами и артиллерией. В армии Ягайлы были галицкие полки, у Витовта — смоленские. Жарко рубилась тяжелая рыцарская конница, но не смогла прорвать строй русской пехоты, пока не вернулись бежавшие было литовские всадники и не вступил в бой польский засадный полк. Едва не весь Орден во главе с магистрами остался на поле брани.

Но главным делом своей жизни Витовт считал расширение государства на восток. Он присоединил Оршу и Смоленское княжество, а за великого князя московского Василия I выдал свою дочь Софию. Правда, это не помешало Василию двинуть войска на Литву, когда Витовт вторгся в землю Псковскую. Война завершилась договором 1408 г., по которому границей между Литвой и Москвой стала река Угра — левый приток Оки. Не остановившись на этом, славный воитель заключил договоры о взаимопомощи с тверским и рязанским князьями — соперниками Москвы, а князя московского заставил отказаться от помощи Новгороду и Пскову, которые тщетно пытался захватить.

Упорно шло наступление на восток в степной полосе, где укрепления Витовта стояли на границе ордынских кочевий. Великий князь активно вмешивался в борьбу за власть внутри Золотой Орды, держал в Литве удобных претендентов на сарайский престол. При случае Витовт наказывал непокорных, например — захватил татарские кочевья под Азовом и переселил под Вильну. Только видный политический деятель

периода распада Золотой Орды эмир Едигей, объединив в своих руках крупные военные силы, смог в 1399 г. остановить натиск Витовта. В сече на реке Ворскле литовско-русские полки и их союзники (поляки, крестоносцы и татары хана Тохтамыша) потерпели тяжелое поражение. И хотя Орда вскоре вновь погрузилась в пучину усобиц, Литовско-Русское государство утратило наступательный порыв.

Путь к закату После смерти Витовта в 1430 г. великое княжество Литовское напоминает смертельно больного. Оно богато и обширно, но уже теряет силы. Польша захватывает Подолию, Крымское ханство уничтожает степные города и превращает Причерноморье в пустыню, к концу XV в. весь цветущий край напоминает обитель скорби и масса князей спешит покинуть некогда славное литовское знамя.

Причины сей ужасной перемены просты: русская и православная по преимуществу держава благодаря унии превратилась при наследниках Ягайлы в презираемые задворки польского католического государства. Королям, одновременно носившим титул великого герцога Литовского, было не до русских земель. Зато ими весьма интересовались польские богатейшие землевладельцы — магнаты, рыцари — шляхта и католическое духовенство. Литовско-русские князья, бояре, дружинники, горожане и особенно земледельцы стали людьми второго сорта.

Их язык считался варварским, а вера — еретической. Знаменитая польская заносчивость заставляла шляхтичей считать себя людьми иной породы, чем даже население собственной страны: совершенно бесправное крепостное крестьянство и ограниченные городскими стенами самоуправляемые торгово-ремесленные общины. Между тем все они были людьми одного языка и веры. Претензии же восточных иноземцев и иноверцев на какие-то права выглядели воистину возмутительно! Однако естественные желания господ отобрать у русского князя землю, отослать дружинника на псарню или превратить церковь в костел нередко кончались весьма плачевно.

Для завоевания господства в стране необходимо было ополячить и окатоличить прежде всего господствующие сословия. Уже при Витовте было установлено, что, принимая католичество, подданный Великого княжества Литовского получает права и привилегии, свойственные его сословию в Польше. Изменив вере, князья и бояре могли стать панами, дружинники — шляхтой, крестьяне для них приравнивались к быдлу — скоту. Новые должности при дворе предоставлялись только католикам.

Чиновники должны были писать на латыни и польском. Утверждение владений дворян и их продвижение по службе зависели от отношения к господствующей вере и языку.

Речь шла о встречающем сильное сопротивление, медленном, но упорном установлении иноземного господства. Чтобы показать степень униженности православных, поляки даже передавали их церкви в аренду иудеям. Но народное самосознание, нашедшее свое выражение в приверженности к православию, по мере нарастания давления только крепло в решимости не сдаваться, стоять за веру и обычаи предков. Иезуиты, умевшие пользоваться силой, осознали ее бесполезность в Великом княжестве Литовском и в конце концов стали насаждать свою веру исподволь, через латинское и польское просвещение: с помощью типографий, училищ и академий.

Католическая церковь при всем ее могуществе и целеустремленности за сотни лет господства так и не преуспела в русских землях великого княжества Литовского. Не вполне сумела Польша привлечь на свою сторону и господствующие сословия этих земель. Основная же масса населения, хотя бы частично испытавшая на себе степень угнетения, установленную для податных сословий Польши, готова была к восстанию, каковые время от времени и происходили. Политическое развитие великого княжества Литовского в XV в. остановилось, экономическое и культурное замедлилось. Вильна не была более центром, вокруг которого могла бы объединиться Русь.

1. Какой язык преобладал в Великом княжестве Литовском?

2. Какие подвиги совершили литовские князья в борьбе с монголо-татарами и крестоносцами?

3. Что помешало объединению Руси в Литовско-Русском государстве?

4. С каких пор начался упадок Великого княжества Литовского?

§ 23. ВОЗВЫШЕНИЕ МОСКВЫ

Не следует преувеличивать роль естественных причин, способствовавших объединению русских земель именно вокруг Москвы. Многие города были древнее и богаче, иные занимали более удобное положение на торговых путях и тропах, по

которым южное население искало спасения от набегов в северных лесах, некоторые города были лучше укрыты от военных опасностей. Москва выдвинулась в многовековой борьбе за господство над Русью прежде всего благодаря политической мудрости своих властей: князей, духовенства и бояр, — сумевших использовать для победы реальные условия, в которые были поставлены русские земли.

Первые князья В 1276 г. младший сын Александра Невского получил в удел небольшое Московское княжество, входившее в состав Великого Владимирского княжества. В 1301 г. войска Даниила отняли у рязанских князей Коломну в устье Москвы-реки, а в 1303 г. сын Даниила Юрий отвоевал у Смоленского княжества Можайск в верховьях Москвы-реки. Вместе с Переяславлем-Залесским, доставшимся московским князьям по завещанию его бездетного владельца, удел их округлился настолько, что Юрий Данилович осмелился вступить в спор за ярлык на великое княжение владимирское.

Соперником его был двоюродный дядя, князь Михаил Тверской, владелец богатого торгово-ремесленного города, обширных земель и промыслов. В 1304—1305 гг. в Орде состоялся торг: сперва Юрий дал больше дани, но Михаил надбавил и получил ярлык. Тотчас великий князь начал войну с Москвой и едва не взял город, но был отвлечен войной с Великим Новгородом, покушаясь на вольности его и богатства. Новгородцы сочли, что им дешевле станет поддержать Юрия: пользуясь полученным от них богатством, тот подружился с семьей хана и женился на его сестре. В 1318 г. Юрий с татарами пошел войной на Тверь, но был разгромлен и бежал.

Рассерженный хан вызвал соперников в Орду. «Хан моей головы хочет, — сказал великий князь Михаил Тверской, — не поеду, так вотчина моя вся будет опустошена и множество христиан избито; когда-нибудь надобно же умирать, так лучше положу душу мою за многие души». Благочестивый князь был оклеветан Юрием и замучен; позже его причислили к лику святых. Юрий вернулся на Русь великим князем владимирским, но его сгубила жадность: сын Михаила Дмитрий Тверской рассказал в Орде, что Юрий утаил дань, и сам получил ярлык на великое княжение. В 1325 г. Дмитрий и Юрий погибли в Орде оба.

Ярлык достался было Твери, но на сцену выступил брат Юрия Иван по прозвищу Калита, то есть кошелек, денежный

мешок. Скопидом он и вправду был великий: казны накопил, крестьян и земель прикупил к владениям московских князей изрядно. Однако не хозяйственная оборотистость Калиты стала главным источником его богатства и власти, а умелое использование силы: воинства грозного царя татарского, своего собственного и подручных князей, вкупе с волей владыки православного — митрополита. Скопидом, но отнюдь не скупердяй, князь никогда не жалел богатства для приумножения силы, которой добывал еще большее богатство.

Калита сумел доказать татарам, что он их самый верный слуга. Когда в 1327 г. тверичи впервые за много лет увидели баскака, восстали и истребили ордынцев во главе с двоюродным братом хана, именно Калита, примчавшись в Орду, выпросил себе командование карательным воинством. Пять туменов татар, московские и суздальские полки повторили в Тверской земле зверства Батыя. Московский князь захватил для татар огромную добычу, сорвал с тверского собора вечевой колокол, унижая ненавистных тверичей, непокорных царской и его собственной власти. Труднее оказалось добиться казни в Орде ненавистного тверского князя: после этой победы, по словам летописца, великое веселье царило в Москве.

Московский князь получил в награду ярлык на великое княжение, а главное — завоевал для себя и своих потомков право выколачивать по всей стране дань для татар и лично передавать ее в Орду. Получить это заветное право помогла кровь восставших тверичей, вынудивших хана отказаться от баскачества. Но победа была неполной. Опасаясь усиления Москвы, татары разделили Русь между Калитой и князем суздальским. Ивану потребовалось 4 года, чтобы его признали великим князем «надо всею Русскою землею».

Сила денежного мешка

Давно уже митрополиты Киевские и всея Руси вели жизнь странническую, более всего пребывая во Владимире. Митрополита Петра Иван богомольный и хлебосольный Калита сумел завлечь в Москву: тот подолгу живал здесь и умер, завещав похоронить себя в заложенном при нем Успенском соборе Кремля, ставшем со временем главным храмом Руси. Преемники Петра, хоть и долго именовались еще митрополитами Киевскими, жили с тех пор в Москве.

Об Успенском соборе рассказывали, что при закладке его митрополит Петр предрек князю: «Бог благословит тебя и поставит выше всех других князей, и распространит город этот

паче всех других городов, и будет род твой обладать местом сим во веки!» Неудивительно, что Петра стали чтить как святого защитника Москвы и «всея России великого чудотворца», а гроб его был превращен в государственную святыню. Не жалея денег, Калита выстроил близ Успенского собора Архангельский, место погребения своих державных потомков. Заполучив митрополичью кафедру, Москва стала центром Русской Православной церкви: средоточием духовной власти и огромных церковных доходов.

Митрополиты обосновались в Москве не только потому, что князь был благочестив и щедр: его владения стали самым безопасным местом на Руси. Часто посещая Орду, Иван Калита не скупился на подарки ханам, их женам и влиятельным вельможам. Не только татарские рати, но и сарайские послы, грабившие на Руси в свое удовольствие, не появлялись во владениях князя. Подданные Калиты могли свободно торговать во владениях Орды и дальних морях. Кроме того, князь не жалел сил и средств для истребления расплодившихся кругом грабителей и воров, защиты торговых путей и укрепления самой Москвы. Мирная жизнь окупалась сторицей.

Не только крестьяне, ремесленники и купцы, но и многие бояре из других княжеств спешили под покровительство того, кто много брал, давая взамен уверенность в будущем. Из далекого Киева и Чернигова приходили на службу к Калите бояре со своими людьми. Даже ордынские мурзы искали здесь покоя — например, Чет, предок Бориса Годунова. Переселенцам Калита предоставлял льготы, помогал обосноваться. В Орде он массами выкупал пленных и поселял в своих владениях. Прикупал князь и землю — то селами в Новгородской, Владимирской, Костромской, Ростовской и других землях, а то и целыми городами с уездами: Галичем-Мерьским, Белоозером и Угличем.

Защищая в своих владениях мир, московский князь по отношению к соседям широко использовал силу. Калита вероломно, не объявив о нарушении мира, ходил войной на Великий Новгород, «примучивал» Псков, подчинил своей воле князей суздальского, ростовского, ярославского и рязанских. Его наместники свирепствовали в городах и землях для сбора дани Орде и обогащения московского князя. По воле Калиты митрополит отлучал непокорных от церкви. Только окраинные земли не склонялись перед Москвой: со срамом вернулись ее полки с Северной Двины, да смоленцы отказались повиноваться хану и прогнали воинство Ивана Калиты.

Наместники Золотой Орды

Княжения сыновей Калиты — Симеона Гордого (1340—1353) и Ивана Красного (1353—1359) — не ознаменовались событиями выдающимися. Главное, что в отличие от окрестных князей потомки Калиты не ссорились между собой и сумели удержать милость могущественного хана, делавшую их старшими на Руси. Симеон пять раз ходил в Орду и всякий раз, по словам летописца, возвращался оттуда со многою честью и жалованием. «Все князья русские даны были под руки его», и Симеон вел себя заносчиво. Иван же был «кроток и тих», но власть его оттого не делалась слабее. Пока Москва обеспечивала Руси мир, даже попытки восстаний против сурового сбора дани не поддерживались народом, а особо рьяных бунтарей, например в Новгороде, «черные люди» могли и побить.

Татары не вмешивались, когда великие князья литовские захватывали русские города и даже вторгались на территорию Московского княжества. Но точно так же и московские князья не спешили на помощь псковичам, отбивавшимся от немцев и литовцев, или новгородцам, сражавшимся со шведами. Правда, новгородцы и псковичи не только отражали набеги и отвоевали свои земли, но сами громили владения шведов, немцев и литовцев, а москвичи оказались для великого князя Ольгерда столь сильным противником, что он отправил своего брата Конрада в Орду просить помощи против Симеона Гордого.

Послание Симеона хану по этому поводу ясно говорит, как представляли свое положение московские князья: «Ольгерд опустошил твои улусы (юго-западные земли Руси) и вывел их в плен. Теперь то же хочет сделать и с нами, твоим верным улусом, после чего, разбогатев, вооружится и на тебя самого». Хан был согласен с такой оценкой и выдал Конрада Симеону Гордому. Ольгерду пришлось прислать в Москву дары и помириться.

Но такое положение не могло продолжаться вечно. Орду уже начали раздирать жестокие смуты. Ее верные слуги, московские князья, могли потерять татарскую опору и благоразумно использовали свои богатства для укрепление постоянной рати: служилых князей, бояр и дворян, получавших «на прокорм» княжеские земли с крестьянами. Владения князей и бояр были большей частью наследственными, купленными, захваченными или данными «в отчину» — и назывались вотчинами. Дворяне — великокняжеские воины — «помещались» на пожизненное кормление в данных под условием службы поместьях.

Необходимость сбора дани с огромной страны заставляла держать множество бояр и дворян. Сбор дани позволял мос-

ковским князьям приобретать новые земли и крестьян для раздачи вотчин и поместий. В отличие от других княжеств, располагавших для войны небольшой дружиной да боярским и городским ополчениями, Московское княжество постепенно превращалось в огромный военный лагерь, господствующий слой которого был крепко спаян одной целью — установлением своей власти над всеми русскими землями.

1. Благодаря чему центром объединения русских земель стала Москва?

2. Какими путями расширялись владения московских князей?

3. Каковы были главные достижения Ивана Калиты, сохраненные его сыновьями?

4. Как формировались военные силы Московского княжества?

§ 24. ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ

Испытание московской системы власти на прочность началось с ранней смертью Ивана Красного, оставившего девятилетнего сына Дмитрия (1350—1389) с двумя младшими братьями. Дмитрий еще не мог ни править, ни хлопотать в Орде, куда скопом устремились русские князья. Великокняжеский ярлык получил суздальско-нижегородский князь Дмитрий. Но Москва не сдалась. «Слушайте отца нашего, владыку Алексия, да старых бояр», — завещал еще Симеон Гордый. Митрополит Алексий был хорошо знаком с Ордой, успел исцелить ханшу и завоевал у мусульман славу чудотворца. Московские бояре любили и умели господствовать. Москве предстояло в жестокой борьбе и бесчисленных войнах отстоять и расширить свою власть над разрозненными русскими землями и княжествами.

Война за великое княжение

Дмитрия доставили в Орду, где ханы быстро убивали друг друга. Ярлык для мальчика был получен, но выдавший его хан вскоре пал от руки сына, того тоже прикончили, и новых ханов объявилось сразу два. Митрополит и бояре не растерялись — получили ярлыки от обоих и увезли Дмитрия на Русь. Но и Дмитрий Суздальский получил ярлык. Тогда бояре посадили на коней всех трех маленьких княжичей и поехали воевать град

Владимир. Великое княжение владимирское отошло к Москве (1363), а суздальский князь со временем утешился, выдав дочь свою Евдокию за повзрослевшего Дмитрия Ивановича.

С детства великий князь московский советовался с боярами, завещав то же наследникам. Это было мудро: собравшиеся в Москве со всех русских земель великие мужи составили господствующий слой, стремящийся установить одну власть по всей Руси, стояли на позиции государственной. Под руководством бояр и митрополита Алексия, позже признанного вторым после св. Петра митрополита «великим чудотворцем», Москва боролась за господство над землями даже энергичнее, чем при Калите.

Князь Дмитрий был еще мал, когда Москва стеснила ростовского князя, изгнала князей галицкого и стародубского, а суздальского заставила признать власть столицы. Когда тверской владыка Василий примирил враждующих князей своей земли и признал великим князем тверским энергичного Михаила, Москва немедля выступила на стороне противников сего князя. Епископа Василия митрополит Алексий вызвал в Москву, где тот, по словам летописца, потерпел убытки. С московскими полками тверские князья разграбили, пожгли и попленили свою землю, не взяв только Твери.

Однако Михаил, получив помощь от своего зятя Ольгерда, заставил родичей признать свое старшинство. Тогда митрополит Алексий пригласил Михаила на третейский суд в Москву, своим пастырским словом обещав безопасность. По прибытии тверского князя и бояр заточили, принудили целовать крест на верность московскому князю и выпустили (по требованию ордынцев) после того, как завоевали часть его земель.

Михаил Тверской, который «более всего любил митрополита и доверял ему», стал неистовым мстителем московскому коварству. Он вновь обратился к Ольгерду, и в том же 1368 г. войска тверские, литовские и смоленские устремились на Москву, громя посланные против них полки и опустошая землю. К счастью для москвичей, годом раньше они возвели новый, каменный Кремль. В нем и отсиделись, наблюдая, как горит деревянный город, пылают окрест усадьбы, деревни и села. В отместку на следующий год московские полки опустошили союзные Ольгерду Смоленскую и Брянскую земли. Долго длилась война, еще дважды врывались в Московское княжество полки литовские, разоряли Рязань полки московские, грабили и насиловали в Новгородчине полки тверские.

Не раз Михаил Тверской получал в Орде ярлык на великое княжение, надеясь победить с помощью татар и литовцев. В

Москве же, наблюдавшей за резней меж ханами, отношение к Орде менялось. Первоначально князь Дмитрий спешил отмаливать ярлык у правителя Мамая и его ставленников на сарайском престоле, затем рискнул ослушаться ханского веления, откупаясь дарами, наконец, поднял Русские земли против ордынского ставленника. С Москвой пошли на Тверь рати суздальские, нижегородские, городецкие, ростовские, ярославские, смоленские и новгородские. В 1375 г. осажденный в Твери князь Михаил смирился, поклялся слушать Дмитрия как старшего брата и не искать великого княжения у татар.

После смерти Ольгерда Юго-Западная Русь видела в московском князе вождя для общей борьбы с Ордою. Андрей Ольгердович, княживший в Полоцке, первым поспешил на помощь Дмитрию Московскому против татар. Дмитрий Ольгердович привел под власть Москвы Трубчевск и Стародуб со всеми владениями их в Северской земле. Воевода Дмитрий Михайлович Боброк прибыл служить Москве с Волыни. Сии бывалые военачальники не стали бы под черное знамя Дмитрия Ивановича, не питая надежды совершить под ним знатные подвиги вместе с прославленными воеводами московскими: князьями серпуховско-боровским Владимиром Андреевичем Храбрым и Даниилом Пронским, Тимофеем Васильевичем Вельяминовым, Михаилом Андреевичем Бренком и иными.

Жизнеописания: Сергий Радонежский

Сергий Радонежский (в миру Варфоломей Кириллович, 1314—1392) — один из самых почитаемых святых на Руси. Родился в селе Варницы близ Ростова Великого в семье местного боярина, перешедшего вскоре на службу к московскому князю. После смерти родителей принял монашество под именем Сергия, а Радонежским прозван по подмосковному городку Радонеж, в котором вырос. Инок Сергий вместе с братом Стефаном основал в 70 километрах от Москвы монастырь в честь Троицы: в нераздельности Бога-Отца, Бога-Сына и Святого Духа подвижник видел небесный идеал для раздираемой усобицами Руси. Сделавшись игуменом монастыря, Сергий утвердил в нем общежительный устав, согласно которому монахи имели только общее имущество, вместе работали и питались, молились за общие духовные цели. Основанные Сергием и его учениками общины иноков способствовали быстрому распространению монастырей в Северо-Восточной Руси. Сделавшись весьма почитаемым, подвижник склонял князей к подчинению Дмитрию Донскому, утвердил введенный князем новый порядок престолонаследия от отца к сыну. Проповедь Сергия помогла Дмитрию объединить княжества для победы на Куликовом поле. Святой был канонизирован в 1452 г. как небесный заступник Русской земли и покровитель московской великокняжеской власти. Первый основанный им

монастырь стал впоследствии именоваться Троице-Сергиевой лаврой и считается главным среди знаменитейших монастырей-лавр.

Мамаево побоище Знаменитая Куликовская битва первоначально воспета была в «Задонщине» — поэтическом плаче о бесчисленных героях, сложивших головы за землю Русскую. Лишь много позже, когда Русь смогла снова подняться против ордынского ига, трагический пафос повествования о Мамаевом побоище сменился героическим описанием подвигов, будто бы возвестивших о начале освобождения. В действительности поднятое Тверью знамя с Георгием Победоносцем, поражающим змея, в те времена еще не призывало московские полки сбросить ордынское иго. Но смута в Орде уже заставляла заботиться об обороне от разнообразных шаек, желавших поживиться на Руси, а логика событий неумолимо вела к трагической развязке.

Еще в 1365 г. один из множества соперничавших в Орде ханов, Тагай, внезапно сжег Переяславль-Рязанский, но был настигнут князем Олегом и разбит в жестокой сече. Через два года другой хан, Пулад-Темир, был отбит князем Дмитрием Суздальско-Нижегородским и бежал в Орду, где был зарезан. Развивая успех, суздальско-нижегородские полки повоевали в 1370 г. волжских булгар. Вскоре войска темника Мамая, захватившего в Орде власть и менявшего по своей воле ханов, опустошили Рязанское княжество, но не пробились на московскую сторону через Оку. Этот рубеж крепко стерегли московский князь Дмитрий и его двоюродный брат серпуховско-боровский князь Владимир Храбрый.

Тем временем нижегородцы, восстав, перебили Мамаевых послов с их охраною. Мамай же разграбил Нижегородское и Новосильское княжества. В 1376 г. нижегородцы рьяно устремились с московским воеводой Дмитрием Боброком на Волгу, принудили тамошних булгар к дани и посадили в Казани своих таможенников. Однако на следующий год явилась от Аральского моря орда Араб-шаха, захватила на реке Пьяна московские и нижегородские дружины врасплох, со снятыми от жары доспехами, потоптала и истребила, взяла затем Нижний Новгород и Рязань, из коей князь Олег едва ушел, израненный. Мордва, наведшая Араб-шаха, бросилась грабить разоренные земли, но была порубана на той же Пьяне, а затем московские и нижегородские полки саму Мордовскую землю «сотворили пусту».

1378 г. начался сожжением Мамаевой ордой Нижнего Новгорода. Однако ордынский полководец Бегич, посланный Ма-

маем против Дмитрия Московского, нежданно встретил полки князя в Рязанской земле, на реке Воже. К вечеру 11 августа татары переправились через реку и бросились на русские полки. С двух сторон навалились на них воеводы Даниил Пронский и Тимофей Вельяминов, а сам великий князь Дмитрий ударил в лоб. Только ночная тьма и запруженная трупами река помешали завершить истребление войск Мамая. Но война с Мамаем лишь начиналась. Бывший командир единственного тумена, пробившийся наверх ядом и кинжалом, нагло объявивший себя ханом, не будучи Чингисова рода, не мог удержать власть с пятном поражения от русского «холопа».

Мамай бросил свои богатства на сбор войск, привлечение мелких орд, наем хивинцев, ясов, буртасов и даже генуэзцев, имевших колонии в Крыму. Он торопился завоевать славу второго Батыя и сокровища Руси до того, как с Востока нагрянут полчища еще более свирепого завоевателя Тимура. К несчастью, Мамай успел выступить в поход на Русь до появления в степях Тимуровых орд. Он даже заключил союз с Литвой и Рязанью. Олег Рязанский известил Москву о плане соединения ее врагов в устье Воронежа, а сам уговорил Ягайлу не спешить на встречу с Мамаем.

Кроме Рязани и Твери, почти все русские князья и земли дали великому князю Дмитрию воинов. С огромной ратью, какой никогда еще не видывали на Руси, двинулся Дмитрий в степь, чтобы не дать соединиться вражьим войскам. Мамай дрогнул, можно было избежать боя, заплатив большую, однако не чрезмерную дань. Но кто мог остановить воинов, по горло сытых княжеским заискиванием перед Ордой?! Когда Дмитрий остановился на берегу Дона, воеводы потребовали переправиться через реку, чтобы никто не надеялся спастись бегством: «Или всем слава, или все умрем одной смертью!»

Враги встретились у устья Непрядвы туманным утром 8 сентября 1380 г. Едва прояснело, на иссеченной оврагами равнине стали схватываться конные удальцы. Великий князь тоже выехал «на первый суйм» (поединок богатырей), но вечную славу завоевал монах Пересвет. Он как был, в одном иноческом облачении, схватился на копьях с закованным в сталь татарским мурзой — и оба пали замертво. Их поединок предвосхитил исход грядущей битвы. Русское войско встретило тяжеловооруженную генуэзскую и иную наемную пехоту передовым полком. Когда он полег на месте, дико воющая ордынская конница врубилась в главный, большой полк, над которым развевалось черное боевое знамя Москвы.

Со времен великого переселения народов Европа не видала столь кровавой битвы. Большой полк стоял, пока не пало в самой середине его знамя и с ним всадник в золотых княжеских доспехах. Это был Михаил Бренко, с которым Дмитрий поменялся оружием, чтобы самому занять место в ряду простых «полчан». Полк правой руки еще держался, но полк левой руки уже отходил к Непрядве вместе с отступающим крылом большого полка. Тут, за левым флангом, благоразумные воеводы оставили запасной полк, задержавший зверский натиск ордынцев.

Еще левее, в Зеленой дубраве, стояли с засадным полком князь Владимир Храбрый и воевода Дмитрий Боброк, выжидая, пока враг, ломя мимо них, не явит свои спины. Атака свежего полка с тыла привела Мамаевы войска в ужас. Русские воспрянули духом и перешли в наступление; ордынская конница ударилась в бег и смяла свою пехоту. Гнев россиян был сильнее усталости: врага гнали и секли 30 верст до реки Красивая Меча. Мамай бежал первым, но вскоре был убит в Крыму по воле своего соперника — Тохтамыша.

Тохтамышево разорение Тохтамыш, потомок Чингисхана и законный наследник Синей Орды, потерял в усобицах свои кочевья за Яиком и служил грозному завоевателю Тимуру Тамерлану, когда разгром ненавистного Мамая освободил для него сарайский престол. Уставшая от усобицы Орда сомкнулась вокруг Тохтамыша, отправившего в Москву посольство с намеком, что законному хану полагается законная дань. Дмитрий не внял, позабыв, что Москва возвысилась на службе «царю татарскому» и сколько усилий стоило ему объединение земель даже против узурпатора Мамая.

Когда в 1382 г. Тохтамыш двинулся на Русь, князь суздальский и нижегородский поспешил выразить «царю» свою преданность, а Олег Рязанский показывал хозяйскому войску путь (чтобы оно не забрело в его земли). Дмитрий Донской с воеводами, союзными князьями и ратью бежал из Москвы в Кострому, надеясь там собрать достаточные силы. Оставленная без войска и единого воеводы Москва оборонялась три дня, была взята хитростью и сожжена. Только от меча в Кремле погибло 24 тыс. человек; церковные сокровища, княжеская казна, накопленные городом богатства были разграблены, иконы и книги уничтожены.

Жизнеописания: Андрей Рублев

Андрей Рублев (1370-е — 1430) — величайший художник средневековой Руси. В 1405 г. вместе со знаменитыми живописцами Феофаном Греком и Прохором с Городца расписывал стены Благовещенско-

го собора в Кремле и создавал для него иконостас. 7 сохранившихся икон Рублева отличаются от работ старых мастеров нежным сочетанием цветов и редкостной гармоничностью композиции. В 1406 г. Рублев вместе с Даниилом Черным трудился над росписью Успенского собора во Владимире. С дошедших до нас фрагментов сцены Страшного суда вместо традиционных византийских ликов смотрят русские лица. Судный день представлен как момент единения, согласия людей, воодушевляемых любовью. Древняя идея возмездия за грехи не волновала художников. На иконах огромного Успенского иконостаса мягкость и душевность сочетаются с ясностью внутреннего мира Богоматери, Иоанна Предтечи, апостолов и отцов церкви. Лишь три иконы сохранились из рублевского иконостаса собора Рождества Богородицы Саввино-Сторожевского монастыря под Звенигородом. Одна из них — «Спас» — знаменует собой появление нового русского канона облика Христа Спасителя, в котором мудрость и доброта вытеснили византийскую суровость. Самую известную свою икону — «Троицу» — Рублев создал в память Сергия Радонежского для церкви, построенной на месте погребения святого в Троице-Сергиевом монастыре. Сергий особенно почитал Троицу, желая, чтобы «лицезрением ее единства побеждалась ненавистная рознь мира сего». Андрей воплотил эту идею в несравненном образе, излучающем светлую мудрость, нежность и душевную чистоту. В 1420-е гг. Рублев и Даниил Черный работали над росписью и иконостасом Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря. Позже Андрей расписывал Спасский собор Андроникова монастыря. В своем творчестве Рублев утверждал единство и гармонию, самоуглубление и созерцание. Он оказал огромное влияние на современников и потомков, изменил зрительный образ Небесного Царствия. Подвиг Рублева официальная церковь признала через полтысячелетия, канонизировав его.

Пока князья и воеводы уклонялись от боя, был сожжен Переяславль, разграблены земли Звенигорода, Юрьева, Дмитрова и Можайска. Один Владимир Храбрый выступил из Волока Ламского и порубил татарский отряд, после чего Орда поспешила восвояси, боясь сбора русской рати. Между тем Дмитрия Донского, вернувшегося в мертвую Москву, заботило, что князь Михаил Тверской, в нарушение договора 1375 г., уже поехал в Орду с дарами, в надежде на великокняжеский ярлык. Дмитрий отправил к Тохтамышу покаянное посольство, отдал в заложники сына и поклялся исправно платить дань. Хан не желал рисковать: оставил великое княжение Дмитрию и его роду, сказав удовлетворенно: «Мой улусник провинился передо мною, так я его устрашил, и теперь он мне служит правдою».

Покорность Дмитрия татарам выглядела бесчестной на фоне славы Куликова поля, особенно в глазах воевод, спешивших покинуть двор великого князя, подобно Андрею и Дмитрию

Ольгердовичам, доблестно павшим в битве на Ворскле. Вновь войдя в роль «улусника», Дмитрий под предлогом сбора дани разорил Рязанскую землю злее татар, а затем собрал войско против Великого Новгорода, содрав с него одного больше, чем сам заплатил Тохтамышу.

Василий I и Василий Темный Дмитрий Донской скончался на 40-м году жизни, как «отчину» оставив великое княжение владимирское старшему сыну Василию (1389—1425) и обязав других сыновей находиться под рукою старшего брата. Василий отправился к хану с богатыми дарами и помимо великого княжения получил Нижний Новгород, Мещеру, Тарусу и Муром. Нижегородского князя с семьей Василий заточил, а изгнав его племянников, прибрал к рукам и Суздаль. Против нашествия ужасного Тимура великий князь, по совету митрополита Киприана, использовал чудотворную икону Богородицы Владимирской (написанную, как говорят, самим ап. Лукой).

Эта мера оказалась тем более действенной, что Тимур оказался у границ Руси (он дошел до Ельца), лишь преследуя своего изменника Тохтамыша. Золотая Орда была разгромлена, ее столица и другие города разорены. Василий I мог забыть о выплате дани, однако ему следовало лучше позаботиться об укреплении войска. Великий князь литовский и русский Витовт, выдав свою дочь Софию за Василия I, не преминул отвоевать у зятя Смоленск и Вязьму, хотя и не смог захватить Псков и Новгород. А осенью 1408 г., когда Василий I распустил по домам утомленные 3-летней войной с Литвой полки, на Русь под предлогом похода против Витовта явились полчища ордынского правителя Едигея.

«Лукавый и злохитрый» политик, менявший по своей воле ханов, Едигей, по признанию русского летописца, был «могуществен, и крепок, и храбр». Успев объединить остатки Орды, отразить наступление Витовта на Ворскле и уничтожить Тохтамыша, он вторгся на Русь, не оставив Василию I шансов собрать полки. Великий князь ускакал в Кострому, Орда безнаказанно разграбила нижегородские, ростовские, переяславские, дмитровские и серпуховские земли. К счастью, в Москве находился князь Владимир Храбрый, отразивший разбойников. Успешный грабеж не пошел впрок Едигею: поддержанные Литвой и Москвой сыновья Тохтамыша изгнали того из Сарая, а затем убили в сражении. К очередному хану Василий I ездил с поклоном и дарами.

Со смертью великого князя Москва осталась под властью 10-летнего князя Василия Васильевича, сына Василия I и Софии Витовтовны (1425—1462). Благородный воин Витовт объявил зарубежным государям, что София с сыном и всем великим княжеством Московским находятся под его опекой и до самой смерти не позволял чинить вреда беззащитным московитам. После смерти своего попечителя Витовта (1430) Василий едва не потерял великое княжение, когда его дядя Юрий Галицкий почти убедил хана передать ему ярлык. Только хитроумный боярин Иван Всеволожский смог уговорить хана оставить ярлык Василию. Но когда юный князь, обещавший жениться на его дочери, взял в жены другую девицу (дочку Владимира Храброго), Всеволожский сам стал побуждать Юрия отнять у Василия Москву. Началась война, тянувшаяся почти 20 лет!

Юрий дважды захватывал Москву и в ней помер. Сын его Василий вероломно напал на Василия II, но оказался в плену и был ослеплен (отсюда его прозвище — Косой). Тем временем хан Улу-Мухаммед, изгнанный соперниками из Золотой Орды, основал на землях волжских булгар государство, сделав его столицей Казань. Усилившись, казанский хан сжег предместья Москвы, разорил Нижний Новгород, а в 1445 г. в битве под Суздалем пленил самого Василия II. Василий был отпущен за большой выкуп. Народ был недоволен поборами на выкуп князя. Возмущением воспользовался галицкий князь Дмитрий Шемяка, брат Василия Косого. В союзе с тверским, можайским и суздальскими князьями он вероломно захватил Василия в Троицком монастыре и ослепил (1446).

Когда Василий дал клятву не искать великого княжения и вышел из темницы, он уже не рисковал принимать самостоятельных (обычно неразумных) решений, положившись на многомудрых бояр, славных воевод и святителя Иону — первого митрополита, поставленного в 1448 г. в сан собором русских владык без утверждения Константинопольским патриархом. Иона стал после Петра и Алексия третьим «всея России великим чудотворцем», святым защитником Московского государства.

Москвичи не приняли Шемяку (как ранее и Юрия Дмитриевича) и заставили его бежать из города. Василий, прозванный Темным, был разрешен от клятвы и возведен на престол, Шемяка лишен великого княжения, силой изгнан из Галича, а затем из Устюга, проклят церковью и отравлен в Новгороде. Союзники его разбежались или сдались. В истории Руси начиналась новая эпоха, когда спасенное духовенством, боярством, дворянством и горожанами в огне вражеских нашествий и вну-

тренних смут объединение земель вокруг Москвы переросло в создание единого Московского государства.

Жизнеописания: Афанасий Никитин

Афанасий Никитин (ум. до 1475 г.) — тверской купец, посетивший Индию на четверть столетия раньше Васко да Гамы и описавший свое путешествие в «Хожении за три моря». Поехал торговать в Ширван — Северный Азербайджан — в компании купцов, с верительными грамотами от великого князя Михаила Тверского и архиепископа. Тверичи хотели присоединиться к каравану московского посла, но разминулись с ним на Волге и под Астраханью были ограблены ногайцами. Тщетно купцы пытались получить помощь от московского посла и правителя Дербента. «И мы, — писал Афанасий, — заплакав, разошлись кто куда: у кого было (имущество) на Руси — тот пошел на Русь; а кто имел долги — тот пошел, куда очи повели». Дома Афанасия ждало долговое холопство. «От многой беды» он направился из Дербента в Баку, дальше вдоль Каспийского моря в Персию, оттуда — на «Индийское море» и в Южную Индию. Единственным товаром, который Афанасий рассчитывал продать, был с превеликим трудом сохраненный в путешествии конь, да и того чуть не отобрал хан одного из мусульманских государств Индии, требуя, чтобы чужеземец принял ислам. Коня Афанасий вернул с помощью знакомого персидского купца. Все путешествие стало возможным благодаря добродушию Афанасия, привлекавшему к нему симпатии жителей разных земель. Купец легко усваивал языки, с живым интересом изучал обычаи и никогда не порицал чужую веру: «Правую веру Бог ведает, правая вера — Бога единого знать и имя его призывать на всяком месте чистом чистому». Мусульманам, считал Афанасий, «их вера годится», и посему назывался среди них «ходжа Юсуф Хорасани». Но и многобожцы-индуисты, скрывавшие от завоевателей-мусульман их веру и повседневную жизнь, приняли в свою среду странного «белого человека». Через шесть лет путешественник через Черное море добрался до Крыма. Он умер, немного не дойдя до Смоленска. «Хожение», которое Афанасий успел передать московскому дьяку Василию Мамыреву, рассказывало «братьям русским христианам», что народ везде добр, а живет бедно и голодно, князья и бояре всюду «весьма сильны и пышны» и притесняют «сельских людей». «Русская земля да будет Богом хранима! — писал путешественник. — На этом свете нет страны, такой как она, хотя князья Русской земли — не братья друг другу. Пусть же устроится Русская земля устроенной, хотя правды мало в ней!»

1. Какие деяния князя Дмитрия Донского подготовили победу в Куликовской битве?

2. Что позволило Московскому княжеству устоять после Тохтамышева разорения?

3. Кто более всего помогал малолетним московским князьям удержать великокняжескую власть?

4. Назовите государственные образования, принимавшие участие в политической борьбе на Руси во второй половине XIV — первой половине XV в.

§ 25. ОТ ТАТАРСКОГО ЦАРСТВА К МОСКОВСКОМУ

«Отселе, — писал о середине XV в. великий русский историк Н. М. Карамзин, — история наша приемлет достоинство истинно государственной, описывая уже не бессмысленные драки Княжеские, но деяния Царства, приобретающего независимость и величие». Действительно, до начала следующего столетия небольшая, по нашим меркам, и разбросанная по карте кусочками территория Московского княжества стремительно расширяется, охватывая солидную часть Восточной Европы от Ледовитого океана до южнорусских степей. С распадом Золотой Орды ее русский улус объединяется в самостоятельное царство и наследует царственный политический статус. Но в борьбе с осколками Орды государь московский отвергает это наследие и объявляет себя преемником другого, более высокого по духовному статусу православного Византийского царства, павшего в это же время под ударами османских завоевателей.

Образование Московского царства и ликвидация вассальной зависимости русских земель от Орды тесно связаны с личностью «государя всея Руси» Ивана III. Старший сын Василия Темного, он начал править еще при жизни отца, с 1450 г., и затем более 40 лет царствовал единовластно (1462—1505). По словам историка Н. И. Костомарова, «это был человек крутого нрава, холодный, рассудительный, с черствым сердцем, властолюбивый, неуклонный в преследовании избранной цели, скрытный, чрезвычайно осторожный... он не отличался ни отвагою, ни храбростью, зато умел превосходно пользоваться обстоятельствами... Забирание земель и возможно прочное присоединение их к Московскому государству было заветною целью его политической деятельности; следуя в этом деле за своими прародителями, он превзошел всех их и оставил пример подражания потомкам на долгие времена. Рядом с расширением государства, — продолжает Костомаров, — Иван хотел дать этому государству строго самодержавный строй, подавить в нем древние признаки земской раздельности и свободы, как политической, так и частной, поставить власть мо-

нарха единым самостоятельным двигателем всех сил государства и обратить всех подвластных в своих рабов, начиная от близких родственников до последнего земледельца. И в этом Иван Васильевич положил твердые основы; его преемникам оставалось дополнять и вести дальше его дело».

Бестрепетное отношение к массовому кровопролитию, порабощению и уничтожению мирного населения, неуемное, часто мелочное и жестокое корыстолюбие, изумительная при малейшей опасности трусость и страшная для многих невинных подозрительность, вкупе с презрением к чужим правам и обычаям, — все эти личные качества Ивана III дополняют типичный портрет создателя централизованного государства того времени, когда на развалинах позднего средневековья новое время возводило первые абсолютные монархии.

«Забирание» земель

Историк Костомаров не случайно употребил это слово — «забирание» — вместо привычного собирания земель великими князьями московскими. Именно так и выглядят действия Ивана III. Великий князь рязанский в малолетстве был взят в Москву, Иван III женил его на своей сестре и держал при себе, а после его смерти Рязань стала московским удельным княжеством. В 1463 г. явился подручный Ивана III в Ярославль — не стало великого князя ярославского, а остались князья — слуги московские. Через несколько лет и князья ростовские, владевшие уж только половиной города, уступили свою отчину Москве.

Значительно больше трудов и сил потребовало покорение Великого Новгорода. Еще в 1456 г. на новгородцев, повинных в поддержке Шемяки, двинулись московские воеводы Иван Стрига-Оболенский и Федор Басенок. Потерпев страшное поражение, новгородцы согласились платить огромную дань и отказались от древнего права писать иным государям вечевые грамоты. Отныне Новгород мог писать только именем великого князя и за его печатью. Однако эта зависимость еще не означала покорения Москве.

Богатая Новгородская республика не склонна была воевать, не претендовала на роль объединителя русских земель и пыталась лишь сохранить независимость, балансируя между Москвой и Литвой. В самом городе царили разброд и шатание. Не бояре и нарочитые мужи, а «матерая» (то есть имеющая взрослых детей) вдова Марфа Борецкая призвала новгородцев постоять за независимость. Из Литвы пригласили служилого князя возглавить дружину, нового архиепископа предпочли

утвердить не у подручного Ивану III Московского митрополита, а в Киеве, где тоже завелся митрополит. Все это Иван III представил как попытку Новгорода перейти в подданство короля польского и великого князя литовского Казимира IV и даже... принять католическую веру!

Москва готовила большую войну, Московский митрополит Филипп посылал гражданам увещания не вступать «в единение с латинами», а государь писал: «Люди новгородские, исправьтесь, помните, что Новгород — отчина великого князя». «Мы не отчина великого князя, — кричали новгородцы на вече, — Великий Новгород из века вольная земля! Великий Новгород сам себе господин!» Но у граждан республики было лишь желание постоять за свободу (и то не у всех), а у Москвы — опытные полки и талантливые воеводы.

К Новгороду двинулись войска князей Даниила Холмского и Стриги-Оболенского с ополчениями подручных земель, в том числе Пскова и Твери. 14 июня 1471 г. в битве на реке Шелони Холмский разбил разношерстную рать новгородцев. Теперь войска могли беспрепятственно выполнить приказ Ивана III: сжигать все города и селения, убивать старых и малых без разбора. Новгородская земля обезлюдела. На Двине Василий Образец одолел новгородцев в жестоком сражении, вскоре московский отряд отнял у Новгорода и Пермь.

На этот раз, помимо награбленных Москвой богатств, угнанных в рабство людей и огромной контрибуции, Новгород потерял Вологду, Заволочье и множество других земель. В 1475 г. Иван III захватил право контроля над судом и, пользуясь городскими распрями, стал по доносам хватать, пытать и заточать новгородцев. Он потребовал, наконец, чтобы граждане величали его, как его рабы и слуги, государем (а не господином).

Новгородцы отреклись от такого титула. Это был повод для благословленного Московским митрополитом наказания Новгорода огнем и мечом в 1477—1478 гг. «Вечу и колоколу не быть, — потребовал Иван, — а править нам, как в своей вотчине». Новгород был осажден, земли вокруг разграблялись и выжигались. Сдавшись, новгородцы отдали князю часть церковных и монастырских владений и Новоторжскую землю, поклялись доносить брат на брата о словах про великого князя, выдали Марфу Борецкую с внуком (сыновья ее уже погибли) и других знатных граждан, все имущество коих Иван забрал себе. Второй (после тверского) вечевой колокол был увезен в Москву в обозе, переполненном награбленным. Теперь за беззащитный город можно было браться всерьез.

Осенью 1479 г., втайне даже от сына, объявив, что идет на немцев, Иван III подкрался в Новгороду и захватил его. Бросили на пытку 50 человек, те оговорили еще 100 — дело пошло. Имущество казненных переходило к государю. Архиепископ был схвачен и заточен, а богатейшая казна Софийского дома досталась «благочестивому князю». Затем из Новгорода было разведено по разным городам более тысячи купцов и мелких дворян. Вскоре войско по снегу погнало в Московскую землю еще более семи тысяч семей, не дав им собраться: народ мер в пути, зато все движимое и недвижимое имущество шло в казну. Новгород населялся дворянством и купечеством из других земель.

В 1485 г. в измене был обвинен великий князь тверской; двинулась на Тверь рать; князья, бояре и дружина перебегали в московский стан. Оставшись почти один, князь бежал в Литву — Тверь стала не союзником, а владением государей московских. Другой верный союзник — Псков — был замучен злым московским наместником и прислуживавшими ему посадниками, доведен до восстания, за которое псковичи потом годами с великими убытками искали княжьего прощения. В одном Пскове сохранилось при Иване III вече, но наместников он ставил по своей воле и псковичи не смели на них жаловаться.

Вятская республика была окончательно разгромлена войсками Даниила Щени, заслужившего почетное звание воеводы московского, в 1489 г. Уже с трех сторон окружена была она владениями московскими, а с четвертой стороны — в Казани — сидел посаженный волею Ивана III хан. Уже отряды великого государя гуляли по Печоре, Пелыму, Иртышу и Оби, а здесь, на реке Вятке, хоть и кланялись приходящим московским полкам — да не покорялись Москве. Лишь когда Щеня двинул войско на приступ вятской столицы Хлынова, вятчане, видя свою погибель, дали клятву верности великому государю. Многие лучшие люди были сечены кнутом и повешены, торговых людей угнали в Москву, землевладельцев развели по разным уездам, а в Вятке поселили помещиков московских.

Конец ордынского ига

Разрыв вассальных отношений Руси с Ордой любят представлять картинно: Иван III ломает ханскую басму (дававшийся послам знак) и топчет ее сафьянными сапогами, а верные слуги истребляют посланцев хана. После этого Ахмат бросается на Русь, но встречает на Угре блистающее броней войско великого князя и убирается восвояси. Эта легенда сомнительна по

двум причинам: последнее ханское посольство было в Москве в 1476 г., уже после прекращения выплаты Сараю дани и за четыре года до похода Ахмата, а главное, такой трус, как Иван, не мог растоптать басму и сим открыто объявить войну самому «царю».

Тому, что мы знаем о характерах действующих лиц, лучше соответствует легенда, согласно которой выходить пешком к послам ордынским, пить кумыс, кланяться и т. п. запретила московскому государю жена, София Фоминична Палеолог, племянница последнего Византийского императора Константина, которая вышла за Ивана 12 ноября 1472 г. «Отец мой и я, — выговаривала София супругу, — захотели лучше отчины лишиться, чем дань давать; я отказала в руке своей богатым, сильным князьям и королям, а ты теперь хочешь меня и детей моих сделать данниками! Разве мало у тебя войска?» Оказавшись между послами Ахмата и женой, Иван III предпочел устраниться от каких-либо действий и притворился больным. Источники рассказывают, что именно София настояла отобрать у послов и купцов татарских Кремлевское подворье.

Принцесса православной империи, передающая наследственные права Палеологов, осененные крыльями черного двуглавого орла, русскому великокняжескому дому, и без того произвела при московском дворе изрядный переворот. Но к прямому столкновению с «татарским царем» Иван III оказался не готов. Страх перед Ордой был еще силен на Руси, хотя Золотой Орды уже не существовало: она распалась на Астраханское ханство, Казанское ханство, с которым московские воеводы весьма успешно воевали, Крымское ханство, где правил верный союзник Ивана Менгли-Гирей. Наконец, изрядная часть ордынцев составляла под предводительством хана Ахмата Большую Орду. Этот-то Ахмат в год приезда Софии Фоминичны в Москву сжег град Алексин, но не рискнул переправиться через Оку; он-то и посылал возмутившее царевну посольство в Москву, а в 1480 г., ровно через столетие после Мамаева побоища, сам отправился на Русь, побуждаемый обещаниями большой военной помощи от польско-литовского короля Казимира IV и уповая на ссору Ивана III с братьями.

Король не смог выступить, отбиваясь от союзной Москве Крымской орды; братья помирились; русское войско во главе с прославленными воеводами вышло на рубеж Оки. Едва узнав о походе Ахмата, легкая рать воеводы Василия Ноздреватого (известного также как Гвоздев-Звенигородский) и служившего на Руси хана Нур-Даулат-Гирея (брата Менгли) погрузилась в ла-

дьи и поспешила вниз по Волге на оставленный без должной обороны Сарай. Сам Ахмат шел опасливо, дожидаясь помощи Казимира и не рискуя в одиночку заезжать в русские пределы.

Летописцы оставили нам немало сведений о тревоге самых разных слоев общества, включая великокняжеское окружение. Больше всех испугался Иван III, отправивший жену и казну на Белоозеро с наказом ехать к морю, коли хан возьмет Москву. Сам он засел в Кремле, но, побуждаемый матерью и духовенством, вынужден был выступить к войскам в Коломну. «Богатые сребролюбцы, брюхатые предатели» молили Ивана: «Не становись на бой, великий государь, лучше беги; так делали прадед твой Дмитрий Донской и дед твой Василий Дмитриевич».

Иван III ускакал в Москву, но был еще более перепуган гласом разъяренного народа: «Ты, государь, княжишь над нами так, что пока тихо и спокойно, обираешь нас понапрасну, а как придет беда, хочешь бежать! Сам разгневал царя, не платил ему дани, а теперь нас всех отдаешь царю и татарам!» От народа Иван III удрал в Красное Село и послал в войска к старшему сыну приказ немедля прибыть к нему. Юный князь, взявшись защищать границу, ответил: «Умру здесь, а к отцу не пойду». Даниил Холмский, коему приказано было доставить княжича силой, был доволен этим ответом и продолжал устраивать полки.

Жизнеописания: Д. Д. Холмский

Даниил Дмитриевич Холмский (ум. 1493) принадлежал к княжескому роду, служившему при московском дворе. Отличился на воеводстве в Муроме (1468). Когда город осадило ордынское войско, князь Даниил и его отряд напали на врага, привыкшего к безнаказанности, и вынудили бежать. В 1469 г. князь получил командование над великокняжеской ратью в походе на Казань. Разбив хана под стенами города, князь заставил его подписать договор о возврате пленных и ненападении на русские земли. С небольшим, но хорошо обученным дворянским войском воевода вторгся в земли Великого Новгорода и разгромил многочисленные войска республики в битвах на реках Коростыни, Поле и Шелони прежде, чем в войну вмешались рыцари Ливонского ордена (1471). Новгород покорился великому князю московскому, а в следующем году Холмский заставил Ливонский орден и дерптского епископа заключить мир на русских условиях. Князь был пожалован в бояре, однако подозрительный Иван III вскоре наложил на прославленного полководца опалу и освободил воеводу только для участия в походе 1477—1478 гг., положившего конец суверенитету Новгорода. Последним подвигом Холмского стало взятие Казани 18 мая 1487 г.: князь пленил Али-хана и возвел на казанский престол верного Москве Махмет-Аминя.

Ахмата устерегли на переправе через Угру и по четырехдневном сражении отбросили с большим уроном. Иван III нашел смелость прибыть к полкам и... стал просить хана милостиво не разорять своего улуса. Ахмат потребовал, чтобы князь явился с поклоном. Это испугало Ивана еще больше. Хан приглашал княжьего сына или брата, наконец, просто посла. Положение было критическое. Тогда ростовский епископ Вассиан Рыло написал к Ивану III воззвание, ради защиты Отечества поставив под сомнение идею покорности любой установленной власти, в особенности царской.

«Басурманин Ахмат уже приближается и христианство губит; ты пред ним смиряешься... Убойся же и ты, пастырь! Не от твоих ли рук взыщет Бог эту кровь?.. Может, ты опять скажешь, что мы находимся под клятвою прародительской не поднимать руки на царя? Но мы благословляем тебя идти на Ахмата не как на царя, но как на разбойника, хищника, богоборца... Какой пророк, какой апостол или святитель научил тебя, великих Русских стран христианского царя, повиноваться этому богостыдному, оскверненному, самозваному царю? Не только за наше согрешение, но особенно за отчаяние и маловерие попустил Бог на твоих прародителей и на всю землю Русскую окаянного Батыя, который пришел, разбойнически поплениил нашу землю, поработил нас и воцарился над нами!»

Идея царя-поработителя была неприемлема и опасна для Ивана III. Призыв же пролить собственную кровь за Отечество выглядел в его глазах дико. Как только Угра покрылась льдом, он велел отступать на Кременец, вызвал панику, побежал еще дальше... Русь спас еще больший страх Ахмата, простоявшего на Угре после ухода русских до начала ноября. Чтобы сохранить воинство, Ахмат бросился на земли своего лживого союзника Казимира и ограбил их, но по возвращении не смог закрепиться в разоренном русскими, ногайцами и крымчаками Сарае. Вскоре Ахмат был зарезан тюменским ханом, известившим об этом Москву и одаренным. Ордынское иго пало окончательно.

«Государь всея Руси» Отказавшись от подчинения царю татарскому, Иван III обязан был занять место суверенного, никому не подвластного государя, по-русски царя, на западный манер — цесаря или императора. Так он и поступил, именуя себя в сношениях с соседями «царем всея Руси», «великим государем Русской земли», наконец, «царем и самодержцем всея Руси». Западные государи не отказыва-

лись признавать за Иваном императорское достоинство: проблема была в русских, с большим трудом приучавшихся видеть в своем князе самодержца, то есть, по мнению Ивана, лишь Богу подотчетного владыки, совершенно бесконтрольно распоряжавшегося жизнью, свободой и имуществом подданных.

Иван III добился того, что одно появление его наводило трепет; что женщины падали в обморок от его гневного взгляда, а придворные раболепно стояли вокруг задремавшего царя, не смея шевельнуться или кашлянуть. Самодурство было непременным условием такого воспитания окружения. Иван мог сковать цепями и морить в тюрьме сына, венчать на царство, а потом гноить в узилище внука, по малейшему подозрению рубил знатнейшим людям руки, ноги и головы. Людей публично засекали кнутом до смерти, жгли живьем в клетке. К концу царствования на Руси запылали на кострах «еретики», осмелившиеся думать о «самовластии души», равенстве народов и вер: ведь духовенство, требовавшее их «жечь и вешать», утверждало близкую Ивану мысль, что «царь своим естеством подобен всем людям, а властью подобен вышнему Богу».

Кровожадность и сумасбродность не заменяли, конечно, внешних признаков державного достоинства. Прежде всего следовало заново отстроить совсем обветшавший Успенский собор: подобно Владимирскому, но обязательно больше того. Знаменитый болонский мастер Аристотель Фиораванти, ознакомившись с русскими традициями и с помощью русских мастеров, возвел стоящий доныне Успенский собор в 1479 г. Затем был окончен и освящен Благовещенский собор, игравший роль домового храма государя, и церковь Риз Положения. Последним из великих храмов, окруживших Ивановскую площадь Кремля, стал заново построенный миланским зодчим Алевизом Новым Архангельский собор.

Храмам должен был соответствовать роскошный каменный дворец, расположившийся между Успенским и Благовещенским соборами и далее вдоль набережной к Боровицким воротам. Под руководством венецианца Марко Руффо стали расти на высоких сводчатых подвалах (подклетах) «великие» палаты, самая знаменитая из которых выступает на площадь с Красным крыльцом и снаружи украшена граненым камнем, потому и именуется Грановитая.

Дворец и соборы были обрамлены новым каменным Кремлем, прочно и красиво возведенным итальянскими и русскими мастерами. Окружность его составила более 2 километров, под башнями устроены были хитрые тайники, в которых пря-

тали сокровища. По примеру Ивана III и другие люди, например митрополит, стали строить себе каменные палаты, хотя на Руси от веку было ведомо, что жить в деревянных домах полезнее для здоровья. Поэтому деревянные терема для государя тоже поставили — позади дворца.

Роскошь царского двора требовала мастеров — и их призывали из Италии, Германии, Греции. Итальянцы Петр и Яков Дебосис лили пушки. Рудокопы Иоганн и Виктор нашли серебряную руду: в Кремле стали чеканить монету из русского серебра. Аристотель Фиораванти оказался не только архитектором и инженером, но мастером лить пушки и колокола, чеканить монету. Иван III платил ему изрядно, однако, когда мастер попросил отпустить его на родину, — попросту заточил. Государь был оскорблен поведением своего «раба» и отобрал у него заработанное. Хорошо хоть не убил: лекарю Леону из Венеции, не сумевшему вылечить смертельную болезнь сына, Иван III отрубил голову, а немецкого доктора Антона, не излечившего татарского князька Каракучу, приказал зарезать на льду Москвы-реки, как овцу, хотя татары его простили...

Иван III велел торжественно венчать своего внука на трон Мономаховым венцом. В связи с этим составили «Сказание о князьях Владимирских»: будто бы государи русские еще со времен Киевской Руси есть законные наследники Римской империи и власти византийских (восточноримских) цесарей. Посему Москва — третий Рим. «Два Рима пали, а третий стоит и четвертому не быть!» Конечно, отвоевывать Константинополь у турок и гнать из Рима папу Иван III не собирался. Важнее было напоминание о принадлежащем роду московских самодержцев киевском наследии, о собирании под крыльями двуглавого орла земель Древней Руси.

Русские земли на Западе

К концу XV в. русские земли, вошедшие в состав королевства Польского и великого княжества Литовского, слишком тяжело страдали под игом панов, шляхты и ксендзов, чтобы не стремиться к единению с православными единоверцами, не вникая в реальное положение подданных государя московского. Вот Иван III и выступил против соседа под флагом защиты утесненного православия, сразу снискав себе симпатии на западной стороне границы. Впрочем, войну государь не объявлял и посылал войска исподволь, пользуясь тем, что королевский трон временно пустовал.

Литовское пограничье было разорено, многие славные князья, такие как Бельский, Одоевские и Воротынские, перешли на московскую службу. Пока Иван III на переговорах утверждал, что никакой войны с Литвой нет, его войска уже сражались за Вязьму, Мещовск, Любутск, Мезецк и другие города Верховских (расположенных в верховьях Оки) княжеств. «Якобы не бывшая» война привела к заключению договора 1494 г., по которому московскому государю достались земли всех перешедших к нему князей. Великий князь литовский Александр думал утихомирить Ивана, женившись на его дочери Елене, но просчитался.

В 1500 г. русские войска заняли северские города в бассейне Десны: Брянск, Мценск, Серпейск, Стародуб, Путивль, Любеч и Рыльск. Взятие Гомеля открыло выход на Днепр. Второе войско россиян наступало от Великих Лук, третье направилось на Дорогобуж. 14 июня Даниил Щеня наголову разбил литовские войска в сече на реке Ведроша. Новгородско-псковские войска взяли Торопец, князья северские порубили литовскую рать под Мстиславлем, московский полк захватил Оршу.

На помощь Литве устремился Ливонский орден; тесня русские отряды, рыцари сожгли Остров и осадили Псков. Но Даниил Щеня отразил войска магистра Вальтера фон Плеттенберга от города, а отчаянный рубака князь Александр Оболенский, ударив на немцев под градом Гельметом (недалеко от Юрьева), высек и попленил их до 40 тыс., хотя сам пал в бою. Щеня двинулся в глубь Ливонии, а его товарищи разгромили литовцев у Мстиславля. Смоленск русской армии взять не удалось, однако союзный хан Менгли-Гирей скрасил эту неудачу, уничтожив напрочь остатки Большой Орды.

По мирному договору 1503 г. к Московскому государству отошла огромная полоса русских земель от Себежа и Великих Лук до Чернигова, Курска и Рыльска, Ливонский орден был обложен данью. С верховьев Днепра и Западной Двины можно было двигаться к Киеву и Смоленску. Новый король польский и великий князь литовский Сигизмунд не потерпел этого, начал войну с новым государем Василием III — и ничего не добился. Все больше литовско-русских князей, таких как Михаил Глинский, переходили к Москве. В 1512 г., узрев нарушение мира в нападении союзных теперь уже Литве крымских татар, московские войска двинулись на Смоленск. И на этот, и на следующий год одолеть мощную крепость не удалось.

Только в 1514 г., когда Даниил Щеня, Михаил Глинский и иные опытные воеводы добились превосходства русской ар-

тиллерии, Смоленск был взят. Даже когда под Оршей отважный князь Константин Острожский разбил московскую рать, жители Смоленска остались на стороне Москвы. Это не помешало Василию III, идя по стопам отца, вывести немало горожан в другие земли. Злая слава о жестокости и самовластии московского государя была одной из причин, надолго приостановивших объединение юго-западных земель Руси с государством Российским.

Василий III В отличие от отца великому князю московскому Василию Ивановичу (1505—1533) не было особой нужды щеголять царским титулом. Он временами употреблял его во внешних сношениях, но большей частью титуловался «великий государь Василий, Божиею милостию государь всея Руси и великий князь владимирский, московский» и прочая и прочая. Зато самовластие его, выросшее на отцовских плечах, шагнуло в дали неизмеримые.

При Иване III бояре и князья, хотя именовались холопами, но осмеливались говорить в Боярской думе и давать советы государю. Василий же возражений не переносил: когда любимец его боярин Берсень Беклемишев осмелился на свое мнение, государь сказал: «Ступай, смерд, прочь, не надобен ты мне». Боярин оказался в наказании — опале. Говорили, что Василий любит дьяков и, с ними «запершись сам-третей, у постели все дела делает». Однако стоило одному из виднейших дьяков, отправляемых в посольство к императору Максимилиану, упомянуть, что у него нет средств на путешествие, несчастный был лишен всего имущества и заточен на Белоозере.

«Знает Бог да великий князь», — говорили при Василии. Никакого признака иной воли не допускалось. Псковичи пожаловались как-то на несправедливость наместника: государь в ответ заточил посадников и челобитчиков, при полном непротивлении жителей уничтожил во Пскове вече, вывез в Москву вечевой колокол и расселил по разным землям 300 лучших городских семейств. Заподозрив бессловесного рязанского князя, Василий III заточил и его, а рязанцев толпами погнал в московские волости, селя на их место москвичей. Государь не упустил случая включить в свои владения даже небольшие города, вроде Углича и Бежецка. Наконец, северские князья, добровольно перешедшие под руку Москвы и отличившиеся в войне с Литвой, были изгнаны из своих городов, а их «уделы» перешли к великому князю.

Принимая и даже приглашая к себе литовско-русских князей, государь полагал, что они поступают в полное холопство и не имеют права выезда назад. Хотя беглецов он казнил смертью не всегда, но брал с каждого поручные грамоты со страшной клятвой не отъезжать, хранить московские тайны, не приставать к заговорам и т. п. Помимо духовенства, за князя Глинского, например, должны были поручиться трое вельмож пятью тысячами рублей (огромным состоянием!), а за них — еще 47 человек. Даже братья и прочая родня были для тирана только подданными.

Однако с такой же основательностью заботился государь об обороне русских рубежей. Польско-литовские войска так и не смогли отбить Смоленск, оставив его по условиям мира 1522 г. на стороне Москвы. В Крым ежегодно посылались «поминки» — дары хану и знати, дабы влиять на их политику и отвращать от набегов; но ежегодно же на Окский рубеж выводились войска стеречь границу. В наиболее опасных местах на Оке и за рекой возведены были каменные крепости: Калуга, Тула и Зарайск.

Со стороны Казанского ханства такой обороны по условиям местности не было. Зато Василий III сумел после смерти русского ставленника Мухамед-Эмина с помощью войск посадить на трон в Казани вассального хана Шах-Али. Для отражения набегов воинства нового хана Саип-Гирея на территории Казанского ханства была возведена крепость Васильсурск, а под конец своего правления Василий вновь посадил в Казани вассала — хана Джан-Али. Цари московские с успехом заменяли собой царей татарских, и оставалось лишь ждать включения осколков Золотой Орды в состав нового — Российского — государства.

Государственное хозяйство

Способ объединения русских земель вытекал из представлений московских властей о богатстве. В самом деле: сними государь между покорными ему землями и княжествами бесчисленные заставы, взимавшие торговые и проезжие пошлины, — многие торгово-промышленные люди Новгорода, Твери или Вятки сами устремились бы в объятия Московского государства. Но зажиточные купцы и промышленники захваченных земель были ограблены и разогнаны по разным городам, а заставы и чрезвычайное множество различных пошлин в пользу великого государя продолжали сковывать пережившую тяжкие удары русскую торговлю, а значит, и промышленность. Ма-

ло того, Иван III нанес удар по иноземной торговле, обогащавшей русских оптовиков и перекупщиков, велев в 1495 г. враз схватить и ограбить в свою пользу немецких купцов.

Обогащаясь крохами, московская казна теряла огромные доходы от возможного развития частной коммерции, значения коей власти не уразумевали. Богатством в глазах властей была земля и крестьяне, обязанные ее обрабатывать. Эту-то землю Иван и захватывал, беспощадно сгоняя крупных землевладельцев и крестьян, не щадя в своих грабительских походах даже церковные и монастырские владения. Огромный земельный фонд раздавался верховным владельцем переселенному боярству, московскому дворянству и мелким дружинникам — детям боярским — в пользование под условием службы: в поместья.

Не без влияния Софии Палеолог в духе традиций Византийской империи менялся сам двор московских государей. Боярство сделалось первым придворным чином, за коим следовал меньший чин окольничих; появились чисто придворные чины ясельничего, конюшего и постельничих, зарождались приказы. Чины играли собственные роли в придворном церемониале и государственной деятельности. Бояре занимали первые места в дворцовых церемониях и должны были заседать в высшем совещательном органе при государе — Боярской думе. Им доверялись приказы — поручения и целые направления деятельности, превратившиеся в XVI в. в центральные государственные учреждения (начиная с Посольского приказа и Разряда — ведомства служилых людей). Бояре становились наместниками и волостелями — правителями и судьями крупнейших городов и земель от государева имени. Соответственно знатности они командовали армиями и полками.

Менее знатные наместники в местах маловажных могли не иметь боярского чина и права «боярского суда»: окончательного решения по важным уголовным и имущественным вопросам (оно передавалось в Москву). Окольничие и дворяне московского списка составляли штат придворных, обслуживали огромное личное — дворцовое — хозяйство великого государя, которому принадлежала масса городов, сел, деревень, промыслов и мастерских, возглавляли военные подразделения, а также выступали на войну в составе привилегированного Государева полка.

Все землевладельцы постепенно превращались в чины Московского государства. Владение поместьем, связанное с обладанием чином, обязывало в первую очередь к военной службе. По приказу помещики каждого города и прилегающей к нему

округи — уезда должны были явиться «конно, людно и оружно» и составить, во главе с командирами из местной знати, сотни тяжело вооруженных конных воинов с холопами-оруженосцами и слугами. Превращение страны в военный лагерь, где большинство населения кормит, поит, одевает и вооружает поместную кавалерию, означало непременное развитие дальнейших завоеваний для обретения новых земель и рабочих рук.

Массовый угон крестьян и работных людей-горожан расширял ряды холопов и закупов. Кроме того, лишенные земли крестьяне — бобыли — вынуждены были идти в «поземщики» — обрабатывать чужую землю, отдавая ее хозяину значительную часть урожая натурой или деньгами (оброком). Однако денежный оборот в стране был невелик. Землевладельцам, особенно мелким, все больше нравилась барщина — когда не только холопов, но и крестьян даром заставляли обрабатывать и собирать урожай на земле помещика.

Государь не склонен был раздавать помещикам черносошные земли, население которых было обязано нести налоги и повинности только в пользу государства. Но бояре, дворяне и монастыри ловко и жестоко расхищали «черные» земли, сгоняя или закабаляя их держателей. Доходило до того, что в уезде три четверти помещичьей земли состояло из отнятой у крестьян. Получалось, что на барщине они даром обрабатывали отнятую у них землю. Ясно, что для этого требовалось применить силу, заставить людей работать с помощью внеэкономического принуждения. Что ж, военный лагерь, в который превращалось государство, был ориентирован и на это.

Судебник 1497 г., зафиксировавший состояние права единого русского государства, смертной казнью защищал жизнь и имущество бояр, помещиков и духовных лиц. Беспощадные наказания предписывались и за поджог, и за объединение обездоленных против мирских кровососов («скоп»). Именно эти статьи выполнялись неукоснительно, тогда как торжественный призыв к судьям судить праведно и не брать посулов — взяток — выглядит насмешкою до сего дня. Однако закрепощение подразумевало и выхлопные клапаны, позволявшие снижать давление народного гнева. Несколько ограничивался произвол с обращением в холопы и предусматривалось освобождение холопа, например, за участие в борьбе с татарами. Неделя до и неделя после осеннего Юрьева дня (26 ноября) оставлялась Судебником для свободного ухода крестьянина от помещика, из села или волости. Да только человек, решивший оставить недвижимость и искать счастья вда-

леке, должен был за проживание на господской земле выплатить «пожилое». Это установление возмущало даже некоторых представителей духовенства, за которым Судебник закрепил все имущественные и судебные привилегии.

1. Вспомните наиболее важные этапы «забирания» русских земель Иваном III и Василием III.

2. Каковы были условия свержения ордынского ига и что заставило Ивана III противостоять хану Ахмату?

3. Случайно ли расширение Московского государства сопровождалось становлением самодержавия и закрепощением крестьян?

4. Почему московские власти не отменили в Судебнике 1497 г. право крестьянского выхода?

Глава 8
ПРЕВЕЛИКОЕ ЦАРСТВО МОСКОВСКОЕ

§ 26. ВЛАСТЬ И НАРОД

Восточная деспотия, столь усиленно насаждавшаяся московскими государями при «забирании» русских земель, не соответствовала народным традициям, а главное — огромным размерам и высокой степени развития страны: общественного, экономического и культурного. Ведь возможности власти — напомним еще раз — зависят не столько от ее собственной мощи, сколько от соотношения оной с понятиями, волей и силой подданных. Забрав — то есть по отдельности завоевав русские княжества и земли, московские князья, подобно королям испанским, английским и французским, создали единое могучее государство. Но его масштабы оказались несравнимыми со всеми этими маломерными, еще слабыми, а потому жестокими королевствами, реками крови укреплявшими весь XVI в. свои абсолютные монархии, чтобы соперничать вскоре в создании мировых империй. На просторах России установление абсолютизма с его всепроникающим государственным аппаратом, подчиненным только монарху, было нелегким делом, а утверждение дразнившей воображение коронованных особ восточной деспотии подразумевало войну с собственным народом, для власти едва ли посильную. Тем более что после смерти тихого тирана Василия III трон остался его трехлетнему сыну Ивану.

Елена Глинская (1533—1538)

«Ну, разгуляемся!» — решили было взрослые дяди Ивана и своевольные князья да бояре, истомленные годами раболепства перед царем Василием. Не тут-то было. Молодая вдова Василия III Елена, из славного княжеского рода Глинских,

оставшись по завещанию мужа правительницей, в корне пресекла раздоры. Умом и распорядительностью она превосходила окружающих мужчин, а силой дозволила действовать своему фавориту князю Ивану Овчине-Телепневу-Оболенскому. Чин конюшего боярина давал этому богатырю право председательствовать в Думе, где никто не смел поднять голос против воли его любимой Елены. На войне, правда, он никогда не стремился к верховному командованию, предпочитая молодецкие схватки с врагом во главе передового полка. Маленький сын Елены Иван души не чаял в добром и сильном любимце матери.

Великая же княгиня Елена не теряла времени, стремясь обеспечить безопасность своего ребенка. Брата покойного государя Юрия, который мог претендовать на престол, засадили в тюрьму и уморили. Другой дядя Ивана, Андрей, бежал, но был схвачен и задушен в заточении. Много бояр и дворян было казнено, бито кнутом, сослано или брошено в тюрьму. Сам дядя Елены, знаменитый военачальник Михаил Львович Глинский, вздумав осудить ее женское счастие с Овчиной, был заточен и уморен голодом. Но Елена не была бессмысленной злодейкой: жестокая при защите своего гнезда, она миловала иных опальных и была способна отличить правду от наветов. Так был освобожден от наказания оклеветанный родичами Шуйскими князь Александр Борисович Горбатый — знаменитый полководец.

Польша и Литва обманулись, вздумав напасть на Русь в правление, как они считали, слабой женщины. Елена умела выбирать воевод, предпочитавших погибнуть, но не отступить. Особенно крепко противостояли неприятелю города. Тяжкий натиск польско-литовских войск был остановлен под заново отстроенным и укрепленным на литовской земле Себежем. В итоге войны русские приобрели еще г. Заволочье, уступив также два города — Гомель и Любеч. Татарские нападения были отражены, со шведами заключен договор о мире и свободной торговле.

Оценив значение крепостей, Елена энергично укрепляла ими владения своего сына. Густо населенный посад Москвы был окружен мощной кирпичной стеной — Китай-городом, возведенным итальянцем Петром Малым. Были восстановлены или заново отстроены крепости во Владимире, Твери, Новгороде Великом, Вологде, Ярославле, Устюге, Балахне, Стародубе, Пронске и Почепе. Крепкими городами укреплены были земли Пермские, Мещерские и Костромские. Совершенствовалось отлаженное еще при Василии III почтовое сообщение, позволяющее не замедлить с отражением неприятеля от самых дальних границ.

Продолжая дело мужа, великая княгиня Елена стремилась превратить крестьян, принадлежащих вотчинникам, в плательщиков государственных налогов, какими были «черные», дворцовые (государевы) и помещичьи крестьяне. Дело было трудное, поелику многие крупные вотчинники, особенно монастыри, имели великокняжеские жалованные грамоты, освобождавшие их владения от податей и пошлин. Сам Василий III, отбирая привилегии у одних, вынужден был жаловать ими других. Хозяйственная вдова и в наступлении на податные привилегии оказалась более последовательна.

Именно Елена Глинская ввела в обиход главную русскую монету — копейку (до Петровского времени рубли не чеканили, в них только считали серебряные копейки). Единая для всего государства копейка заменила прежние новгородские и московские деньги. К тому же тоненькие монетки Василия III, на которых изображался всадник с мечом, легко было подрезать по краям: великий князь казнил мошенников толпами, но число их не уменьшалось. Елена запретила хождение старой испорченной монеты и велела чеканить новую: совсем маленькую, с выбитым на ней от края до края всадником с копьем.

Боярское правление (1538—1547)

Будущему царю Ивану было всего семь с половиной лет, когда враги отравили великую княгиню Елену и уморили Овчину-Оболенского. Власть захватили вначале знатнейшие бояре Шуйские, заодно согнав с престола митрополита Даниила. Затем в борьбе за власть победил князь Бельский вместе с поставленным Шуйскими митрополитом Иоасафом. Но он не поубивал своих врагов и даже не заточил. Шуйские, собравшись с силами, свергли Бельского и его друга митрополита, поставив во главе церкви любителя книг Макария. Новый митрополит не замедлил предать Шуйских в пользу дядюшек юного Ивана IV — князей Глинских. Одного из Шуйских Иван велел кинуть псарям и растерзать, других сослали.

Сменявшие друг друга у кормила власти бояре и митрополиты не только грабили казну и плели интриги, но должны были заботиться и о государстве. Бельский отразил нашествие на Русь крымского хана и даровал Пскову право суда по уголовным делам. Вместо московского наместника судьями стали выборные люди — целовальники (они целовали крест, клянясь не брать взяток и судить праведно). Под давлением всенародного недовольства Шуйские пошли еще дальше, начав с 1539 г. губную реформу, по которой воров и разбойников должны были ло-

вить и судить не наместники и волостели (известные взяткобратели), а губные старосты, выбранные на местах из дворян или зажиточных крестьян (в черносошных волостях).

Боярская власть колебалась, то давая народу послабления, то завинчивая гайки, в зависимости от того, насколько устойчивой чувствовала себя в данный момент. Единственным постоянным фактором в правительстве России было мздоимство — по-иноземному коррупция: народ «без милости грабили... от всех брали безмерную мзду и за мзду только все и делали». Народ в глазах правителей копошился где-то внизу, а государь был годен только для участия в пышных церемониях, где его величали самым могущественным самодержцем на свете, земным наместником Бога. Но во внутренних покоях дворца Иваном пренебрегали, его не одевали прилично и даже не кормили вовремя.

Лишенный материнской ласки, часто голодный и вечно дрожащий за свою жизнь мальчик рос волчонком. Страх и ненависть находили выход в забавлявших бояр играх Иванушки. Сначала он мучил и убивал животных, потом, с оравой знатных отроков, скакал по городу, топча конями и избивая людей. «Вот будет храбрый и мужественный царь!» — говорили бояре. Им было все равно — впадает ли юноша в религиозный экстаз, ездя по монастырям, пьянствует и буйствует или изрекает смертные приговоры своим сверстникам.

Положение не изменилось, когда, достигнув 16 лет, Иван объявил о своем желании жениться и принять царский венец. В начале 1547 г. его торжественно венчали на царство и предложили на выбор девиц, собранных со всего государства. Государь выбрал кроткую Анастасию, оставшуюся сиротой после смерти отца, окольничего Романа Юрьевича Захарьина (от которого пошли Романовы). Но ни корона, ни жена не переменили буйную жизнь юноши, за которого правили дяди, бояре Глинские, и его бабка княгиня Анна. Изменение пришло за ужасным несчастьем, обрушившимся на Москву.

21 июня 1547 г. вспыхнула церковь на Арбате; буря разнесла огонь, столица выгорела едва не вся, со строениями Китай-города, многими храмами и палатами Кремля. Сгорело 25 тыс. дворов, погибло от 1700 до 3700 человек. Бежав с Арбата от пожара, царь забавлялся в селе Воробьеве, нисколько не печалясь о жителях одного из крупнейших в мире городов, оставшихся без хлеба и крова. В несчастье обвиняли колдунов, говорили, что злодеи вырывали у мертвецов сердца, клали в воду и той водой кропили улицы, от чего Москва сгорела. Начато было расследование.

Утром 26 июня, собравшись «вечем», москвичи двинулись в Кремль. У Успенского собора неизвестные объявили зажигальщиками Глинских. Люди ненавидели правителей и свору их прихлебателей: одного Глинского убили каменьем, бросились искать все это вражье отродье и громить их дворы, подозрительно избежавшие пожара. 29 июня «черные» люди двинулись на Воробьево. Иван, веривший в уготованное ему всемогущество и опасавшийся только бояр, испытал настоящий ужас перед народом. «Вошел страх в душу мою и трепет в кости мои, и смирился дух мой», — вспоминал он.

Народ поверил трясущемуся от страха царю, что Глинских в Воробьеве нет, и разошелся. Но во время приступа трусости явился перед Иваном священник Сильвестр, потряс его обличениями, убедил, что корень несчастий Руси — в порочности самого царя. Государь каялся, плакал, обещал изменить всю свою жизнь. Сильвестр остался при нем. Глинские исчезли из Боярской думы. Вельможи, увидав огромную массу вооруженной черни, почувствовали страх и крепко задумались, как сохранить свою власть в этой стране. Здравомыслящих людей увлекла идея общих интересов, примирения потребностей сословий, народа и власти, компромисса, т. е. соглашения и взаимных уступок для спасения государства.

Правительство примирения

Московское восстание 1547 г. стимулировало власть имущих в поисках путей «устроения» единого Московского царства, заставив устами самого царя признать, что предшествующее правление было дурно. «Люди Божии, дарованные нам Богом! — восклицал государь. — ...Знаю, что нельзя уже исправить тех обид и разорений, которые вы понесли во время моей юности... от неправедных властей, неправосудия, лихоимства и сребролюбия. Но умоляю вас: оставьте друг к другу вражду и взаимные неудовольствия...» Преодоление вражды прежде всего касалось служилых землевладельцев разных чинов и земель, 27 февраля 1549 г. собравшихся в Москве на первый в истории Земский собор.

Прежде всего царь в своих палатах в присутствии митрополита и архиереев обратился к высшим чинам двора: боярам, окольничим, дворецким и казначеям. Иван произнес обвинительную речь о великих обидах, учиненных ими во время его малолетства «детям боярским и крестьянам». Знать каялась, клялась служить «вправду, без всякой хитрости» и просила, чтобы их споры с детьми боярскими и крестьянами разрешал

суд. Иван простил московскую знать и в тот же день выступил с поучением перед воеводами, княжатами, дворянами и детьми боярскими «всех земель».

Через день примирение высшего московского слоя служивых землевладельцев с непривилегированной частью сословия приняло более конкретную форму: царь с митрополитом и боярами приговорил, «чтоб во всех городах Московской земли наместникам детей боярских не судить ни в чем, кроме душегубства, воровства и разбоя с поличным». Согласно жалованным грамотам, выдававшимся городовым дворянам, бо́льшую часть судебных дел между ними могли решать их выборные представители. Кроме того, царь «благословился... тогда же Судебник исправить по старине и утвердить, чтобы был суд праведный по всяким делам непоколебимо во веки». В тот же день «челобитные принимать у бедных и обидимых» был назначен произведенный в высокий чин окольничего костромской дворянин Алексей Адашев. По его докладу государь обещал лично выносить решение в спорных делах, невзирая на личности подсудимых — «сильных и славных» или «бедняков».

Суть нового правительства примирения, во-первых, состояла в том, что вместо тех или иных бояр, захватывавших власть и грабивших по своему произволу, в управлении страной участвовала вся Боярская дума. Указы — законы и распоряжения — принимались царем и Думой. Во-вторых, к управлению все шире привлекались представители дворянства всех земель государства, получавшие чины при дворе. Отныне важнейшие государственные решения старались принимать с учетом общих интересов сословия служилых землевладельцев, которые в стремлении к власти и богатству ощутили свою общность в одной лодке на поверхности народного моря. Успехи правительства примирения прямо вытекали из его нежелания раскачивать лодку и навлекать на нее бурю народного гнева.

Ударившийся в покаяние царь Иван практически не принимал самостоятельных решений, находясь под влиянием кружка приближенных, легендарной «Избранной рады». Действительно, ее предполагаемые участники: Адашев и Сильвестр, князья Андрей Курбский и Дмитрий Курлятев, Воротынский, Одоевский, Серебряный, Горбатый, Шереметев и другие выдающиеся мужи войны и совета, — выделялись в политической жизни России периода реформ и героических свершений. Но они были не одиноки.

Для знати и всех служилых землевладельцев, для церкви во главе с митрополитом Макарием, горожан и даже черносош-

ного крестьянства политика примирения открыла большие или меньшие возможности участия в государственном управлении. Как утверждал один из виднейших деятелей того времени, князь Андрей Курбский, «царь должен искать совета не только у своих советников, но и у всенародных человек». «У нас, — писал впоследствии царь Иван, — ни о чем не спрашивали, как будто нас на свете не было; всякое устроение и утверждение совершалось» даже вопреки воле государя, постепенно копившего в душе ненависть ко всему, что ограничивало его самовластие.

Военные и налоговая реформы

Общие интересы государства были в то время стянуты в один узел в военной области. Страна постоянно подвергалась военной опасности и сама стремилась к расширению, прежде всего за счет захвата запиравшего Волжский торговый путь Казанского ханства. Проблемы армии и земельных захватов более всего занимали служилых землевладельцев, конница которых составляла основную часть воинства. Начинать реформы пришлось с ограничения местничества — споров знати из-за первенства в командовании войсками. Случалось, что полки отступали от города только потому, что воеводы не могли решить, кто должен первым въехать в открытые ворота! В 1550 г. правительство собралось вовсе запретить местнические споры на войне: всем «ходить без мест и в том отечеству их унижения нет». Однако ограничились введением четкого соподчинения между первыми, вторыми и третьими воеводами всех полков.

Остро нуждавшемуся в земле дворянству решено было выделить поместья на принадлежавших лично царю землях вблизи столицы. Урон дворцовому хозяйству был велик, зато отобранные из провинциального дворянства «лучшие слуги» приобщались к делам управления. Земель катастрофически не хватало: даже для «избранной тысячи», ставшей резервом кадров военачальников, судей и администраторов, ее не удалось наскрести достаточно. Всех причтенных к Государеву двору служилых людей записали в особую Дворовую тетрадь, по которой стали проводить ежегодные смотры. Записные московские дворяне стали считаться выше подобных им, но провинциальных, городовых детей боярских. Те, в свою очередь, были разделены на три статьи — разряда по знатности и богатству. Для них была определена норма службы: с каждой сотни четвертей пахотной земли (четверть — примерно половина гектара) дворянин должен был брать в поход «человека на коне в доспехе».

Конное воинство, выступавшее из города и уезда, разбивалось на сотни под началом голов. Считая с вооруженными слугами, в сотне было не менее трехсот тяжеловооруженных всадников, имевших для дальнего боя в основном луки со стрелами. Из огнестрельного оружия в первую очередь развивалась артиллерия: тяжелая городовая и подвижная полевая. С XV в. русские пушки и весьма уважаемая группа профессиональных пушкарей имели неоспоримое превосходство над любым неприятелем. Ручными пищалями (мушкетами-самопалами) были вооружены пищальники, набиравшиеся при военной необходимости из городского населения. В 1550 г. три тысячи из них, названные стрельцами, заступили на постоянную московскую службу за жалованье и были размещены в селе Воробьеве. С них берет начало регулярная русская пехота, немедля показавшая врагу свою силу и мастерство. На содержание стрельцов был введен налог — стрелецкие деньги (подобно ямским деньгам для содержания почты, городового дела — на строительство крепостей, полоняничных денег на выкуп пленных и т. п.).

Для правильного сбора налогов была проведена перепись всех обрабатываемых земель и промыслов в стране. Единицей обложения стала «большая соха», размер которой зависел от качества земли и сословной принадлежности владельца. Например, для служилых людей ее размер составлял 800 четвертей «доброй земли», для церквей и монастырей — 600, а для черносошных крестьян — 500 четвертей. Но вне зависимости от того, что с церкви собирались брать больше, чем с бояр и дворян, многие духовные землевладельцы были спокойны — их еще ограждали податные привилегии.

Судебник 1550 г. Борьба за землю развернулась при принятии в 1550 г. обещанного царем на первом Земском соборе нового Судебника. В сильно обновленном по сравнению с 1497 г. Судебнике провозглашалась отмена податных привилегий монастырей. Родичам землевладельцев, не подписавшим купчей грамоты, предоставлялось право выкупа вотчин, а посадским людям запрещалось закладываться за монастыри в городах, избегая тем самым общего, более высокого налогообложения. Затем правительство вовсе запретило духовенству создавать новые белые слободы — освобожденные от общего тягла поселения в городах.

Судебник показывает нам, сколь далеко зашло на Руси размежевание людей по сословиям и чинам. За бесчестье (оскорбление) боярина взимался штраф 600 руб., доброе имя дьяка (главы дело-

производства центрального ведомства) «стоило» 200руб., честь детей боярских оценивалась сообразно служебному окладу. Из купцов лишь малая группа богатейших гостей претендовала на оценку бесчестья в 50 руб. Честь остальных, наравне с «черными» горожанами, «стоила» по 5 руб., а свободного крестьянина (если он не занимал выборной должности) — всего 1 руб. Эта несправедливость несколько уравнивалась сохранением судебного поединка — «поля», где бедный вполне мог зарубить богатого. Вопреки мнению об униженном положении женщины в Московском государстве любая из них могла потребовать за оскорбление ровно вдвое больше мужчины ее сословной группы.

Холопы не имели прав свободных, но правительство стремилось ограничить их число. Судебник отменил древнее правило, что поступивший на должность к хозяину без ряда (договора) становился холопом. Запрещалось отдавать в холопство детей боярских, а также за неуплату процентов по долгу. Узаконена была особая категория служилых холопов — именно они, являясь, как правило, профессиональными воинами, сопровождали хозяина на войну. Наконец, беглому кабальному холопу прежде предлагали выплатить долг, и лишь при несостоятельности возвращали владельцу.

В Судебнике 1550 г. выполнялось обещание царя дать провинциальным дворянам и черносошным крестьянам «от неправедных властей... суд и оборону». Мы видим в нем два источника судопроизводства: государственный и земский. Государственное правосудие и управление в центре осуществлялось царем, Думой и ведомствами — приказами, а на местах — наместниками в городах и волостелями в сельской округе — волости. Город с волостью составляли административную единицу — уезд, заменивший прежние княжества и земли. Суд был доходной статьей, кормлением наместников и волостелей. Но наряду с ними в поддержании порядка и разбирательстве судебных дел принимали участие выборные земские и губные власти, которые защищали интересы местных дворян, посадских людей и черносошных крестьян.

В городах избирались, обычно из дворян, городовые приказчики и в помощь им дворские, в волостях — старосты с помощниками (целовальниками, сотскими и десятскими). Земские чиновники охраняли общественный порядок, занимались распределением налогов и повинностей, сидели в суде наместников и волостелей, контролируя его записью дел, которую вели земские дьяки и подьячие. Для уголовных дел всем уездом избирали губного старосту.

Произвол наместников и волостелей не ограничивался жалобами, которые могли подать в Москву выборные. Они имели право вызывать для расследования людей наместников и волостелей, а последние не могли никого арестовать, не уведомив выборных. Но этого было мало. Едва ли не сразу после принятия Судебника началась замена кормлений выборными излюбленными судьями, которые бесплатно судили все дела вместо царских чиновников.

Благоразумные жители, получив для своих выборных судей право вершить все дела (вплоть до смертной казни), для предотвращения судейских злоупотреблений избирали заседавших в суде целовальников — присяжных. Порядок в округе поддерживали выборные сотские, пятидесятские и десятские. Жители уездов постепенно освобождались уставными грамотами от царских чиновников, где восстанавливая старинное народоправство, а где и создавая его впервые. В 1556 г. кормления были отменены повсеместно. От правительства в города назначались только воеводы, командовавшие гарнизонами, да и они часто были из верхов местного дворянства.

Право избрания состава суда, присяжных, следственных органов и администрации дополнялось уездными собраниями выборных представителей сословий для принятия мер общественной безопасности. Князья, дети боярские, посадские люди, черносошные и дворцовые крестьяне присылали своих людей на сходбища, где председательствовал губной староста (а в черносошных землях — излюбленный судья). Выборные могли, например, указать на лихих людей — уголовников и предложить меры к их обузданию. Сии речи записывались дьяком и принимались к исполнению. Непосредственное волеизъявление жителей в ходе поголовного опроса — «обыска» — не только указывало на людей, мешавших честным людям спокойно жить, но и определяло порядок дознания. Если человека признавали добрым — его нельзя было пытать по чужим показаниям, без явных улик. Если же обвиняемый оказывался человеком худым — его пытали по оговору или подозрению, добиваясь признания вины.

Стоглав и «Домострой»

Обсуждение реформ правительства примирения происходило на церковном соборе 1551 г., который по своему постановлению, насчитывавшему 100 глав, был назван Стоглавым. Разумеется, идея ликвидации монастырского землевладения и белых слобод была напрочь отвергнута духовенством. Стоглав подтвердил незыблемость церковно-монастырских имуществ.

Правительству только особым приговором удалось запретить покупку духовенством вотчин «без доклада» царю. В казну отбирались все владения бояр, переданные монастырям в малолетство Ивана IV, а также поместные и «черные» земли, захваченные монастырями у детей боярских и крестьян «насильством» за долги. Этих земель, однако, было недостаточно для удовлетворения потребностей помещиков.

Стоглав подтвердил подсудность духовенства исключительно церковному суду, однако учел в своих постановлениях резкую критику быта и нравов духовенства, прозвучавшую в речах царя. При различии местных традиций властям приходилось законодательно утверждать единые правила церковных служб и обрядов, порядок церковного пения и колокольного звона. Решено было открыть в городах училища для подготовки духовенства, но в ближайшее столетие из этого ничего не вышло. Только школы для обучения всех желающих грамоте, письму и церковному пению при домах попов и дьяконов действительно открылись во множестве.

Стоглав признал, что немало церквей в стране находилось в небрежении, попы нередко бывали пьяны и дрались, миряне ходили в храм в шапках, болтали, смеялись и оскверняли церковную службу руганью. Языческие обычаи были неискоренимы. На кладбищах справляли тризны с музыкантами и скоморохами, «кликали мертвых», по переименованным на христианский манер древним праздникам пели, плясали, прыгали через костры и предавались «бесовским потехам». Стоглавому собору пришлось специально запрещать монахам жить с монашками, варить пиво и иное «пьянственное» питье, упиваться до бесчувствия и т. д.

Действенность решений Стоглава, как и других церковных постановлений и обличений на протяжении веков, зависела от взаимодействия их содержания с народными обычаями. Например, венчать разрешалось юношей с 15, а девиц с 12 лет — сие исполнялось. Но указание, чтобы восприемник при крещении был не один, а двое (кум да кума), не могло исполниться, как и запреты играть в карты и кости, слушать гусли и дудочки, смотреть представления с переодеванием или — верх мракобесия — упорные попытки запретить женщинам публично петь и плясать.

Церковь как сообщество верующих отвергала диктат монашествующей верхушки, неразрывно связанной со светской властью. Да и у обычного, живущего в гуще мирян священства взгляд на народную жизнь был вовсе не так мрачен. Знаменитая книга «Домострой», один из вариантов которой был

написан наставником царя Ивана попом Благовещенского собора в Кремле Сильвестром, высоко ставит веселье и разнообразные жизненные блага, добытые трудом хороших хозяев. Россияне, по «Домострою», любят закусить и выпить, ходят в гости и стараются не ударить в грязь лицом, принимая гостей.

Жена в доме не рабыня, а государыня, полная хозяйка и советница мужа во всех важных делах. Ее даже побить нельзя было, не подумав трижды, в то время как хозяйке советовали, уча детей и слуг: «Не имеет слов — так ударить!» Суровый, посвященный в основном труду «Домострой» много внимания уделяет развлечениям хозяйки, советует, как богаче и пригляднее себя людям показать. Культ чистоты и аккуратности в «Домострое» стоит не ниже церковного благочестия, а о запрете на всякие жизненные удовольствия и речи нет: только бы они не противоречили доброму имени, миру и процветанию семьи.

«Домострой» прославляет дом-крепость, наполненный всяческим изобилием благодаря искусству и трудолюбию хозяина и хозяйки. Обычные яства и пития, одежда и украшения мастеров-горожан и не снились нынешним миллиардерам! Самый «небогатый», даже неженатый человек мог поставить нежданным гостям по меньшей мере шесть видов медов, по два вида вина и пива, не говоря уже о вишневом морсе, квасе и прочих недостойных упоминания вещах. Действительно, заезжие иноземцы сходились во мнении, что «российский край чрезвычайно богат». Иностранцы потрясались величине и количеству русских городов (их было более полутора сотен), изобилию, разнообразию, дешевизне всяких товаров. Немало их вывозилось за границу: только хлебом нашим кормилось пол-Европы.

Хотя многие необходимые для приличного домашнего обихода продукты (вроде винограда и лимонов) приходилось везти из-за границы, например вина — с Кипра и из Испании, позже с Рейна; торговый баланс был настолько положительным, что почти вся ходившая монета перечеканивалась из денег, оставляемых на Руси иноземными купцами. «Домострой» подчеркивает достоинство свободного человека, созидающего богатство. Хозяин боится только Бога и стремится, чтобы окружающие его стали такими же свободными. Следовало не просто поддерживать больных, убогих и узников, выкупать из рабства должников и отпускать на волю холопов — но помогать им стать хозяевами.

Например, поп Сильвестр рекомендовал читателю свой опыт воспитания сирот, неимущих и холопов. Мальчиков он учил грамоте, иконописанию, книжному делу, серебряному

мастерству или торговле. Тем временем жена Сильвестра многих «убогих» девиц и вдов «изучила рукоделию и всякому домашнему обиходу и, наделив, замуж выдавала, а мужеский пол поженили у добрых людей». Люди, которым они помогли, все «свободны, своими добрыми домами живут». В обществе свободных людей, знающих свою выгоду и берегущих честь, казенные чиновники и судьи не требуются.

Судя по популярности «Домостроя», на Руси много было таких хозяев, которые старательно окружали себя новыми хозяевами. Помимо тяглого населения городов, железных, соляных и прочих промыслов, преизрядная масса крестьян не попала еще в зависимость от царского дворца, бояр, дворян и монастырей. Свободным было почти все население новгородских земель и Русского Севера, даже в окружающем столицу Замосковном крае было довольно много черносошных крестьян.

Свободные люди вносили основной вклад в экономическое процветание страны, в коей использовались уже почти все пригодные для земледелия площади, а купцы и промышленники имели солидный капитал. К примеру, сын Сильвестра купец Анфим мог выделить иностранной компании кредит более чем в тысячу рублей. А на три рубля тогда можно было купить коня! Очевидно, что строительство государства не могло быть прочным и основательным без учета интересов свободного населения — и они были учтены правительством примирения.

Расширение народоправства в различных формах сословно-представительных учреждений, включая и высшую — Земский собор выборных от всех уездов, — обещало стать мощным фундаментом Московского государства. Учет сословных интересов царским правительством и местное народоправство уже вели страну к ускоренному развитию, богатству и процветанию. Ни хищные западные соседи, ни осколки Золотой Орды, — татарские ханства, — более не могли всерьез угрожать Руси. Им пришло время подумать не о грабительских походах, а о собственной обороне.

1. В чем сходство и различия правления Елены Глинской и бояр?

2. Чем был вызван приход к власти правительства примирения и в чем состояла его суть?

3. Как были связаны военные, налоговые и судебные реформы середины XVI в.? Борьбу чьих интересов они отразили?

4. Какие общественные отношения воспеты в «Домострое»? Как они отражены в Судебнике 1550 г. и Стоглаве?

5. Какое будущее обещало стране расширение народоправства в форме сословно-представительных учреждений? Попробуйте вновь ответить на этот вопрос, прочтя 9-ю главу учебника.

§ 27. ПОБЕДЫ И ОДОЛЕНИЯ

Усиление Московского царства в середине XVI в. пугало правящую верхушку возникших при распаде Золотой Орды Крымского, Астраханского, Казанского и Сибирского ханств, а также Ногайской Орды, кочевавшей между восточным берегом Волги в среднем и нижнем ее течении и рекой Яиком (Уралом). Все труднее было совершать грабительские набеги на Русь, все неодолимее становилось продвижение на восток русских купцов, воинов и поселенцев.

Московское государство, в свою очередь, страдало от постоянной военной опасности и должно было положить ей конец прежде, чем осколки Золотой Орды будут собраны и усилены Османской империей. Турки уже простерли свои владения от Малой Азии до Гибралтара, сделали Черное море своим «внутренним озером» и приближались к Руси через Молдавию, Крым и Кавказ. Крымское ханство давно стало вассалом Стамбула, турецкое влияние уже ощущалось в Астрахани и Казани. Заманивая ханов ложной мечтой о возрождении былого могущества Золотой Орды, турки были твердо намерены втянуть их в свою империю и использовать для решительного наступления на христианскую Европу. Судьба европейской цивилизации, как и во времена Батыя, решалась на просторах Руси.

Казань и Москва На первый взгляд Татарское государство с центром в Казани было весьма похоже на Московское царство. Население его занималось в основном земледелием и отчасти промыслами: бортничеством и добычей пушнины. Крестьяне-общинники платили поземельный налог хану и десятину мусульманскому духовенству. Хан, считавшийся (в отличие от русского царя) верховным собственником всей земли, раздавал земли в наследственное владение своим вассалам. Немало земель жаловал он исламским храмам — мечетям. В Казани — единственном большом городе ханства, развивались ремесло и торговля. Казанские купцы имели целую слободу и в Москве.

Однако при ближайшем рассмотрении под тонким господствующим слоем татар мы видим в ханстве целый ряд покоренных и обложенных высокой данью — ясаком народов. Мордва, чуваши, мари, удмурты и часть башкир составляли основную массу податного населения. За исключением башкир, промышлявших в основном скотоводством, все они издревле обрабатывали «поля великие и изобильные», с восхищением описанные русскими авторами.

Наряду с покоренными народами Поволжья на нивах трудилось множество рабов, захваченных татарами в набегах. Да и в самой Казани ремесло держалось на рабском труде, так что на одного татарина в городе приходилось до пяти невольников. Походы русских воевод для освобождения полона и грозные требования Москвы отпустить плененных в набегах россиян ставили Казанское ханство на грань краха. Много раз признававшая вассальную зависимость от Москвы и принимавшая подручных Руси ханов Казань не могла не восставать против ставленников Москвы, чтобы с удвоенной энергией наверстывать потерю вернувшихся домой рабов.

Зависимость ханства от рабского труда и военной добычи сводила на нет длительные усилия казанских сторонников мира с Москвой, понимавших и опасность большой войны, и выгоды мирной волжской торговли. Мусульманское духовенство, имевшее огромное влияние на политику и общественную жизнь, в принципе не могло позволить ханству войти в состав государства «неверных» и тем самым потерять господствующее положение. Неопределенной была также позиция знати подвластных ханству народов. С одной стороны, им было неприятно ощущать себя людьми второго сорта и платить татарам ясак. С другой — их власть поддерживалась ханом, а богатство возрастало в результате участия в набегах.

В царствование Ивана IV, еще при боярском правительстве, отношения с Казанью обострились до предела. Крымский ставленник Сафа-Гирей был злейшим врагом русских. При нем Казань, по словам летописца, «допекала Руси хуже Батыева разорения... казанцы беспрестанно нападали на русские земли, жгли, убивали и таскали людей в плен». Русских пленников продавали на восточных базарах огромными толпами, словно скот. Весной 1545 г. рать знаменитого полководца Семена Микулинского-Пункова заскользила в ладьях вниз по Волге. С точностью до часа встретился с главной ратью Василий Серебряный, прошедший реками Вяткой и Камой. Воеводы разорили владения хана и удалились без потерь. Вскоре Казань восстала

и изгнала Сафа-Гирея, упросив Елену Глинскую прислать им хана. Но его скоро согнали с престола, перебив при сем много сторонников мира с Москвой. В Казань вернулся Сафа-Гирей.

В 1547—1550 гг., несмотря на подвиги русских воевод Семена Микулинского, Александра Горбатого и Давыда Палецкого, походы на Казань не принесли решительной победы. Неудачи заставили Москву завести стрелецкую пехоту, усовершенствовать артиллерию, начать серьезную дипломатическую и инженерную подготовку к большой войне. С Польско-Литовским государством было заключено перемирие, ногайского хана заставили отказаться от военного союза против Москвы, созданного было Османской империей. Притихла и выразила свое стремление к миру Астрахань.

Зимой 1551 г. военный инженер дьяк Иван Выродков направился на Верхнюю Волгу, в Угличский уезд, собрал мастеров и построил мощную деревянную крепость со всеми внутренними палатами и храмами, а рядом — множество большегрузных судов. Затем город был тщательно перемечен, разобран по бревнышку, погружен на суда и весной доставлен к устью реки Свияги. Здесь, на заросшей лесом горе в 37 верстах от Казани, город собрали вновь и назвали Свияжском. А поскольку доброго леса и на месте оказалось много, то первоначальные укрепления увеличили вдвое.

Ратники князя Петра Серебряного в тумане высадились прямо на казанской пристани, «полону русского много отполонили, а князей и мурз больше ста убили». Казанцы долго слухам о Свияжске не верили, «ибо крепости в одночасье не ставятся», а когда убедились — решили сдаваться. Казань восстала, на трон посадили московского ставленника Шах-Али. Жившими на правобережье Волги мари и чувашами стали управлять воеводы из Свияжска. Эти народы получили «грамоту жаловальную с золотою печатью» на равные права со всеми подданными и освобождение от налогов на три года.

Казанское взятие

Русская земля праздновала «славную без крови победу» и возвращение из рабства 60 тыс. единоплеменников. Но Шах-Али не спешил освобождать всех оставшихся рабов, требовал вернуть ханству власть над правобережьем Волги, жестоко резал и грабил в Казани своих противников. Недовольство в городе быстро нарастало: одни требовали дать им вместо хана наместника, как в других городах Московского государства, другие готовились к решительной борьбе с русскими. Шах-Али бежал; на престол был

призван из Астрахани сын ногайского хана Едигер. Мусульманское духовенство готовило свою паству к священной войне.

Русскому народу близка была мысль покончить с басурманами, которые столь долго разоряли землю, проливая невинную кровь и угоняя людей в рабство. Люди всем сердцем желали освободить себя от опасности, а томящихся в неволе братьев — от страшного ига; церковь благословляла это стремление. Дворянство мечтало о захвате обширных и плодородных земель. Торгово-промышленное население готово было пожертвовать средства на разорение разбойничьего гнезда, закрывшего путь между Европой и Азией. В 1552 г. опасения и рассуждения о трудностях войны были отброшены.

150-тысячное войско, речной флот, мощная артиллерия и горы припасов были собраны с невиданной скоростью. Знаменитые воеводы стали во главе полков, испуганного царя, по его собственному признанию, «как пленника, посадив на судно, повезли сквозь безбожную и неверную землю». Крымский хан Девлет-Гирей принял отчаянную попытку сорвать поход, ударив на Тулу — центр укрепившей русскую границу Засечной черты крепостей, острогов и искусственных препятствий. Но прикрывавший фланг армии полк правой руки во главе с Андреем Курбским и Петром Щенятевым отразил орду, а пограничные воеводы довершили ее разгром.

К 18 августа, когда главная рать вступила в Свияжск, Казанское ханство было окружено заставами от диких степей до пермских лесов. Татары, «гордыми и скверными словами» отвергнув все предложения о мире, перед лицом завоевания оставили рознь, приготовившись к смертельной битве. 23 августа под стенами Казани началось невиданное по ожесточению и длительности сражение. Русские, окружив город и окопавшись, громили укрепления казанцев, одновременно отражая бесчисленные вылазки татар и нападения с тыла конницы князя Япанчи, действовавшей с заранее подготовленных баз вне города.

Только 30 августа Александр Горбатый, Семен Микулинский, Давыд Палецкий и Юрий Шемякин-Пронский сумели окружить и наголову разгромить Япанчу. На ходу перестроив войска, воеводы двинули пехоту с полевой артиллерией на укрепления татар в лесах. Пока Микулинский атаковал их в лоб, Горбатый со спешенной кавалерией обошел противника и довершил разгром. Русские наступали столь стремительно, что главная база снабжения татар в Арске была брошена неприятелем без боя. Полководцы прочесали землю до самой Камы,

освободили множество рабов и полностью обеспечили осаждающие войска продовольствием.

Казань осталась последним очагом сопротивления татар. Сторожевой полк князя Василия Серебряного ворвался в город, и только царский приказ заставил его отступить. Иван Вылузгин за ночь возвел против главных ворот Казани башню с 10 пушками и 50 крупнокалиберными пищалями. С нее удалые стрельцы, на лету птиц сбивавшие, не давали казанцам и носа высунуть, но те продолжали бороться. Михаил Воротынский штурмовал городской ров: «и была сеча зла и ужасна, сгустился дым и покрыл град и людей». Когда он рассеялся, русские знамена трепетали на стенах и башнях, враг был отброшен в город, но царь приказал отступать.

2 октября взрывом огромной части стены начался общий штурм. Русские авторы описали это «многого ужаса исполненное дело», отдавая дань невероятной стойкости и мужеству татар, сражавшихся за каждую башню, дом или баррикаду до последнего человека. «Магометане бились за себя, и жен, и детей, и желая сохранить имение, обогащенное столетним грабежом и рабским пленников трудом. Христиане сражались в надежде бессмертной славы, вспоминая мужество предков своих в битве против Мамая, желая вечных врагов Руси до конца истребить... Льется кровь христианская, вкупе же и поганская, течет по улицам. Катятся головы отсеченные, как шары, раненые воплями великую грозу создают, стеная и умирая от тесноты невиданной».

В сече за ханский дворец пали все казанские муллы. Чтобы не допустить резни во дворце, где собрались женщины и дети, татары бросились вниз с крутой Казанской горы на Елабугины ворота, занятые Андреем Курбским. Они бились, пока гора трупов не сравнялась с башней. Тогда попросили татары перемирия, отдали русским хана и сказали: «Пока стояло государство и главный град, стояли и мы насмерть за царя и Отечество. Ныне отдаем вам царя и сколько осталось нас — выходим в поле испить с вами последнюю чашу!» Вновь загорелась битва, прорвались татары через стену, под огнем перешли реку Казанку, построились плотным полком и пробились прочь от города.

В покоренной Казани

Татарской Казани больше не было. За взорванными стенами лежал мертвый город, по которому нельзя было пройти, не ступая по трупам, местами громоздившимся до крыш домов. Ручейки крови журчали в сточных канавах. Лишь одну улицу удалось

расчистить, чтобы царь въехал в город. Но множество жителей — освобожденных рабов — со слезами радости приветствовало своих избавителей громкими криками. Это и была настоящая Казань — ведь построили ее и наполнили богатством русские, составлявшие бо́льшую часть жителей. Отныне кончилось их рабство, а всем подданным бывшего Казанского ханства, даже упорно сражавшимся против русских, объявлена была милость и даны все права.

Мало кто понимал тогда, что, став «царем Казанским», Иван Грозный получил новую сильную опору своей самодержавной, тиранической власти. Привыкшие править бояре и дворяне даже пропустили мимо ушей прямую угрозу, высказанную едва пришедшим в себя после смертельного ужаса и внезапно возгордившимся царем в покоренной Казани: «Теперь Бог защитил меня от вас! — говорил царь воеводам.— Не мог я вас мучить, пока не покорилась мне Казань, слишком нужны вы были мне. Ныне, наконец, вольно мне злость и мучительство над вами показать!» Но тогда, в годы преславных побед, угроза эта показалась мрачной шуткой...

Покорение ханств Время было твердой рукой установить царскую власть во всех землях ханства, но царь презрел советы воевод, ушел сам и распустил войско, оставив в Казани всего 7 тыс. ратников. Малый русский полк под командой Александра Горбатого и Василия Серебряного то наносил стремительные удары непокорным казанским князьям, то отсиживался от них в городе, то старался не пропустить врага в набег на Русь. Сколько напрасной крови было пролито за годы боев на просторах ханства!

Наконец умилосердился царь, послал в Казань 30 тыс. ратников во главе с Иваном Большим-Шереметевым, Семеном Микулинским-Пунковым и Андреем Курбским. Собрались и казанцы дать последний бой. Более двадцати раз сходились войска в жестокой сече. Казанцы отступили в густые леса, настала зима, холод и бескормица, но русские не отставали. Только дойдя до Урала и видя неутомимость русских, покорились татарские князья, поклялись в верности царю московскому и казанскому.

Последний хан Едигер крестился под именем Симеона, а за ним — множество казанских князей и воинов, пополнивших число российских дворян. Вся местная знать, присягнувшая царю на верность, сохранила свои права и владения. Вскоре татарские, мордовские, чувашские, марийские и башкирские

воины обрели славу в войнах царства Московского. Все народы в государстве были равны, только русские платили налоги, а инородцы — установленную для каждого племени по его благосостоянию дань — ясак.

Взятие Казани решило судьбу Нижнего Поволжья. В 1556 г. русская рать вошла в Астрахань. Правивший там хан Дербыш-Али бежал в степи. Ханство было ликвидировано; вся Волга течет с тех пор по земле России. В Предкавказье границы Руси дошли до низовьев Терека; под руку московского царя добровольно отдалась Кабарда. На следующий год и Ногайская орда признала свою зависимость от Москвы. Только непримиримая часть ее, отделившись, перекочевала на Кубань, став вассалом Крыма.

Между Европой и Азией, по обе стороны Уральского хребта, у Волги, Камы, Яика и Тобола кочевали башкиры. Часть их подчинялась Казани, часть — Ногайской орде. Они приняли русское подданство к 1557 г. Зауральские башкиры подчинялись сибирскому хану Едигеру, который просил в 1555 г. покровительства Московского государства и получил его. Это дало основание включить в царский титул слова «всех Сибирских земель повелитель». Едигер и сменивший его хан Кучум исправно платили Москве дань пушниной, но Сибирское ханство оставалось фактически независимым и крепко держало в руках подвластные ему народы.

Зловещие планы Османской империи были сорваны. Русские быстро укреплялись в Поволжье. Уже в 1555 г. был построен город-крепость Чебоксары, затем Лаишев, Тетюшев, Цивильск, Уфа и др. На новые земли хлынули поселенцы, множилось там вольное казачество. Важным залогом укоренения россиян стало основание Казанской архиепископии, строительство церквей и монастырей, которые получили на Волге изрядные земельные угодья и сыграли видную роль в освоении края. В отличие от католической и протестантской Русская Православная церковь мирно относилась к иноверцам и даже не думала, например, искоренять мечети, сохранившиеся не только вокруг Казани, но и в самом городе, хотя считала ислам значительно более серьезным противником, чем язычество.

«Любительный брат» хан крымский

Лишь последний осколок Золотой Орды торчал в теле Европы, выкачивая из нее кровь — десятки тысяч рабов из России, Украины, Белоруссии, Польши, Молдавии и Предкавказья шли через Крым на рынки Востока. Ханство, подпираемое Османской империей, как наконечник стрелы

цеплялось за края разверстой раны опасными своими крыльями — Казыевым улусом справа и Буджакской ордой слева. Дикое поле — обезлюдевшая степь — лежало перед ханством, покрытое костями человечьими. По этой-то степи в 1555 г. шло на Крым войско Ивана Большого-Шереметева, уповая разгромить ордынские кочевья, пока хан воюет на Кавказе. Уже далеко в степи узнал воевода, что Девлет-Гирей распустил ложный слух, чтобы тем временем обрушиться всей ордой на Русь.

Шереметев известил воевод Тульской засечной черты, чтобы встречали супостата, а сам повернул за ханом вслед. Хитроумный Девлет-Гирей попался в ловушку. Но царь Иван, известив все пограничье грамотами о положении хана, тянул время. Сначала он почти неделю совещался о походе, затем вместе с бывшим казанским ханом Симеоном (Едигером) выступил из Москвы и потратил пять дней, чтобы добраться до Каширы. Девлет-Гирей успел взять языков, узнал новости и обратился в бегство.

Шереметев уже захватил и отослал на Русь огромные табуны коней и ханский обоз, когда на него ринулась семикратно превосходящая численностью орда. Воевода заступил татарам дорогу в 150 верстах от Тулы, в месте со знаменательным названием Судьбищи. С полудня до ночи длилась битва, русские потоптали передовой полк, разогнали левое крыло орды и опрокинули правое. На следующее утро Девлет-Гирей дознался, насколько у Шереметева мало людей, ударил смело и едва не потерял жизнь. Орда была рассеяна по полю. Тяжко израненный воевода прорвался было к самому хану, вокруг которого стояли одни янычары, да убили под ним коня — без сознания бойцы вывезли Шереметева из боя.

Радостно завывая, орда бросилась на разрозненные отряды русских, но оставшиеся воеводы собрали ратников и укрепились в буераке. С полудня до вечера заваливала орда степь трупами, пытаясь добраться до храбрецов, сам хан трижды ходил в атаку — тщетно! Так и бежало крымское войско, а русские пришли к Туле с отбитым вражьим знаменем и потеряв в битве лишь 354 человека. Русь ликовала, узрев слабость давнего пугала — царя крымского. А царь московский огорчался участью «брата» и думал: как без страха перед нашествиями оправдать свою тяжкую власть?

Крым без добычи, на которую покупали у турок хлеб, оголодал, кони без выпаса в Диком поле стали падать. Заметался Девлет-Гирей — то на Русь, то на Кавказ бросится, но, никуда

не дойдя, убежал в Крым. Там он и сидел, пока стрелецкий голова — полковник Матвей Ржевский не спустился по Днепру, не соединился с казаками и не выжег басурманские крепости до Очакова. А Данила Чулков по Миусу и Дону сплавился к Керчи, врагов порубил, пленных освободил и домой ушел. Чудо могло спасти хана — оно явилось в виде договора царей крымского и московского быть в крепкой дружбе и на всякого недруга стоять заодно!

Через три года отдышалась орда достаточно, чтобы вновь на Русь броситься. Но получив ложную весть, будто стоят на границе Иван Шереметев да Михаил Воротынский, бежали татары стремглав и за Перекоп попрятались. Волей-неволей пришлось царю Ивану посылать рать — но не большие полки, а отряд окольничего Даниила Адашева в 8 тыс. сабель, считая и казаков. Построили они лодки, спустились к Очакову, турок с татарами побили и большой корабль взяли: он очень пригодился для вывоза освобожденных россиян из Крыма. Огненным вихрем прошел Адашев по крымским берегам, а узрев, что хан боя не дает, и в глубине полуострова порядок навел. По пути домой турок отпустил с миром — султан воевал тогда с Ираном и без особого повода Крыму помочь не мог. Тем временем пограничные воеводы с казаками открыли путь на Азов и через Северский Донец. Теперь уж Крыму явно приходил конец. Но русская рать так и не выступила, а победоносные передовые отряды были отозваны.

Иван IV долго не мог объясниться с «любительным братом» Девлет-Гиреем. Только развернув в стране опричный террор, царь московский написал хану: «Нас с тобою ссорили изменники. И которые люди ближние были при государе — Иван Шереметев... и иные — государя Московского с царем Крымским ссорили, и государь Московский это сыскал и опалу на них положил». Полководцы — победители ордынских царей — были объявлены изменниками, казнены и замучены, а память их по царскому приказу очернена в летописях.

Наступление в Прибалтике В 1554 г. «за нарушение перемирья благоверный царь и великий князь положил было гнев на Густава-короля и на всю землю Шведскую». Порубежье с обеих сторон было опустошено, но скорый мир увенчался договором о свободной торговле русских и шведов на всей территории их стран. Кроме того, Москва открывала шведам дорогу в Индию и Китай, а Стокгольм позволял русским купцам беспрепятственно плавать в Герма-

нию, Голландию, Францию, Англию и Испанию. Ливонский орден, всеми силами стремившийся не пропустить на Русь ни одного западного ученого или мастера, проиграл. Московское государство могло свободно использовать для сообщения с Западом выход в Балтику по Неве и даже шведские порты. В это же время было открыто мореплавание из Белого моря вокруг Скандинавии и заключен весьма выгодный договор о взаимной беспошлинной торговле с Англией.

Пришло время напомнить заносчивым ливонцам о невыплате ими старинной дани за русский город Юрьев (немецкий Дерпт). В 1554 г. при продлении перемирия с Москвой Орден подтвердил согласие платить, но дань задерживал. Между тем католическое духовенство и рыцари-дворяне, закрепостившие латвийцев и эстонцев, уже не имели прежней силы. Немецкое торгово-промышленное население городов приняло протестантскую веру и в порыве фанатизма разрушило не только католические, но и православные храмы. Русские торговые дворы и улицы были разграблены. На охваченную раздорами Прибалтику зарились немецкий император, короли польский, датский и шведский.

Однако правительство примирения не хотело втягиваться в войну на Западе, не решив проблемы ханств и орд. Зимой 1558 г. русские войска из Пскова и Ивангорода совершили лишь карательный поход в Ливонию, опустошив свою «подданную» Юрьевскую область. «Земля была богатая, а жители в ней гордые», — писал командир сторожевого полка Андрей Курбский, но они не смогли защитить свои замки и укрепленные фермы — мызы от русских, татар, чувашей, мари, пятигорских черкес и помогавших им эстонских и латышских крестьян. Орден запросил мира и получил его. Только рыцари в Нарве продолжали исступленно палить из пушек по стоящему через реку Ивангороду, близ коего россияне строили на реке торговый порт. В конце концов ивангородцы не вытерпели, переплыли реку и взяли Нарву.

Жизнеописания: А. М. Курбский

Андрей Михайлович Курбский (1528—1583) — князь, выдающийся военачальник и публицист. Участвовал в казанских походах 1549 и 1550 гг., затем защищал границу от крымских татар. Разгромил крымского хана под Тулой; несмотря на ранение, командовал полком правой руки, прикрывавшим поход царской армии на Казань со стороны Ногайской орды (1552). Во время решительного штурма Казани не допустил прорыва хана Едигера из города. Оправившись от тяжелых ран, за несколько лет покорил земли Казанского ханства. Возглавлял сто-

рожевой и передовой полки, прославился в Ливонской войне: разбил магистра Фюрстенберга, пленил ланд-маршала Шалль фон Белля, разгромил под Венденом князя Полубенского и т. д. Во время репрессий бежал от готовящейся над ним расправы в Литву (1564), получил поместья в Белорусии и на Волыни. Во главе местного ополчения мужественно сражался с опричниками Ивана Грозного. В трех посланиях к царю и «Истории о великом князе московском» гневно обличал преступления кровожадного тирана, его приспешников, и в особенности хвалителей, которых считал опаснейшими растлителями человеческих душ. Горячо отстаивал православие и поддерживал духовное просвещение, обличал нравы польско-литовских магнатов, перевел на русский язык житие Иоанна Златоуста и другие духовные книги. Располагал обширными для своего времени познаниями в области грамматики, риторики, диалектики, астрономии, философии и теологии.

Коли немцы не способны были соблюдать договоров, Москве пришлось всерьез взяться за Ливонию. К осени войска Петра Шуйского взяли хорошо укрепленный Юрьев и еще 20 городов. Всем им было сохранено самоуправление, имущество и городские привилегии, жителям дано российское подданство с правом свободного вероисповедания, торговли и поселения по всей стране, даже с поблажками сравнительно с купцами русскими. Вопреки традициям того времени, русские без выкупа отпустили всех пленных. Воеводы строго карали ратников за любую обиду местным жителям. У католических епископов и дворян, желавших прийти под власть московского государя, земель и крестьян не отбирали. Русскому дворянству жаловались только свободные земли.

Таким образом, завоеванные получали бо́льшие блага, чем имели до завоевания. Шведский и датский короли, понимая перевес московской военной силы и политики на новых землях, отказались поддержать Ливонский орден. Магистр Фюрстенберг, гонимый русскими полками, передал власть Готтарду Кетлеру, молодому командору мощной крепости Феллин. Кетлер сумел собрать последние силы Ордена и перешел в контрнаступление. Но в 1559 г. многонациональная российская армия разбила рыцарей наголову. Царские полки брали город за городом во всех трех частях Ливонии. В Эстляндии они доходили до Колывани (Ревеля), в Лифляндии до Риги, в Курляндии до Митавы (Елгавы). Орден запросил перемирия, находясь в одном шаге от полного краха.

Крутой поворот в Ливонской войне, как и в борьбе с Крымским ханством, принесло самое страшное бедствие из когдалибо ранее обрушивавшихся на Русь — опричнина.

??

1. Была ли неизбежной смертельная борьба Московского государства с ханствами, образовавшимися после распада Золотой Орды?

2. Вспомните наиболее знаменательные события в войнах Московского государства с Казанским ханством. Почему казанцы сражались стойко, а взятие Астрахани и дальнейшее продвижение россиян на Восток не встречало сильного сопротивления?

3. Что навело Ивана IV на мысль, что после покорения Казани он может над своими воеводами «мучительство показать», и что заставило царя спасать от разгрома хана крымского?

4. В чем причины побед московских войск над Ливонским орденом?

Глава 9
РАЗОРЕНИЕ И СМУТА

§ 28. ОПРИЧНИНА

Испокон веков русские люди задаются вопросом: как мы дошли до жизни такой? В середине XVI в. мы видим могучее, богатое, на зависть соседям стремительно расширяющееся государство, переходящее к весьма прогрессивной для того времени форме сословно-представительной монархии. Через пятьдесят лет соседи безнаказанно грабят разоренную страну, шайка интервентов без боя занимает Кремль, а русские люди ищут, какому бы из иноземных монархов принести присягу. Дикие звери бродят по улицам городов, озверевшие граждане охотятся на соотечественников, скрываясь в лесах и болотах. Немногие оставшиеся на пашне крестьяне обращены в крепостных, свирепая диктатура чиновников ограничена только развалом самого государства.

Таков объективный итог опричнины Ивана Грозного и политики его преемников на престоле. Но не менее трагичен извлеченный россиянами из катастрофы своей страны исторический опыт. Именно царя Ивана, этого величайшего злодея, о коем даже почитатель монархии, великий историк Н. М. Карамзин не мог писать без содрогания, поколения за поколениями прославляют вполне ученые авторы. Историки и писатели, педагоги и политики последовательно продолжают совершать преступление, которое еще в XVI в. изобличил русский публицист князь Андрей Курбский: «О, окаянные и вселукавые губители Отечества, людоеды и кровопийцы сродников своих и единоязычных! Доколь будете бесстыдствовать и оправдывать такого человекорастерзателя?!»

Воистину страшно и губительно для страны оправдывать кровожадного тирана, но еще опаснее сваливать на него одного всю вину за «великое разорение» Руси. Ведь именно среди наших соплеменников нашел царь Иван исполнителей своих ужасных замыслов, именно противоречиями между людьми всех сословий воспользовался, чтобы взрастить ненависть и вызвать взаимоистребление, которое, то вспыхивая, то на время затухая, продолжалось целые десятилетия после смерти Грозного. Сама опричнина — разделение страны на общую, «земскую», и исключительную, «опричную» части, была невозможна без устремления многих стать добровольными палачами сограждан.

Черный орден Главных «избранных», особо приближенных к царю палачей было немного для огромного государства — всего около тысячи, да и состав их время от времени менялся. Терзаемый страхом расплаты за злодеяния, царь время от времени уничтожал своих верных псов и набирал новых, даже вроде бы отменял опричнину и вновь восстанавливал. Черные, подобные монашеским одеяния, зловещие ночные бдения в церкви со спрятанными за пазухами длинными ножами, кощунственные ритуалы, в которых царь играл роль «игумена», а опричники — монашеской «братии», не были постоянными чертами ордена убийц. Даже песьи головы и метлы, значившие, что опричники всегда готовы выгрызать и выметать «измену», не служили их непременным знаком. Не всегда Иван Грозный брал с очередной партии мерзавцев клятву отказаться от отца и матери, родни, друзей — и считать семьей только черное «братство».

Обязательным свойством опричников была готовность во исполнение царской воли или прихоти воевать против всей Руси, ставшей для тирана чужим, вражеским государством. В опричнине задача покорения страны для утверждения безраздельной, абсолютной самодержавной власти была сформулирована предельно откровенно. Не в силах обратить в трепещущих холопов всех подданных огромного государства разом, Иван Грозный выбирал несколько уездов и вел там «перебор людишек», зверски уничтожая всех непокорных и просто подозрительных. Затем «опричная» территория менялась. Ненавистная «земщина», управлявшаяся Боярской думой и освященным собором, рассматривалась как сборище заведомых изменников и регулярно подвергалась разграблению. Царь демонстративно обращал свои симпатии к новой восточной знати и одно время даже сделал

мелкого служилого хана Симеона Бекбулатовича «великим князем всея Руси».

Клятвы, ритуалы и внутренние цели опричного ордена не даром покрывались тайной. Это делало царя и его «братию» более зловещими и страшными, а главное — вводило в заблуждение врагов: знать, дворян, духовенство, торгово-промышленное население и черных людей, которых царь сталкивал между собой. Ведь народ всегда был недоволен правителями, подчиненные — начальством, бедные искони не любили богатых. Только что выслужившие чин дворяне завидовали родовитому боярству, московские бояре — служилым князьям с их обширными земельными владениями. Те, кто своим трудом создавал богатства церкви, платя десятину и трудясь в монастырских владениях, не слишком любили хозяйственное духовенство, а многие светские землевладельцы мечтали о переделе церковной собственности.

Ивану Грозному надо было лишь углубить противоречия в обществе, чтобы страна, расколотая на группы с противоположными интересами, не смогла встать на защиту тех или иных казнимых. Тирану требовалось приблизить к себе подлых и бессовестных негодяев, готовых искать власти и богатства на развалинах Отечества, чтобы с их помощью постепенно, шаг за шагом, истреблять отдельные общественные группы на отдельных территориях, не встречая общего сопротивления народа.

Ступени террора

Первой приняла на себя удар родовитая знать — ведь она наименее зависела от подачек самодержца и наиболее склонна была отстаивать перед царем общие интересы страны (конечно, в меру их понимания и отношения к понятию чести). Иван Грозный начал борьбу со знатью исподволь, по надуманным обвинениям уничтожая и разоряя отдельных лиц и фамилии — к радости их соперников при дворе. Постепенно всякий, кто осмеливался высказать неугодное мнение или отказывался принимать участие в отвратительных и гнусных забавах царя, становился его врагом.

Честные люди — выдающиеся государственные деятели и полководцы, обеспечившие славу и расширение государства, явно и тайно уничтожались, а трусливые и подлые за их счет возвышались. Не все князья, бояре и родовитые московские дворяне были убиты, разорены и сосланы. Некоторым посчастливилось найти смерть в бою с врагами Руси, некоторым — как Андрею Курбскому — удалось бежать за границу. Многие, ежеминутно ожидая несправедливого обвинения или тайного

убийства, продолжали служить Отечеству в земщине, с ужасом видя, что их знатные собратья составляют немалую часть опричного черного ордена.

Расколото было и духовенство. Немногие из имевших древнее право заступничества за обиженных осмелились выступить перед тираном с требованием прекратить бесчинство. Остальные видели, что даже высшие из них — такие, как святой митрополит Филипп, — изгоняются и убиваются царскими подручными за слово правды. Увы, на место праведных сановников церкви всегда находилось много желающих, готовых благословить любое безумие власти.

Жизнеописания: митрополит Филипп

Филипп, митрополит Московский и всея Руси (в миру Федор Степанович Колычев, 1507—1569), принадлежал к древнему боярскому роду. В 30-летнем возрасте он покинул московский двор и ушел на Север — пас крестьянский скот, потом постригся в Соловецком монастыре. Несколько лет спустя он стал игуменом и за два десятилетия превратил обитель в крупнейший экономический и культурный центр Северной Руси. Грандиозное соловецкое строительство показало меру возможностей общего труда монахов, промышленных людей и крестьян. Соляные варницы, железоделательное и кирпичное производство, скотоводство и огородничество сделали монастырь независимым от милости властей. Главный Соловецкий остров покрылся сетью каналов, по каменным берегам которых шли дорожки для лошадей, тянувших лодки с грузами. Подземный поток воды вращал колеса монастырских мельниц, механической прачечной и т. п. Из огромных валунов были возведены величественные храмы, могучие стены и башни обители, в кельях и палатах для богомольцев имелись водо- пиво- и квасопроводы, на островах посреди Белого моря выросли сады с фруктовыми деревьями. Для созидателя Филиппа тяжким испытанием стало предложение Ивана Грозного занять пустующий престол митрополита Московского. Игумен требовал, чтобы «царь и великий князь оставил опричнину; а не оставит... опричнины — и ему в митрополитах быть не возможно». Но долг «печалования», заступничества перед царем за всех невинно казнимых на Руси, повелевал Филиппу принять сан митрополита (1566), а вместе с ним венец мученика. Когда пастырские мольбы не подействовали на Ивана Грозного, святитель публично отказался благословить царя-ирода (1568). Филипп был схвачен опричниками во время службы в Успенском соборе, заточен в монастырь и убит. Соловецкие монахи в конце XVI в. перенесли в свою обитель мощи святого, а в 1652 г. Никон заставил царя Алексея Михайловича повиниться перед останками Филиппа за грехи царской власти.

К тому же царь православный объявил, что гнев его направлен на все неправедные власти: бояр, дворян, приказных людей и заступающееся за преступников духовенство. А народ

пусть не опасается: на купцов и промышленников, работных людей и крестьян государь «не гневается и опале их не подвергает». Устрашенный в юности народным восстанием царь старался столкнуть непривилегированных подданных с представителями власти, изображая себя защитником угнетенных. Но самый ужасный удар опричнина нанесла именно по простым крестьянам и горожанам, создававшим своим трудом основу благосостояния и мощи государства.

Все сословия понесли тяжелейшие потери от опричного террора. Однако именно крестьяне, составлявшие основную массу населения страны, пострадали больше всех. Их убивало не только оружие, но тяжелейшие налоги, голод и сопутствующие ему эпидемии. Описания земель до и после опричнины беспристрастно свидетельствуют, что в Московском уезде площадь пахотной земли сократилась на 84%, в Новгородской и Псковской землях — в среднем на 92,5%, в Можайском уезде обезлюдело 86% деревень и сел. Городские «черные» люди истреблялись не менее свирепо. В том же Можайске пустыми стояло 89% домов, в Коломне — 92% и т. д.

Страницы поземельных описаний XVI в. об итогах опричного разорения страны:

Сельцо Петрово, полторы обжи (обжа — мера земли для обложения налогом), пусто — запустело в 1570 году. Деревня Ширяево, обжа, пуста, три четверти обжи запустели в 1569 г., а четверть обжи запустела в 1570 году. Деревня Конаково, обжа, пуста. Деревня Грозиловичи, обжа, пуста. Деревня Веретия, две обжи, пуста. Деревня Шестьниково, пол обжи, пуста. Запустели те деревни от государского похода и дворы выжжены, как государь велел казнити... в 1570 году.

В Ивановском-Большом 17 человек, у 14 по руке отсечено. В Ивановском-Меньшом 13 человек, у семи по руке отсечено. В Бежецком 65 человек, у 12 по руке отсечено.

Деревни в другом богатом крае запустели «от худобы (нищеты) и от государева тягла», «от худобы и от голода», «от голода и от мора», «от государевых податей, и от мора, и от голода»...

Враг внешний и внутренний

Во множестве книг о временах Ивана Грозного написано, что уничтожения народа вроде бы и не было, а опричнина была необходимым средством борьбы с княжеско-боярским влиянием, с пережитками удельной старины, для укрепления государства и защиты его от «изменников» в тяжких условиях обороны от многочисленных врагов. Такой обман — важнейшее средство террора. Ведь истреблять народ можно лишь до тех пор, пока он не понимает, что происходит в стране. Царь не случайно

признавал крымского хана «любительным братом» — понятная всем внешняя угроза давала повод для ужесточения власти, а победы врагов отлично объяснялись происками внутренних врагов, «изменой».

А действительность была столь неприглядна, что правде воистину не хочется верить. Все мы доселе стоим перед выбором: раскрыть глаза и объединиться для установления справедливости в своей стране или пребывать в дурмане мифов о каких-то посторонних или тайных внутренних врагах, которые вечно портят нам жизнь. Подлинная история опричнины тем и опасна для мучителей Отечества, что приемы обмана и террора Ивана Грозного применялись впоследствии неоднократно.

В 1569 г. русская разведка отлично знала о всех деталях турецкого наступления через междуречье Дона и Волги на Нижнее и Среднее Поволжье. Тщательно разработанные в Стамбуле и столице Крыма — Бахчисарае — военные и политические планы были тайно скопированы и отправлены в Москву. Разведчики не могли поверить, что царь постарается обеспечить успех этих планов, рассредоточив войска подальше от театра военных действий. Только ненавистный царю родственник — князь Владимир Старицкий — стоял с полком в Нижнем Новгороде. Сам Иван Грозный, прихватив казну, укрылся в Вологде. Если же объединенная армия турок, Крыма, Ногайской орды, Хивы, Бухары и кавказских князьков сможет своими успехами вызвать мусульманское восстание в бывшем Астраханском и Казанском ханствах, — царь готовился отплыть в Англию.

Однако русский дипломат Семен Мальцев, предательски захваченный и прикованный цепями к пушке, мастерски «помог» союзникам турок перессориться, а князь Петр Серебряный с легким полком пограничной стражи устроил врагам такое побоище, что вся завоевательная армия дрожала, думая, что на нее идет огромное русское войско. Так и не взяв Астрахани, враги бежали, истребляя в пути друг друга, не остановившись даже в Азове, где казаки взорвали пороховые склады. Более столетия Турция не поднимала оружия против северного соседа.

Царю Ивану пришлось самому убивать Владимира Старицкого, Петра Серебряного и иных полководцев, зверски казнить дьяков и подьячих, начиная с Посольского приказа, знавших обстоятельства царской измены. Государев поход был успешным. Опричные войска, развернувшись широким «загоном» на десятки верст, не оставляли в живых никого, кто мог бы предупредить людей о нашествии. Население Торжка, Вышнего Волочка, Нарвы и Ивангорода было вырезано попутно. Глав-

ный удар обрушился на Тверь и Великий Новгород — города, которые по мысли тирана могли бы возглавить народное сопротивление.

За один зимний поход 1569/70 г. опричники уничтожили население земель, по площади превышающих большинство европейских государств. Работали наверняка: сжигали запасы, убивали скот, птицу, собак и кошек, чтобы чудом спасшиеся люди погибли от голода. Неудивительно, что, дойдя до Пскова, опричники падали в полном изнеможении. Их работа была, по скромным подсчетам, вдвое эффективнее самых успешных набегов крымского хана: татары оставляли немного людей на расплод.

Но и крымской ордой не следовало пренебрегать. В следующем, 1571 г. хан Девлет-Гирей беспрепятственно разграбил Русь и сжег Москву. Не то чтобы царь за это разгневался на воевод: даже глава земских войск был только на несколько месяцев удален от двора. Но опричники перетрусили настолько, что самому Ивану Грозному пришлось, подобно зайцу, бегать от татарских отрядов — за что Курбский справедливо присвоил царю звание «бегуна и хороняки». Забыв в ужасе, что палач и воин — вещи несовместные, государь вырезал командный состав опричнины и даже заявил о ее отмене.

Результат немедля воспоследовал. В 1572 г. орда Девлет-Гирея была наголову разгромлена князем Михаилом Воротынским в сече при селе Молоди. Полководец вскоре был зверски замучен царем по обвинению в «изменных сношениях с крымским ханом». Полетели головы и других героев битвы, даже приближенных Ивана Грозного, заставивших его «любительного брата» затихнуть в Крыму, зализывая раны. Но полезными для царя оставались еще враги на западе.

Ливонская катастрофа

В ходе 25-летней Ливонской войны, значением которой очень часто оправдывают опричный террор, Россия потеряла не только все завоевания на западе, но и имевшийся у нее до войны выход в Балтийское море. Организовать столь страшное поражение было трудно: очень велик был первоначальный перевес русских сил, слишком слабы и разобщены противники. В 1561 г. Ливонский орден распался, не занятые русскими города и земли искали защиты у Швеции, Дании, Польши и великого княжества Литовского. Но и воинственная Литва потерпела крупное поражение: в 1563 г. царские войска взяли Полоцк и опустошили неприятельские земли до самой Вильны.

Вскоре ужасные казни, заставившие русских воевод искать смерти в бою или спасения за границей, ослабили натиск на запад, а Литва окончательно присоединилась к Польше, заключив с ней в 1569 г. Люблинскую унию. Напрасно сторонники союза с Россией в Литве добивались избрания королем объединенного государства Ивана Грозного или его сына. Сына царь не отпустил (а потом и убил), царская дипломатия способствовала избранию на польско-литовский престол венгерского полководца Стефана Батория, обещавшего магнатам и шляхте реванш на русском фронте.

Дикие требования и оскорбления, которыми осыпал европейских монархов Иван Грозный, лишь способствовали тому, чтобы короли Польско-Литовского государства и Швеции продолжали войну с Московским царством. По-настоящему содрогнуться заставили Европу ужасающие преступления опричников в Прибалтике. В 1577 г. под личным руководством государя русские и татары не просто истребляли людей, но творили в громадном масштабе изощренные зверства, временами затмевающие даже религиозную резню во Франции. Шведы, поляки и литовцы, воевавшие за свои корыстные интересы, познали страх опричного нашествия и взялись за оружие всерьез. В сражении под Венденом их войска даже без приказа объединились для разгрома русских.

В это время Иван Грозный счел за благо более не посылать войска на войну и оставить гарнизоны без подкреплений. В 1579 г. Стефан Баторий взял Полоцк и Сокол, на следующий год — Велиж, Усвят и Великие Луки. Несмотря на мужественное сопротивление, поляки брали русские крепости одну за другой. В 1581 г. большая польско-литовская армия осадила Псков, мешавший полностью отрезать Ливонию от России. Пять месяцев длилась героическая оборона города, почти не получавшего помощи от Москвы.

Псковичи не только отразили неприятеля, но и заставили Стефана Батория искать мира. Дрожащий от страха и заискивавший перед врагами, как побитый пес, Иван Грозный позабыл про гордыню. Ведь он сам утверждал: «кто бьет — тот лучше, а кого бьют и вяжут — тот хуже». По Ям-Запольскому перемирию 1582 г. царь уступил полякам Полоцк и всю Ливонию, униженно вымолив несколько русских городов, взятых Баторием. В следующем году по Плюсскому перемирию со шведами Московское государство потеряло Эстляндию и собственные города: Ям, Копорье, Ивангород, Карелу и др., лишилось выхода в Балтийское море.

Разгром России на западе редко ставят в вину Ивану Грозному, — чаще Ливонская война изображается как его заслуга. Так, может быть, правы многочисленные писатели, твердящие, что великому государю помешали воспользоваться плодами его побед? Но кто же сии злодеи? В 1566 г. на Земском соборе представители духовенства, аристократии, дворянства и купечества единодушно поддержали Ливонскую войну. Они только молили отменить опричнину — и более половины членов собора было казнено. В 1575 г. участники войскового совещания тоже не выступили против войны, хотя царь обвинил их в «мятеже» и «заговоре», казнив даже духовных лиц у Успенского собора.

В 1579 г. обсужденный «соборно» ругательный ответ сословий был послан польскому королю. На следующий год «соборное уложение» вновь призывало воевать насмерть с поляками, литовцами, шведами, датчанами и иными супостатами, обвиняя в «оскудении» дворян-воинов... церковных землевладельцев. Ни разу представители сословий не произнесли ни слова против войны, требовавшей от них многих жертв. Ни воеводы, ни города не сдавались врагу без боя. Во Пскове знать, духовенство, дворянство, все граждане от мала до велика сражались насмерть. Кто же являлся виновником военной катастрофы?

1. Почему немногочисленное войско царских опричников смогло держать в страхе огромную страну?

2. Какие общественные группы особенно свирепо уничтожались и разорялись царем и какое сословие понесло самые тяжкие потери?

3. Каким образом внешние неприятели помогали террору Ивана Грозного?

4. Кто более всего способствовал поражению России в Ливонской войне и что страна потеряла в ее результате?

§ 29. БОРИС ГОДУНОВ

18 марта 1584 г. изгнивший от болезней, злобный тиран умер, завещав царство своему бессловесному сыну Федору Ивановичу. Истребив соперников в жестокой схватке за власть, править стал брат царицы, наиболее хитрый и вероломный из бояр — бывший опричник Борис Годунов. Все на Руси были

уверены, что смерть последнего представителя великокняжеской династии, царевича Дмитрия Ивановича (1591), представленная как нечаянное самоубийство, была делом рук рвущегося к трону Годунова. И действительно, после кончины царя Федора (1598) престол занял царь Борис.

В борьбе Годунова за власть, в оправдании его от обвинений в убийстве Дмитрия и особенно во время захвата Борисом царского престола, представленного как «всенародное избрание», выдающуюся роль сыграло новое лицо Русской Православной церкви — патриарх Иов. Патриарший престол был учинен в России в 1589 г. по примеру восточных православных патриархий: Константинопольской, Иерусалимской, Александрийской и Антиохийской. Хотя Годунову предоставлялась возможность перенести на Русь главную — Константинопольскую — патриаршую кафедру, он предпочел, чтобы Московская патриархия считалась самой последней, младшей по сравнению с нищими греческими, лишь бы ее возглавил друг Иов. И Иов безраздельной преданностью оправдал надежды Бориса.

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

С помощью патриарха, официально занявшего второе после царя место в государстве, Годунов победил в борьбе за власть и расправился с противниками при дворе. Но экономический кризис, метко названный современниками «великим разорением», и связанное с ним всеобщее недовольство неодолимо влекли страну в пропасть гражданской войны. Уже проведенная в конце царствования Ивана Грозного перепись земель показала то, что и так хорошо знали все духовные и светские господа: земля оставалась «велика и обильна», но крестьян на ней было очень мало. А зачем хозяевам земля без рабочих рук? Для самых мелких и многочисленных помещиков-дворян владение пустошами превращалось в тяжкую обузу — ведь за поместье надо было нести ратную службу.

За крестьян шла необъявленная война. Те, кто побогаче, вовсю пользовались статьей Судебника 1550 г. о крестьянском выходе за неделю до и после Юрьева дня (26 ноября). Приказчики монастырей, бояр, зажиточных дворян сновали по стране, уговаривая крестьян переходить к новым хозяевам, даже выплачивая за них установленное законом «пожилое» и долги прежнему господину. Сами крестьяне закладывались за монастыри, имевшие налоговые льготы, или уходили к богатым землевладельцам.

Чем меньше было крестьян, тем больше их заставляли работать на хозяйской земле — барщине. Но в одних случаях барщина увеличилась после опричнины в полтора раза, в других — втрое, а бывало — и впятеро. Ясно, что крестьяне, если не могли бежать на свободные земли, шли туда, где их мучили меньше. Вывоз крестьян и их бегство оставляли обедневших дворян нищими. Сохранить военную основу сложившегося на Руси государства можно было, лишь прикрепив крестьян к земле.

Уже при Иване Грозном на отдельных землях были введены заповедные лета, во время которых запрещался переход крестьян в Юрьев день. Правитель Годунов взялся за прикрепление крестьян к земле — закрепощение — более основательно. К началу 1590-х гг. земли Руси были тщательно переписаны и крестьянский выход запрещен повсюду: «Ныне по государеву указу крестьянам и бобылям (безземельным) выхода нет». На сыск беглых и вывезенных крестьян был положен срок: 5 лет. Крестьянам на Руси оставалось только горестно приговаривать: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!»

Рука крепостнического государства дотягивалась и до земледельцев, бежавших от опричных погромов и зверской эксплуатации на окраины. Особенно много людей уходило за линию пограничных укреплений в Дикое поле. По велению Бориса Годунова на южных рубежах обновлялись и строились города: Курск, Белгород, Кромы, Елец, Ливны, Оскол, Валуйки, Воронеж, Царев-Борисов и другие. Население вокруг них принималось на службу для защиты границы, причем эти неосторожно вооруженные государством крестьяне должны были пахать царскую барщину. А на Волге, на Дону и в предгорьях Кавказа вольное казачество вдруг узрело московских сыщиков, возжелавших вернуть оттуда беглых крестьян в неволю.

Одновременно закрепощалось государством население городов. В тягло (уплату налогов) впрягались все, кто жил в льготе за монастырями и частными владельцами, а тяглецов, покинувших свои дворы в заповедные лета, повелевалось возвращать бессрочно. Рост числа посадских людей при сохранении размера общего тягла облегчал жизнь городских налогоплательщиков, приветствовавших жесткие меры правительства против «выхода».

Для большинства населения страны выхода действительно не было. Но он отсутствовал только в тисках порожденного «великим разорением» крепостнического государства. А было ли оно крепко?

Окраины и освоение Сибири

Борис Годунов, не переоценивая силы своего государства, старался жить в мире с соседями. Говорили, что даже поход крымского хана Казы-Гирея на Москву он отразил не столько силой, сколько хитростью. И правда — царь сумел надолго умиротворить Крым. Только вопиюще несправедливый мир со слабой тогда Швецией Годунов не мог стерпеть. Сразу по истечении Плюсского перемирия в 1590 г. началась победоносная война. По Тявзинскому договору 1595 г. Россия вернула побережье Финского залива, крепости Карелу, Орешек, Ивангород, Ям, Копорье, отхватив вдобавок Ниеншанц, Карелию и весь Кольский полуостров.

Это было тем легче сделать, поскольку не только старые русские уезды, но и вообще приграничные земли Шведского королевства были густо заселены россиянами. Опустошение внутренних районов Московского государства отнюдь не означало, что исчезнувшее население было сплошь вырезано и выморено. При всем почитании царя-батюшки народ обычно не дожидался прихода опричников, а уходил подалее от государевых затей. Несмотря на тяжелую войну, районы Финляндии, Белорусии и Украины во второй половине XVI в. пополнились населением и переживали хозяйственный подъем. Однако и там беглых дожидались хозяева-землевладельцы. Поэтому основной рост населения пришелся на южные и восточные окраины Московского государства: на опасные, неосвоенные, но вольные земли Дикого поля, Приуралья и Сибири.

Знаменитый Сибирский поход казаков атамана Ермака Тимофеевича за Урал (1581—1585) положил начало российской эпохе Великих географических открытий. Он стал возможен благодаря быстрому росту населения во владениях сольвычегодских промышленников Строгановых на реках Каме и Чусовой. На Руси говорили, что «у Строгановых найти беглого — все равно что иголку в стоге сена сыскать». Беглые становились здесь «охочими людьми», вольными казаками. В своем стремлении осваивать земли, добывать соль и металлы, промышлять пушниной и торговать эти люди, выбравшие опасную, но свободную жизнь, не могли считаться с таким препятствием, как Сибирское ханство татарина Кучума, поработившее хантов, манси, ненцев и прочих исконных жителей обширных пространств по рекам Тоболу и Среднему Иртышу.

Кучум крепко просчитался, когда, прослышав о сожжении крымским ханом Москвы, отказался платить дань царю и напал на россиян. Вольные люди — не опричники, татар через

свои земли не пропустили. А Строгановы, раз уж Кучум показал недружественность, выпросили у царя грамоту на земли за Уральским хребтом. Казаки Ермака двинулись по реке Чусовой, перевалили горы, «с боем и без боя» спустились по рекам с восточных склонов Урала. В октябре 1582 г. 840 казаков узрели столицу Сибирского ханства. Нимало не устрашились казаки собранных Кучумом на берегу Иртыша великих толп татар, хантов и манси. Хан был разбит и бежал, а местные жители принесли Ермаку дань. Через три года атаман погиб в засаде, которую организовал хитрый Кучум, но дело было сделано. По дороге, отмеченной зарубками казаков Ермака, шел в Сибирь отряд за отрядом.

В 1585 г. воевода Иван Мансуров основал на реке Оби город Обский. Спустя год поднялись стены Тюмени, а еще через год — Тобольска, ставшего столицей Сибири. В 1588 г. воевода Данила Чулков изгнал из Сибири Кучумова сына. Еще десять лет бился старый хан, но так и не смог восстановить ханство. Населенная в основном мирными народами Сибирь стала землей обетованной для русских землепашцев и промышленников, со сказочной быстротой, уже к середине XVII в., освоивших необъятные пространства до устья Амура, Камчатки и Чукотки.

Царские воеводы покрыли просторы Сибири десятками новых городов. Но впереди шли вольные казаки, дававшие имена неведомым морям, великим рекам и землям, превосходящим всю Европу. Имена Семена Дежнева, открывшего пролив между Азией и Америкой, Стадухина, Атласова, Пояркова, Хабарова и других россиян по праву занимают место рядом с Васко да Гамой, Колумбом и Магелланом.

Первые раскаты грома

Годунов был по-своему мудрым правителем. Он сумел обеспечить мир, укрепить армию, оживить торговлю, пополнить казну, покровительствовал наукам и искусствам, инженерам и архитекторам. При нем замечательный зодчий Федор Конь возвел Белый город — третье после Кремля и Китай-города кольцо каменных стен вокруг Москвы. Он же построил мощные стены и башни Смоленска, которым вскоре пришлось выдержать тяжелые испытания. При Годунове мастера Пушечного двора подняли тяжелое литье на редкостную художественную высоту. Самые знаменитые их произведения — царь-пушка и царь-колокол, создания мастера Андрея Чохова.

Энергично поддержав освоение Сибири, Годунов стремился не только обогатить казну мягким золотом — пушниной.

Он понимал необходимость дать выход взрывоопасной энергии вольных людей, скопившихся на окраинах, но не забывавших о своих исконных землях, брошенных под натиском опричнины и крепостничества. В стране то тут, то там вспыхивали стихийные восстания, которые до поры до времени удавалось держать в узде. Но общенародного бедствия, которое заставило бы людей взяться за оружие одновременно, крепостническое государство могло не выдержать.

1601—1603 гг. были неурожайными. В стране разразился страшный голод. Люди умирали тысячами, так что «мертвых по улицам и дорогам собаки не проедали». В одной Москве за два года и четыре месяца было погребено 127 тыс. человек. Тем не менее народ стремился в столицу и крупные города — Смоленск, Новгород, Псков и другие, — где царь Борис пытался удержать цены на хлеб, раздавал из казны зерно и деньги, развернул крупное строительство, чтобы дать работу беднякам.

Однако царь не смог заставить землевладельцев поделиться запасами хлеба. Даже некоторые монастыри дошли до такого безумия, что позволяли вымирать всей округе, гноя зерно в своих подвалах. Чиновники, обязанные раздавать деньги и хлеб, не страшась казни, воровали и спекулировали. Помещики неистовствовали, порабощая голодающих за гроши, покупая их жен и дочерей, будто не видя, как поднимается в народе «волнение велие», как крестьяне целыми деревнями снимаются с места искать пропитания. Другие господа, желая сберечь запасы, выбрасывали холопов за ворота на голодную смерть, не давая им даже отпускных грамот, с которыми можно было искать нового хозяина.

В отчаянии Годунов временно (1601—1602) восстановил для мелких служилых людей вывоз крестьян в Юрьев день. Народ воспринял объявление государевых указов как свободу от господ и налогов. Землевладельцы же схватились между собой в борьбе за крепостных. На подавление восстаний в 1601 г. войска посылались к Туле, а на следующие годы — уже во Владимир, Волоколамск, Вязьму, Ржев, Можайск и Коломну. Вскоре царю пришлось объявить указ об отпуске на волю бездомных холопов — войско холопов и казаков под предводительством атамана Хлопка шло к столице.

В жестокой сече под Москвой в сентябре 1603 г. пал царский воевода, но восставших удалось одолеть. На радостях знать заставила Годунова отменить указы о крестьянском выходе и холопской воле. Господа отказывались понимать, что большинство повстанцев ушло на южные окраины не для то-

го, чтобы сложить оружие. Гражданская война в России уже началась, а правительство тешило себя мыслью, будто сохраняет власть над подданными.

1. Каковы причины введения заповедных лет и отмены Юрьева дня?

2. Как вы оцениваете массовое «городовое строение» Годунова на южных рубежах? Вернитесь к этому вопросу при работе над следующим параграфом.

3. Чем было вызвано быстрое освоение окраин государства накануне Смуты? Когда Россия вступила в эпоху Великих географических открытий?

4. Какие меры принимал Годунов для умиротворения населения в голодные годы и почему они не остановили начало гражданской войны?

§ 30. СМУТА

Всеобщее недовольство было к 1604 г. налицо. Не хватало только знамени, за которым все желающие перемен могли бы пойти против царя Бориса. Таким знаменем стал самозванец, как говорили — беглый монах Григорий Отрепьев, выдавший себя в Польше за царевича Дмитрия Ивановича, чудом спасшегося от годуновских убийц. Легенда самозванца была шита белыми нитками, но люди хотели верить, что самовластию Годунова противостоит отныне законный наследник престола, который переменит все в государстве к лучшему. Стрельцы, пушкари и прочие «служилые по прибору» с южных рубежей, холопы и крепостные, казаки и мелкие дворяне, отдельные представители знати и духовенства, поддержавшие самозванца, представляли лучшую жизнь по-своему, часто прямо противоположно друг другу.

Польские авантюристы, устремившиеся на Русь, магнаты и шляхта, поддержавшие Лжедмитрия открыто, король Сигизмунд III и католическая церковь, делавшие на самозванца ставку тайно, — все видели в нем марионетку, средство для достижения своих собственных целей. Фигура Лжедмитрия была не важна — события показали, что гражданская война может вестись под знаменами других самозванцев и даже вовсе обойтись одним громким именем, без самого человека. Просто получив возможность выбора между наличным само-

держцем и «законным» претендентом на престол, все россияне и соседи смогли выразить свое отношение к Московскому крепостническому государству.

Лжедмитрий I Самозванец, покусившийся на державу Годунова, был сильной личностью. Чтобы завоевать поддержку поляков и католической церкви, он сумел прикинуться их сторонником, да и шляхту заманил в свое войско. Но Лжедмитрий имел лишь тысячу поляков (многие из коих вскоре разбежались). Зато с ним шло две тысячи казаков и встречные города распахивали ворота, истребляя чиновников Годунова. Под знамена царя Дмитрия Ивановича встали жители Моравска, Чернигова, Путивля, Рыльска, Севска со знаменитой свободолюбием Камарицкой волостью, Курска и Кром. Другие колебались — дело решило поражение, нанесенное самозванцу войсками Годунова в январе 1605 г. под Добрыничами. Испугавшись гибели надежд на противостояние московскому правительству, враз признали Дмитрия Оскол и Валуйки, Воронеж и Белгород, Елец, Ливны и даже названный в честь Годунова Царев-Борисов. Юг и юго-восток были охвачены восстанием к дню смерти Годунова 13 апреля.

При известии о кончине государя его армия перешла на сторону Дмитрия. Дворянство Рязани, Тулы, Каширы, Алексина и других южных городов устремилось к нему стройными полками. Москвичи восстали, погромив дворы Годуновых, бояр, дворян и дьяков, не забыв разграбить и богатства патриарха Иова. Наконец, придворная знать и духовенство приветствовали нового государя. Москвичи готовились к встрече Дмитрия, втихую убив жену и сына царя Бориса, а его дочь Ксению приуготовив к роли наложницы любвеобильного самозванца. Впрочем, после того как царица — мать царевича Дмитрия — признала своего сына и он был торжественно коронован в Успенском соборе, мало кто отваживался называть царя самозванцем.

Воцарение Лжедмитрия прекратило гражданскую войну, наиболее острые требования ее участников были удовлетворены. Южные уезды были освобождены от платежа налогов, там был запрещен сыск крестьян, сбежавших во время голода 1601—1603 гг. Новый царь отменил все кабальные записи на холопов с указанием нескольких пожизненных владельцев (отца, братьев, сыновей и т. п.). Это означало свободу примерно для четверти всех холопов. Лжедмитрий готовился даже, к удовольствию крестьян и южных помещиков, восстановить Юрьев день.

Поддержка дворянства Центральной России была обеспечена невиданно щедрой раздачей земель и денежного жалованья, увеличенного чуть ли не вдвое. Жалуя дворян, Лжедмитрий одновременно очищал их ряды от бывших холопов, крестьян и посадских людей. Недовольство последних тонуло в благодарности казаков и других участников похода на Москву, также получивших щедрые награды. При всей противоречивости политики Лжедмитрия он держался на волне надежд россиян разных сословий на доброго царя. Не получавшие просимого все недовольство изливали на «бояр-лиходеев».

Наибольшее недовольство новый царь вызывал у православной и католической церкви (между коими не видел большой разницы). В казну первой он смело запускал руки, добывая средства на свои крупные расходы. Над католиками, поверившими, что Лжедмитрий переменит на Руси веру, он искренне смеялся. Польскому королю Сигизмунду III самозванец обещал вернуть Смоленск и другие земли, заключить вечный союз между государствами и помочь отвоевать престол Швеции. Став царем, Лжедмитрий отказался от этих посулов и предложил королю общеполезное дело: отвоевание европейских земель, захваченных мусульманами.

Приготовления к походу были начаты — ведь разгром одного Крымского ханства сулил громадную выгоду русскому дворянству и польской шляхте. Издеваясь над королем Сигизмундом и немецким императором Рудольфом II, не желавшими признать имперский статус Москвы, Лжедмитрий рассчитывал увлечь своими планами немалую часть шляхты, и если не снискать корону Польши, то хотя бы оторвать от нее великое княжество Литовское. Свадьба с дочерью сандомирского воеводы Мариной Мнишек, на которую в Москву прибыло множество гостей из соседней славянской страны, усиливала популярность русского «цезаря» среди шляхты. Однако через несколько дней после торжества Лжедмитрий был предательски убит. Почти все поляки были вырезаны или захвачены в плен. Национальная и религиозная ненависть разгорелась, а гражданская война вспыхнула с новой силой.

Виновником трагедии был маленький подслеповатый старичок, неудержимый властолюбец из древнего боярского рода князь Василий Иванович Шуйский. Он обратил внимание на черты Лжедмитрия, явно опровергающие его происхождение. Тот не спал после обеда и прощал врагов. Первое говорило, что самозванец — не русский. Второе — что он не сын Грозного. Самого Шуйского, приговоренного духовенством и боярами к

смерти за заговор против царя, Лжедмитрий помиловал и сделал первым лицом при дворе. Такое царедворцы не прощают. Шуйский вступил в заговор с боярами и польскими властями, понявшими опасность политики Лжедмитрия.

Царь и холоп 17 мая 1606 г. под предлогом спасения царя от злодеев поляков заговорщики ворвались в Кремль и убили самозванца. Народ, поднятый набатом, бросился на ничего не подозревавших иноземцев. Многие шляхтичи героически защищались. Москва была залита кровью. Пока люди ошеломленно внимали объявлениям, будто их государь готовился с поляками истребить бояр и продать Русь папе римскому, Шуйский захватил престол, не дожидаясь ни обещанных соратникам выборов государя «всею землей», ни даже поставления нового патриарха взамен свергнутого.

Россия возмутилась наглостью, с которой Москва навязала ей боярского царя. Даже при дворе шло жестокое сведение счетов, ссылки и конфискация имущества лиц, близких Лжедмитрию. Неудивительно, что первым поддержал вождя вооруженного восстания князь Григорий Шаховской, сосланный Шуйским на воеводство в Путивль, а к выступлению казаков и бедноты в южных уездах примкнули дворянские полки. Народ отреагировал на хитроумие Василия Шуйского попросту: люди отказались верить в смерть царя.

Воеводой законного государя Дмитрия на Юге стал Иван Исаевич Болотников. Этот беглый холоп, успевший показачествовать, бежать с турецкой галеры и пройти пол-Европы, даже у врагов вызывал восхищение даром полководца и душевным благородством. Современников поражал контраст между рыцарством народного вождя и холопской натурой царя Василия, угодливо служившего Годунову, истребившему его родичей, человека продажного, лицемерного, трусливого в опасности и жестокого к слабым.

Армия Болотникова, громя московские войска, двинулась на столицу. Молодой полководец Михаил Скопин-Шуйский не мог сдержать натиска восставших, но упорным сопротивлением на реке Пахре заставил Болотникова упустить время в ожидании подкреплений. Более 70 городов перешло на сторону Болотникова, десятки тысяч ратников спешили на помощь к нему, но Москва не была взята с ходу. Пяти недель осады столицы оказалось достаточно для раскола среди восставших. За это время дворяне поняли, насколько противоречит их интересам победа крестьян, холопов и казаков, составлявших ядро армии Болотникова. Од-

ни хотели земли и воли, другие считали священным свое право кабалить крестьян и пользоваться рабским трудом.

Часть дворянских полков перешла на сторону Шуйского заранее, часть — предала восставших в ходе сражения у подмосковной деревни Котлы 2 декабря 1606 г. Предусмотрительно возведенные укрепления позволили Болотникову увести остатки армии в Калугу. Царь Василий был уверен в победе и предавался зверствам, массами казня пленных. Но восставшие укрепили город и отразили все приступы подоспевшей московской рати. Тем временем самозваный «царевич Петр» (терский казак Илья Муромец, выдававший себя за сына Федора Ивановича), создав базу в Туле, после упорной борьбы прорвал в мае 1607 г. осаду Калуги. Болотников пошел на вылазку, царские полки в ужасе бежали, бросая оружие и припасы.

Царь Василий сделал ставку на дворянство. Государство брало на себя розыск беглых крестьян и холопов, устанавливало кары за их укрывательство, а главное — объявило о сыске всех подневольных людей, записанных в писцовые книги 1592—1593 гг. Мало того что сыск удлинился с 5 до 15 лет. Челобитье о возвращении беглых принималось практически только от дворян, пришедших на службу в Москву. Вставшим под знамена царя дворянам жаловались земли и деньги, в том числе изъятые у монастырей. Не явившихся на борьбу с повстанцами ждали жестокие кары на земле и посмертные мучения, щедро обещанные патриархом Гермогеном. Через две недели после разгрома под Калугой Шуйский двинул на крестьян и холопов 100-тысячное дворянское ополчение.

Болотников успел только переместиться от разоренной Калуги к Туле. С 38-тысячным войском он попытался обойти царскую армию, чтобы захватить Москву. В сражении на реке Восме близ Каширы восставшие были остановлены дворянскими полками, которые прежде были их союзниками. Через несколько дней князь Михаил Скопин-Шуйский прорвал оборону болотниковцев. Пятикратно превосходящие царские войска осадили повстанцев в Туле. Болотников и «царевич Петр» руководили героической обороной города, который через два месяца был затоплен водами запруженной царскими войсками реки. Лишившись продовольствия и пороха, повстанцы напрасно ждали помощи. Множество их сторонников в городах и селах не смогло объединить силы и жесточайше истреблялось карателями. Дворяне «воевали» русские земли хуже внешнего неприятеля.

Однако царь Василий вынужден был спешить. На южных рубежах уже появился человек, выдававший себя за чудом

спасшегося «царя Дмитрия». Болотникову и «царевичу Петру» было предложено сдаться, чтобы спасти жизнь и свободу соратников. Поверив клятвам царя, благородные вожди отдали себя в руки карателей. Илья Муромец был повешен, Болотникову выкололи глаза и утопили. Царь торжествовал, а дворяне огнем и мечом восстанавливали свою власть. Народное восстание было почти подавлено: теперь страну не спеша делили между собой каратели и авантюристы.

Предатели и интервенты К лету 1608 г. на Руси было две столицы. В Москве сидел царь Василий Шуйский. Рядом, в селе Тушине, — Лжедмитрий II. В войске его немалую роль играли поляки и литовцы — разгромленные участники восстания против короля Сигизмунда III. В свою очередь, московский царь готовился заключить союз со шведами, суля им земли на севере. В Москве было больше дворянства, в Тушине служили казаки и татары. Но столичные бояре, командовавшие полками Василия Шуйского, нередко заезжали пообедать к своим родственникам, составлявшим двор Лжедмитрия II.

Война тем временем шла по всей Руси. На севере, в Приуралье и Поволжье грабили отряды «царя Дмитрия» и царя Василия, более похожие на разбойничьи шайки. Участие поляков и литовцев, осадивших русскую святыню — Троице-Сергиев монастырь, заставило посадских людей и крестьян подниматься на восстания против интервентов. Но и славный полководец Михаил Скопин-Шуйский, к которому стремились присоединиться отряды восставших, шел на выручку Москвы с войском заносчивых шведов.

Молодой воевода разбил тушинское войско под Тверью и снял осаду Троице-Сергиева монастыря. 12 марта 1610 г. он торжественно вступил в Москву. Сторонники Лжедмитрия II бежали кто куда. Часть из них молила о помощи Сигизмунда III, обещая посадить на московский престол его сына, королевича Владислава. Польский король решился вторгнуться на Русь и осадил Смоленск. В это время царь Василий с сородичами, как говорили в народе, отравил своего спасителя Михаила Скопина-Шуйского, уже готового выступить на поляков. Командование созданной князем Михаилом армии было поручено бездарным придворным, погубившим войска в сече при селе Клушино.

Поляки и раздраженные потерями шведы устремились на захват разоренной Руси. Чаша терпения дворян, который год сражавшихся за царя Василия, переполнилась. 17 июля 1610 г.

воины сторожевого и передового полков ворвались в Кремль, за бороду вывели Шуйского из дворца и насильно постригли в монахи. Воины требовали созвать Земский собор для избрания нового царя «всей землей». Но бояре не растерялись: предложили на время подготовки к избранию присягнуть семи знатнейшим из них. Захватив власть, «семибоярщина» сочла наиболее выгодным продать страну полякам, «призвав» на престол королевича Владислава. Москва и часть городов принесли присягу королевичу. 21 сентября польскому гарнизону были торжественно сданы Кремль и Китай-город. Только потом бояре стали просить Сигизмунда III отпустить сына на московский престол и оставить в покое Смоленск. Король лишь смеялся, намереваясь получить Смоленск и Москву для себя.

Россияне, несмотря на привычку к подлостям московского правительства, несколько месяцев пребывали в остолбенении от боярской «наглой измены». Первыми опомнились рязанские дворяне, предавшие в свое время Болотникова и свергавшие Шуйского. За ними против поляков и московских изменников поднялись служившие недавно убитому на охоте Лжедмитрию II казаки во главе с князем Дмитрием Трубецким и атаманом Иваном Заруцким. Прослышав о сборе ополчения, изменники в Кремле заволновались, а интервенты пришли в ужас. 19 марта 1611 г. немецкие наемники бросились на безоружных москвичей, поляки устремились за ними. 7 тыс. жителей было убито в Китай-городе, но уже в Белом городе граждане встретили вояк дубьем. Князь Дмитрий Пожарский, командовавший отрядом ополчения, был тяжело ранен, но интервенты не прошли. Тогда они подожгли город; деревянная Москва выгорела дотла.

Освобождение и примирение Летом 1611 г. Москва представляла собой огромное черное пятно, в центре коего высился Кремль и Китай-город, где засели изменники-бояре и поляки с наемниками. Вокруг, у стен и башен Белого города, шли жестокие бои. К московским погорельцам, казакам и рязанским дворянам присоединились стихийно поднявшиеся ополчения нижегородцев, муромцев, ярославцев, суздальцев, владимирцев, воинских людей, граждан и крестьян, забывших распри и ненависть при виде иноземных знамен над царским дворцом.

Однако бояре и поляки знали о трениях между вожаком рязанских дворян Прокопием Ляпуновым и командовавшими казаками Трубецким и Заруцким. Этот триумвират обещал казакам земли и денежные оклады, однако Ляпунов крепко

стоял против грабежей, требовал исключить из казачества и вернуть владельцам беглых крестьян и холопов. Получив из Кремля подложную грамоту Ляпунова с призывом «бить и топить» казаков, те бросились на оклеветанного вождя и скопом изрубили. Бо́льшая часть дворян покинула войско. Первое ополчение распалось.

В июне 1611 г. после более чем 20-месячной осады поляки взяли Смоленск. Последние защитники города взорвали себя на пороховых погребах под Успенским собором. Отважный воевода Михаил Шеин попал в плен. Король Сигизмунд открыто заявил о намерении лично занять московский престол. Тем временем шведы захватили Великий Новгород и растеклись по Русской земле. Их натиск уперся на востоке только в твердыню Соловецкого монастыря, а на западе — в мощные стены Пскова и Печерский монастырь.

Жизнеописания: патриарх Гермоген

Гермоген (в миру Ермолай, ок. 1530—1612) — третий патриарх Московский и всея Руси (с 1606). Ученик казанского архиепископа Германа Полева, погибшего в опричнину, много лет священствовал в Казани и лишь в преклонном возрасте принял монашество (1587). Бремя власти страшило Гермогена, но чувство долга не позволило отказаться от сана митрополита Казанского и Астраханского (1589). Он истово принялся за укрепление христианства в своей огромной епархии: вызволил всех принявших православие из крепостного состояния у иноверцев и объединил их в свободные общины, следил за чинностью церковных служб, а главное — способствовал освящению новых земель России чудесами и подвигами святых. При его деятельном участии была обретена и прославлена одна из величайших русских святынь — икона Казанской Божьей матери. Гермоген установил дни памяти воевод, воинов и мучеников за веру, павших в борьбе с Казанским ханством, добился причисления к лику святых первых казанских святителей Гурия, Варсонофия и Германа Полева. Лжедмитрий I, зная, что при царе Борисе Гермоген был в опале, пожаловал ему высокое место в своем совете (1605), но отослал от двора, когда митрополит потребовал крестить Марину Мнишек. Новый царь Василий Шуйский использовал авторитет неподкупного старца в борьбе с восстанием Болотникова. Возведенный на патриарший престол Гермоген горячо призывал к прекращению «междоусобной брани» и покорности царю. Он осуждал и самого Василия, но гневно выступил против его свержения, предвидя разрастание пожара гражданской войны. Когда бояре передали московский престол королевичу Владиславу, патриарх выдвинул условие, чтобы тот вначале принял православие — иначе «королевич нам не государь!». Твердая позиция архипастыря придала законность борьбе народного ополчения против интервентов и изменников бояр. Восставшие россияне объявили, что идут освобождать Москву по призыву Гер-

могена. Грамот, призывающих к кровопролитию, патриарх не посылал, но отказался требовать от ополченцев покорности московским боярам. «Что-де вы мне грозите, — сказал старец боярам и полякам, — единого Бога я боюсь!» Гермоген погиб в темнице, явив пример твердости веры.

Однако интервенты и изменники рано радовались. В непокоренных городах уже возрождалось народное самоуправление и зрела решимость очистить страну от неприятеля. Осенью 1611 г. земским старостой в Нижнем Новгороде был избран мясной торговец Кузьма Минин-Сухорук. Он подошел к делу освобождения Руси по-купечески основательно: сам отдал в казну все, вплоть до окладов с икон и драгоценностей жены, и от сограждан потребовал пятую часть имущества. Неплательщиков продавали в рабство татарам. На столь решительно взимаемые деньги Минин набирал профессиональных воинов. Первыми были приняты на службу оставшиеся без земель дворяне Смоленска, Дорогобужа и Вязьмы. В предводители сговорили князя Дмитрия Пожарского, лечившегося от ран в Суздальском уезде. Второе ополчение не спешило: к весне 1612 г. добралось только до Ярославля, — зато к нему примкнуло множество уездов и был создан Совет всей земли из духовенства, бояр и выборных представителей сословий во главе с Пожарским и Мининым.

В Ярославле были сформированы и правительственные учреждения — приказы. Земское ополчение включало представителей всех сословий и народов, в том числе касимовских, казанских и сибирских татар. Уже не вольные ватаги, а армия возрождающегося государства подошла к Москве в августе 1612 г. Литовский гетман Ян-Карл Ходкевич, посланный королем на помощь полякам в Кремле, после жестоких боев был отброшен от русской столицы. В сражениях равно отличились дворянская кавалерия Пожарского, пехота под командой Минина и казаки князя Трубецкого. Россияне штурмом взяли Новодевичий монастырь и Китай-город. 26 октября 1612 г. измученный голодом польский гарнизон сдался на милость победителей. Изменники бояре были с распростертыми объятиями приняты в стане Пожарского.

В январе 1613 г. в разрушенной Москве собрался Земский собор, означавший примирение участников гражданской войны. Первым делом постановили никаких иноземцев, а тем паче иноверцев на русский престол не избирать. Затем перебрали кандидатуры и остановились на 17-летнем Михаиле Романове. Этот юноша, не вызывавший опасения властолюбивых бояр, был представителем старой московской аристократии. К

тому же сестра его деда, царица Анастасия, была первой женой Ивана Грозного, матерью царя Федора Ивановича. Избранию способствовало то, что крупный политический деятель Федор Никитич Романов, отец нового государя, был насильно пострижен в монахи под именем Филарета и, хотя сделался уже Ростовским митрополитом, выбыл из политической жизни, оказавшись в польском плену. Вместе с тем Филарет был не чужд тушинцам и вызывал симпатии казаков.

Юный царь не имел сильной воли и способности к правлению, да этого и не требовалось. Его избрание «всей землей» стало символом единения сословий и уездов России. Поляки поняли это без слов: король Сигизмунд смог набрать для похода на Москву лишь 1200 рыцарей и был отбит от Волока Ламского. Заруцкий, сделавшийся воеводой от имени маленького сына Марины Мнишек, был изгнан астраханцами, пленен и казнен. Шведы еще два года не оставляли попыток захватить Псков, но по Столбовскому миру (1617) вернули Руси и Новгород, удержав только города у Финского залива. «У России отнято море!» — хвастался шведский король. Однако Москва была довольна и таким миром: правительство было занято восстановлением управления страной и борьбой с ватагами казаков.

Не унимались и поляки. В 1618 г. королевич Владислав без боя занял Дорогобуж и Вязьму, соединился под Москвой с запорожскими казаками и был с трудом отбит от стен столицы. Его расчет на новую усобицу среди россиян не оправдался. К зиме в селе Деулине было заключено русско-польское перемирие. Смоленск, Чернигов, Новгород-Северский и другие города остались в руках поляков. Обескровленное Московское государство еще долго не могло оправиться от последствий «великого разорения» и Смуты. Но с окончанием гражданской войны и интервенции Русь получила главное условие для возрождения — мир.

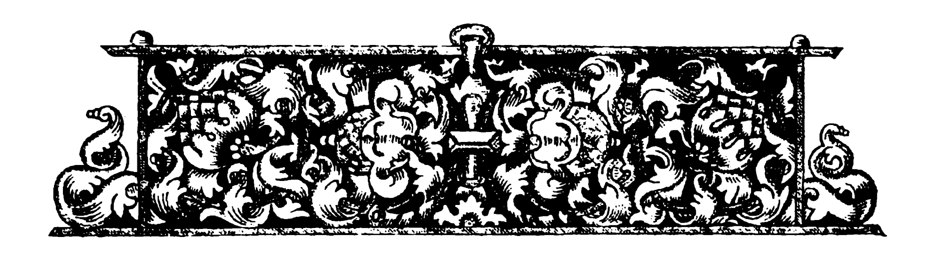
1. Кто и почему признал Лжедмитрия I законным царем и у кого он вызывал недовольство?

2. Почему дворянские полки изменили Ивану Болотникову?

3. Между кем была разделена страна после поражения восстания Болотникова?

4. Чем отличались Первое (П. Ляпунов, Д. Трубецкой и И. Заруцкий) и Второе (Д. Пожарский и К. Минин) ополчения?

5. Как был положен конец гражданской войне?

Глава 10
ВОЗРОЖДЕНИЕ

§ 31. САМОДЕРЖАВИЕ И ЗЕМСКИЕ СОБОРЫ

Первая гражданская война в России и иностранная интервенция формально закончились с избранием Михаила Романова на престол в 1613 г., хотя местные бои и дипломатические споры затянулись надолго. Страна лежала в развалинах. Однако всего через четыре десятилетия Россия снова процветала. В следующие двадцать лет государство не только возвратило земли, потерянные в «великое разорение» и Смуту: после многовековой раздробленности воссоединилась почти вся территория Древней Руси. Полтора десятилетия спустя Великая, Малая и Белая Россия уверенно выступала на международной арене как одна из ведущих мировых держав.

Экономический расцвет и политическое могущество, достигнутое страной от избрания Михаила до начала самостоятельного правления Петра (1694), проходили на фоне постоянных социальных потрясений, позволивших современникам назвать свой век «бунташным». Все понимали необходимость возрождения государства — но какого? Все приветствовали развитие — однако в чью пользу? Ответы на эти вопросы отнюдь не были простыми и ясными для самих участников событий, не говоря уже о потомках.

Десятилетия с конца Смуты историки нередко определяют как самодержавие с Земскими соборами. И действительно, начиная с собора, созданного при ополчении 1611—1612 гг., эти высшие сословно-представительные органы закрепляются в государстве надолго. При Михаиле Федоровиче они заседали почти непрерывно, с десятилетним перерывом в период расцвета власти царского отца, патриарха Филарета (1613—1622,

1632—1645). Смысл и роль Земских соборов далеко не просты и не столь очевидны, как это стараются представить ныне сторонники и противники идеи «соборности».

Михаил Федорович (1613—1645)

Всенародное избрание 17-летнего Михаила Романова на престол наложило отпечаток на все его долгое царствование. Государь, при котором в царский титул было включено слово «самодержец» (1625), никогда не правил самостоятельно. Он отнюдь не был, как иногда пишут историки, болезненным и неспособным к решению дел государства. Это был здоровый и сильный юноша, по обычаю царствующих особ того времени увлекавшийся искусством охоты и в минуты уныния, чтоб развеять тоску, ходивший с рогатиной на медведя. Царь не был порывист и жесток, но ведь и время было не такое, чтобы на троне потерпели нового злодея.

В первые годы важнейшую роль при дворе Михаила играли родственники его матери Салтыковы. Они оттеснили от молодого царя и от решения важнейших государственных дел знатнейших бояр, даже таких героев Смутного времени, как князья Пожарский и Трубецкой. По возвращении из польского плена власть взял в свои руки отец государя, Федор Никитич Романов, в монашестве Филарет. Он немедленно занял патриарший престол (1619—1633), стал именовать себя «великим государем» (вместо обычного для патриархов титула «великого господина»), подобно царю завел двор и центральные ведомства — приказы, правил обширными патриаршими владениями, как царь — дворцовыми землями. Патриарх давал пышные пиры и вообще вел себя подобно царю, а главное — мог по своему усмотрению решать государственные дела и даже отменять прямые указы сына.

Самовластие Филарета неудивительно — ведь, приняв не по своей воле монашество, он оставался главой правящей семьи. В русской семье всегда играла важнейшую роль и мать. Поэтому матушка Михаила Федоровича, принявшая постриг вместе с мужем великая старица Марфа Ивановна, могла не только направлять по своему усмотрению государственные дела. Она, к примеру, запретила сыну жениться на полюбившейся ему девушке. Когда много лет спустя сам суровый Филарет смягчился, тронутый скорбью Михаила, мать настояла на своем и не допустила брака.

По смерти отца и матери государя его решения направляли ближние и дальние родичи (князь Черкасский, боярин

Шереметев и другие). Но ни они, ни даже властный Филарет, позволивший себе почти 10 лет не созывать Земский собор, не могли слишком уж своевольничать. После Смуты власти обязаны были считаться с мнением сословий, принявших наиболее активное участие в гражданской войне и изгнании интервентов. Именно сила общественного мнения, наиболее ярко выразившаяся в решениях Земских соборов, способствовала ограничению влияния Боярской думы и укреплению самодержавия.

Один царь, один закон С позиции сегодняшних знаний, по прошествии столетий, нам хорошо видны ужасающие злодеяния, сопровождавшие и обеспечивавшие становление самодержавия в России. Но современникам и участникам событий многое виделось по-иному. В то время как страну раздирала Смута, люди более чем когда-либо мечтали о сильной и единой для всех власти, способной обуздать насилие и твердой рукой оградить закон.

Один царь, один закон, общая польза — такова была мечта большинства участников ополчения, положившего конец гражданской войне, которая началась из-за желания людей разного чина и звания улучшить за счет других свое личное и сословное положение. Реки крови пролились, пока народ, по инициативе купечества и дворянства, не нашел способа осуществления своего стремления: «всей землей», то есть с участием представителей всех сословий, избрать царя для всех вместо узурпаторов и самозванцев, выдвинутых кучкой сторонников. Измена бояр, призвавших королевича иноземного, в конечном счете, помогла россиянам объединиться для очищения страны от чуждой власти.

В результате победы ополчения, возникшего на основе возродившегося в городах и уездах сословно-представительного самоуправления, власть в стране фактически взял Земский собор. В его состав целиком входила Боярская дума — бояре, окольничие, думные дворяне и думные дьяки, как служившие в ополчении, так и сидевшие в Кремле с поляками. Полностью был представлен Освященный собор — высшие духовные чины, от митрополитов до архимандритов крупнейших монастырей (первые несколько лет не было только патриарха: старого — Гермогена — уморили интервенты, а нового не ставили в ожидании возвращения из плена Филарета).

Все эти чины входили в число постоянных советчиков государя. Отличием Земского собора было широкое представительство выборных людей от общественно активных, но обыч-

но обделенных государственной властью сословий: массы городовых дворян, купцов и промышленников, обычных горожан-налогоплательщиков, наконец, лично свободных черносошных крестьян. От каждого уезда на собор избирались разумные, зажиточные и добронравные люди, способные печься о благе страны. Крепостные, холопы и бедняки на собор ни в коем случае не допускались. Интересы участников Земского собора и без того были весьма различны и противоречивы.

Соборные заседатели объединялись вокруг одной, главной цели — спасения Российского государства путем установления в стране единовластия, говоря словами того времени — самодержавия. Примирение между собой городов и земель, сословий и политических противников путем подчинения всех единой власти было для участников собора первым делом. Вторым — укрепление военной силы, финансов и администрации самодержавного государства. Защита своих частных, сословных интересов стояла на последнем месте.

Управление государством Как древние новгородцы, согласно легенде, утомившись междоусобицей, призвали «из-за моря» князя Рюрика, так города и уезды, создавшие ополчение с помощью своих выборных властей, предпочли после Смуты управляться присылаемыми из Москвы воеводами. В столице Земский собор не только не препятствовал, но всемерно способствовал восстановлению и развитию центральных ведомств — приказов. Стремительно разраставшийся приказный и воеводский административный аппарат укреплял самодержавную власть. А для приема потоков жалоб — челобитных на грабеж и насилие со стороны жадных чиновников-взяточников было создано еще одно учреждение — Челобитный приказ.

Государственные распоряжения — указы — готовились в недрах приказов подьячими, утверждались дьяками (руководителями приказного аппарата) и судьями (главами приказов из знати). Важнейшие указы, включая решения значительных административных и судебных дел, представлялись на утверждение царю и Боярской думе. Но все указы принимались от имени государя, то есть исходили от единой для всей страны власти, чего и добивалось ополчение, а затем Земский собор.

Первейшим делом собора было одобрение важнейших распоряжений самодержавия «всей землей», чтобы принятая мера была исполнена всеми и везде без прекословия. В первые годы царствования Михаила Федоровича вместе с указами от

его имени часто посылались одинаковые указы и от имени Земского собора. Государевых чиновников для важнейших поручений сопровождали соборные «послы», подкреплявшие земским авторитетом деятельность еще слабого аппарата самодержавия.

Конечной целью сословного представительства в форме Земских соборов был абсолютизм — самодержавная власть, стоящая над всеми сословиями без исключения, в том числе над боярством и высшим духовенством. Перед лицом выборных представителей «всей земли» знатнейшие и богатейшие не могли действовать исключительно в свою пользу. Даже высшие чины государственного аппарата воровали и грабили с оглядкой, поскольку по челобитным «на бояр и всяких чинов людей в насильстве и в обидах» самодержец мог любого лишить звания и имущества, а то и сослать в Сибирь.

Недаром властолюбивый патриарх Филарет, редко обращавшийся к сословному представительству, счел за благо именно на Земский собор вынести решение о создании приказа, «где на сильников челом бьют». В «Новом летописце» — популярнейшем среди читателей XVII в. сочинении — без всякой иронии сказано, что Филарет «от насилья многих отнял; никаких в Московском государстве сильников не стало, опричь (кроме) их, государей!». Это и был абсолютизм.

1. Каким образом постоянный созыв Земских соборов после Смуты способствовал укреплению царской власти?

2. Почему в России, как и в Западной Европе, в XVII в. утверждается абсолютизм?

3. Какие идеи способствуют поддержке абсолютной монархии Земскими соборами?

§ 32. СОСЛОВНОЕ УСТРОЕНИЕ

Для возрождения и укрепления Российского самодержавного государства Земские соборы оказались надежным инструментом. Сословное представительство не противопоставляло себя монархии, но напротив, старательно пестовало ее и взращивало после страшных ударов Смуты. Велика была роль Земских соборов и в примирении интересов участвовавших в гражданской войне сословий. Однако, по сути дела, это примирение свелось к тому, чтобы трудящиеся и обездоленные пе-

рестали бунтовать, а власть имущие и богатые спокойно наживались на рабском труде, даже в ущерб сословиям, представленным выборными участниками соборов.

Поборы и закрепощение Решения Земских соборов в царствование Михаила Федоровича, по существу, единообразны. Главным образом они сводились к согласию на новые жертвы во имя сохранения и укрепления высшей для выборных представителей Русской земли ценности — единого государства. С 1613 г. собор много раз устанавливал провести по всей стране дополнительный сбор денег, хлеба и всяких запасов «служивым людям на жалование». Пожертвования были немалые: часто собирались даже пятинные деньги — пятая часть имущества всех налогоплательщиков! А чтобы собрать такие налоги, земские представители настаивали на закреплении тяглых людей на обрабатываемых ими землях и в городских общинах, то есть на закрепощении.

Резоны для этого были. После избрания на престол Михаила Федоровича судьба государства долго еще висела на волоске. Далеко не все участники гражданской войны, особенно крепостные крестьяне и холопы, сложили оружие. В ответ на массовую раздачу царем в поместья и вотчины дворцовых и черносошных земель и указ о возвращении бывшим хозяевам подневольных людей, сражавшихся против интервентов, восстание охватило огромные земли на север от Москвы — родину ополчения Минина и Пожарского.

Осенью 1614 г. собор постановил направить к восставшим своих послов, чтобы уговорить их сложить оружие. Когда зимой следующего года 20-тысячная армия повстанцев подошла к столице, ее вождя Баловня с товарищами удалось обманом захватить. Оставшись без предводителей, восставшие были разбиты. Но правительству пришлось все же выполнить данные собором обещания и предоставить крестьянам — участникам борьбы с интервентами право сделаться свободными хлебопашцами — беломестными казаками.

Всех беглых крестьян было позволено ловить только 5 урочных лет, давая и оставшимся у хозяев надежду, что со временем свободный выход от господ будет восстановлен. Но крестьяне бежали: целыми семьями и деревнями, уводя скот, забрав с собой орудия, запасы и даже ульи с пчелами. Первыми уходили зажиточные крестьяне, по которым налоги и поборы били сильнее всего. Уходили когда мирно, а когда и с боем, сжигая дворянские усадьбы.

Часть беглецов не искала свободных земель на окраинах, а вновь находила хозяев-землевладельцев или закладывалась за монастыри и бояр в принадлежавших тем «белых», то есть свободных от платежа податей, городских слободах. Ведь имевшие налоговые льготы хозяева вынуждены были давать крепостным поблажки сравнительно с государственными поборами и не жадничать, коли хотели сохранить рабочие руки. В эти годы даже богатый Кирилло-Белозерский монастырь из-за массового бегства вынужден был сократить площадь пашни в 10 раз. Потому-то монахи до самой середины столетия не осмеливались увеличивать барщину.

Несмотря на призывы Земских соборов, многие землепашцы, остававшиеся на своих местах, не спешили отдавать добро в казну. Русские крестьяне временами били сборщиков налогов, сражались с военными отрядами. Ясачным людям Поволжья и Урала жилось немного свободнее. Не желая сокращения дани, правительство запрещало кабалить плативших ясак татар, башкир, мордву, чувашей, удмуртов, башкир и мари. В некоторые годы царь даже отменял сбор среди них пятины. Но и они должны были сдерживать рост налогов и закрепощение в борьбе с войсками из русских дворян и собственной знати, освоившейся на царской службе.

На Земские соборы не приглашались ни частновладельческие крестьяне и холопы, ни простые инородцы, хотя крепостные составляли бóльшую часть населения и несли основное бремя жертв на алтарь «земского устроения». Коли основная часть подданных не принимала участия в определении способов возрождения страны, следовало ожидать, что воскрешенное государство будет для них тяжким ярмом. Но даже интересы служилых и податных сословий, представленных на Земских соборах, были отодвинуты на второй план в пользу насущных потребностей самодержавного крепостнического государства и его высшего правящего слоя.

Государство и дворянство

В считанные годы массовые раздачи населенных земель в поместья и вотчины привели к тому, что в огромном Замосковном крае почти не осталось черносошных и даже дворцовых владений. Мобилизация государственных и царских земель, экстренные сборы средств, одобренные Земскими соборами, должны были восстановить боеспособность вконец обнищавшего дворянства, составлявшего основу армии.

Многочисленные известия, что у воинов не хватает коней и оружия, подкреплялись внушительными демонстрациями вра-

гов. В 1618 г., например, участники Земского собора были мобилизованы на оборону Москвы: в предместьях шли бои с войском польского королевича Владислава и ордой украинских казаков гетмана Сагайдачного. Многие русские полки, крепости и воеводы были парализованы ужасом, даже Пожарский сказался больным и покинул командование армией. Не те, кто занимал высокие места у трона, а мелкие военачальники, простые воины и крестьяне-партизаны вновь заставили врага отступить.

В таких обстоятельствах властям удобно было представлять выборным участникам собора нищенский бюджет с выводом, что ежели они не изыщут средств на содержание ратных людей, то государству будет «поруха великая», а населению «от польских и литовских людей разорение, и... посечение, и расхищение, и пленение». Распределяли-то собранные по копейке средства Боярская дума и чиновники! И вновь огромные земли и награды получали боярская аристократия и дворцовые прихлебатели.

Когда на Земском соборе встал вопрос: «На чем со шведскими послами мир делать — на города или на деньги?» — представители власти на соборе даже не предложили выкупить завоеванные шведами города. Земским выборным был дан очень короткий срок на сбор средств и заявлено, что выкупленные города все равно «никакими ратными людьми и хлебными запасами не наполнить». Единственный раз в истории собор согласился отдать неприятелю земли: «Мир делать на города»! Средства от экстренных налогов остались в руках чиновников.

К чести патриарха Филарета, вернувшегося в этому времени из плена и взявшегося править страной, умудренный богатым политическим опытом старец первым делом попытался снять острейшие противоречия в государстве своего сына. Он потребовал собрать земских представителей «не отсрочивая... чтоб в нашем государстве многие статьи поправить к покою и к строению нашим людям». Собор 1619 г. призван был решить, «чем Московскому государству полниться, и ратных людей пожаловать, и устроить бы Московское государство, чтоб пришло все в достоинство».

Важным условием «устроения» стала перепись всех городов и земель страны. Она позволяла определить, какие повинности может нести в пользу государства каждый землевладелец и городская община. Конечно, духовные землевладельцы стремились уклониться от податей, прикрываясь старинными льготными грамотами. Правительство Филарета объявило их повальный пересмотр и выдавало взамен новые грамоты, уже не освобождавшие от главных налогов и повинностей и ограничивавшие объем беспошлинной торговли.

Доход государства повышался, но на главное сокровище церкви — бескрайние земли — не мог покуситься даже «великий государь патриарх». Да и за пересмотр грамот следовало платить. Соборное уложение 1580 г. напрочь запрещало завещать, продавать или закладывать вотчины монастырям. Указ 1622 г. закреплял за монастырями вотчины, приобретенные ими в нарушение этого запрета.

Дворяне получили лишь малую часть «приватизированных» черносошных и дворцовых земель. Взамен правительство приводило в порядок имевшееся дворянское землевладение: часть поместий передавалась в наследственные вотчины, неслужилых вычеркивали из дворянских списков и отбирали поместья, исправным повышали земельное и денежное жалованье, вдов и сирот обеспечивали участками «на прожиток». Но главного — прикрепления к земле рабочих рук — дворяне добивались с огромным трудом: ведь возвращать многих беглых пришлось бы от бояр и монастырей.

Торгово-промышленный люд

Точно так же выборные горожане истово требовали сыскать всех беглых посадских людей и в особенности вернуть закладчиков, улизнувших из общины под власть бояр и монастырей и посему переставших платить свою долю налогов, твердо установленных для всего города. Мало того что оставшимся посадским приходилось платить «за себя и за того парня». Облегчая поборы, разумные владельцы делали своих «беломестцев» сильными торгово-промышленными конкурентами «черным» посадским людям.

В знаменитом промышленном селе Павлове — собственности князя Черкасского — уже в 1620-е гг. стояло 64 лавки, 10 харчевен и 11 кузниц, на 310 дворах занимались только ремеслом. В городах крепостные не только вытесняли местное ремесло и торговлю, но и захватывали самые доходные откупа. В одном Галиче им принадлежали нотариальные дела, торговля мылом, мельницы и воскобойни, извоз и водный перевоз, торговля овсом и сеном, дегтем и ворванью. Если население большинства городов выросло в 1620—1640-е гг. на 60%, то число беломестцев одного Спасо-Ярославского монастыря — почти в 12 раз!

На Земском соборе 1619 г. горожане настоятельно потребовали вернуть беглецов и закладчиков. Высшее духовенство, надеясь на поддержку патриарха, выступило за проведение сыска только у бояр. Но Филарет чувствовал себя хозяином всего государства: был объявлен всеобщий сыск и создан Сыскной

приказ. Срок сыска «черных» людей и дворцовых крестьян был установлен 10 лет, тогда как крепостных ловили 5 лет. Здравая мысль горожан отнести к посадским людям всех занимающихся торговлей и промыслами поддержки не нашла.

Дворяне, видя бездеятельность Сыскного приказа, ловили своих беглых по старинке. Но после смерти грозного Филарета на Земском соборе о начале войны с Турцией (1637) терпение их лопнуло. Дворянские выборные потребовали увеличить срок сыска беглых, в особенности укрывшихся во владениях монастырей и знати. Одновременно московские «черные» люди, а за ними казенные и дворцовые слободы били челом о возврате всех закладчиков.

Правительство испугалось. Дворянам дали на сыск 9 лет со дня заявления о беглецах, посадским — целых 25 лет, а во главе нового Сыскного приказа поставили царского любимца Репнина. Но обещания собору вскоре стали забываться. Тогда на Земском соборе о войне за Азов (1641) дворяне вместе с посадскими потребовали отобрать беглых и закладчиков у «сильных людей»: наиболее ретивые воины «с большим шумом» вломились во дворец и вручили челобитную перепуганному царю Михаилу.

Теперь беглых и закладчиков велено было искать 10 лет, а укрывшихся у «сильных» — все 15. Также было запрещено кабалить дворян в холопы, а по городам решено послать сыщиков. Глава Сыскного приказа взялся за дело так рьяно, что крупнейшие землевладельцы объединились против него. На следующий год сыщики были отозваны, а Репнин получил издевательский указ искать золото... в Тверском уезде.

Источники свидетельствуют, что, даже сыскав беглых или закладчиков, официально вернуть их через московские приказы, превратившие «волокиту» в могучее средство вымогания взяток, было почти невозможно. Не простые земские люди, а выборные участники второго Земского собора об Азове (1642) заявили царю: «Разорены мы пуще турецких и крымских басурман московскою волокитою и от неправд и неправедных судов». Любезным другом на свою беду взращенных Земскими соборами московских чиновников были богатые звонкой монетой иностранные купеческие корпорации.

Англичане получили право торговать по всей России беспошлинно, их конкуренты голландцы — с символической пошлиной, шведы платили таможне полностью, а восточные купцы пускались лишь в определенные города. Запрет на розничную торговлю обходился так легко, что даже английский посол Джон Меррик признал: «Иностранные негоцианты у

русских купцов хлеб изо рта вырывают». Бастионом русского купечества оставалась только Сибирь и Дальний Восток. Многочисленные требования русских торговых объединений защитить национальную торговлю и формирующийся капитал разбивались о кремлевскую продажность.

1. Каковы были сословные интересы дворян и горожан на Земских соборах? Были ли они удовлетворены в царствование Михаила Романова?

2. В чем был основной недостаток Земских соборов и кто получил наибольшую пользу из их решений?

§ 33. ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

Самое время задаться вопросом, могло ли государство Михаила Федоровича полностью удовлетворить настоятельные требования дворян и посадских людей, переловить всех беглых, выдать «закладчиков» и закрепить людей поголовно на барских полях и в казенных городах? Конечно, скорее всего страна взорвалась бы бунтом. Но даже при мирном исходе сыскной операции творческая энергия избежавших тягла хитрецов вместо бурного развития хозяйственной жизни попросту угасла бы под барской да казенной лямкой. Ведь из крепостной неволи и посадского тягла убегали прежде всего крепкие, зажиточные, головастые мужики. Голи не так страшны были налоги, ей и подняться на новом было трудно.

Гордые избранием на Земский собор представители дворян и горожан рвали на груди рубаху, призывая земляков отдать последние капли крови и копейки. Знать и чиновники знали, как все это с пользой для себя употребить. Тем временем простые люди, как их называли, — «черные» и «белые», тяглецы и беглецы, зажиточные и работные, а то и вовсе вольные гулящие люди, казаки, — успели создать мощную экономику, умножить и укрепить торговые связи, подвести страну к образованию всероссийского рынка.

Селяне и торговцы

В относительно мирные годы после Смуты число россиян быстро умножилось. Особенно расплодились крестьяне, составлявшие до самой революции 1917 г. подавляющее большинство населения. Они заново освоили разоренные центральные русские земли вокруг

столицы. В середине столетия пашня в Замосковном крае составляла около половины всех угодий, занесенных в государственные поземельные описания. Сотрудничая с местными народами, русские землепашцы и промысловики создали основу экономического процветания в Поволжье, на Урале и в Сибири, продвинулись далеко в южнорусские степи и на бескрайние просторы Дальнего Востока. Чувашей, например, русские крестьяне научили применять легкую соху вместо тяжеленного деревянного плуга, который должны были волочить две-три пары лошадей. Кроме того, чуваши стали строить по русскому образцу овины и молотить там хлеб цепами даже зимой. Но способ долгого хранения необмолоченного хлеба русские переняли у чувашей. Обмен хозяйственными приемами помог народам производить больше разных продуктов и оживить торговлю.

Далеко не всегда сельские труженики продавали излишки. Чтобы заплатить государевы налоги и помещичий оброк, им частенько приходилось через силу трудиться на рынок и отдавать скупщикам необходимые самим продукты. Русским и иностранным купцам, а особенно крупнейшему торговцу — государству, было выгодно по низким ценам скупать внутри страны зерно, лен, пеньку, ворвань, мед и воск, не говоря уже о мехах, а потом перепродавать их за границей. Ведь на Западе, после колонизации Америки, драгоценные металлы сильно подешевели и цены на товары возросли. Сохраняя на границах барьер цен, московское правительство изрядно наживалось само и давало возможность копить торговый капитал другим.

От перемещений огромных масс товаров по стране царь получал больше дохода, чем от всех прямых налогов. Таможни, стоявшие на самых важных узлах торговых путей, исправно собирали пошлины с торгового оборота и за провоз товаров. Так, только на астраханской таможне в день собирали до 1000 руб. пошлины (вдвое больше годового жалованья знатнейшего боярина). Объемы продаваемых и провозимых товаров бывали очень велики, особенно в крупных городах, портах и на ярмарках. Через десятилетия после Смуты многочисленные обозы тянулись по дорогам страны, караваны торговых судов, каждое из которых вмещало до 500 человек команды, шли по великим речным путям. За один год английские купцы сбыли в московских торговых рядах сукон на 10 тыс. руб., а из Архангельска отправилось за границу товаров на 1 млн 64 тыс. руб. Русские купцы ездили с товарами в Западную Европу, Персию, Китай и Индию.

Помимо сырья и промышленных товаров, купцы везли массу съестного, умудряясь, например, доставить свежую волжскую

белорыбицу на север, а беломорскую рыбу — на юг страны. В Москве за один день купец Свежего рыбного ряда продал стерлядей, щук и судаков почти на тысячу рублей, а мясной торговец — 243 пуда свинины и «тетеревов стреляных 300 штук»! Такая крупная торговля не наладилась бы без массы производителей товара и мелких скупщиков, доставлявших его оптовикам.

И точно. По описанию 1620-х гг. видно, что в одном только Устюжском уезде деревенские богатеи завладели почти 45% дворов крестьян, которые отныне трудились «исполу» — отдавая половину продукта хозяевам. А те еще и скупали зерно, продавая его партиями от 300 до 3 тыс. пудов. Из крестьян вышло немало воротил нарождающегося всероссийского рынка: Глотовы из села Карачарова (родины Ильи Муромца), Федотовы-Гусельники, Шангины из Коми-края, Калмыковы из нижегородских крепостных и многие другие.

Там, где явился слой богатых, непременно оказывается огромное количество обделенных и бедных. Впавшие в нищету крестьяне поставляли целую армию наемных работных людей — на рудники, соляные варницы, заводы, мастерские, промыслы, в торговый флот и т. д. Из них преимущественно комплектовали заведенные при Михаиле Федоровиче солдатские полки. Крестьянская голытьба и даже беглые записывались в гарнизоны укрепляемой правительством Белгородской засечной черты на южных рубежах.

Ремесло и промышленность

Увлекшись работой на рынок, крестьяне со временем превращали некоторые села в крупные промышленные пункты: Лысково, Мурашкино, Павлово, Иваново, Спасское и др. Коли уж домовитые селяне переходили на ремесло и промыслы, оставляя землепашество, легко представить, сколь много обнищавших и лишившихся крова крестьян устремлялось в города. В 1620—1640-е гг. городское население увеличилось примерно на 60%. По неполной переписи, проведенной после смерти Михаила Федоровича, в России насчитывалось 254 города, а в них — 80 тыс. дворов.

27 тыс. дворов приходилось на столицу — центр ремесла, промышленности и торговли. Только 8,5 тыс. дворов принадлежало налогоплательщикам. Но и 10 тыс. дворов стрельцов, и множество крепостных беломестцев вносили свой вклад в товарное производство. Занимались кто чем — всего в это время было более 200 ремесленных специальностей. Например, одежду делали портные, сарафанники, свитники, кафтанники и

шубники. Такое разделение труда было весьма полезно для наполнения рынка товарами.

Мастерские бывали очень большими, но уступали мануфактурам — крупным промышленным предприятиям с изрядным количеством работников, разделением труда и механизмами, приводимыми в действие водой. Больше всего известны казенные мануфактуры, например Пушечный двор, который еще в XVI в. изготовлял огромные пушки и колокола. При Михаиле Федоровиче Пушечный двор заново отстроили из камня, снабдили вододействующими машинами: тяжелым молотом и пороховыми мельницами. Число мастеров, не считая многочисленных подмастерьев и рабочих, выросло до 100 человек.

В Оружейной палате после Смуты работало только 14 человек, в 1627 г. — уже 66, а к середине века она стала мощным многоотраслевым предприятием по производству художественного и технически передового личного вооружения. Здесь разгадывались секреты западных мастеров, дублировались и усовершенствовались системы оружия всех стран, разрабатывались собственные изобретения. Крупными мануфактурами стали Серебряная и Мастерские палаты в Кремле. В крупнейшие казенные мануфактуры выросли дворы-монополисты: Печатный, издававший книги, и Монетный. Хамовный двор в дворцовой Кадашевской слободе на сотне станков производил ткани множества сортов и расцветок.

Знаменитые тульские кузнецы были переведены в «государевы казенные самопальные мастера». Благодаря их мастерству русская армия уже во второй половине века в достатке получала превосходное унифицированное оружие. Железный завод под Тулой основал голландец Андрей Виниус, но дело отбил у него датчанин Петр Марселис. В 1648 г. два завода с доменными печами давали ежесуточно 100—120 пудов чугуна (во второй половине столетия заводов стало семь). С тульскими спорили уральские металлургические заводы, дававшие железо и медь. Все они были частными, как и мощные соляные варницы, производившие огромное количество драгоценного в те времена продукта: пищевой соли.

Крупные предприятия по обработке металла, помимо Москвы и Тулы, были в Ярославле, Тихвине, Устюжне Железнопольской, Великом Устюге, Холмогорах и Соли Вычегодской. В лидеры кожевенного дела вышли Ярославль, Кострома, Вологда, Нижний Новгород и Казань. Канатные дворы действовали в Холмогорах, Вологде и Архангельске. Их продукция обеспечивала немалую часть такелажа (канатного оснащения)

английского, голландского и других флотов. Когда те сходились в морском сражении — с обеих сторон ядра из русского чугуна крушили русские паруса и канаты на мачтах из русского леса. Духанинский завод, возведенный под Москвой шведским купцом, наладил выпуск славной до сих пор столовой посуды. Были даже специализированные города, например основанный промышленниками Гурьевыми г. Гурьев, жители которого занимались заготовкой рыбы.

Промышленность в России, как и в Западной Европе, развивалась прежде всего на вольнонаемном труде. Для этого нужны были крупные капиталы. Они имелись у богатых землевладельцев, но мало кто из них, кроме самого царя, решался вести масштабные торгово-промышленные предприятия. Поэтому среди воротил рынка, кроме нескольких аристократов и иностранцев, видны в основном предприимчивые выходцы из горожан и крестьян.

Государство обязано было считаться с этими людьми. Вскоре по воцарении Михаил Федорович освободил богатейших из них — гостей, членов Гостиной и Суконной сотен — от посадского тягла и пожаловал им право свободного проезда за границу и владения вотчинами. Судить их отныне мог только царь или его казначей. Но привилегированные купцы и промышленники получали милости недаром: им поручали торговать казенным товаром, возглавлять царские предприятия, нередко требовали от них крупных пожертвований и займов.

Смоленская война (1632—1634)

Поводом для больших поборов издавна служила военная угроза. Ни один купец не мог отказаться платить, коли речь шла об отражении неприятеля. В царствование Михаила Федоровича правительство громогласно проявляло заботу о святом деле — возвращении захваченных поляками русских земель. Патриарх Филарет упорно готовился к войне. Проникнувшись в заграничном плену глубоким почтением к наемным армиям, хозяин страны не жалел денег на закупку западного вооружения и приглашение наемников. Шведы, немцы, англичане, французы и храбрые шотландцы устремились на русскую службу — от полковников до рядовых.

Собрав около 4 тыс. наемников, Филарет сформировал на их базе рейтарский, драгунский и восемь солдатских полков общей численностью 18 тыс. человек. Всего в стране под ружье было поставлено более 100 тыс. человек, из коих более 80 тыс. двинулось в конце 1632 г. на запад. Воинов изрядно обу-

чили, обеспечили запасы хлеба и денег на жалованье, политический момент выбрали удачно: Польша, увязшая вместе с другими западными странами в Тридцатилетней войне (1618—1648), осталась без короля. Напали на Польшу внезапно, до окончания срока мирного договора.

Поражение России было тем более неожиданным и сокрушительным, что в начале войны ее полкам с радостью сдались 15 некогда захваченных поляками городов. В новообретенном Дорогобуже были устроены передовые военные склады, а весной 30-тысячная главная армия начала осаду Смоленска. Но славный союзник России — шведский король Густав-Адольф — пал в битве при Люцене, турецкий султан не вступил в войну, а крымская орда вторглась в южные пределы России. Перед лицом грозной опасности поляки оставили распри и избрали королем Владислава — того самого, которому московские бояре целовали крест в Смуту. Король устремился к Смоленску, провел в город подкрепление и обоз, оттеснил русских и осадил их в полевых укреплениях. Смелым рейдом его кавалерия уничтожила склады в Дорогобуже.

Не получая подмоги, припасов и денег, видя, как стремительно тает армия от дезертирства, голода и болезней, русский командующий Михаил Шеин склонил знамена перед королем Владиславом. 19 февраля 1634 г., оставив больных и тяжелое вооружение, дав обещание не участвовать в продолжении войны, Шеин вывел из окружения 8 тыс. измученных воинов. Спасая остатки армии, воевода знал, чем рискует. Вскоре ему и его помощнику по приговору бояр отрубили головы.

Слухи о зависти и ненависти бояр к Шеину, героически оборонявшему Смоленск в Смуту, были оправданы. Но московские злоязычники не смогли обеспечить оборону от Крымской орды — и масса дворян бежала из армии спасать своих родных и пожитки. Бояре, посланные с подмогой, под Смоленск не пошли. В довершение бед умер от огорчения вдохновитель войны патриарх Филарет. Почти все воеводы отвоеванных было русских городов сдались полякам. Владислав шествовал на Москву, напоминая боярам, что он их законно избранный государь и собирается занять свой престол.

Народное сопротивление

Почему же король не дошел по прямой Волоколамской дороге до охваченной паникой Москвы, кто остановил победоносных польско-литовских рыцарей, когда едва не все русские войска на западе сдались? С самого начала войны по всей полосе боевых дей-

ствий и выходя за нее развернулось стихийное движение крестьян. Они создавали отряды «казаков» и «шишей», громили сначала усадьбы ненавистных дворян-шляхтичей, служивших Польско-Литовскому государству, а затем помещиков без разбора. К крестьянским атаманам Ивану Балашу, Анисиму Чернопруду, Ивану Теслеву и другим из скованной под Смоленском русской армии бежали отряды солдат, переходили казаки. К ним пробирались ратники из Вязьмы и Можайска, посадские люди и крестьяне из Москвы, Поволжья, Урала и даже Сибири. В западных уездах поднималась народная война, которой боялись в Москве не меньше, чем в королевском стане.

Но не вся знать испугалась народа. Воевода крепости Белая князь Федор Волконский в дополнение к своему отряду дворян, казаков и стрельцов вооружил и обучил окрестных крестьян. С лета 1633 г. они развернули партизанскую войну в пограничных уездах, громя королевские отряды и отсылая в Москву десятки пленных. Раздраженный вестью о гибели посланного против Белой карательного полка, Владислав свернул с прямого пути на Москву, чтобы уничтожить непокорный городок. Молодой, но опытный и неустрашимый воевода ждал этого, укрепляя деревянную крепость земляными фортами и обучая гарнизон.

Королевские войска явились к Белой окрыленные победами, с 15-кратным превосходством в живой силе, с пушками и мортирами (верховым нарядом), метавшими 3,5- и даже 7-пудовые разрывные бомбы (нарядные ядра). Но стойкость защитников Белой и искусство их обороны были незаурядными. Вскоре литовский канцлер Радзивилл предложил назвать город Красным, потому что он весь полит кровью. Что за люди стояли в Белой насмерть, тогда как другие сдавались, что у них был за особый характер? Попробуйте ответить, вдумавшись в слова участника событий.

Из летописи князя Федора Федоровича Волконского:

Сам король Владислав, и королевич Казимир, и гетманы с полковниками, и с ротмистрами, и с капитанами, и всеми начальными и ратными польскими, и литовскими, и немецкими людьми, и с нарядом большим и с огненным, своим злым умышлением... пошли от Смоленска к городу Белой, слышав про то, что на Белой в городе небольшие люди. И хотя... город Белую взять, и осадных людей страхом и своим многолюдством устрашить, и иными своими прелестями прельстить, и на то осадных людей привести, чтобы устрашась его (королевского) злохищного умысла, город сдали. И с тем к осадным людям с большими грозами разных полковников и всяких чиновников присылает, чтобы город сдали, не дожидаясь его королевского гнева: «А будет они

города не сдадут — и король велит над городом всякими обычаями промышлять, возьмет город без всякой мешкоты, а воеводе вашему и всем градским сидельцам — всем будет без пощады смерть, чтоб, не дожидаясь на себя королевского гнева, город сдали».

А по государеву указу на Белой был стольник и воевода князь Федор Федорович Волконский, а с ним дворяне, и дети боярские, и стрельцы, и казаки, и тутошние бельские и уездные люди. И стольник и воевода князь Федор Федорович, и... всяких чинов люди, видя такое злое королевское ухищрение, и над городом промысел, и всяческие его прелести, прося у Бога милости и у пречистой Богородицы и у московских чудотворцев помощи, не устрашаясь его королевского промысла и не смутясь на его прелесть, устремились на смерть и уцеломудрились на то, чтоб скорее им всем за святые Божии церкви, и за православную веру, и за государево крестное целование в граде помереть, чем королевских гроз устрашиться или на приказы его прельститься. И помолясь на том все единодушно, и между собой все целовали святой и животворящий крест Господень, и прося у Бога милости, засыпав врата градские, сели насмерть.

Король же Владислав... и вся Посполитая Речь, и все чиновники, распыхавшись великими злобами, облегли град Белую со всех стран, поставя вокруг града многие остроги и земляные городки, и шанцами (окопами) весь град окопали. И сели у града по рву, и многие подкопы под град подвели, и многими приступами приступали со всех сторон. Из большого наряда (пушек) по городу били, и из верхового наряда всякими составными нарядными ядрами в городе зажигая, и на многих приступах и руками градские стены зажигали, и подкопами башни вырывали, и градские стены из пушек разбивали. И всякими злоухищными промыслами над градом вымышляли, как бы град взять. И воеводу, и осадных людей за их жестокосердие смерти предать хотели.

И... никакими своими вымыслами города не взяли. А под городом на приступах и на вылазках у короля многих польских, и литовских, и немецких людей побили, а иных живых в город поймали. И стоял король под городом 8 недель и 3 дня. И видя то, что многих у себя в полках людей потерял, а города не взял и никакой прелестью не прельстил, ушел от града.

Отказавшись во время жестоких боев за Белую от претензий на московский престол, король Владислав при отступлении уже не требовал и ежегодной дани в 100 тыс. руб. Для спасения воинской чести ему любой ценой нужна была Белая — при заключении Поляновского мира на 20 лет (1634) он отдал за ее развалины город Серпейск. Московское правительство вместе с землей уступило полякам бельских городских и уездных жителей, но князь Волконский не выполнил это условие. Все 47 оставшихся в живых белян — героев обороны — были приведены им в Москву. Победители прошли по улицам Мос-

квы и торжественно повесили в Успенском соборе восемь взятых у неприятеля знамен. По специальному указу царя партизаны получили землю и волю как поместные казаки.

Жизнеописания: Ф. Ф. Волконский

Федор Федорович Волконский, представитель захудалого, но славного и гордого рода потомков св. князя Михаила Черниговского. Начал службу в одном из низших придворных чинов стряпчего, за отвагу в сражении с Владиславом под Москвой в 1618 г. был сделан стольником. Побывал в тюрьме и ссылке из-за местнических споров с придворными аристократами. Вновь оказывался «в чести», командуя кавалерийскими полками в боях на юге. В 1634 г., воеводствуя в крепости Белая, заставил Владислава свернуть с пути на Москву. Польскому парламентеру, указавшему на капитуляцию главнокомандующего Шеина, примеру которого последовали коменданты 14 городов, ответил: «Князю Волконскому Шеин не в образец!» Воевода лично водил бойцов на отражение штурмов и постоянные вылазки. Когда король захотел было оставить осаду и двинуться на столицу, князь напал на его лагерь, уничтожил лучший Померанский полк и взял 8 знамен. Теперь враг не мог отступить, не уронив шляхетской чести. После Поляновского мира князь стал окольничим, доверенным лицом и постоянным спутником царя Михаила Федоровича, возглавлял Челобитный и другие приказы, вел переговоры со многими странами, воеводствовал в Астрахани. По возвращении оттуда был одним из трех главных составителей Соборного уложения 1649 г. Когда оно утверждалось Земским собором, Волконский уже спешно формировал и обучал солдатские полки на севере, где грозили шведы. За год построил г. Олонец и пограничные укрепленные районы. Во время Псковского восстания 1650 г. въехал в город без охраны, предложил разъяренной толпе сложить оружие и выдать ему зачинщиков бунта. Воеводу не убили только потому, что передрались из-за способа казни. По окончании восстания князь был отпущен, получил боярство, но не одобрил «бесчестного» мира с бунтовщиками. Как великий посол, Волконский в последний раз миром предлагал польскому королю соблюдать права украинского и белорусского народов (1652). В тяжелый период войны с Польшей стал воеводой Киева, сформировал из своей охраны и разрозненных воинов отряд, бросил его в глубокий тыл неприятеля, взял пять городов и заставил армию поверить в победу (1654). Князь много лет занимал высшие административные и дипломатические посты, реконструировал главный оборонительный рубеж Москвы, выстроил храм Спаса Нерукотворного (недалеко от Исторического музея), составил летопись. В 1622 г., когда российские войска были стянуты к западным границам страны, на востоке вспыхнуло восстание племенной знати. С тремя полками московского гарнизона старик Волконский поспешил на спасение мирных жителей, отбросил кочевников за Каму и установил на ней прочную оборону. Затем князь неотступно преследовал злодеев, усмирил их и освободил тысячи рабов. Объявив стрельцам и солдатам благодарность за службу «с великим радением», умер в Казани. Награжден посмертно (1665).

Азовское взятие

Огромные средства, затраченные на Смоленскую войну, не возвратили России потерянные в Смуту города, кроме Серпейска. Об отвоевании российских земель у еще более сильной Швеции не было и речи. Правда, русские и карелы, оказавшиеся за границей, массами бежали в Россию от шведских да немецких помещиков и лютеранских пасторов. Царское правительство в страхе перед соседом пыталось возвращать беглецов обратно, но в конце концов откупилось — выплатило шведской короне за переселенцев солидную сумму (190 тыс. руб.).

По-иному выглядела южная граница, непрестанно горевшая в огне крымских набегов. Мощная оборонительная Белгородская черта, включившая 29 только новых городов, требовала огромного количества «приборных людей»: стрельцов, солдат, драгун, казаков и прочих пограничных стражей. На несколько десятилетий южные районы, где иногородним помещикам запрещено было приобретать земли и откуда само правительство не всегда выдавало беглых, стали раем российской вольницы. В западных уездах участники Смоленской войны превратились в степенных поместных казаков, в Сибири необъятные просторы манили вольных людей, которые в 1640—1650-х гг. прошли уже Дальний Восток.

Жизнеописания: С. И. Дежнев

Семен Иванович Дежнев (ок. 1605 — ок. 1672) — русский полярный мореход, казак, устремившийся на восток по Ледовитому океану вслед за множеством россиян, проложивших пути своих предназначенных к путешествиям за Полярным кругом судов — кочей к устьям великих сибирских рек. В 1641 г. Дежнев в составе экспедиции казачьего десятника Михаила Стадухина прошел от Оймякона до Колымы, остался там с дружиной и отстоял русский форпост от воинственных юкагиров. Летом 1648 г. Семен с командой до 100 человек на 7 кочах вышел с Колымы в бурное море. Только три коча пробились к северо-восточной оконечности Азии, ныне носящей имя мыс Дежнева. Здесь море разбило коч под командой Герасима Анкудинова, но людей удалось спасти. Кочи Дежнева и холмогорца Федота Алексеева прошли через пролив между Азией и Америкой, доказав существование пути из Северного Ледовитого в Тихий океан. Шторм унес коч Алексеева на Камчатку, команда его погибла. Коч Дежнева выбросило на пустынный берег южнее реки Анадырь. 10 недель добирались 24 первопроходца, «пути себе не зная», до Анадыря, где провели страшную голодную зиму. К весне 1649 г. их осталось 12. Они построили лодки, поднялись по Анадырю и основали зимовье — Анадырский острог. Уже на следующий год к нему подошли с Колымы сушей отряды Стадухина, Моторы и Селиверстова. Новые земли были закреплены за Россией.

А донское казачество к югу от Белгородской черты бурлило, возмущаясь тем, что турки своими азовскими укреплениями закрыли выход в море. «Войску Донскому стало тесно». Недолго радовались турки. В 1637 г. Стамбул и Бахчисарай, Москва и Варшава были потрясены известием о падении Азова. Несколько тысяч донцов и запорожцев, крестьян и приборных людей под предводительством атамана Михаила Татаринова, при четырех пушках, осадили считавшуюся неприступной крепость, имевшую 11 башен, сильный гарнизон и 200 орудий. Турки насмехались над осаждающими, но через 8 недель те подорвали стену и в трехдневной сече взяли город.

Теперь крымский хан перестал нападать на Россию, а ногайцы приняли московское подданство. В восстановленный Азов стекалось русское население, оживилась восточная торговля. Султан не мог этого снести. Едва завершив войны с Ираном и Венецией, турки двинули на Азов бесчисленное войско под командой четырех главных воевод — пашей, с сотней могучих стенобойных орудий и западными специалистами (1641). Несмотря на то что соотношение сил доходило до 40 к 1 в пользу турок, султан Ибрагим I велел предложить казакам почетные условия сдачи. Казаки посмотрели со стен на тьму-тьмущую турок и дали ответ:

«Где полно ваш Ибрагим, турецкий царь, ум свой дел?.. Или у него, царя, не стало за морем злата и серебра, что прислал он под нас, казаков, ради кровавых казачьих зипунов четырех своих пашей?! И то вам, туркам, самим давно ведомо, что с нас по сию пору никто наших зипунов даром не забирал с плеч наших... Потерять вам под Азовом городом турецких голов своих многие тысячи, а не видать его вам из рук наших казачьих и до века!»

14 дней и ночей шла ужасная битва, когда турецкое командование запросило для своей 200-тысячной армии подмоги и перешло к активной осаде. Хотя укрепления Азова были стерты с лица земли, в инженерной войне западные мастера потерпели поражение. После 24-го штурма главнокомандующий предложил отступить, но получил от султана ответ: «Паша, возьми Азов или отдай свою голову». Однако армию султана нельзя было заставить идти в бой.

Турки ретировались, но из казаков атамана Осипа Петрова осталась в живых половина. Они просили царя включить Азов в состав Русского государства. В январе 1642 г. в Кремле состоялся Земский собор о судьбе Азова. Все выборные «лучшие и в уме неоскудные люди» понимали значение Азова для господ-

ства в регионе. Все готовы были принести жертвы ради победы в войне. Но в итоге Азов решено было оставить. На первый план выдвинулись наболевшие внутренние проблемы страны.

Еще правительство Филарета, долго обходившееся без соборов, дважды призвало земских представителей во время Смоленской войны. Оба собора дали согласие на сбор тяжкого налога — пятинных денег, но надежды на пополнение казны не оправдались. Правдами и неправдами народ значительную часть денег не дал. Именно тогда правительству пришлось пересмотреть заявление, что главным в борьбе с Польшей является «государева честь». Отныне оно призывало народ к защите «православной христианской веры». Земские соборы 1636—1639 гг. выявили единодушие в деле защиты страны от крымской угрозы: сословия дали денег и людей для укрепления границы и потребовали более жесткой дипломатии. При этом купечество и горожане недоумевали, почему их деньги посылаются в Крым как «поминки» (подарки) для задабривания врага, а главное — когда налоги станут собирать справедливо, со всех чинов?!

На Земском соборе 1642 г. царь услышал, что его чиновники страшнее для народа, чем любой неприятель, что несправедливость торжествует повсеместно: в утаивании налогов богатыми и обдирании бедных, в воеводских притеснениях и неправедных судах, в привилегированном положении знати и церкви по сравнению с простыми дворянами, а иностранных купцов — с русскими. Вопрос о взимании налогов по истинному числу дворов, а не старым описаниям и искаженным в угоду сильных мира сего подсчетам, стоял так остро, что, казалось, «боярам от земли быть битым».

Михаил Федорович поспешил закрыть этот последний в его жизни собор, хотя участники предложили дельные советы по укреплению и удержанию Азова. Казакам было приказано оставить крепость, что они и сделали, разнеся Азов по камешку. Разрыва с Турцией удалось избежать: слишком явно война обнажала общественные противоречия, которые царь не в силах был разрешить. Ведь только изредка нарушаемый мир позволил стране довольно быстро оправиться после страшнейших ударов опричнины и Смуты. Хозяйство возродилось, богатство и сила страны возросли. Но общественный кризис был не разрешен, а только притушен всенародным избранием царя и поддержкой самодержавия сословным представительством. Оставался вопрос: сколь долго еще благодетельный мир будет отдалять неизбежный в отсутствие глубоких реформ взрыв народного гнева?

??

1. Что заставляло сельское хозяйство работать на рынок?

2. В чем были особые выгоды российской торговли и почему для купцов так важно было бороться с привилегиями иноземных негоциантов?

3. Какие промышленные центры и мануфактуры вам запомнились?

4. Кто прославился в Смоленской войне и Азовском взятии?

Глава 11
ВЕЛИКАЯ, МАЛАЯ И БЕЛАЯ РОССИЯ

§ 34. ГОСУДАРСТВО И НАЦИЯ

В середине XVII в. все более заметными становятся явления, говорящие о постепенном, но неуклонном складывании российской нации. Что же это такое, нация? По-латыни natio — народ, но не простонародье, обычно противостоящее власть имущим, а все люди одного языка и племени, все сословия, от царя до холопа. Нация подразумевает единство, общность языка и культуры, хозяйственной жизни, территории, наконец, государства. Появление на мировой арене нации — долгий и трудный исторический процесс.

Люди одной национальности — рода, языка и культуры — не всегда могут наладить общую хозяйственную жизнь, зачастую терпят поражение в попытке удержать свою территорию и создать крепкое государство. Лидерам разных национальностей и даже наций часто выгодно разжигать страх и ненависть по отношению к другим народам. Возвеличивая свою общность и вызывая недовольство ею иных, национальные лидеры возвышаются среди соотечественников и заставляют их смыкаться вокруг себя. Национализм — страшный бич человечества.

Формирование российской нации, к счастью, обошлось без ужасов национализма. Оно было сложным и длительным, но весьма важным явлением в истории человечества. В суровом XVII в. царское правительство не уничтожало своеобразие языков, традиций, хозяйства и даже территорий входивших в державу народов и племен. Документы свидетельствуют о многочисленных злоупотреблениях властью и притеснениях инородцев со стороны воевод или атаманов. Те же источники ясно говорят о суровых наказаниях подобных злодеев и восстанов-

лении прав народов: например, о возвращении тунгусам их исконных кочевий.

Русское государство было гарантом мира и стабильности на своей территории. Русский язык не навязывался, но в тесном контакте с другими обогащался и постепенно становился языком межнационального общения на территории огромной державы. Русская культура, вбирая высшие достижения множества народов, объединяла и развивала культуры всех национальностей. Экономика находилась в процессе объединения в единую систему за счет развития производственных и торговых связей, в конечном счете выгодных всем народам России.

На пути образования российской нации имелись и серьезные препятствия. Наиболее очевидное из них — то, что немалая часть самих россиян долгое время оставалась под властью иных государств. Своеобразие языка и культуры украинского и белорусского народов было крайне важным для обогащения всероссийской нации, их территории составляли важную часть ее исторического ядра. Но помощь украинцам и белорусам в освобождении от иноземного владычества означала тяжелую войну.

Вторым важнейшим препятствием была сама общественно-политическая организация России. Думать, будто власть четко осознает национальные интересы и тем более стремится служить им — непростительная наивность и глубокая ошибка. Ведь общие интересы нации складываются из потребностей и прав личностей, их больших объединений (в XVII в. — прежде всего сословий). Их максимальное удовлетворение, при соблюдении разумного равновесия и взаимных уступок (компромисса) между государством, сословиями и личностями, приносит всей стране богатство, силу и славу.

Беда в том, что правители испокон веков путают свое благополучие с общим благом и свое благоденствие — с процветанием нации. Поскольку государственный аппарат принадлежит господствующему сословию или даже одной его верхушке, оно используется прежде всего для эксплуатации всех остальных в пользу хозяев. Однако система власти держится не только на силе. Народу внушается, что государственные интересы и есть национальные, что государственное благо — то же самое, что благо общее. Это особенно тягостно, когда в стране отсутствует (или крайне слаб) механизм законного народного волеизъявления. Тогда вразумление правителей отдается на волю народных бунтов, национальных восстаний, военных и экономических катастроф.

Царь-солнце **16-летний Алексей Михайлович как единственный наследник был возведен на престол летом 1645 г., потеряв одного за другим отца и мать. Здоровый и румяный, добродушного и веселого нрава юноша имел множество достохвальных в глазах современников качеств. Он был чрезвычайно благочестив, любил священные книги и обряды, тщательно соблюдал традиции, являлся превосходным хозяином и страстным охотником (особенно отличаясь в тонком искусстве сокольничего). Царь самолично написал гору писем, весьма почитал литературу и искусства, поощряя литераторов, музыкантов, художников, архитекторов и прочих служителей Муз.**

Все свое тридцатилетнее царствование Алексей Михайлович совершенствовал и ежедневно соблюдал дворцовый церемониал, неустанно придавая всем его деталям — начиная с одежды и украшений и кончая декоративным фоном, музыкой, поэтическими речами — державную торжественность и величие. В этом он желал превзойти — и превзошел все монаршие дворы мира, прежде всего французский. Для путешественников того времени очевидно было заочное соревнование между двумя монархами — Алексеем Михайловичем и Людовиком XIV. Оба они прославлялись в придворной литературе (причем выражение «царь-солнце» вошло в поэтический оборот несколькими годами раньше, чем «король-солнце»), оба истово заботились о ритуале и блеске своих дворов, выездов, охоты...

Король-солнце превратил свою резиденцию Версаль из скромной деревушки в грандиозный архитектурный ансамбль. Царь-солнце украсил Кремль, который был виден за 15 верст, «восхищая взор своей красотою и величием, своею возвышенностью, множеством башен и куполов церковных, сверкающих золотом». Сказочный Коломенский дворец стал одной из роскошных загородных резиденций царя Алексея. «Двор московского государя, — заметил член свиты английского посла в Москве, — так красив и держится в таком порядке, что между всеми христианскими монархами едва ли есть один, который бы превосходил московский. Все сосредоточивается около двора. Подданные, ослепленные его блеском, приучаются тем более благоговеть перед царем и почитают его почти наравне с Богом».

Однако почести, воздаваемые двум самым блестящим монархам, не ограничивали их сходства. Как Людовик XIV не был самостоятельным правителем, так и Алексей Михайло-

вич, по выражению историка Н. И. Костомарова, «сам себя считая самодержавным и ни от кого не зависимым, был всегда под влиянием то тех, то других». Сначала впечатлительным юношей управлял его воспитатель боярин Борис Морозов, затем — родственники царицы Милославские, а несколько лет истинным властителем страны был патриарх Никон...

Именно выходцы из низов, вроде сына мордовского крестьянина Никиты Минова, в монашестве Никона, мелкого дворянина Афанасия Ордина-Нащокина и сына дьяка Артамона Матвеева, отличаясь целеустремленностью, характерами крутыми и властными, умели прибрать к рукам государственное управление. Двое последних даже стали на время первыми министрами, подобно кардиналу Арману де Ришелье. Малочисленная Боярская дума, насчитывавшая около 70 человек, из них всего 23—25 бояр (многие из которых пребывали на воеводствах вне столицы), имела политическое влияние главным образом через лично близких царю придворных, отличавшихся, как правило, высокими моральными качествами.

Среди аристократов выделялся прославленный мягкостью и полным отсутствием сребролюбия князь Никита Одоевский. На погребение сына этого знатнейшего боярина царь дал денег с запиской: «Впрямь я узнал и проведал про вас, что кроме Бога на небе, а на земле кроме меня, никого у вас нет». Ровесника царя Петра Салтыкова хвалили за редкое благоразумие и непоколебимую преданность. Из родов менее знатных признанный хозяин огромного дворцового ведомства Богдан Хитрово слыл человеком кротким и неутомимым ходатаем за обиженных. Родиона Стрешнева царь считал вообще не подверженным человеческим страстям. Федор Ртищев истово покровительствовал просвещению и даже умирая поставил непременное условие, чтобы новые хозяева хорошо обходились с его крепостными крестьянами. Приближенные ко двору родственники царицы Марии Ильиничны, в девичестве Милославской, не отличались такими нравственными достоинствами, но проявляли изрядные умственные способности.

Суровые, жестко блюдущие интересы государства полководцы вроде князей Юрия Долгорукова и Григория Ромодановского редко бывали в доверительных отношениях с государем (за исключением разве что Федора Волконского). Самодержец отдавал им должное, награждал и назначал на командные посты, опасаясь в то же время задевать представления князей о традициях службы. «Не имея сил действовать прямо и открыто, — заметил историк С. М. Соловьев, — Алексей Михайло-

вич, как все люди его характера, уходит, прячется, распоряжается тайком, чтобы избежать сопротивлений, неудовольствий; он заводит свой собственный приказ, приказ Тайных дел, из которого посылает бумаги, собственноручные письма, наказы, о которых никто не должен знать, кроме получающего».

Видя в положении и характере сходство двух «солнечных» самодержцев, следует, однако, обратить внимание на безупречную личную жизнь Алексея Михайловича. Он обожал свою супругу Марию Ильиничну, от которой имел 13 детей (в том числе будущих царей Федора и Ивана и правительницу Софью). После ее кончины царь женился на воспитанной в западном духе Наталии Кирилловне Нарышкиной (она родила трех детей, в том числе Петра). Внимание к молодой жене заставило пожилого государя создать во дворце театр и даже устраивать танцы...

«Тишайший» самодержец и примерный семьянин был в то же время сыном своей эпохи, в которой жестокость, грубость и самодурство представлялись естественными. Царь мог одновременно подавать милостыню нищим и диктовать указ о казни. «Утешаясь», он приказывал опоздавшим на службу стольникам купаться в ледяном пруду. Однако затем «жаловал» и звал к столу, так что, как сам заметил, «многие нарочно не поспевают» к службе. Даже в Думе царь временами выражался непечатно, а за хвастовство и пустословие мог боярина тут же оттаскать за бороду и выбить за дверь пинком. «Изумительно, — писал иностранец, — что при неограниченной власти над народом, привыкшим к совершенному рабству, он не посягнул ни на чье имущество, ни на чью жизнь, ни на чью честь». Ничего удивительного, самодержавие, позволявшее выплеснуть царский гнев на любого, способствовало несклонности царя копить обиды.

Вспыльчивый, экзальтированный, но отходчивый характер Тишайшего раскрывается в его письме одному из лучших полководцев, служившему России не жалея сил и даже собственных средств, князю Григорию Ромодановскому. Тот провинился, по-своему распорядившись войсками, в убеждении, что на месте ему виднее. Царь думал иначе: к счастью, весь гнев Алексея Михайловича улетучился, излившись на бумагу.

Из царского письма Г. Ромодановскому:

Врагу креста Христова... князь Григорью Ромодановскому: воздаст тебе Господь Бог за твою к нам, великому государю, прямую сатанинскую службу... Ты Божие повеление и наш указ конечно исправил, по-

добно тому, как Иуда продал Христа... Велено было тебе отпустить к стольнику Семену Змееву в полк наших ратных людей для Божьего и нашего скорого дела. И ты приказал послать их так стройно, и крепко, и всякой нашей милостью утверждая, что, пять верст отойдя, пришли (обратно) к тебе в полк...

Воспомяни, окаянный, кем взыскан? От кого пожалован? На кого надеешься? Куда деться? Куда бежать? Кого не слушаешь? Перед кем лукавствуешь? Самого Христа явно облыгаешь и дела его теряешь! Ведаешь ли бесконечную муку у Него... кто пред государем своим лукавыми делами дни свои проводит, и указы переменяет, и их не страшится. В конец ведаем, завистник и верный наш непослушник, как то дело ухищренным и злопронырливым умыслом учинил; а товарища твоего, дурака и худого князишка, пытать велим, а страдника Климку велим повесить!

Бог благословил и передал нам, государю, править и рассуждать людей своих на востоке, и на западе, и на юге, и на севере вправду. И мы Божии дела и наши, государевы, на всех сторонах полагаем, смотря по человеку. А не всех сторон дела тебе одному, ненавистнику, делать, потому что невозможно естеству человеческому на все стороны делать, один бес на все страны мечется... И если ты желаешь впредь... в нашем государевом жаловании быть по-прежнему, и тебе бы, оставя всякое упрямство... послать к стольнику Змееву тотчас полк рейтар да полк драгун, дав им денежное жалование.

«Бунташные» годы

В последние годы первой половины XVII в. три сильнейшие монархии Европы были потрясены восстаниями, в которых ведущую роль играли налогоплательщики-горожане. Дальше всех пошли англичане: в 1648 г. они разгромили армию Карла I, а на следующий год отрубили королю голову и провозгласили республику. Во Франции «парламентская фронда» выступила только против правительства Мазарини (1648—1649). Россияне, под стать французам, видели источник своих бедствий в правительстве, а не самодержце. Как и в Париже, в Москве 1648 г. народ восстал после того, как податные сословия и мелкие служилые люди не смогли добиться удовлетворения своих нижайших просьб и установления порядка в государстве. В городах вся тяжесть налогов, увеличившихся за 50 лет чуть не вдвое, приходилась менее чем на 30% дворов — остальные были заняты неплательщиками: «беломестцами» и «служилыми по прибору». Слезные челобитные оставались без ответа.

Правительство боярина Морозова снизошло лишь к купечеству. По челобитной купцов 1 июля 1646 г. была отменена беспошлинная торговля иностранцев. Только англичанам это стоило около 40 тыс. руб. (50—60 тыс. фунтов стерлингов) в

год. В 1649 г., после казни короля, Алексей Михайлович вообще закрыл страну для англичан и обратился к европейским государям с пламенным призывом объединиться для уничтожения опаснейшей всем монархиям революционной заразы. Царь призывал безуспешно, а огромную русскую армию, предложенную для разгрома «железнобоких» войск парламента, изгнанник Карл II не принял (хотя деньги брал).

Обнищавшее русское дворянство, конечно, нашло бы себе занятия в истощенной гражданской войной Англии. Тем более что даже общая челобитная дворян новому царю об отмене срока сыска не была удовлетворена. Правительство ограничилось обещаниями переписать крестьян, сбежавших за 10 лет, а уж по новой всероссийской переписи сыскивать бессрочно. Вдобавок Морозов обидел и стрельцов, сократив им жалованье. В результате, когда правительству стало жарко, дворяне не бросились его спасать, а стрельцы ответили попросту: «Нам с черными посадскими людьми драться не уметь!»

Гнев народа был направлен на правящую клику, под покровительством Морозова занявшую места в приказах. Наглые грабители, взяточники и неправедные судьи еще и выдумывали новые налоги. Хотя огромный налог на соль, изобретенный судьей Посольского приказа Назарием Чистым, успели отменить, восстание 1648 г. в Москве получило название Соляного бунта. Началось с того, что толпа москвичей и челобитчиков с разных концов страны окружила карету царя. Требовали убрать Леонтия Плещеева — судью Земского приказа, управлявшего Москвой, и урезонить взяточников. Покричав и побросав камнями в бояр, толпа разошлась, потирая ушибы от нагаек царской охраны и конских копыт. На следующий день столица восстала.

Народ ворвался в Кремль, растерзал Чистого и Плещеева, разгромил дворы Морозова и его клики. Заодно «разграбили многие боярские дворы, и окольничих, и дворянские, и гостиные», уничтожили множество крепостных документов. Царь засел во дворце, тайно выслав Морозова и выдав на расправу судью Пушкарского приказа Траханиотова. Власти были бессильны. «Весь мир качался». По городам покатился волнующий слух, что в столице наконец-то «сильных побивают ослопьем (дубинами) да каменьем». Тотчас взбунтовались города юга (Курск, Воронеж, Козлов, Елец, Ливны, Валуйки, Чугуев), севера (Соль Вычегодская, Великий Устюг, Соликамск, Чердынь) и Сибири (Томск, Сургут, Енисейск, Верхотурье и Кузнецк).

Великий Новгород и Псков выступили только в начале 1650 г., зато полностью отстранили от власти царских чиновников и избрали собственных земских старост. На устрашение Новгорода и Пскова двинулась армия князя Ивана Хованского. Однако правительство еще смущалось начать войну против собственных городов. Хованский действовал миром и, хотя новгородцы замкнули ворота, сумел их обмануть, схватил и казнил смутьянов. В этом князю помог митрополит Никон (будущий патриарх), ложно обещавший всем прощение. Но под Псковом карателям пришлось вступить в бой.

Получив вести о расправе над вождями новгородцев, псковичи «нисколько на оное не усомнились». «Хотя бы и большая сила ко Пскову пришла, — говорили восставшие, отбив царскую армию от стен, — так не сдадимся!» «Вылазки, государь, и бои ежедневные», — писал Хованский, отведя армию подальше от города. Но за оружие взялись окрестные крестьяне, солдаты стали переходить на сторону повстанцев. Правительству пришлось послать во Псков мирное посольство епископа Рафаила. «Вины над собой никакой не ведаем! — заявили восставшие. — Повинных нам государю не посылать!» «Объявив псковичам государеву милость», посол уговорил восставших дать присягу царю и впустить в город воеводу, «не принося своих вин». Позже кое-кто из псковичей был наказан, но город отстоял свою правду, а крестьянские волнения в Псковском уезде не утихали несколько лет.

Тем временем царь поставил во главе правительства благоразумного боярина Никиту Одоевского. Стрельцам срочно увеличили жалованье. Беднейшим дворянам щедро раздавали деньги, земли и крестьян. От дворян и верхов посада была принята челобитная о созыве Земского собора для наведения порядка в суде и управлении. В начале 1649 г., после принятия удовлетворившего дворянство и посад Соборного уложения, правительство восстановило контроль над страной.

Жизнеописания: Е. П. Хабаров

В один год (1649) с полярной экспедицией Дежнева на юге пошел к недавно открытому Василием Поярковым Амуру отряд промышленника Ерофея Павловича Хабарова (ок. 1603 — после 1671). В Приамурье уже вторглись маньчжуры, покоряя упорно сопротивлявшихся местных жителей — дауров и дючеров. Видя, что за земли придется сражаться, Хабаров оставил 70 человек в остроге (1650) и на следующий год привел из Якутска 200 казаков в подкрепление. С боями двинулся Хабаров по Приамурью, составляя «чертеж реке Амуру». Чуть не тысячное войско китайского императора с огнестрельным оружием пыта-

лось остановить россиян и было повергнуто казаками, «храбрыми как тигры и искусными в стрельбе» (1652). К первопроходцам шли подкрепления. Отряд Ивана Нагибы из 27 казаков разминулся с Хабаровым — и в непрерывных боях первым прошел по всему течению Амура. В Охотском море судно Нагибы было затерто льдами, но потерявшие продовольствие и снаряжение казаки «сухим путем» без потерь добрались до Якутска (1651—1653). Хабаров ушел с великой реки в 1653 г.; за его отрядами на Амур хлынули русские промышленники и землепашцы. Именем Ерофея Павловича назван город Хабаровск.

Соборное уложение Свиток длиной 310 метров, бережно хранимый в Российском государственном архиве древних актов — важнейший памятник законодательства, закрепивший согласие царской власти, дворянства и горожан. Этот документ был создан под руководством князей Никиты Одоевского, Федора Волконского и Семена Прозоровского. После обсуждения выборными представителями 130 городов на Земском соборе в январе 1649 г. Уложение было утверждено и, впервые в русской юридической практике, издано на Печатном дворе.

25 глав и 967 статей Уложения охватывали вопросы государственно-политического строя, экономики, землевладения, сословных отношений, судопроизводства и других областей права. Были учтены бесчисленные изменения и дополнения, принятые после Судебника 1550 г. Многие пункты Уложения были сформулированы впервые: появились, например, понятия государственного суверенитета, государственной безопасности, подданства и воинского долга. Действовало Уложение 200 лет и было использовано в XIX в. при создании сменивших его правовых кодексов.

Самую обширную часть Уложения составила глава 10 «О суде». Здесь в 287 статьях самодержавие попыталось дать формирующейся нации равный и правый суд. Общую пользу имела в виду и 21 глава «О разбойных и воровских делах», суровыми мерами охранявшая частную собственность. Массе беглых крестьян и холопов, бродивших по стране без крова и пропитания, этот закон грозил многими бедами. Но сочувствуя им так же, как и несчастным женщинам, которых за убийство мужа закапывали в землю живьем, следует помнить, что именно право на жизнь и собственность лежит в основе благополучия любой нации.

Сословия, заставившие Алексея Михайловича спешно создать в июле 1648 г. Уложенную комиссию, улучшили свое положение за счет остальных общественных групп, прежде всего за счет молчаливого подавляющего большинства — крепост-

ных крестьян. Их отдавал в вечное рабство хозяевам закон о бессрочном сыске, подробно изложенный в главе 11: «Суд о крестьянах».

Из Соборного уложения 1649 г. о крепостных:

А которые крестьяне и бобыли за кем написаны в переписных книгах прошлых 1646 и 1647 годов, и после тех переписных книг из-за тех людей, за кем они в переписных книгах написаны, сбежали или впредь учнут бегать, — и тех беглых крестьян и бобылей, и их братью, и детей, и племянников, и внучат с женами и с детьми, и со всем имуществом, и с хлебом стоячим и молоченым, — отдавать из бегов тем людям, из-за кого они выбегут, по переписным книгам без урочных лет, а впредь отнюдь никому чужих крестьян не принимать и за собою не держать.

Крепостное состояние стало наследственным. Крепостных можно было покупать и продавать. Заводились официальные книги записи крепостных актов. Правда, сами дворяне обязывались служить с поместий и вотчин под угрозой конфискации половины земель, кнута и т. п. Зато за прием и укрывательство беглых, которые широко использовали богатые землевладельцы (бояре и монастыри), — полагался штраф. Дворяне добились, чтобы духовенство было лишено права приобретать новые земли к своим и без того огромным владениям. Лишилась церковь и некоторых судебных льгот.

Крупнейшие и наиболее очевидные потери бояр и духовенства были связаны с включением всех городских «белых слобод» в посадское тягло. Налоги распределялись отныне и на всех «вольных людей», живших и промышлявших в городе. Посадские люди получили право возвратить всех ушедших от них «закладчиков» и изгнать тех, кто не желал навечно прикрепиться к тяглу. Глава 19 «О посадских людях» установила монополию городских налогоплательщиков на ремесло и торговлю. К посадам приписывались не только частновладельческие села, которые «сошлись с посадами, дворы с дворами, или близко от посадов», но и те села, что экономически уже стояли «в ряд с посадами».

Не приписанные к «черным» общинам пашенные крестьяне должны были продать свои городские лавки, погреба и промыслы посадским людям и могли торговать в городах только «на Гостином дворе, с возов и стругов» (речных судов). «Служилые по прибору», получавшие жалованье, обязывались со своих «торговых и всяких промыслов быть в тягле... и в ряд с «черными» людьми подати платить, а службы никакой тяглой не служить». Исключение было сделано только для стрельцов,

значение которых для собственной власти «верхи» отлично усвоили. Однако постепенно, десятилетие за десятилетием, даже гвардия — московские стрелецкие полки — теряли оставленные им по Уложению привилегии и сливались с посадом.

Деньги Принятие Соборного уложения закрепило сословную структуру Российского государства, уже оправившегося от разорения и вновь ощутившего себя могучей державой. Дворянство стало лучше служить, городское население давало значительно больший доход в казну. Последнее, вместе с силой, наглядно проявленной посадом, побуждало правительство больше прислушиваться к советам и просьбам торгово-промышленных воротил.

В 1653 г. государь по просьбе купцов утвердил Торговый устав. Он ликвидировал множество мелких таможенных пошлин и барьеров — наследие раздробленности. Единая же рублевая пошлина платилась так. Покупая товар для продажи, торговец платил 5 денег с рубля и получал «выпись» (квитанцию). Теперь он мог ехать куда угодно и платил еще 5 денег при продаже. Всего получалось 10 денег с рубля (две деньги равнялись копейке), то есть 5% с оборота. С иноземцев, которым по Уложению запрещалось самостоятельно торговать дальше Архангельского порта, брали больше, чем с русских купцов. Новоторговый устав 1667 г. усилил государственную защиту интересов отечественной торговли и промышленности от иноземной конкуренции. Политика, подсказанная правительству купечеством, называлась меркантилизмом. Она заключалась в оказании национальной торговли государственной поддержки, благодаря которой деньги оседали в стране вследствие положительного торгового баланса.

России это было совершенно необходимо: несмотря на упорные поиски, месторождения драгоценных металлов еще не были найдены и вся монета чеканилась из привозного серебра. И в мирное время денег не хватало, а во время начавшейся в 1654 г. войны выплата жалованья мобилизованной армии быстро истощила казенные запасы серебра. Призадумался государь — да выручил гость Василий Шорин, предложил деньги ковать медные. Замысел был без обмана: стоимость меди в новой монете приближалась к стоимости серебра в старой. К тому же новые деньги пустили гулять по стране вместе со старыми, указав, что стоимость у них одна и чтоб никто не смел подымать цену на товары. Выход из серебряного тупика был найден, новинка имела успех в доверчивом народе, но прави-

тельство пустилось в спекуляцию, вновь спутав интересы национальные и казенные.

Налоги и недоимки прошлых лет велено было собирать серебром, платежи из казны делать в основном медью. Меди в стране плавили много, а представление о соответствии денежной массы в стране объему товаров и услуг — было и остается для российского правительства великой тайной. Медная монета текла рекой с Монетного двора и специально открытых заводов в Пскове и Новгороде. Спрос на серебро рос, покупательная способность медной монеты падала. Как только правительство вообще отказалось брать медь и платить серебром, старый рубль стал стоить 12—20 новых. На рынок купец вез деньги подводами — и они дешевели по пути. Торговля была подорвана. «Погибаем и умираем голодной смертью, — стонали горожане, — на медные деньги не продают, а серебряных взять негде».

Правительство возложило всю вину на фальшивомонетчиков. По России покатились показательные процессы над злодеями. Их казнили, согласно Уложению заливая горло расплавленным металлом, но на смену павшим поднимались новые массы последователей. Фальшивую (точнее — «левую») монету чеканили прямо на денежных дворах даже «верные головы и целовальники». Ее способен был изготовлять любой, кто умел обращаться с металлом. Правительство обнаружило, что «котельники и оловянники поставили себе дворы каменные, берут дорогие товары и шьют платья женам, как боярские». В одной Москве ходило фальшивок больше, чем на полмиллиона рублей.

Медный бунт начался 25 июля 1662 г. Утром по Москве пошел слух: «На Лубянке у столба письмо приклеено». Голытьба, мелкие торговцы и ремесленники, часть стрельцов, солдат и рейтар — все ринулись на Лубянку. Действительно, в центре площади на столбе кто-то воском прилепил бумажку: «Изменники — Милославский, Ртищев да гость Василий Шорин». Не рассуждая, толпа бросилась в дворцовое село Коломенское, где летом жил государь. Смяв охрану, народ вломился на царский двор. Алексей Михайлович сообразил, в чем дело, выслал на переговоры бояр и велел Милославскому со Ртищевым спрятаться в хоромах царицы. Народ требовал царя — тот вышел к людям. «Расходитесь, я сам учиню этому делу сыск»,— заявил он с лестницы.

Но толпа подступила вплотную к государю, а один безымянный бунтовщик вошел в историю тем, что «крутил пуговку на царском кафтане» и к концу переговоров ее начисто оторвал.

Не потеряв присутствия духа, Алексей Михайлович говорил «тихим обычаем», а некий горожанин даже «с царем бил по рукам». Государь поклялся Богом и женой, что наведет порядок. Умиротворенная толпа пошла по домам. В это время другая часть толпы учинила погром в доме Шорина. Поймав его пятилетнего сынишку, бунтовщики заставили его написать, будто отец продался полякам и затеял ввести медные деньги, чтобы помочь врагу. Подогретые этим «признанием», погромщики устремились в Коломенское и увлекли за собой идущих оттуда. Царю уже седлали коня, чтобы ехать в Кремль для расследования. Новые угрозы перебить бояр вывели Тишайшего из терпения. Он дал знак верному полковнику Артамону Матвееву.

Будущий боярин и канцлер уже стянул к Коломенскому надежные войска. Началось побоище. Около тысячи москвичей было затоптано и перебито окрест села или потонуло в реке. Сотни полторы тут же повесили, многим отсекали руки и ноги, били кнутом, клеймили раскаленным железом и ссылали. Пострадало до 3 тыс. человек, пришедших в Коломенское без оружия. Истинных бунтовщиков было около 200. Через год государь указал «закрыть медные дворы и медные деньги сдавать». Их меняли на серебро по курсу 1 к 100, но только неделю. «А кто принесет деньги после срока, царь велел деньги принимать» даром. Народ был рад избавиться от медных денег. Подвалы Кремля наполнились огромным количеством металла, пролежавшего там до следующего царствования.

1. Что такое общее, национальное благо и что есть благо государственное?

2. Какими путями Российское государство познавало национальные интересы и как их обеспечивало?

3. Какая часть общества стала главной жертвой компромисса земских сословий, достигнутого в середине XVII в.?

4. Почему оказалось неудачным введение медных денег?

§ 35. РАСКОЛ

Мелодраму можно определить как противоборство правды и неправды. Трагедия — это столкновение между собой двух правд или двух неправд. В истории общества, увы, преобладают трагические сюжеты, причем обычно трагедия истории развивается в непримиримой борьбе двух неправд. Не случайно

раскол Русской православной церкви и бунт Стеньки Разина затмевают в историческом сознании общества более важные, но безликие в своей предопределенности волнения и требования земских сословий, способствовавшие неодолимому продвижению государства по пути абсолютизма и удовлетворения интересов формирующейся российской нации.

Высокая трагичность раскола и разинщины — в явной и жестокой схватке неправых сторон, по крайней мере, в начале событий. Столь многое здесь определяют могучие личности, из ряда вон выходящие характеры, что невольно задаешься вопросом: в какой мере эти глубокие трагедии были определены ходом истории? Обе трагедии не принесли России ничего, кроме страданий и жертв. Но обе дали яркие примеры личного героизма, воли и таланта вождей и несгибаемой стойкости тысяч мучеников. Раскол и разинщина начались как игра личных страстей, выражающих противоречия эпохи. Однако они всколыхнули огромный пласт закоренелой народной боли. Произошел взрыв, обнаживший давние и тяжкие болезни в организме формирующейся российской нации — недуги, которые остались с ней и мучили ее веками.

«Ревнители благочестия»

Алексей Михайлович был благочестив по-царски. Лично он верил истово, кланялся патриарху Иосифу в землю и целовал ноги, неустанно участвовал в церковных службах и праздниках, молился, каялся и искал пути спасения души. Как «государь всея Руси» он, подобно Ивану Грозному, был убежден в Божественном происхождении своей власти, в том, что самодержец отвечает перед Богом за благочестие Церкви и благоверие подданных. В этом его поддерживал кружок «ревнителей благочестия», собравшихся к богомольному царю со всех концов Руси.

Недавно вступивший на престол 16-летний царь жадно слушал «ревнителей», мнивших себя пастырями духовного возрождения страны, а затем и вселенского православия. У многих рост могущества самодержавного государства укреплял убеждение в его великой миссии. Говорили, что благодаря православному царю Русь есть центр и зерно предреченного Евангелием земного царства Христа. Сам Алексей Михайлович признавал, что Бог взыщет с него, коли царь не принесет в жертву войско, казну и даже кровь свою ради освобождения всех православных, томящихся на Востоке под мусульманским игом. Бог взыщет, если царь успокоится прежде, чем все пятеро вселенских патриар-

хов — Московский, Константинопольский, Александрийский, Иерусалимский и Антиохийский — освятят вновь царьградский храм св. Софии, символический центр мирового православия.

Веря, что он является наследником власти и преемником славы первого и второго Рима, царь хотел устремиться на благочестивый подвиг. Но что есть истинное благочестие? Большинство «ревнителей» считали, что первый Рим — католический — совратился с пути правоверия и морально пал, второй Рим — Константинополь — потеряв крепость веры, рухнул под напором турок-мусульман. А Святая Русь, удел самой Богородицы, сияет совершенным благочестием, как свет солнечный!

Однако не только «ревнителю благочестия» — любому прихожанину было от чего содрогнуться и вознегодовать. То, что священники и дьячки одновременно пели и читали разные молитвы, делало их непонятными, однако служба становилась более краткой и приемлемой для прихожан, которые не могли простаивать в храме много часов. Но пьяные попы и паства, светские разговоры и ругань, драки и кровопролитие в церкви, преступность, разврат и колдовские мерзости за ее порогом...

Из Поучения патриарха Иосифа духовенству и мирянам:

Все мы называемся земными ангелами, и небесными человеками, и светом, и солью земли. Поэтому убойтесь, устыдитесь и смирите себя! Молю вас — рассуждайте сами собою о всякой вещи... Повелеваем начальникам городов казнить по закону богохульников, клятвопреступников, мужеложников, убийц, растлителей девства... В каждой стране свои законы, и каждая держится своих обычаев... А мы, приняв истинный закон от Бога, осквернились беззакониями разных стран, заимствовав от них злые обычаи — и за то терпим томление от тех стран...

Добрый патриарх, снисходительный к пастве, выражался мягче своих предшественников и преемников. Как и «ревнители благочестия», Иосиф кручинился из-за разночтений, накопившихся за столетия в русских церковных книгах и обрядах. Он охотно поощрял книгопечатание, благословив исправление ошибок и описок в рукописях учеными «справщиками» (редакторами) Печатного двора. При Иосифе вышло рекордное число книг, в том числе «Славянская грамматика» Мелетия Смотрицкого. Он дозволил подготовку издания славянской Библии и Кормчей книги, открытие училища в основанном Федором Ртищевым под Москвой ученом украинском монастыре.

Но «ревнители» требовали более крутых мер: запретить церковное пение и чтение в несколько голосов, превратить богослужение в красивый на слух, но невероятно долгий обряд,

применять жестокие кары к нарушителям благочиния. Патриарх и большинство простых священников упорно сопротивлялись тому, что способно было отвратить людей от храмов. Однако приходские священники, бросившие в лицо «ревнителям»: «Заводите вы, ханжи, ересь новую!» — были наказаны царем, а патриарха заставили благословить крутые церковные перемены и свели этим огорчением в гроб.

Тут желающие возродить древнее благочестие и перессорились. Каждый был убежден, что владеет истиной, а все несогласные есть церковные мятежники. Главное разногласие касалось источника благочестия. Большинство «ревнителей» считало, что его следует искать в древнерусских книгах и решениях Стоглавого собора, утвердившего незыблемость обрядов Русской церкви. Другие доказывали, что источником веры являются греки, что именно в четырех восточных патриархиях, попавших под власть турок, сохранились исконные церковные книги и обряды.

Священство выше царства

За признание своих обычаев и книг источником благочестия с большим успехом боролись восточные патриархи и их представители, слетавшиеся в Москву за милостыней. Два момента обеспечили победу греков. Во-первых, московский двор удалось убедить, что украинцы и белорусы (не говоря уже о балканских славянах), чья митрополия находилась под властью Константинопольского патриарха, веруют по-гречески. Правда, русский ученый путешественник и собиратель книг Арсений Суханов доказал, что православные славяне в книгах и обрядах значительно ближе к Москве, чем к Царьграду. Но Алексей Михайлович, мечтая освободить из-под власти поляков исконные русские земли и поддержать вселенское православие, склонен был поверить в необходимость соединения Русской церкви с Восточной путем исправления книг и обрядов по греческому образцу.

Во-вторых, греки сумели убедить в своей правоте и вовремя поддержать Новоспасского архимандрита Никона, продвинутого в 1649 г. на Новгородскую митрополию, а через три года — и в Московские патриархи. Споря с распространенным на Руси мнением, будто греки потеряли благочестие с падением Константинополя — лишившись царя православного — искатели милостыни убедили Никона, что земная власть бренна, а святая Церковь стояла и стоит непоколебимо и при римских тиранах, и при крушении империй. Следовательно, священство превыше царства.

Жизнеописания: патриарх Никон

Сын мордовского крестьянина Никита Минов (1605—1681) с детства верил в свое великое предназначение и долго ждал исполнения пророчества, что будет он «государем великим царству Российскому!». Ему пришлось жениться и стать священником, но после смерти троих детей он постригся под именем Никона в скиту на Белом море и заставил уйти в монастырь жену. Самое строгое подвижничество не удовлетворяло затворника. На рыбачьей лодке он в бурю пересек море и, причалив на Кий-острове, обещал Богу построить там в честь своего спасения монастырь. После долгих скитаний он уединился в келье близ Кожеозерской пустыни. Только мольбы братии заставили его стать игуменом пустыни, а просьба царя Алексея — архимандритом родового монастыря Романовых в Москве. Среди «ревнителей благочестия» Никон превзошел всех религиозным рвением. Он взял на себя обязанность заступаться перед царем за убогих и обиженных, постепенно сделавшись всесильным фаворитом. В 1649 г. Никон стал митрополитом Новгородским, жестоко пострадал во время городского восстания 1650 г., но добился от новгородцев покаяния и велел казнить зачинщиков. Вступив на патриарший престол (1652), Никон полностью подчинил Алексея Михайловича и, присвоив себе титул «великого государя», правил наравне с царем, а иногда и вместо него. Заменил русское двоеперстное крещение троеперстным, земные поклоны — поясными, ввел без разбора множество мелких изменений в богослужения якобы по «древним греческим образцам». Возмутившихся «ревнителей благочестия» лишил сана, пытал, сослал и заточил, архиереев запугал (даже жег огнем) и установил в Русской церкви полное единовластие. Добиваясь, чтобы первенствующему значению духовенства соответствовало богатство, почти вдвое увеличил число принадлежавших Церкви крестьян. Создал богатейшие монастыри: Крестный на Белом море, Иверский на Валдае и Воскресенский на р. Истре, который хотел превратить в центр вселенского православия — Новый Иерусалим. Небольшая размолвка с царем заставила патриарха удалиться с престола в Новый Иерусалим (1658), чтобы заставить Алексея покаяться. Но царь, придворные и архиереи устали от тирании Никона. Тот дважды приходил в Москву, но не был принят во дворце. В свою очередь, царь безуспешно пытался официально отрешить патриарха от сана, пока это не сделал собор иноземных и русских архиереев (1666—1667). Но и будучи в ссылке в Ферапонтовом, а затем в Кирилло-Белозерском монастыре, Никон упорно именовал себя «Божией милостью патриархом» и пугал царя Страшным судом. В страхе пребывало и духовенство. Только известие о смертельной болезни Никона заставило патриарха Иоакима согласиться на слезные мольбы царя Федора Алексеевича и вернуть ссыльного в Новый Иерусалим. Опальный патриарх умер в пути.

Еще готовясь вступить на патриарший престол, Никон привез в Москву с Соловков мощи св. митрополита Филиппа, убитого по воле Ивана Грозного, и заставил царя торжественно по-

каяться за преступление его предместника. «Преклоняю пред тобою сан мой царский!» — обращался Алексей Михайлович к гробу Филиппа. Пришлось государю со всем двором пасть на колени и перед Никоном, который согласился стать патриархом, лишь взяв с государя и всех чиновных людей клятву «нас слушаться во всем как начальника, и пастыря, и отца».

Добившись покорности царя и светской власти, патриарх жесточайше преследовал всех ослушников его воли в Церкви. «Я русский, сын русского, — говорил он, — но мои убеждения и моя вера греческие». Часть «ревнителей благочестия» склонилась перед грозной властью, но многие, в особенности неистовый протопоп Аввакум, готовы были пойти на любые мучения за свою веру. Разногласия в обрядах, богослужебных текстах и правилах были, даже с позиции богословия, незначительны и случайны. Первоначально столкнулись характеры, незаурядные даже для своей героической эпохи, а уже затем высеченные этим столкновением искры полыхнули пожаром церковного раскола.

Противостояние характеров

История зарождения раскола весьма сложна, но его причины хорошо видны в яркой картине противоборства двух мощных фигур — патриарха Никона и протопопа Аввакума. Оба они родились в бедности в Нижегородском уезде, оба начинали службу сельскими священниками, оба выдвинулись благодаря незаурядным внутренним качествам в окружении царя Алексея, и к обоим царь до конца дней испытывал почтение. Никон и Аввакум были изначально явлениями одного порядка. Они вступили в активную жизнь как сыновья глубокого духовного кризиса, уходящего корнями в «великое разорение» и Смуту. У Никона, Аввакума и их сторонников воля одинаково заменяла разум, а обрядность, церковный ритуал — более важные, содержательные стороны вероучения. И те, и другие не признавали и тени инакомыслия, легко и убежденно проклинали все, что сколько-нибудь отличалось от их представлений.

Никон и Аввакум были глубоко верующими, благочестивыми людьми, стремившимися к очищению и укреплению православия. Оба были бескомпромиссны, не жалели никаких сил и средств для достижения цели. Каждый твердо считал себя подвижником, направляемым Божественной десницей. И у Никона, и у Аввакума были видения, они были уверены, что сила их молитвы исцеляет больных. Оба отличались крутым нравом; насколько позволяло положение, каждый мог быть жесток. Аввакум и Никон

были осуждены одним церковным собором, оба пребывали в заточении и почти одновременно погибли: один при возвращении из ссылки, другой — заживо сожженный вместе с товарищами.

Разная судьба, различная степень испытаний не только сделали в глазах народа одного — героическим страстотерпцем, другого — немилосердным гонителем. Аввакум, несмотря на свой фанатизм, перенося самые жестокие страдания и лишения из выпадавших на долю закрепощенного народа, духовно возвысился до выражения правды угнетенных. Сочинения Аввакума, особенно его бессмертное «Житие», составляют классику русской литературы. Писания «огнепального» протопопа пробились сквозь века. Никон оказался, по существу, бесплоден. Он оставил след не столько в душах людей, сколько в организации и идеологии господствующей церкви.

Никониане и староверы

В чем же содержание этого противостояния Никона и Аввакума, расколовшего Русскую православную церковь именно в период, когда она вместе со всем государством могла переживать расцвет? На какой богословской основе столетиями расходятся русские православные: никониане и староверы? За ответом мы обратимся к ученым богословам, причем именно к представителям официальной церкви, принявшей реформы Никона.

Профессор Московской духовной академии Н. Ф. Каптерев:

Никон, смело и авторитетно выступая в роли церковного реформатора, ломая и переделывая русскую церковную старину по образцу тогдашней греческой церковной практики, требуя от всех всецелого, безусловного подчинения себе и всем исходящим от него распоряжениям, не мог, однако, вести общество по новым, более светлым культурным путям, не просветлял и не возвышал своими реформами религиозно-церковного понимания тогдашнего общества, не двигал вперед его религиозно-церковную жизнь.

И даже мало этого — Никон, проводя свою церковную реформу... имел очень неправильные представления о предметах своей реформы, то есть он исправлял старый русский обряд как неправый, нововводный, созданный русскими, несогласный с настоящим православным обрядом церкви, тогда как в действительности русский обряд был древний православный греческий обряд, — этого-то совсем и не знал Никон-реформатор... Неправильно принятая и объясняемая реформа Никона вызвала сильный протест со стороны ее противников, которые, имея еще более неверные представления о происхождении, значении в церкви и отношении к вероучению обряда, открыто восстали уже не лично против Никона, но и против всей признавшей никоновскую реформу церкви...

Жалко смотреть на нашу вековую церковную распрю, всю основанную, от начала до конца, на недоразумении, на непонимании, на незнании иногда самых элементарных христианских истин, простых начатков истории церкви, на неверном, неправильном представлении с обеих спорящих сторон о тех предметах, о которых они так непримиримо и горячо спорят, ссорятся, обличают друг друга в неправославии и разных ересях, чего в действительности совсем нет у обеих враждующих сторон!

Протоиерей Георгий Флоровский:

Конечно, не «обрядовая реформа» была жизненной темой Никона... И с каким бы упорством он ни проводил эту реформу, внутренне никогда он не был ею захвачен или поглощен... У Никона была почти болезненная склонность все переделывать и переоблачать по-гречески, как у Петра впоследствии страсть всех и все переодевать по-немецки или по-голландски. Их роднит также эта странная легкость разрыва с прошлым, эта неожиданная безбытность, умышленность и надуманность в действии. И Никон слушал греческих владык и монахов с такой же доверчивой торопливостью, с какой Петр слушал своих «европейских» советчиков...

Подражание современным грекам нисколько не возвращало к потерянной традиции. Грекофильство Никона не было возвращением к отечественным основам, не было даже и возрождением византинизма. В «греческом» чине его завлекала большая торжественность, праздничность, пышность, богатство, видимое благолепие. С этой «праздничной» точки зрения он и вел обрядовую реформу...

И у Аввакума с товарищами фанатичная борьба за чистоту и неизменность старого обряда, постоянно выдвигаемая на первый план, оказывалась скорее средством, нежели целью. Средством оправдать свое право на истину, свою миссию... Пока Никон мог ссылать и жечь, а староверы отдаваться на муки и сожжение, это сходство не столь бросалось в глаза. Но наступил 1666 год...

Виновники раскола

Перед большим церковным собором, созванным в Москве Алексеем Михайловичем, предстали Никон и Аввакум. Оба рьяно обличали современную Русскую церковь, которая в их глазах соединилась с католицизмом, оба неистово ругали греков и их нововведения, оба считали, что противники их действуют «советом Антихриста, учителя своего». «Тех правил в русской Кормчей нет, а греческие правила не прямые, — заявил Никон о бывших своих «учителях веры», почти повторяя Аввакума, — те правила патриархи от себя самовольно учинили... Все враки, а печатали те правила еретики!»

Оказавшись на месте опального Аввакума, Никон понял наконец, что все его отвлеченные идеи о Божественном происхождении патриаршей власти маскировали трагическую истину: духовенство имело столько власти и прав, сколько обеспечит ему самодержавие. Никон указал на явные нарушения правил архиерейского суда. «Мы тебе не по правилам говорим, а по государеву указу», — честно отвечали противники.

Не беда, что два восточных патриарха из четырех отказались судить Никона. Что из того, что оба приехавших в Москву патриарха были давно отрешены от своих кафедр, а главный обвинитель — греческий митрополит Паисий Лигарид — и вовсе отлучен от церкви? Золото, дипломатия, дружеская помощь турецкого султана и мусульманского муфтия — и все были вновь поставлены на свои места: хоть на короткое время, но стали духовными властями!

Главная проблема Алексея Михайловича была не в придании судилищу видимости законности и даже не в одновременном осуждении староверов и Никона. Светской власти пришлось очень сильно нажать на русских архиереев, согласных на все, лишь бы спасти идею превосходства духовной власти над светской хотя бы в церковных делах. Тут греки помогли изрядно. «По сим и подобным причинам, — завершил обоснование нужной позиции Лигарид, — царь именуется Богом. И ты, богоподобный Алексей Михайлович, имеешь право на богоименование!» — «Что скажете на это?» — спросили восточные архиереи русских после длительной немой сцены. «Предовольно и сказанного», — уныло ответили русские иерархи, подписывая приговор Никону и надеждам на самостоятельность Русской православной церкви. Некоторые не могли сдержать слез.

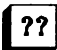
Уже после осуждения Никона, вопреки решению русского церковного собора 1666 г., большим собором в 1667 г. было принято решение, что Русская православная церковь, сообщество верующих, расколота, не существует более как духовное и организационное единство, как целостный организм. Никон преследовал Аввакума с товарищами как ослушников своей воли. Собор русских архиереев 1666 г. не хулил старые книги, чины и обряды, не называл их еретическими и даже не порицал придерживавшихся их священников: только призывал следовать новым обрядам и, главное, отказаться от порицания Русской церкви.

А большой собор 1667 г. постановил, что все книги, все решения русских соборов, подтверждающие благочестивость старого обряда и противоречащие учению греков, «есть только

суемудрие, мятеж и раскол». Собор отлучил староверов от церкви, предал анафеме как еретиков и указал: «Подобает их наказать и светским наказанием... и казнить их разным томлением и различными муками, и так — кому языки отрезать, кому руки отсекать, кому уши и носы, и позорить их на торгу, и потом ссылать в заточение до кончины их». «Так, — заключает церковный историк Н. Ф. Каптерев, — двумя восточными патриархами и другими бывшими тогда в Москве греческими иерархами соборно был утвержден в Русской церкви раскол, — единая дотоле Русская церковь, благодаря соборному провозглашению старого русского обряда еретическим и наложению анафемы на всех державшихся старого обряда, раскололась теперь на две враждебные одна другой части, причем вражда между ними продолжается и доселе».

Обвинить во всем заезжих греков легко, но не следует забывать, что эти судьи находились на содержании у царской власти и именно последняя развернула преследования, превратившие раскол из декларации в суровую реальность. Огромные массы населения страны, в особенности сельского, формально оказались отделенными от официальной церкви лишь потому, что следовали традициям. Необходимо было государственное насилие: арест и казни священников, сожжение старых книг, — чтобы создать раскольников. Многие устрашались, но постепенно, и чем дальше, тем больше, принуждение рождало сопротивление местных священнослужителей и прихожан. Стихийный протест против условий жизни крепостных в «богоспасаемом» государстве находил выход в защите традиционной русской старины, веры отцов.

Ярость власти, огнем и мечом насаждавшей «благочестие», лишь укрепляла и сплачивала отторгнутую часть Русской православной церкви. Каждый новый мученик, вместо того чтобы устрашать народ, вызывал последователей и подражателей среди униженных и оскорбленных. Каждый удар властей укреплял сопротивление. Чем ниже опускались власти в своей бессмысленной жестокости, тем выше становился дух новых страдальцев за веру. Они возрождали и создавали новые культурные традиции, обогатили Россию мудрой литературой и замечательными произведениями искусства. Сверхмощному карательному аппарату староверы противопоставили свою уникальную организацию, перед которой столетиями оставалось бессильным военно-полицейское государство. И она неизменно проявляла себя в движениях протеста, начиная с бунта Степана Разина и Соловецкого восстания.

1. Чем объяснялось желание царя и Никона при унификации церковных книг и обрядов пользоваться греческими, а не древнерусскими образцами? В чем различались их мотивы?

2. Почему Никон жестоко обошелся с «ревнителями благочестия»?

3. Как представлял себе Никон соотношение власти царя и патриарха и на чем в действительности его власть основывалась?

4. Когда в Русской православной церкви произошел раскол и кто в этом виноват?

§ 36. ВОССТАНИЕ РАЗИНА

Участники Земского собора, принимавшие знаменитое Уложение 1649 г., и недавние участники городских восстаний, и бояре с архиереями, и даже сам великий государь Алексей Михайлович думали о подавляющем большинстве населения страны — крестьянах — в одном смысле: как еще эффективнее распорядиться этой рабочей силой и собственностью? И вправду — пока меньшинство народа бушевало и выясняло отношения, большинство молчаливо трудилось и лишь время от времени пыталось уйти подальше от всех этих хозяев. В крайнем случае крестьянин, уходя куда глаза глядят, пускал красного петуха под крышу барской усадьбы. Налоги и голод, тяжесть войн и потери от эпидемий, гонения за веру — все переносил крестьянин безропотно. Никто не спрашивал, сколько же это может длиться.

Область Войска Донского вообще мало занимала умы правительства и земских сословий. Она считалась дружественной и более-менее покорной заграницей. Казаки временами бывали полезны, временами доставляли хлопоты, но выплата им жалованья (оружием, боеприпасами и хлебом) стоила казне, а следовательно, и налогоплательщикам, недорого. Можно было бы вспомнить казачьи «подвиги» в Смуту и призадуматься: как представляют себе будущее наиболее смелые и энергичные крестьяне, холопы и работные люди, сумевшие в свое время бежать в землю обетованную, откуда «выдачи нет», а также их потомки? На что они способны? Но задумываться даже политикам за текущими делами было некогда...

Степан Разин Вождь одного из самых знаменитых народных бунтов бо́льшую часть жизни прожил как солидный и уважаемый донской казак. Крестный отец Степана Тимофеевича Корнил Яковлев был атаманом Войска Донского, родной брат Иван командовал полком донцов в войне с Польшей. Разин знал польский, татарский и калмыцкий языки. Казаки трижды включали его в посольства для переговоров с московским правительством и посылали заключать соглашение с калмыками. После смерти отца Степан через всю страну ходил молиться за его душу в Соловецкий монастырь.

В 1663 г., соединившись с калмыками и запорожцами, донцы под командой Степана Тимофеевича разбили крымчаков под Перекопом и освободили 350 пленников. Наказному атаману Разину было тогда 33 года: «Это был высокий и степенный мужчина, крепкого сложения, с высокомерным прямым лицом. Он держался скромно, с большой строгостью», — писал современник. Но вскоре на семью обрушилась беда. Иван Разин не смог удержать полк от самовольного ухода с фронта — и суровый командующий князь Юрий Долгоруков, сочтя, что дисциплина важнее свободы Дона, велел казнить командира.

Степан Тимофеевич давно уже видел, что воля на южных землях «за чертой» Российского государства становится мечтой, а сама Россия — тюрьмой. После Уложения 1649 г., закрепостившего основную часть крестьян, составлявших 90% населения страны, правительство и помещики увеличивали налоги, оброки и барщину. Сам царь Алексей Михайлович писал приказчику дворцового имения: «И если на что можно оброк прибавить — и ты бы о том распорядился по своему усмотрению».

Сыск беглых превратился в важнейшее государственное дело. В одном Рязанском уезде их поймали в 1663—1667 гг. около 8 тыс. Крестьянам и холопам некуда было деваться, кроме отдаленных окраин. Многие бежали к казакам, гордо отвечавшим царским сыщикам: «С Дона выдачи нет!» Однако Москва нажала на больное место Войска Донского: ограничила торговлю и подвоз продовольствия. В 1666 г. царь велел провести на Дону перепись и вернуть ему беглых дворцовых крестьян. Казаки мало занимались земледелием, весной начался голод.

Первыми оголодали бедные, голутвенные казаки. Казаки старые, домовитые, не считали их равными себе и не принимали в круг — высший орган власти, решавший войсковые дела и выбиравший старшин. Голутвенные казаки не получали государева жалованья, не имели земли и либо батрачили на домовитых казаков, либо промышляли грабительскими набе-

гами. Но Москва уже с трех сторон окружила Дон крепостями и заставами, а турки накрепко замкнули выход в море у Азова цепями.

Примером Разину стала смелая попытка атамана Василия Уса с отрядом в 700 гультяев (бездомовных бедняков) пробиться на царскую службу. В июне 1666 г. на западе еще шла война, а появление казаков вызвало такое волнение среди крепостных Тульского и Воронежского уездов, что правительство должно было призадуматься. Под угрозой войска князя Юрия Барятинского, усиленного выборным (гвардейским) солдатским полком Матвея Кровкова, Усу было приказано вернуться на Дон. Наказной атаман в полном порядке отступил, уводя с собой несколько тысяч восставших крестьян, разгромивших усадьбы помещиков. Правительство потребовало от Войска Донского выдать не только этих бунтовщиков, но и всех беглых за последние годы.

Поэтому в 1667 г. войсковой круг домовитых казаков был крайне обеспокоен. Уса с товарищами допрашивали, в Москву с извинениями за их выходку послали с посольством Фрола Разина, брата Степана. Размышляли, что делать с хлынувшими на Дон по окончании войны с Польшей новыми толпами беглых? Как утихомирить мелкие ватаги, ринувшиеся пиратствовать на Волгу и уничтожаемые царскими войсками? Пока думали, Разин тайно готовил все необходимое для большого похода: средства для этого занимал, получал от торговли, кое-что брал силой. Весной тысяча его голутвенных, но хорошо вооруженных казаков ушла с Дона на Волгу.

Поход «за зипунами»

В отличие от своих предшественников Разин заранее знал, что и как будет делать. Именно хорошее планирование и дисциплина позволили ему стать одним из крупнейших пиратов своего прославленного морскими разбоями столетия. Была у Степана Тимофеевича и еще одна — важнейшая — черта. Жестокий и беспощадный, атаман на фоне самых благородных разбойников мира выделяется твердой приверженностью принципу: бить врагов, щадя и спасая подневольных, угнетенных и обиженных бедняков.

Волжский поход начался захватом богатейшего каравана судов, принадлежавших царю, патриарху и гостю Василию Шорину. Внезапное нападение ошарашило стрелецкую охрану. Начальники и приказчики были мигом перебиты, а находившиеся на одном из судов заключенные освобождены от це-

пей. Стрельцам и гребцам Разин сказал: «Силою не стану принуждать, а кто захочет быть со мною — будет вольный казак. Я пришел бить только бояр да богатых господ, а с бедными и простыми готов, как брат, всем поделиться!»

Теперь у Разина было 35 кораблей и полторы тысячи бойцов. Чтобы подготовиться к войне на море, он решил зазимовать в Яицком городке на реке Яик (Урал), впадавшей в Каспийское море восточнее Волги. На пути к Яику стояли мощные крепости и многочисленные войска, однако сторонники Разина уже были повсюду. 28 мая 1667 г. казачий флот проходил под мощными пушками Царицына, способными разнести разинские струги с одного залпа. Залп оглушительно прогремел, но стрельцы пальнули пыжами, «забыв» вложить ядра. Воевода Унковский выдал Разину потребный флоту кузнечный инструмент. Следующей крепостью был Черный Яр. Здесь поджидали казаков полк пехоты на кораблях и 600 кавалеристов. Разинцы начали высадку выше города, явно намереваясь штурмовать его с суши. Когда царские войска вполне приготовились отразить штурм, казаки оказались уже в стругах и проскочили мимо города.

Астрахань обошли по волжской протоке: ее охраняли стрельцы, частично перешедшие на сторону Разина. Другой стрелецкий отряд был разбит у Красного Яра. Вырвавшись в Каспийское море, казаки ушли от погони и спокойно достигли Яика. В крепость Разин с 40 товарищами проник под видом богомольцев. Когда казаки ворвались в открытые атаманом ворота, часть гарнизона перешла на их сторону. Зимовье было обеспечено. Два царских отряда, превосходящие казаков численностью, но явившиеся врозь и измотанные в пути, пали в боях под крепостью.

По весне оснащенный легкими пушками флот вышел на великий разбой. Близ Астрахани пришлось истребить еще один царский отряд, зато у западного побережья Каспия к Разину присоединилось больше тысячи бойцов атаманов Кривого и Бобы. Каспийская торговля была богата, купеческие караваны не могли спастись от казачьего флота, защитники прибрежных городов не отличались храбростью. «Пощупав» Дербент, казаки сходили вверх по реке Куре в Грузию — и весьма полюбили тамошние места (где жители терпеть не могли господство иранского шаха). Затем посетили Шемаху и Баку, освободив немало русских рабов.

Под Рештом на разинцев обрушилось большое иранское войско. Казаки победили в тяжком сражении и с яростью об-

рушились на южное побережье Каспия. Фарабат, Астрабад и другие города до восточного берега моря были преданы огню и мечу. Шах, казалось, затих. Лето и осень 1668-го, а также зиму и весну 1669 г. разинцы господствовали на Каспии. Казаки уже пресытились добычей и мирно отдыхали на острове, когда их нежданно атаковали 50 кораблей иранского флота. Разинцы вновь одолели врага и присоединили приплывшее богатство к своей добыче. В августе их тяжело нагруженные струги явились под Астраханью.

Царское правительство давно предлагало Разину «милостивое прощение» (в то же время тайно подбивая шаха не мириться с казаками). Атаману требовалось лишь повиниться — бить царю челом — через жадных местных воевод. Добра у казаков хватало, но размеры бессовестного хапужничества бояр и дьяков потрясли Степана Тимофеевича до глубины души. Сказывают, что астраханский наместник князь Иван Семенович Прозоровский сверх богатых даров не постыдился прилюдно потребовать с плеч Разина дорогую шубу. Разин сбросил меха с плеч: «Возьми, князь, шубу — лишь бы не было в ней худу!» Позже Прозоровский с детьми будет убит. А пока разинцы мирно ушли на Дон, сдав морские корабли и пленных.

«Я пришел дать вам волю!»

Овеянный славой, став надеждой всей нищей вольницы, Степан Тимофеевич сохранил костяк своего отряда и немедля приступил к подготовке большой войны: набирал людей, покупал оружие и запасы, расширял речной флот. В его распоряжении оказалось до 5 тыс. хорошо вооруженных и обученных бойцов. Однако цель Разина — «на Русь на бояр идти» — не вызывала особого сочувствия. Казаки только «про Волгу вопили». Уже выступая в поход весной 1670 г., присоединив отряды Василия Уса и других атаманов, Разин собрал круг: «Любо ли вам всем идти с Дона на Волгу, а с Волги идти в Русь против государевых неприятелей и изменников, чтоб нам из Московского государства вывесть изменников бояр и думных людей и в городах воевод и приказных людей?» И вновь круг вынес решение о походе «на Волгу на бояр и воевод». Ни слова о Москве! Разину пришлось даже поклясться на сабле, «что он на великого государя идти и руки поднять не хочет».

Разинцы с помощью горожан взяли Царицын, расправились с воеводами, приказными, командирами и богачами, поделили их имущество, сожгли архивы крепостных документов и на круге избрали новую, атаманскую власть. Восставшие

не мыслили добиться лучшего положения в составе Российского государства, мечтая лишь переменить бедность на богатство, зависимость на волю. Между тем царские войска уже пытались взять бунтарей в клещи. Атаман упредил удар, отбросив одно войско под пушки Царицына. При встрече со вторым войском под Черным Яром простые воины с барабанным боем и развернутыми знаменами перешли к восставшим. «Они стали, — пишет очевидец, — целоваться и обниматься и договорились стоять друг за друга душой и телом, чтобы, истребив изменников бояр и сбросив с себя ярмо рабства, стать вольными людьми». Черноярцы сами открыли ворота и бросились бить начальство.

Ожесточенный бой разгорелся под Астраханью, но и здесь восстание части горожан, стрельцов и солдат гарнизона решило дело. Теперь у Разина было 13 тыс. воинов, разбитых на десятки, сотни и тысячи. 11 тыс. из них он повел вверх по Волге, выделив отдельные отряды для действий на Дону. С атаманом шло все больше неопытных в военном деле крестьян, посадских и работных людей, вооруженных топорами, ножами да копьями. Но Саратов и Самара перешли к Разину без боя. Вскоре он уже штурмовал Симбирск — центр укрепленной черты, обороняемый царским родичем Иваном Милославским и подоспевшим с полками князем Юрием Борятинским. На второй день жестокого боя за острог на скатах симбирской горы восстание жителей заставило Борятинского отступить, а Милославского укрыться в кремле. Осаждая его, Разин застрял на месяц, окончательно проиграв войну.

Но народный бунт полыхал уже повсюду. Огромные массы крепостных жгли поместья и чуть не с голыми руками шли на царских воевод по всему Поволжью и Заволжью. Стихийное восстание охватило многие южные, юго-восточные и центральные уезды России, Подонье и Слободскую Украину. Поднимались городские низы, работные люди, бурлаки; восставала служилая мелкота, городовые стрельцы, солдаты, рейтары и казаки. Бунтарей благословляли приходские священники и мусульманские муллы. За оружие или простые вилы и косы вместе с русскими и украинцами брались татары, мордва, чуваши, марийцы, удмурты — все кабальные, опальные и ясачные люди.

Царь-солнце объявил мобилизацию дворянства и лично проводил в поход 60-тысячную армию прославленного полководца князя Юрия Долгорукова, собирал новые армии в Казани и Шацке. Но каждый день приходили вести о взятии горо-

дов и крепостей, гибели дворян, чиновников, служилых и местной знати в селах и деревнях. Повсюду звучали слова Разина: «Вам бы заодно изменников выводить и мирских кровопивцев выводить». И повсюду народ поднимался на борьбу. Царю доносили о падении Свияжска, Корсуни, Инсара, Саранска, Пензы, Нижнего Ломова, Керенска. Сообщали, что тамбовские казаки и рейтары сдали город разинцам со словами: «Что нам биться со своей братией?»

Устоял лишь наполненный верными войсками Шацк. С других сторон шли печальные вести о судьбе Кадома, Темникова, Алатыря, Курмыша, Ядрина, Васильсурска, Козмодемьянска, Острогожска, Змиева, Чугуева, Царева-Борисова, Ольшанска. Восставшими была взята мощная крепость Макарьево-Желтоводского монастыря, в осаде находились Нижний Новгород и Кокшайск. Даже в Лыскове и Мурашкине население встречало повстанцев с колокольным звоном и иконами. Бунтари угрожали Рязани и появлялись под самой Москвой, в Коломенском. Но князь Долгоруков успокаивал царя, выражая совершенную уверенность в победе.

«Преддверие ада»

Сосредоточив войска в Арзамасе, Долгоруков более всего беспокоился о ядре повстанцев, осаждавших Симбирск. Хотя объединение сил бунтовщиков не представлялось вероятным, с Разиным следовало быть осторожным. Однако вопреки беспокойству царского командующего Разин не отступил, когда в начале октября к Симбирску подошли превосходящие силы князя Юрия Борятинского. Степан Тимофеевич рубился в самых жарких местах сечи, как бы ища смерти. Голова его была рассечена саблей, нога прострелена. Лишь когда атаман потерял сознание, казаки вынесли его из боя и сами ушли вниз по Волге. Они переправились на Дон и укрепились в Кагальнике. Только весной 1671 г. домовитые казаки во главе с Корнилом Яковлевым, получив от царя помощь войсками, оружием и припасами, взяли городок и схватили Разина с братом Фролом.

Тем временем Долгоруков методично уничтожал разрозненные отряды повстанцев. Летописец того времени с ужасом рассказывает о «пахотных крестьянах», которые, «настрогав вместо оружия длинных древок, заострив концы и зачернив в подобие железных копий, и с теми шли на государевы полки биться... Ополченные же московские ратные люди, побивая всех, всуе шатающихся, погубили народу множественно христиан православных, им же нет числа». В массовом масштабе

были применены страшные пытки и казни, предусмотренные Уложением 1649 г. за «скоп и заговор» против власти. Местами каратели полностью сжигали населенные пункты, уничтожая все население. Другие воеводы только отсекали всем руки или по пальцу с правой руки, коли недосуг было засекать кнутами. Истреблено было более 100 тыс. человек.

Но это было только «преддверие ада». Наиболее важных пленных свозили к Долгорукову в Арзамас. «Страшно было смотреть на Арзамас, — писал современник, — его предместья казались совершенным адом: повсюду стояли виселицы и на каждой висело по сорока и по пятидесяти трупов; там валялись разбросанные головы и дымились свежей кровью; здесь торчали колья, на которых мучились преступники и часто были живы по три дня, испытывая неописуемые страдания. В продолжение трех месяцев в Арзамасе казнили одиннадцать тысяч человек».

Патриарх Иоасаф отлучил Разина и его соратников от церкви и предал проклятию — анафеме, всенародно провозглашавшейся в храмах и на площадях. Только после этого повстанцы, до последнего державшиеся в Астрахани, осудили на смерть оставшегося в городе митрополита Иосифа, постоянно призывавшего «перехватать донских воров и посадить в тюрьму». Митрополита казнили в мае 1671 г. Астрахань пала в ноябре, когда Разин был уже четвертован на Лобном месте в Москве. Ни Иосиф, ни Степан не выказали ни малейшего страха перед мучителями. Первый был объявлен святым, второй навеки остался в народной памяти как благородный защитник угнетенных.

Бунт был залит кровью. Немногочисленным повстанцам удалось добраться до Белого моря, где уже много лет сиял свет свободы. Русская святыня — Соловецкий монастырь не принял реформ Никона и смиренно, но твердо отстаивал право россиян на свою веру. Церковные гонения не помогали. Перед карателями монастырь запер ворота. Началась война на суше и на море, продолжавшаяся около восьми лет (1668—1676). Староверы и разинцы объединились в защите острова. Смиренный книжник архимандрит Никанор ходил под обстрелом по стенам монастыря и кропил святой водой пушки, благословляя стрелять не в людей, но в извергов рода человечьего.

Ворвавшись в монастырь благодаря предателю, царские слуги истребили всех. Особую ненависть вызывали монахи, не бравшие, по своему обету, в руки оружия. Под личным руководством царского воеводы их голыми вешали на лютом морозе за ноги, за руки или железными крюками за ребра, вмораживали в лед. Монастырь был осквернен и разграблен,

древние книги изорваны, драгоценная церковная утварь разворована. Царь, некогда слезно молившийся о прощении перед мощами митрополита Филиппа, в прославленной этим мучеником обители превзошел преступление Ивана Грозного. Говорили, что в наказание за ужасное святотатство Алексей Михайлович мучительно умирал, покрытый гноем и струпьями, в диком страхе умоляя новых соловецких мучеников о спасении. И не было ему прощения в этой легенде, передававшейся народом из уст в уста.

1. Почему Степан Разин не мог спокойно и в достатке прожить всю жизнь на Дону?

2. Что позволило Разину совершить победоносный поход «за зипунами»?

3. Как соотносятся силы разинского войска (достигшие под Симбирском 20 тыс.) и общее количество участников бунта?

4. Мог ли грозный атаман объединить силы восставших и победить царские войска? И что бы из этого вышло?

§ 37. ВОССОЕДИНЕНИЕ

Помимо внутренних кризисов и неурядиц, Россия в третьей четверти XVII в. имела довольно внешних проблем и долгов. Главной проблемой было возвращение земель, захваченных в Смуту Польшей и Швецией. Важнейшим долгом — спасение русских православных людей Украины и Белоруссии от ига Речи Посполитой и воссоединение в одном государстве основных территорий Древней Руси. Этот моральный долг остро ощущался россиянами, начиная с царя, свято верившего в свою миссию освободителя. Православные люди были убеждены в правоте заповеди: «Больше той любви нет, чем положить душу за друзей своих». Не было и сомнений, где именно страдают эти друзья, единокровные и единоверные братья.

Речь Посполитая

Если Россия временами напоминала очевидцам «преддверие ада», то россияне под властью Польско-Литовского государства оказались в подлинном земном аду. Он вполне принял свои ужасные очертания после утверждения на сейме в г. Люблине акта о вечной унии (единении) королевства Польского и Великого кня-

жества Литовского (1569). Новое государство называлось Речь Посполитая, что в переводе с польского означает «республика» (по-латыни — общее дело). И оно действительно было общим делом светских и церковных землевладельцев: князей — магнатов, католического духовенства и рыцарей — шляхты.

Власть короля была ограничена до предела, из городов лишь некоторые имели самоуправление, всю власть прибрало к рукам шляхетское сословие. Оно гордилось своей «золотой вольностью» и открыто заявляло, что в государстве есть лишь одно сословие — «народ-шляхта». Все прочее население не имело никакого значения в жизни государства. В глазах хозяев Речи Посполитой вокруг были одни холопы-рабы, чье предназначение — обслуживать прихоти господ. Крепостное право достигло такой жестокости, о которой в те времена не могли и мечтать русские дворяне. По закону, принятому общим собранием господ — сеймом в 1573 г., крестьянина мог безнаказанно убить любой самый захудалый шляхтич. Одна помещица, к примеру, велела казнить множество крестьян за то, что они недостаточно быстро расступились перед ее каретой. В усадьбах магнатов виселицы ежедневно напоминали крестьянам и горожанам о полном бесправии. Самыми униженными были православные русские люди.

Согласно Люблинской унии половина земель прежде могучего Литовского государства отошла Польше. Это была Украина и часть Белоруссии: Волынь, Подляшье, Подолье и Киевщина. Польские паны действовали здесь не просто как безраздельные хозяева, но как иноземные оккупанты. В западных районах Украины и большей части Белоруссии крестьяне работали на барщине шесть дней в неделю, сверх того платили оброки и выполняли множество повинностей. На церковном соборе в 1596 г. многие православные епископы приняли унию с католицизмом и покорились папе римскому. С этого времени православие официально считалось в Речи Посполитой упраздненным. Православное духовенство не имело никаких прав, православные храмы хозяева могли разрушать или сдавать в аренду.

Особенно зверствовали в борьбе с православием предатели — униаты. Один униатский архиепископ, например, приказывал выкапывать из могил трупы православных и бросать на съедение собакам, гноил ослушников в тюрьме, не останавливался перед грабежом и убийством. Когда доведенные до отчаяния жители Витебска убили этого злодея, папа римский приказал польскому королю утопить город в крови: «Да будет

проклят тот, кто удержит меч свой от крови... Итак, державный король, ты не должен удержаться от огня и меча. Пусть ересь чувствует, что ей нет пощады».

Ударный отряд наступления на инаковерие в Речи Посполитой составляли иезуиты. Им приписывалось много преступлений, но в действительности представители ордена Иисуса считали, что просвещение действеннее прямых гонений. Для воспитания людей в католическом духе они устраивали бесплатные школы и академии, вели публичные диспуты (споры) о вере, издавали ученые сочинения против ересей. Православные городские братства, монастыри и отдельные магнаты (вроде князя Константина Острожского) открывали в противовес свои школы и училища, выдвигали проповедников и создали целую ученую литературу.

Непомерные аппетиты шляхты и католической церкви несколько сокращались по мере приближения к границе с Россией и к Запорожской Сечи. Последняя из убежища казаков превратилась в XVII в. в нечто вроде удельного государства — с гербом, армией и законами, выборными гетманами и атаманами, с официальной православной верой. Сечь стала базой власти, противостоявшей шляхте и католицизму. Благодаря ей на Украине отчасти сохранилось казачье землевладение. Несколько тысяч реестровых (занесенных поляками в списки служилых) казаков имели полковое самоуправление. Часть из них сами держали крепостных крестьян и батраков.

Освободительная война

Мало сказать, что установление шляхетской диктатуры в Белоруссии и на Украине встречало сопротивление. Речь Посполитую почти непрерывно сотрясали казачьи и крестьянские восстания. Нереестровые казаки каждые несколько лет наносили шляхте сильные удары во главе со своими гетманами Тарасом Трясилой, Иваном Сулимой и Павлюком. Не отставали и запорожцы, совершавшие героические подвиги под знаменами гетманов Якова Острянина и Дмитрия Гуни. В восстаниях участвовали сотни городов и тысячи сел, по всей земле пылали помещичьи имения и замки. Польско-литовские карательные отряды и целые армии чинили редкостные зверства. Повсюду горели города и села, стояли вдоль дорог виселицы и колья с казненными, валялись трупы четвертованных, порубленных и засеченных насмерть. Один гетман-каратель признавался, что «если бы казнил всех виновных... пришлось бы все Приднепровье и Заднепровье вырубить без изъятия».

Поворот в упорной кровавой борьбе осуществил выдающийся государственный деятель и полководец Богдан Хмельницкий. В начале 1648 г. он возглавил восстание казаков в Запорожье, разгромил польский гарнизон и был избран гетманом. Выступая в поход на Украину, Хмельницкий сказал: «Я решил мстить не за свою обиду, но за поругание всего народа русского». После славных побед на реке Желтые Воды и под Корсунью во власти гетмана оказалась вся Украина, восстания охватили Белорусь. Но в победах Хмельницкого была и горечь: они были одержаны благодаря военному союзу с крымским ханом Ислам-Гиреем, вассалом Турции. Турки укреплялись в низовьях Днепра и медленно, но основательно готовились вступить в борьбу за Украину. Тем временем и союзные гетману татары воевали недаром: расплатой с ними были рабы.

Хмельницкий надеялся создать мощную армию, чтобы самому справиться с Речью Посполитой. К 8 тыс. выступивших с ним запорожцев примкнули казаки и крестьяне, из которых гетман формировал полки. В сентябре огромная шляхетская армия была разгромлена в сражении под Пилявцами. Казаки взяли Львов и осадили Замостье, откуда открывалась дорога на Варшаву. Но по требованию крымского хана Хмельницкий заключил с королем перемирие. Это дало шляхте возможность разгромить не сумевших объединиться повстанцев в Белоруссии, вырезать все население Бреста и Пинска. Однако Речь Посполитая уже просила о продлении перемирия, султан прислал приглашение принять турецкое подданство, а Оливер Кромвель, едва успев отрубить голову английскому королю, поздравил Богдана с освобождением Украины. В Белоруссии повстанцы и казаки Хмельницкого своей героической борьбой и гибелью остановили и обескровили армию, собранную для похода на Киев.

Гетман вновь перешел в наступление со словами: «Освобожу из польской неволи народ русский». Летом 1649 г. поляки потерпели страшные поражения на Западной Украине, под Збаражем и Зборовом. Они вынуждены были признать власть Хмельницкого над тремя украинскими воеводствами: Киевским, Черниговским и Брацлавским. Число реестровых казаков увеличивалось с 6 тыс. до 40, но не внесенные в реестр крестьяне возвращались под власть панов. Соблюдать Зборовский мир ни одной стороне было невозможно. Казаки и крестьяне не позволили панам вернуться на освобожденные по договору территории. Шляхта залила кровью принесенные в жертву земли: Волынь, Подолию и Галицию.

В 1651 г. война разгорелась с новой силой. Несмотря на массовые восстания в Белоруссии и самой Польше, королевская армия вторглась на Украину и под Берестечком разгромила войско Хмельницкого. Поражению способствовал неверный союзник — крымский хан. Теперь перевес был на стороне Речи Посполитой. Ее армии одержали победу на Черниговщине, взяли Киев и истребили жителей столицы Украины. По новому договору казачье самоуправление оставлялось только на Киевщине, реестр казаков сокращался, а Украина оккупировалась польскими войсками. В следующем году блестяще выигранным сражением на Батогском поле Хмельницкий остановил врага, а после победы под Жванцем (1653) добился изгнания поляков с Правобережья.

Братская помощь

Украине удалось выстоять благодаря неизменной и твердой поддержке России. Еще во время Смоленской войны польскому королю пришлось формально узаконить существование в своем государстве Православной церкви. Для украинцев и белорусов всегда была открыта русская граница, непроницаемая для шляхты. Пограничные воеводы имели приказ решительно отвергать требования о выдаче перебежчиков — будь то крепостные, горожане или участники вооруженной борьбы. О беженцах было указано заботиться: выделять земли, снабжать жильем, продовольствием, семенами и инвентарем, помогать строиться, зачислять в службу и выплачивать жалованье. Огромная территория от Белгорода до Воронежа была отведена под свободные от налогов слободы русских и украинских поселенцев, основавших города Харьков, Острогожск, Лебедин, Сумы, Ахтырку и Змиев. Впоследствии она стала называться Слободской Украиной.

Немало людей шло и в обратную сторону: добровольцы из Российского государства и донцы принимали самое активное участие в боях за свободу Украины и Белоруссии. Для поддержки Хмельницкого правительство отменило пошлины на вывозимые товары, в том числе продовольствие и боеприпасы. Из России на Украину непрерывно шли обозы с оружием, посылались мастера-оружейники. В самом начале освободительной войны Москва установила дипломатические отношения с Богданом Хмельницким, торжественно принимала его посольства и направляла на Украину своих послов. Русская дипломатия оказывала давление на Речь Посполитую, вынуждая ее смягчить позицию на переговорах с Хмельницким. С лета 1648 г. по предложению гетмана обсуждался вопрос о приеме Украины в российское подданство.

Москва понимала, что это означает войну с Речью Посполитой, а в случае победы — с Турцией и Крымом. В феврале 1651 г. Земский собор высказался за воссоединение Украины с Россией и объявление войны общему врагу. Требовалось, однако, предложить Речи Посполитой разрешить противоречия миром: перестать истреблять собственных подданных и оставить в покое православие, соблюдая прежние договоры. Переговоры были трудными и долгими, последние проходили во Львове летом 1653 г. Но на все увещевания русских послов король и паны отвечали, что тогда помирятся с рабами, когда им на шеи сабли свои положат.

Узнав об этом, Земский собор в октябре 1653 г. постановил: поскольку король нарушил данную им при коронации присягу о веротерпимости, а «паны в мире с казаками отказали и, желая православную христианскую веру искоренить и церкви Божии разорить, пошли на них войной при великих послах», мир Речи Посполитой с Россией разорван, а подданные короля свободны «от всякой верности и послушания». Поэтому следует «против польского короля войну вести», а Хмельницкого с войском запорожским, «с городами их и с землями принять» в подданство.

В январе 1654 г. представители всех сословий Украины на Переяславской Раде решили: «Хотим под царя восточного православного... чтоб вовеки все едино были». Участники Рады, а за ними и все население освобожденных территорий принесли присягу на вечное подданство российскому царю. Воссоединение древних русских земель началось.

Война с Речью Посполитой и Швецией

Выступление войск на запад началось весной 1654 г. с церемоний, подчеркивающих значение предстоящего дела. Патриарх Никон вручил командующему московскими войсками на Украине наказ (инструкции) как бы от лица самой Богородицы. Царь лично подавал воеводам и ратным людям чаши с медом. Предводимые иконой Иверской Божьей Матери и самим государем, войска в парадном облачении прошли по улицам столицы, через Кремль, где их с дворцовых галерей благословляло духовенство, в ворота, украшенные наподобие триумфальной арки.

Война поначалу напоминала триумфальное шествие. Православное население западных земель восторженно приветствовало освободителей. В то время как польские гарнизоны уносили ноги через дальние ворота, из ближних к московским войскам ворот торжественно выходили делегации жителей, ученики школ читали сочиненные к сему случаю стихотворные

орации (oratio по-латыни — речь). Пытавшиеся оказать сопротивление шляхетские войска всюду терпели поражения. Под руку царя-солнца перешел Смоленск со множеством пограничных крепостей, в следующем году, видя бегство разбитых в пух и прах гетманов, открыли ворота Минск, Вильна, Ковно и Гродно. Словом, вся Литва покорилась царю, который стал титуловаться, помимо прочего, «великим князем литовским». Белоруссия и Литва укрепились, казалось, в составе Российского государства; на юго-западе русско-украинские войска вошли в Галицию и взяли Люблин. Патриарх Никон требовал от царя «доискиваться» Варшавы, Кракова и всей Польши.

Польский король бежал в Германию. Шведский король Карл Густав вступил в Великую Польшу, овладел Варшавой и Краковом, был признан как король польский, но не остановился на этом. Потерявший свои земли литовский гетман Радзивилл, будучи протестантом, призвал единоверных шведов в Литву и получил от них обещание вернуть панам все владения, занятые русскими. Между Москвой и Стокгольмом начались недоразумения. Ими ловко воспользовалась Вена — столица Германской империи. Имперский посол откровенно заявил, что папа римский и католические государства — Империя, Франция и Испания — не допустят, чтобы католическая Польша сделалась добычей протестантов и православных. К имперскому призыву остановить войну с Польшей и выступить против шведов присоединился патриарх Никон, люто ненавидевший протестантов.

Война со Швецией длилась фактически один 1656 г. и окончилась ничем. Русские взяли несколько городов в Ливонии до Юрьева, но отступили от Риги, после чего военные действия приостановились. По условиям Кардисского мира (1661) царь вернул шведам города в Ливонии, были восстановлены границы, обозначенные еще в Столбовском договоре. Но перемирие с Польшей, заключенное в связи со шведской войной, имело катастрофические результаты. За обещание избрать московского царя на польский престол полякам решили возвратить всю Литву, Украину и Белоруссию, оставив России лишь ее старые земли, отобранные неприятелем в Смуту. Участники освободительной войны были потрясены этим вероломством. Хмельницкий умер от огорчения (1657). На следующий год его преемник гетман Выговской заключил с поляками договор о возвращении Украины под власть Речи Посполитой.

Из-за предательства гетмана Московский полк тяжелой кавалерии, в котором служили юноши знатнейших фамилий, попал в татарскую засаду под Конотопом и почти полностью погиб

(1659). В Москве был объявлен траур, и сам царь надолго облачился в «смирное платье». Народ Украины возмутился предательством гетмана и старшин. Выговской жестоко подавлял восстания, но вскоре вынужден был бежать в Польшу. В 1659 г. Переяславская Рада выбрала гетманом сына Хмельницкого Юрия. Тем временем Польша воспрянула, оправилась от «потопа» (как поляки называли время русско-шведского завоевания), сформировала крепкую армию и в 1660 г. перешла в наступление. В Литве была разбита армия Ивана Хованского, потеряно много городов, пала Вильна. На Украине армия Василия Шереметева и Юрия Хмельницкого потерпела поражение под Чудновом. Польские послы заключили мир со шведами и заявили, что помирятся с царем только на условиях Поляновского договора.

Раздел Украины Слабовольный сын великого отца, Юрий Хмельницкий признал власть Речи Посполитой, но при помощи польско-литовских войск смог удержаться лишь на Правобережье Днепра. Вскоре он бежал и попал к туркам, оставив Правобережье новым искателям власти. Левобережье избрало гетманом запорожского атамана Ивана Брюховецкого и поклялось хранить верность России.

Между тем воевода Юрий Долгоруков в жестокой четырехдневной сече под Могилевом разбил объединенное войско лучших полководцев Речи Посполитой. Неприятельское наступление в Белоруссии было остановлено. Только в 1664 г. польский король совершил попытку вторжения на левый берег Днепра, но потерпел поражение под Глуховом и бежал. Истощенные войной противники, не имея сил для решительной победы, оказались в положении пата.

Речь Посполитая не в силах была сладить с казаками одна, и если бы царское правительство уступило ей всю Украину, не имела возможности удержать ее за собой. Царский фаворит Афанасий Ордин-Нащокин, возглавивший в решительный момент переговоры, главными противниками считал Швецию и Турцию. Он доказывал Алексею Михайловичу, что только союз двух соседних славянских государств поможет им выстоять против грозных армий шведского короля и султана. Ради такого союза Нащокин готов был отдать Речи Посполитой если не всю Украину, то, по крайней мере, правобережье, включая Киев.

По Андрусовскому перемирию (1667) Россия оставляла на польской стороне почти всю Белоруссию и половину Украины, удержав на правой стороне Днепра лишь Киев — да и то только на два года (правда, условия вернуть Киев царь так и не вы-

полнил). Потеря большей части завоеваний, дорого оплаченных кровью русского, украинского и белорусского народов, не мешала царю Алексею Михайловичу гордо именоваться «государем Великой, Малой и Белой России». Его любимец Нащокин даже договаривался с поляками общими силами усмирить казаков. Но у тех была и своя воля.

Еще в ходе русско-польских переговоров правобережный гетман Петр Дорошенко, напрасно просивший царя не соглашаться на раздел Украины, призвал татар и возобновил ожесточенную борьбу с Речью Посполитой. Украину не удалось подчинить и церковной власти Москвы: Киевский митрополит остался на правобережье, а в Киеве и на левом берегу Днепра правил духовными делами его местоблюститель. Условия Андрусовского перемирия заставили и левобережного гетмана Брюховецкого изменить Москве: вместе с Дорошенко он отдался под власть Турции. После упорной борьбы на левобережье победили сторонники союза с Россией. Новым гетманом стал полковник Иван Самойлович, энергично боровшийся за объединение страны в составе Российского государства.

Канцлер Нащокин так и не смог добиться союза с Речью Посполитой, ради которого принес такие жертвы. Это осуществил лишь его преемник Артамон Матвеев, возглавивший Посольский приказ и принявший из рук Нащокина государственные печати. Оборонительный союз славянских государств был заключен вовремя: несколько месяцев спустя турецко-крымские войска вторглись в Речь Посполитую (1672). Превосходство сил завоевателей было сокрушительным. Вскоре, несмотря на героизм защитников, пал Каменец-Подольский. Угроза мусульманского завоевания нависла над Польшей, а Правобережную Украину султан заранее считал своей вотчиной. Остановить грозное нашествие предстояло России. Алексей Михайлович объявил Турции и Крыму войну, решающие события которой произошли в царствование его сына Федора Алексеевича.

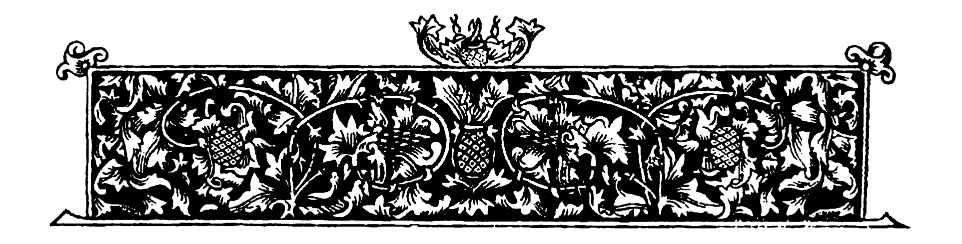

1. Почему православное население Речи Посполитой часто восставало и поднялось на освободительную войну?

2. Как Россия помогала Богдану Хмельницкому?

3. Что заставило россиян прийти на помощь украинцам и белорусам и начать войну с Речью Посполитой?

4. Какие события привели к разделу Украины и был ли этот раздел неизбежен?

Глава 12
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РЕФОРМЫ

§ 38. ПУТИ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Историю России с последней четверти XVII в. любят называть пышно: эпоха преобразований, переходный период от Древней Руси к Новой России, время модернизации и даже европеизации, словом, Петровское время. Эти красивые слова написаны усердными хвалителями Петра I, родившегося в 1672 г., взошедшего на престол в 1682-м и начавшего самостоятельное правление только с 1694 г. Легко заметить, что у почитателей Петра нелады с датами. 9 из 15 лет последней четверти века этому реформатору не принадлежат.

Но и сама хронологическая грань эпохи преобразований условна. Можно подумать, будто при царе-солнце Российское государство не было значительной — в военном, экономическом и культурном плане — частью Европы. Мы видели, что после восстановления от «великого разорения» и Смуты хозяйство страны быстро развивалось, территория ее расширялась. Формировался всероссийский рынок. Преобразований совершалось предостаточно.

Правительство Алексея Михайловича усиленно реформировало законы, строило заводы и мануфактуры, развивало технологии и внедряло новые сельскохозяйственные культуры, поддерживало торговлю и промышленность, завело множество полков «нового строя», печатало и переводило с иностранных языков книги, приглашало на службу тысячи зарубежных специалистов. Да что говорить о традициях, коли сам царь вопреки им поддержал реформы Никона, а при дворе устроил театр и любимые народом, но порицаемые церковью танцы?!

Жизнеописания: Г. И. Косагов

Григорий Иванович Косагов, начав службу в драгунах (ок. 1656), оставил в военных летописях своего времени глубокий след. В 1663 г. стряпчий Косагов был назначен воеводой в Запорожье. Небольшой отряд драгун, солдат и донских казаков с боем прорвался в Сечь, ходил за Днестр, сжег Перекоп. Когда запорожцы решили было предаться татарам и убить московского воеводу, Косагов и кошевой Серко с крошечным отрядом вновь напали на Перекоп, порубили татар и вызволили пленных. До конца войны с поляками сражался Косагов в тылу врага (1663—1666). Именно ему поручено было с конницей поймать на Дону Разина: казаки, прослышав про то, поспешили Стеньку выдать (1671). В начале русско-турецко-крымской войны полковник Косагов с 2 солдатскими и 8 стрелецкими полками при поддержке донских казаков громил Азов и открыл выход в море (1673). Янычары, крымская конница и турецкий флот не помешали построенному на Воронежских верфях военно-морскому флоту под командованием Косагова «промышлять над турецкими и крымскими берегами» (1674). Взятие центра Правобережной Украины Чигирина конным корпусом стольника Косагова знаменовало решительный поворот в войне (1676). Его кавалерия отличилась при форсировании Днепра и разгроме Ибрагим-паши (1677). Генерал-майор Косагов провел в Чигирин подкрепления через армию Кара-Мустафы (1678). Думный генерал Косагов воздвиг Изюмскую оборонительную черту, отрезав от Дикого поля 30 тыс. квадратных километров (1679—1681). Западноевропейские газеты восторженно писали о Днепровском походе (1687), когда корпус Косагова, прикрывая фланг армии Голицына, разгромил Белгородскую орду, Очаков и иные турецкие крепости на Днепре. Турки уже стягивали армию и флот для защиты Стамбула. Но при захвате власти Нарышкиными полководец не покинул своего ложно обвиненного командующего князя Голицына, и его карьера была кончена. В военные дела Петра Россия вступала без генералов.

Само развитие страны толкало правительство к преобразованиям: по собственному разумению государственных деятелей, а частенько силой народных восстаний и внешних неприятелей. Чем богаче становилась страна — тем быстрее она развивалась и настоятельнее требовала изменения всего, что мешало росту общественного благосостояния и могущества державы. Реформы должны были проводиться все более энергично. Но в каком направлении? Остро стоящая проблема выбора пути реформ при жгучем ощущении их необходимости — вот что было характерно для государственных преобразований после кончины Алексея Михайловича, которая пришлась точно на начало последней четверти «бунташного века».

Два правительства — царя Федора Алексеевича (1676—1682) и царевны Софьи Алексеевны (1682—1689) — сознательно шли по пути либеральных, «угодных» земским сословиям преобразо-

ваний. При Федоре и Софье страна сильно переменилась, это был период общественного процветания. Однако политика служения общей пользе, компромисса между властью и сословиями, не могла длиться вечно. К концу реформ брата и сестры Петра Россия, превратившись в могучую мировую державу, стояла перед выбором: или накопившиеся буржуазные отношения прорвут крепостнические заслоны, или дворянское государство станет столь мощной машиной подавления, что крепостное бесправие укрепит свое господство на полтора столетия. От решения этого вопроса зависело все остальное, например: займет страна видное место на мировом рынке производителей товаров или превратится в сырьевой придаток промышленных стран.

Петровские преобразования решительно поставили государство на путь крепостничества. Царь Федор и царевна Софья, подобно их младшему брату, не мыслили себе Россию без крепостного права, без аристократии, дворянства и церкви, строящих свое благосостояние на владении землей и рабочими руками, без прикрепления к тяглу всех налогоплательщиков. Но сам Петр I и его хвалители видели резкий контраст его царствования с правлением Федора и Софьи в направленности реформ, благосостоянии и успехах государства. Поэтому царствование Федора Алексеевича оказалось практически изъятым из истории, а на Софью было вылито море грязи и клеветы. Император, назвавший себя Первым, Великим и Отцом Отечества, очень боялся сравнений...

Откройте любой учебник, даже для университетов, — и вы сами в этом убедитесь. Преобразований царя Федора и успехов правления Софьи там попросту нет. Даже в знаменитом «Курсе русской истории» В. О. Ключевского характеристике деяний Петра посвящено 10 лекций, его «предшественникам» — 3 лекции, а личности и трудам царя Федора — ни единого абзаца. Между тем, как было замечено уже полтора века назад, шестилетнее правление юного и болезненного Федора Алексеевича богаче событиями, чем вся первая половина царствования Петра I.

1. Как вы можете объяснить отличие преобразований последней четверти XVII в. от более ранних реформ?

2. Кем были начаты преобразования и почему о них старались забыть во времена Петра I?

3. Какой смысл имеет устранение «белых пятен» истории XVII в. в наши дни?

§ 39. СТАРШИЙ БРАТ ПЕТРА

Царевич Федор, сын Алексея Михайловича, вступил на российский престол 30 января 1676 г. Ему оставалось два месяца до 16-летия. Яркое и краткое царствование юного государя глубоко поразили современников. На столпе Архангельского собора в Кремле, в усыпальнице московских царей, выдающимся живописцем XVII в. Богданом Салтановым изображен портрет 20-летнего государя. В красивых рамках — клеймах на картине благодарные современники почтили память царя Федора словами, каких редко удостаивались государи. Справедливость этих слов сегодня полностью подтверждается.

Из эпитафии Федору Алексеевичу в Архангельском соборе:

Одаренный постоянством царским, незыблемым благоговением истинным христианским, долготерпением и милосердием дивным, — правду сказать можно, то был престол мудрости, сокровище совета, царских и гражданских устоев охранение и укрепление, спорам решение, царству российскому утверждение. Кратко сказать — то ему было любезно, что мать нашу Православную церковь увеселяло, мир, тишину и всякое народу благополучие умножало. И во всем его царском житии не находилось времени, в которое бы он дела, всему православию памяти достойного... не сотворил.

К тому же неприятелям Российского царствия был страшен, в победах счастлив, народу любезен. Он от многолетних окрестных браней царству Российскому мир достохвальный принес. Из тьмы магометанства и идолопоклонства множество (людей) не принуждением, но христианским благочестивым промыслом в свет православной веры привел. Православных христиан, которые были мусульманам подданные, многие села и деревни от их подданства освободил. И из басурманского плена... страждущих многое число... выкупил. Многие церкви божии пречудно благолепием украсил.

О научении российского народа свободным мудростям (наукам) непрестанно помышлял, и монастырь Спасский, что в Китай-городе, для этого учения определил, и чудную, весьма похвалы достойную свою царскую утвердительную грамоту... на то учение написал. Дома каменные на пребывание нищим и убогим с довольным пропитанием сотворил и их упокоил многие тысячи. Царские многолетние долги народу простил и впредь налоги облегчил. Братоненавистные враждотворные и междоусобные местнические споры прекратил. Царский свой дворец, и град Кремль, и Китай-город преизрядно обновил. Убыточные народу одежды переменил. И иное многое достохвальное и памяти достойное сотворил — и ко всему полезному и народу потребному (почву) подготавливал...

Царствовал же сей благочестивейший и милосердный государь 6 лет, и месяца два, и дней 28.

Философ на троне Среди ученых людей издавна считалось, что государство хорошо управляется, лишь когда философ царствует или царь философствует. Юный государь, воспитанный в глубоком почтении к наукам и искусствам, мечтал с помощью разума преобразовать и усовершенствовать мир. Занятия философией определяли вкусы и пристрастия молодого царя, отражались на его государственной деятельности и личной жизни. Любомудрие служило опорой в политических невзгодах, заставляло не поддаваться гневу, не решать важных дел по первому порыву. Разум позволял царю справляться и с собственными слабостями.

Федор Алексеевич был не только очень юн (он скончался на 21-м году жизни), но и весьма болен. Сразу по вступлении на престол его обследовал консилиум докторов и лекарей Аптекарского приказа и нашел больным хронической цингой (авитаминозом) с временными тяжелыми приступами, когда царевич не мог даже ходить. Юность и болезненность царя не мешали современникам видеть в нем энергичного государственного деятеля. Окружение царя сильно менялось с годами. У него не было постоянных фаворитов, не было даже боярина-канцлера, своего рода «первого министра», характерного для русского правительства второй половины XVII в. (вспомним Афанасия Ордина-Нащокина или Артамона Матвеева).

Не вызывает сомнений, что Федор Алексеевич правил самостоятельно, выслушивая достойных доверия советников, но руководствуясь своим умом. Архивы хранят великое множество именных указов Федора, принятых без согласования с Боярской думой, с четкими изложениями мотивов царских решений. С первых до последних дней царствования Федор Алексеевич неутомимо отдавал характерные для него лаконичные распоряжения, заказывал сводки материалов для принятия дальнейших мер, следил за их исполнением и пугал ослушников суровыми карами (которые на практике редко применялись). Некоторые указы адресовались исполнителю тайно, «чтоб только тебе и мне было ведомо».

Среди свидетелей событий ходили слухи, что смерть Федора и отстранение от трона его брата Ивана (1682) были связаны с нежеланием высшей знати продолжать реформы. Это касалось отнюдь не отмены местничества, упомянутой во всех учебниках. Оно как раз прошло беспрепятственно, и созданная Федором Палата родословных дел исправно работала при его преемниках. О каких же реформах шла речь?

Многие идеи царь Федор почерпнул в европейской науке у своего высокообразованного учителя Симеона Полоцкого. Лучший ученик Полоцкого Сильвестр Медведев излагал от имени царя Федора представление о государстве как едином организме (по апостолу Павлу), в котором люди играют роль органов хоть и разных по назначению, но одинаково необходимых.

Органическая теория исключала равенство (ведь голова важнее, чем палец на ноге). Более того, интересы сохранения государственного организма требовали поддержки социального разграничения: бояре должны вместе с царем думать о делах в пользу мира и прибыли в государстве, воеводы командовать воинством, воины служить, тяглые люди приносить оброк. Однако Федор Алексеевич не случайно настойчиво вел речь о народном благе и всенародной пользе. Царь выражал понимание, что «ни один благородный без единого мнимого меньшим жить не может», то есть необходимо учитывать интересы всех сословных групп в государстве, что и осуществлял на практике.

Укрепление «головы» государства

Внесенный на трон на руках (поскольку опухшие ноги не позволяли ходить), Федор Алексеевич немедленно занялся укреплением «головы» государства: Боярской думы и центрального аппарата. Приказ тайных дел как стоящий вне механизма государственного управления был немедленно упразднен. Уже на третий день царствования Думе было приказано собираться регулярно: «Боярам, и окольничим, и думным людям съезжаться в Верх в первом часу (т. е. с рассветом) и сидеть за делами». Дела, решение которых затягивалось, передавались лично царю.

Федором Алексеевичем был установлен график доклада в Думе дел по всем центральным ведомствам, а число членов Думы увеличено с 66 до 99 человек, причем прежде всего за счет равноправных высших заседателей — бояр: вместо 23 их стало 44 — больше чем когда бы то ни было! Устоявшаяся традиция «праздничных» пожалований чинов родственникам и фаворитам была на время царствования Федора сломана: в чины жаловались соответственно знатности, административным и хозяйственным заслугам и лишь в последнюю очередь — благодаря близости к государю.

Постоянно заседавшая Дума провела изрядную законодательную работу. Всего за годы царствования Федора появилось до тысячи новых законов. Освобождению Думы от массы текущих дел способствовало создание именным указом Расправ-

ной палаты (1680). Она должна была рассматривать массу дел, поступающих из центральных ведомств, и челобитные подданных, чтобы «указ по тем делам и по челобитным чинить». У России впервые появилось официальное правительство, отделенное от власти законодательной. Значение царя и Думы не умалилось. Создание верховного административного органа упрочило структуру исполнительной власти и позволило законодателям сосредоточиться на основных проблемах страны. Закономерная при развитии государства передача функций вышестоящих звеньев аппарата в нижестоящие затронула и систему приказов.

Укрепление штатов центральных ведомств при Федоре было весьма существенным: при сохранении прежнего числа приказов и дьяков подьячих стало вдвое больше (1702 в 38 приказах). Именными указами приказам было установлено единое время службы: пять часов после рассвета и пять — перед заходом солнца. Царь стремился, чтобы бóльшая часть административных и судебных дел решалась в столах (отделах) приказов дьяками или старшими подьячими, а также в руководстве приказами — судьями или думными дьяками, которых стали писать с полным отчеством, как бояр. В центральных ведомствах постепенно устанавливалось единовластие. А «слушать всех приказов спорных дел и челобитные принимать» предоставлялось Расправной палате.

Искоренение мздоимства и казнокрадства чиновников требовало изменить условия, способствующие процветанию этого зла. Важнейший способ вымогательства — неправый и нескорый суд — был подлинным бичом отечества. Прежде всего государь попытался помочь людям, попавшим в бесконечное предварительное следствие. Он то торопил судей с решением таких дел, то требовал все их к себе на рассмотрение, то назначал штрафы за волокиту свыше 100 дней... Особыми указами Федор Алексеевич запрещал пересуд дел, уже решенных при отце, требовал наказания волокитчиков в гражданских исках. Наконец, двумя указами заменил членовредительные казни ссылкой в Сибирь (по второму из них не ссылали детей). Царь пытался улучшить содержание в тюрьмах и повелел выпускать из них без залога или хозяйских поручительств.

Однако более всего его беспокоило великое разнообразие властей, обдиравших подданных на просторах России. 27 января 1679 г., после продолжительной подготовки, Федор Алексеевич издал для общего блага и всенародной пользы два тесно взаимосвязанных указа: о реформах местного управления

и налоговой системы. Одним указом отменялись должности «горододельщиков, и сыщиков, и губных старост, и ямских приказчиков, и осадных, и пушкарских, и засечных, и у житниц голов, и для денежного и хлебного сбора из Москвы присыльщиков». Отныне в городах, объявлял царь, «ведать воеводам одним, чтоб впредь градским и уездным людем в кормах лишних тягостей не было». Во втором указе приводился длинный список налогов и поборов, «которые... платили напеоед сего по сошному письму в разных приказах и сверх того по воеводским прихотям». Все это велено было из-за тягости для народа «отставить и впредь... не сбирать».

В результате проведенного с 1677 по 1679 г. валового (сплошного) описания Российского государства стало возможно перейти с поземельного на подворное обложение. Оно значительно увеличило число налогоплательщиков-тяглецов за счет не имевших земли бобылей, дворовых и монастырских людей, сельских ремесленников. Указы объявляли жителям каждого города и уезда, что государь велел «польготить» и в общей сумме нового единого налога, к тому же собирать его без лишней волокиты и убытков, «чтобы богатые и полные люди пред бедными в льготе, а бедные перед богатыми в тягости не были». В грамотах Федора Алексеевича точно указывалось, насколько меньше новый налог на данный уезд и средний его двор, а также какую сумму недоимки царь простил, «чтобы наше великого государя жалованье и милостивое призрение... было ведомо».

Поскольку новый единый налог — стрелецкие деньги и хлеб — собирался выборными целовальниками и передавался ими прямо в московский Стрелецкий приказ, царь Федор мог забыть прежние строгие (но не слишком действенные) указы против финансовых притеснений и грабежей со стороны воевод. Отныне местная администрация была прочно отделена от финансов и лишилась кормления. А для правильного сбора хлеба учинена была из меди единая таможенная орленая мера (унифицированная емкость для сыпучих тел). На эти меры пошли лежавшие мертвым грузом медные деньги.

Война и военные преобразования

Но помимо головы — центральных и местных учреждений — огромной заботой царя были руки государства — вооруженные силы, оставлявшие желать лучшего. Совершенствовать их пришлось в условиях тяжелой войны с Турцией и Крымом (1673—1681) — наследия политики Алексея Михайловича. Планы оборонительного союза христианских

держав, на которую делал ставку канцлер Артамон Матвеев, провалились. Империя, Испания, Голландия и Пруссия в 1672—1679 гг. воевали против Франции, Англии и Швеции, как бы забыв о турецком наступлении в Европе. Польша, защищая которую царь Алексей Михайлович объявил войну басурманам, поспешила заключить с неприятелем сепаратный мир и союз против России, «уступив» туркам Украину.

Решительный удар турок юный царь успел упредить. Спешно пожалованный боярством и посланный на Украину князь Василий Голицын дипломатией и силой привел к покорности Чигирин — форпост турецких сторонников на Правобережье. Когда в 1677 г. неприятельская армия подошла к городу, тот был отлично укреплен российскими инженер-полковниками. Подавляющий перевес в полевой артиллерии и выучка регулярных полков позволили командующему Григорию Ромодановскому с боем форсировать Днепр и наголову разбить турок и татар.

Стамбулу пришлось думать о спасении своего лица после поражения под Чигирином, а не о походе на Киев и в пределы Великой России. Оттоманская Порта была упорна, поляки, уступившие туркам Чигирин, ни за что бы не признали его российским. Разрушение крепости могло бы решить все противоречия и открыть дорогу к миру. Но Ромодановский утверждал: «Разорить и не держать Чигирин отнюдь невозможно, и зело бесславно, и от неприятеля страшно, и убыточно». А гетман Самойлович говорил: чем сдавать Чигирин, проще «объявить всей Украйне, что она великому государю... ни на что не надобна!»

Жизнеописания: А. А. Шепелев

Аггей Алексеевич Шепелев, московский дворянин, командир выборного солдатского полка на польском фронте (1658), был награжден за отличную службу (1661). Воеводствовал в Свияжске (1671), во время русско-турецко-крымской войны получил чин постельничего (1676), а за подвиги его солдатской дивизии в 1-м Чигиринском походе — звание генерал-поручика (1677). На следующий год солдаты Шепелева при поддержке полка генерал-майора Матвея Кровкова трое суток штурмовали сильно укрепленные янычарами Чигиринские высоты. В критический момент генералы пошли в атаку впереди солдат, надев шляпы на шпаги. Враг был опрокинут. Шепелев лично срубил бунчук турецкого командующего, но получил тяжелую рану. Отрезанные фланговой атакой турок солдаты Шепелева построились вокруг генерала в каре и отбивались уже прикладами, когда на гору ворвались стрельцы и кавалерия Змеева. Шепелев был произведен в думные генералы, и в этом чине его имя возглавило список думных дворян. За участие в 1-м крымском походе генерал был пожалован в окольничие и незадолго до смерти «от старых многих ран» награжден «другим не в пример» (1688).

Федор Алексеевич мучительно решал труднейший для политика вопрос о цене войны и мира. Ратование было славным, но, хотя все население, включая дворянство, церковь и царский дворец, исправно платило экстренные налоги, очень убыточным. А главное — в сложившейся ситуации война не могла привести к устойчивому миру, дать прочную границу на юго-западе. Шаги к миру были бесславны, однако обещали стране экономическое процветание и большой политический выигрыш, когда турецкая сабля обратится против европейских партнеров России, бросивших ее в борьбе с османской агрессией. Царь Федор энергично работал над подготовкой войны и мира почти год, пока не выбрал мир.

Он лично вникал во все детали — от планов новых крепостей до дипломатической переписки, свернул наступление на Азов, тайно выяснил позицию Стамбула, упорно боролся с воинственными умами при собственном дворе. Патриарх и Боярская дума утвердили приказ Ромодановскому решительно отразить армию великого визиря Кара-Мустафы от Чигирина. Царь тайным указом повелел полководцу разрушить крепость. В кампанию 1678 г. русская армия показала туркам свое превосходство в бою, но руины Чигирина будто бы случайно были оставлены.

Открыв дорогу к миру (он был подписан в 1681 г.), Федор Алексеевич занялся военным сословием и прежде всего обеспечением дворянства землей. В результате смотров 1677—1679 гг. он знал, что на одного дворянина или сына боярского в среднем приходится едва ли больше одного тяглого двора. Нужны были населенные крепостными, а значит — хорошо защищенные земли. По лично поддержанному царем плану генерала Косагова силами армии от Дикого поля мощными укреплениями Изюмской черты было отрезано 30 тыс. квадратных километров плодородной земли (1679—1681). Новая черта, строительство которой было начато Федором, протянулась от Верхнего Ломова через Пензу до Сызрани. Одновременно шли массовые раздачи дворянам поместий и быстро росла численность населения южнорусских земель, где базировались основные силы новой регулярной армии.

Царю Федору не казалось разумным положение, когда при огромном числе военнослужащих в государстве его генералы могли полноценно использовать в сражении всего несколько десятков полков стрельцов и солдат, рейтар и копейщиков, Пушкарский полк да строевых казаков. Спешно создававшиеся когда-то на юге и в Сибири драгунские полки, как и солдаты Олонецкого края, по сути, были крестьянами, лишь во время

войны призывавшимися в строй. Указами Федора Алексеевича их личный состав был возвращен в тяглые сословия. Более тяжелым балластом было дворянство, выступавшее в поход из уездов нестройными сотнями, с толпами военных холопов. В городах служили еще городовые приказчики и выборные должностные лица, городовые стрельцы, пушкари, воротники и затинщики. Всех их военно-окружная реформа 1679 г. обращала в регулярство, с увольнением негодных к строевой службе.

Энергичный сбор даточных людей (мобилизованных по указу крестьян) в регулярные полки резко увеличил число солдат. К ним и к стрелецкой корпорации приписывались «служилые по прибору» из упраздненных чинов. Служилые по отечеству направлялись в конные полки пограничных разрядов: Белгородского, Севского, Смоленского, Новгородского, Казанского, Тобольского, Томского, Енисейского и Тамбовского. Только служба в этих полках считалась действительной. При этом конница подвергалась чистке: не имевших дворянского звания выписывали в пехоту. Требуя от крестьян неукоснительно служить своим помещикам и энергично проводя сыск беглых, царь Федор издал именной указ о записи дворян в полковую службу под угрозой, что уклонившиеся навечно лишатся права получения чинов (1679). Вскоре последовал боярский приговор, согласно коему семьи неслужилых дворян могли потерять поместья. Военная служба в «регулярстве» становилась обязательной.

Пограничные военные разряды, крупнейшие из которых насчитывали десятки генеральских (корпусных и дивизионных) или полковых городов, получили городовые приказные избы, подчиненные окружным приказным избам под началом разрядных воевод и взяли на себя часть функций московского Разрядного приказа. Управление военными приказами было сосредоточено в руках князя Юрия Долгорукова. Наконец, московские стрельцы, хорошо показавшие себя в последних войнах, из пятисотных приказов были переформированы в тысячные полки, а их командный состав получил общеармейские звания (от подполковников).

Во всероссийской росписи новой армии 1680 г. значилось полков солдат — 41, стрельцов — 21, рейтар и копейщиков — 26, строевых казаков — 4. Рейтары представляли собой тяжелую кавалерию в шлемах и кирасах, вооруженную палашами, большими пистолетами и карабинами, а копейщики вместо карабинов имели копья. В отличие от петровских драгун дворянская конница, как и вся армия, была ориентирована на сражения с внешним неприятелем. Всего в регулярстве служило более 116 тыс. человек.

Дела гражданские и церковные

Не вошел в общую роспись Государев двор, выставлявший на войну чуть более 6 тыс. ратников (с выборными из городовых дворян — до 16 тыс., не считая холопов). Не столь уж большой по численности, он своей древней системой чинов лежал тяжким камнем на пути реформ Федора. Доходило до того, что вопреки государеву указу чиновники не оформляли подорожную генерал-майору, потому что не знали, выше он или ниже стольника. Та же история была с дипломатами. Царь личным указом сумел ввести для них оклады по званиям без различия придворных рангов. Проблемы возникали даже с главами посольств и командующими армий...

По завершении войны царь Федор подготовил своеобразную «табель о рангах» из 35 степеней: в каждую из них полагалось жаловать от одного до нескольких десятков человек. Этот проект позволял с помощью наместнических титулов разного уровня (от Московского до Елатомского) свести воедино иерархии Государева двора, армии, высшего гражданского аппарата и служащих дворца. Созванный государем Собор великих ратных и земских дел лишь начал работу: отменил местничество и добился от царя указа о создании Палаты родословных дел.

Одновременно Собор двойников решал вопрос о новой налоговой реформе. Отменив все экстренные налоги и отставив откупа, царь Федор по просьбе «посадских и уездных людей» простил недоимки за многие годы и даже обратился к налогоплательщикам с вопросом: «Нынешний платеж... платить им в мочь, или не в мочь, и для чего не в мочь?» Выслушав ответы, государь простил вообще все недоимки, снизил сумму обложения и распределил ее по 10 разрядам в соответствии с экономическим развитием регионов. Богатые платили больше, бедные — меньше (1681).

Огромный рост казенной прибыли от косвенных налогов показывал, что царь на верном пути. Оставалось соборно решить вопрос о справедливом уровне и распределении натуральных казенных повинностей (включая службу в целовальниках, отвечавших за сбор налогов). Царь указал составить справку о повинностях по всему государству и хотел получить предложения, «чтоб всем по его государскому милостивому рассмотрению служить и всякие подати платить в равенстве и не в тягость».

Используя ту же соборную форму и представление об общей пользе, но на этот раз не тяглецов, а землевладельцев, Федор Алексеевич сумел утвердить Правила Генерального меже-

вания. Об этом все просили, но даже среди высших чинов Государева двора «чинились меж собою бои, и грабеж, а у иных и смертные убийства», а потому в межевые судьи шли с большей опаской, чем на войну. Царь подписал последнюю страницу правил, когда был смертельно болен. После его кончины царедворцы передрались вновь.

Не удалось Федору Алексеевичу провести и реформу церкви, соответствующую его представлению о Российском православном самодержавном государстве. Самодержец верил, что церковь и царство неразделимы. Его единственное в мире православное царство есть зародыш обещанного Евангелием Царства Божия на земле. Оно призвано развиваться, совершенствоваться и расширяться, чтобы со временем спасти и просветить весь мир.

Государь был убежден, что в едином государстве граждане должны быть объединены единой верой, и достиг невиданного успеха в христианизации Востока. Массовая христианизация мусульман «и иных вер иноземцев» была вызвана весьма щедрыми наградами новокрещенной племенной знати. Затем крестившимся мордовским, татарским и прочим представителям податных сословий была объявлена свобода от не успевших креститься помещиков. Наконец, царь указал, что не познавшие веры навечно лишатся дворянства, но таких оставалось мало.

Противники реформ Федора во главе с патриархом Иоакимом тоже стремились к установлению в государстве единоверия. Однако Святорусская земля была для них четко определенным уделом древнейшего и славнейшего русского народа, которому окружающий мир не только не требовался, но был опасен. Не нужны были и перемены, способные лишь нарушить исконное благочестие. Федор Алексеевич считал, что прочность христианской веры в огромной стране должна подкрепляться духовным просвещением. Архиереи Русской православной церкви в корне не согласились с этим и просили у царя караул, чтобы насаждать благочестие силой.

Патриарх со товарищи отказали царю даже в предложении почтить великое государство довольным числом архиереев. По тщательно составленному государем плану епархиальной реформы Россия вместо 17 епархий должна была получить 73 со стройным подчинением патриарху 12 митрополитов, а им — 60 архиепископов и епископов. Столкнувшись с упорным неприятием своего плана, Федор начал проводить его постепенно, явочным порядком, и успел основать несколько новых архиерейских кафедр.

Замыслы и свершения

Противоречия царя с иерархами Русской православной церкви в вопросах просвещения были давними и глубокими. Когда Федор Алексеевич предлагал лечить разные общественные болезни с помощью убеждения, разумного просвещения и благотворительности, освященный собор требовал расширить монастырские тюрьмы и ужесточить суд по духовным делам. Даже в столь богоугодном деле, как строительство богаделен, царю пришлось опираться на собственные средства. Казенные богадельни были устроены в Знаменском монастыре и зданиях бывшего Гранатного двора. Не найдя поддержки у освященного собора, Федор Алексеевич тем не менее объявил в указе о своей надежде, что все общество поможет государству позаботиться об инвалидах войны и всех «бедных, увечных и старых людях». Взяв таковых на попечение и найдя посильную работу более здоровым нищим, можно будет вовсе очистить от них улицы, а значит, избавиться от заразы, от воров и злодеев, скрывающихся порой в нищенских лохмотьях.

Для сирот и детей нищих царь предлагал ввести обучение по способностям и склонностям. Одних — математике, «фортификации или инженерной науке», архитектуре, живописи, геометрии, артиллерии... Других — ремеслам: шелковому, суконному, золотому и серебряному, часовому, токарному, костяному, кузнечному, оружейному. Таким образом, гласил указ, вместо будущих тунеядцев страна получит зажиточных и полезных граждан, не нужно будет тратиться на приглашение иноземных специалистов, из коих к тому же «многие в тех науках не совершенны». Россия должна вывозить не товары, а свои изделия: «и так бы богатства множились».

Проблемами защиты и упрочения русской торговли и промышленности царь Федор по традиции занимался много. Он приглашал немало западных специалистов, надеясь вскоре воспитать им смену из россиян. Эти-то иностранцы и составили основную часть тех специалистов, на которых опирался Петр I.

Выдающимся событием царствования Федора стало подписание Привилегии на Академию. Это был документ об основании автономного в юридическом и финансовом отношении университета, выпускников которого царь обещал по заслугам жаловать на высокие государственные посты. Кончина царя не позволила основать Академию. Но Верхняя типография, книги которой выходили без церковной цензуры и были прокляты патриархом, работала при Федоре несколь-

ко лет. Было создано Славяно-Латинское училище Сильвестра Медведева, вызывавшее ненависть мудроборцев — противников просвещения.

Многие другие удачные реформы царя Федора упускаются из вида именно потому, что входили в русскую жизнь естественно, не вызывая сопротивления. Так, сам заядлый строитель, украсивший Кремль и окрестности Москвы многими зданиями, Федор Алексеевич широко раздавал москвичам беспроцентные (а часто и безвозмездные) ссуды на строительство собственных каменных домов из материалов приказа Каменных дел. Так в Москве появилось около 10 тыс. новых каменных зданий. При Федоре Алексеевиче были введены и единые меры и стандарты для строительных материалов.

Без особого скандала, просто запретив являться в старой одежде в Кремль, царь Федор «переменил» как мужское, так и женское служилое платье по новой европейской моде. Будучи великим любителем лошадей, он сам много сделал для развития русского коннозаводства «и дворянство к тому возбуждал, чрез что в его время всяк наиболее о том прилежал». Любовь Федора к поэзии дала нам сочинения Сильвестра Медведева и Кариона Истомина; любовь к музыке позволяет пользоваться наследием Николая Дилецкого и Иоанникия Коренева (не говоря о собственных музыкальных произведениях государя).

Высоко почитая историю, царь Федор завещал россиянам написать и издать историю Отечества «по обычаю историков» и согласно с убеждениями своего народа для собственной и всего мира пользы. При нем начали свои труды первые русские ученые историки: Игнатий Римский-Корсаков, Сильвестр Медведев и Андрей Лызлов, заложившие основы исторической науки в России.

1. Почему Федор Алексеевич начал реформы с Боярской думы и московских приказов?

2. Какая идея лежала в основе преобразований суда, местного управления и налогообложения?

3. Какие причины заставили царя дать тайный указ об оставлении Чигирина?

4. В чем вы видите суть военно-окружной реформы? В чем ее незавершенность?

5. Какие еще преобразования и замыслы царя Федора вам запомнились?

§ 40. ПРАВЛЕНИЕ ЦАРЕВНЫ СОФЬИ

Реформы царя Федора усилили напряжение в российском обществе. Налогоплательщики, особенно горожане и торгово-промышленные круги, участвуя в совещаниях с царем, видя его внимание и поддержку, почувствовали, насколько возросла их роль в государстве. «Служилые по прибору», особенно солдаты и стрельцы, убедились на полях сражений и в строительстве новых укрепленных границ, что являются главной силой регулярной армии.

Преобразования Федора не меняли, однако, сути закрепостительной политики самодержавия, наращивавшего мощь своего управленческого и карательного аппарата. Пока речь шла о правосудии и лучшем управлении для всех, радость народа не могли омрачить отдельные известия о расправах карателей с отрядами беглых крестьян и восстаниями ясачных людей. Однако стоило государю, женившемуся на Марфе Матвеевне Апраксиной (первая его супруга умерла после родов), всерьез заболеть, как общественный кризис немедля проявился.

В 1681 г. с приходом к власти правительства московских дворян — Языковых, Лихачевых, Апраксиных — усилились репрессии против старообрядцев, которые при либеральном государе жили даже в столице. В апреле 1682 г. были живьем сожжены выдающиеся проповедники-староверы во главе с протопопом Аввакумом. Правители и приказные судьи, почувствовав ослабление царского контроля, пустились в форменный грабеж. Казнокрадство, неправые суды, мздоимство местных и центральных властей быстро довели народ до предела, за которым должен был последовать взрыв. Люди, осознавшие свою силу и значение, сочли возвращение старых порядков преступлением перед общим благом и всенародной пользой, то есть изменой своему, служащему их благу государству. В довершение всего «верхи» в безумной борьбе за власть совершили ужасное государственное преступление.

Дети и родственники двух жен царя-солнца враждовали. Старшие царевичи — Федор, а при условии, что он умрет бездетным, Иван Алексеевич — были законными наследниками престола. Они родились от Милославской, как и царевны, среди которых выделялась Софья — ученица Симеона Полоцкого, прекрасный оратор, тонкий политик и чрезвычайно мужественный человек. В этих условиях Петру, появившемуся на свет в 1672 г., незадолго до смерти отца, было почти невозможно рассчитывать на престол.

Однако его родственники Нарышкины, Артамон Матвеев и другие царедворцы не могли смириться с таким положением. После неудачной попытки помешать воцарению Федора Алексеевича они были сосланы, но затем прощены добрым государем, который, несмотря на все усилия интриганов, любил своего младшего брата Петра. В разгар реформ «петровцы» сумели привлечь под свои знамена всех недовольных Федором: духовенство во главе с патриархом, знать, придворных и администраторов.

Московское восстание Дата смерти Федора Алексеевича — 27 апреля 1682 г. — врезалась в память современников и потомков. В этот день произошел дворцовый переворот. На престол, в обход совершеннолетнего старшего брата, царевича Ивана Алексеевича, был возведен не достигший 10 лет Петр. Однако заговорщики во главе с патриархом Иоакимом просчитались. Народ сразу понял, что «бояре хотят завладеть всем государством и обидеть бедных». Восстание, возглавляемое московскими стрельцами и выборными солдатами, стало неотвратимым. Напрасно патриарх посылал в стрелецкие слободы архиереев с увещеваниями, напрасно спешно сформированное правительство объявило стране, будто младший брат в обход старшего избран Земским собором — «всенародно и единогласно».

Мало кто поверил этой лжи. Не бояре, а царевна Софья призывала решить вопрос о престолонаследии соборно: «Что народу годно — то бы исполнить, и будет царство мирно и безмятежно!» Она говорила, что взрыв народного гнева назревал все последние месяцы, когда царь был прикован к постели. Не заметить этого мог только слепой. Но властолюбцы и были ослеплены.

Перед смертью Федор Алексеевич отдал приказ лишить чинов и имущества и сослать полковника Грибоедова, на которого жаловалась царю делегация всех стрелецких полков московского гарнизона. Стрельцы объединились, потому что их жалобы на невыносимое «тяжелоносие» (притеснения) начальников оставались без ответа. Когда служилые докладывали, что полковники задерживают и урезают в свою пользу жалованье, мучают их без вины и заставляют работать на себя, как крепостных, власти хватали челобитчиков и наказывали еще более жестоко.

Умирающий царь понял значение общей жалобы всех полков на одного начальника. Царедворцы, связанные круговой порукой, накануне переворота отпустили Грибоедова безнаказан-

ным. Родственники юного царя и друзья-победители бросились захватывать ключевые и наиболее доходные должности, безжалостно расправляясь с теми, кто не спешил освобождать для них место. Самозабвенно отдавшись охоте за чинами и привилегиями, они, казалось, не видели, что стрелецкие слободы вокруг центра столицы уже восстали, начальство перебито, в общих собраниях — кругах служилые выбирают командиров и в народе всюду обличают бояр.

«Бояре всем неправды творят и притеснение великое, суд и расправу чинят неправедно всему христианству ради мзды своей, сирых и бедных не щадя, разорения и беды им приносят, из домов изгоняют, нападают всякими неправдами, себя обогащают и домам своим прибыль добывают, а народ губят», — говорили одни. А другие твердили, что бояре — «не имея над собой довольного — ради царских юных лет — правителя и от их неправды воздержателя, как волки станут нас, бедных овец, по своей воле в свое насыщение и утешение пожирать!»

15 мая 1682 г. 19 пехотных полков с развернутыми знаменами, музыкой и начищенной до блеска артиллерией, в полном вооружении и парадном облачении двинулись со всех сторон на Кремль, сопровождаемые толпами народа. Правительство Матвеева, собиравшееся «обвесить» трупами восставших все зубцы московских стен, было уничтожено. Те, кто под шумок бросился грабить боярские дворы, были переловлены стрельцами и казнены. Кружечный двор, откуда развозилось по столичным кабакам вино, восставшие закрыли.

Установленный служилыми железный порядок пуще прежнего напугал придворных и администрацию. Казнили восставшие немногих. Приготовленный для расправы «список изменников бояр и думных людей» насчитывал чуть более 40 человек, в том числе докторов, которых обвиняли в отравлении доброго царя Федора. Погибли и те, кто без оружия пытался остановить рвущуюся во дворец армию, кто отказался склониться перед силой: князья Григорий Ромодановский, Юрий Долгоруков и некоторые иные.

С юным Петром на всю жизнь остался ужас, пережитый, когда восставшие выбрасывали из дворца на копья и рубили «в мелочь» его родственников и царедворцев, шарили по всем палатам, громыхая окровавленным оружием. Не только мальчик — подавляющее большинство государственных деятелей и придворных, даже зная, что их имен нет в списке, помышляло лишь о бегстве.

17 мая восставшие, добившись признания «изменников» в отравлении Федора и завершив казни, простили чудом спасшихся (которых прятали царевны и царицы) и объявили о наступлении мира. Большинство представителей «верхов» тут же забилось, как подземные кроты, в свои дальние вотчины. Лишь немногие представители родовой знати сочли недостойным бросать царскую семью на произвол восставших. На них-то и смогла опереться царевна Софья, первой осознавшая, что спасать следует уже не отдельных людей или права престолонаследия, а само царство.

Царевна, преодолев страх, выступила перед восставшими от имени царской семьи, не выказывая ни малейшего испуга перед вооруженной толпой. Царевну не пугало и то, что на сторону восставших переходили города и уезды. Она опасалась другого: под лозунгом равной для всех справедливости восставшие не только возвели на престол неправедно обойденного боярами царя Ивана, но прислали во все государственные учреждения своих выборных и на несколько месяцев установили контроль над столичными властями. Народ поверил — и толпами повалил в приказы решать дела, с которыми прежде боялся обращаться из-за ведомого мздоимства и неправосудия чиновников.

Стрельцы и солдаты заявили, что будут отныне постоянными гарантами общей пользы, правды и справедливости в государстве. Они добились, чтобы в противовес дворянам, служившим в конном строю, их называли надворной пехотой, и пожелали занять в сословной структуре место правого крыла царской власти, соответственно реальному значению пехоты в армии. Более того, стрельцы и солдаты выступали от имени всего сословия «служилых по прибору». Они потребовали жалованных грамот о новом сословном положении не только для себя, но и для гостей, ямщиков, пушкарей, воротников и посадских людей.

На Красной площади был возведен памятник победе восставших над «изменниками-боярами»: «Чтобы впредь иные... творили правду». «Мужики, — писал очевидец, — тщались государством управлять... хотели правительство стяжать». Но старый аппарат власти, господствующее сословие и крепостное право сохранялись. Даже движение холопов восставшие, которые вначале сгоряча сожгли Холопий приказ, постарались подавить.

Умиротворительница У восставших не было единого вождя. Они как дети радовались, что главой Стрелецкого приказа был назначен князь Иван Хованский — добрый и хлебосольный боярин, отец-командир, засту-

павшийся перед Боярской думой за своих «детушек». Софья же сумела объединить государственных деятелей, с помощью которых повернула события вспять. Первоначально царевна, князь Василий Голицын, думный дьяк Шакловитый и их сторонники из числа знати и администрации удовлетворили все требования восставших. Софья наказала и сослала ненавистных начальников, не побоялась истощить казну и обложить данью монастыри, чтобы выплатить стрельцам и солдатам огромные деньги. Она велела выписать все жалованные грамоты и дала разрешение на строительство памятника победе восставших.

Это позволило ей уже летом отразить смертельную опасность, грозившую Церкви. Борцы за старую веру завоевали среди восставших огромную популярность. Патриарх Иоаким и архиереи запятнали себя участием в дворцовых интригах. Когда толпа старообрядцев и сочувствующих двинулась на Кремль, царскую семью и двор предупредили, что любому, кто заступится за никонианское духовенство, «от народа не быть живым». «Если и так, — сказала Софья, — то будь воля Божия; однако не оставлю я святой Церкви и ее пастыря!» Она вместе с теткой — знаменитой меценаткой царевной Татьяной Михайловной — заняла в Грановитой палате царское место и руководила прениями так искусно, что удержала староверов от расправы с церковными властями, заодно дискредитировав их в глазах стрельцов как врагов государственного порядка. К ночи, когда толпы стали расходиться, она распустила собрание. Стрельцы схватили и казнили расколоучителей. Церковь была спасена.

Даже недоверчивых родных Петра царевна убедила, что, пока восставшие могут вещать от имени двух царей, ситуация катится к катастрофе. Заручившись поддержкой всей царской семьи, Софья сумела усыпить бдительность восставших и вывезти царей из Москвы. Уходя «странным путем» от охраны и погони, царская семья спряталась за стенами Троице-Сергиева монастыря. Двор обмирал от страха, готовый разбежаться при очередном ложном известии из Москвы, где не осталось ни одного дворянина. Главнокомандующий князь Голицын и глава Разрядного приказа «в походе» Федор Шакловитый сумели за месяц собрать более чем 100-тысячное дворянское войско. Правда, оно не способно было одолеть в бою 25 тыс. стрельцов и солдат: при одном слухе о выступлении восставших из столицы эти вояки помышляли о сдаче! Но огромное войско было полезно царевне для начала переговоров с восставшими.

Софья сумела выманить из Москвы и казнить князя Хованского. Тем самым она лишила восставших «вождя», а стране

объявила, что московская смута с начала до конца — результат заговора Хованских. Официальная пропаганда по всей стране сеяла россказни о злохищном умышлении этих аристократов, опустившихся до организации бунта. Ирония истории состояла в том, что впоследствии такое же обвинение было брошено Софье... Разделяя и подкупая, уговаривая и устрашая, пугая молчанием и произнося пламенные речи, царевна сначала заставила стрельцов и солдат покориться без признания ими «вины». Затем «мужеумная дева» поставила противника перед необходимостью принять новые жалованные грамоты взамен прежних (закреплявших победу восстания) и снести памятник на Красной площади. Наконец, руками смирившихся с отказом от целей восстания благонамеренных служилых людей Софья подавила отдельные вспышки недовольства.

В ноябре двор вернулся в утихшую столицу. В январе 1683 г. была мирно погашена последняя вспышка восстания. Но даже злейшие враги царевны понимали, что только она способна разрядить мину, которую подложило под себя государство помещиков, вооружив и обучив военному делу горожан. Не имея никаких формальных прав, Софья осталась у власти и выполнила взятую на себя задачу. Шакловитый, ставший во главе Стрелецкого приказа, предложил правительству долгосрочную программу «перебора» регулярных полков. Царевна и ее соратники постепенно выявляли и исключали из состава войск опасных смутьянов, год за годом под разными предлогами выводили из столицы и расформировывали склонные к «шатости» полки. Ряды служилых разделяли привилегиями, следя, чтобы не допустить скопления критической массы недовольных. Софья понимала, что завершение этой работы будет концом ее правления.

Жизнеописания: М. О. Кровков

Матвей Осипович Кровков начал службу стряпчим в рейтарском строю (1658), дослужился до комнатного стольника (1672). Делом жизни Кровкова стало обучение «выборных» (гвардейских) солдатских полков, расквартированных в подмосковных Бутырках. Солдаты Кровкова еще с 1676 г. укрепляли Чигирин. В следующем году они составили ядро войск, с боем форсировавших Днепр и разгромивших армию Ибрагим-паши. Во 2-м чигиринском походе русская пехота доказала полное превосходство над лучшими войсками великого визиря Кара-Мустафы: теми самыми, что несколько лет спустя едва не взяли Вену. Зная твердый характер любимого генерала, солдаты, восставшие в 1682 г. против бояр, связали его, но не причинили вреда. При царевне Софье и Нарышкиных Кровков не пользовался доверием двора и служил в Якутске (1683—1700), где и скончался.

Тем не менее она энергично боролась с опасностью восстания городского населения, поддерживая интересы торгово-промышленных воротил. Мудрый сторонник Софьи, поэт, историк и просветитель Сильвестр Медведев предупреждал: «Невозможно держать в мире многое множество людей, не установив в судах правосудия». Царевна сосредоточила внимание на контроле за правосудием и взялась за искоренение злоупотреблений властью, продолжила политику передачи властных функций, особенно финансовых, выборным людям. Большое значение для мира и процветания государства имело утверждение единых в России мер и весов (1686), разработка новых статей к Соборному уложению о разбойных и воровских делах (1687), утверждение государственного тарифа на ямские перевозки (1688) и принятие дополнений к Новоторговому уставу (1689).

«Вечный мир» Новые условия требуют новых политиков. Если Софья мастерски учитывала расстановку общественных сил в стране, то глава русской дипломатии канцлер Василий Голицын доказал, что над новым зданием Посольского приказа недаром установлен глобус. Того, чего Посольский приказ при нем не знал о политических, военных и экономических событиях в мире, знать и не стоило. Твердо проводя свой курс как представитель великой державы, Голицын-дипломат вызывал уважение и симпатию даже своих побежденных противников и оставшихся в дураках союзников.

Ни знанием языков, ни манерами канцлер не уступал опытнейшим западным дипломатам. Он держался как просвещенный итальянский князь, так, что французский посланник доносил двору, будто у Голицына «сердце французское», а датский резидент писал о глубокой любви канцлера к Дании. В действительности тайно организованный русской дипломатией союз Франции, Дании и Бранденбурга против Швеции был нужен для того, чтобы прознавшие о нем через шпионов шведы поспешили продлить Кардисский мир с Россией на условиях Голицына.

Отношения на уровне великих и полномочных послов были укреплены с Францией, Англией, Голландией, Испанией, Германской империей, Швецией, Данией и папским престолом, посольства работали в мелких государствах Германии и Италии. Но главной проблемой оставалась Речь Посполитая, не смирившаяся с потерей земель и то и дело порывавшаяся взять реванш. О польскую непримиримость разбивались все попытки создать мощный оборонительный союз против наступавших в Европе турок.

Но Чигирин был разрушен не напрасно. Заключив мир с Россией, турки и татары бросились на ее неверных союзников. В 1683 г. великий визирь Кара-Мустафа едва не взял Вену. Столицу Империи спас подоспевший польский король Ян Собеский, которого русская дипломатия вовремя подтолкнула к союзу с Габсбургами. На следующий год к союзу присоединилась Венеция и была создана Священная лига для борьбы с турками и татарами. Но и соединенные силы союзников терпели поражение. Сам Собеский едва унес ноги из Молдавии, оставив на поле боя значительную часть армии.

С 1670-х гг. роли переменились. Теперь государства Священной лиги и ее номинальный руководитель папа римский всеми силами добивались вступления в войну России. Голицын не позволил, чтобы сбылись их мечты столкнуть Россию и Турцию и оставить их проливать кровь наедине. По его требованию Империя заключила в Регенсбурге 20-летнее перемирие со своим постоянным врагом Францией (1684). В свою очередь от Парижа князь получил обещание не нарушать нейтралитет на Рейне. С Империей, Швецией и Бранденбургом была достигнута договоренность воспрепятствовать укреплению королевской власти в Речи Посполитой (1686).

Все эти годы русско-польские переговоры шли впустую. Поражения не сделали Яна Собеского и шляхту сговорчивее. Тогда Голицын организовал давление на Речь Посполитую со стороны Империи, папы римского и даже традиционно союзной ей Франции... Король и Сенат сдались. После бурных переговоров в Москве был подписан договор о «вечном мире» между Россией и Речью Посполитой (1686). На следующий год в Кракове король, плача, ратифицировал документ о правах России на все отвоеванные ею земли. Одновременно признавалась власть Киевского митрополита над православными Польши и Литвы. А митрополит благодаря хитроумной дипломатической операции на Востоке нежданно перешел от Константинопольского патриарха под власть первосвященника Московского.

Значение вечного мира было велико. Только с этого времени наше государство на законных основаниях именовалось Великой, Малой и Белой Россией — и было признано таковым на международной арене. Это была такая победа, что враги Софьи не осмелились воспрепятствовать официальному утверждению ее власти. Отныне имя царевны, принимавшей в дипломатических делах живейшее участие, во всех государственных документах и частных прошениях включалось в царский титул после имен Ивана и Петра.

Одна весть о заключении «вечного мира» вызвала бурное ликование в Речи Посполитой, Империи, Венеции и покоренных турками христианских странах. Неприятеля она повергла в ужас. Султан «зело со всем басурманством задрожал» и отменил генеральное наступление на Польшу. Крымский хан спрятался за Перекопом. Не встречая сопротивления, имперские и польские войска перешли в наступление.

Крымские походы Действия главной армии России, вступившей в Священную лигу, были в 1687 г. неудачными. Полки выступили поздно, безводную и подожженную крымчаками степь не преодолели и вернулись восвояси. Но по Дикому полю наступала лишь часть войск. Одновременно разведанными путями вдоль Днепра выступила армия окольничего Леонтия Неплюева и генерала Григория Косагова. Днепровская армия наголову разгромила левое крыло Крымской орды и принялась сносить турецкие крепости, закрывающие путь к Черному морю.

Для защиты наиболее важной крепости Очакова султан спешно перебросил в Черное море свой средиземноморский флот, перевезя на нем войска из Мореи и Греции. В его окруженной войсками столице началась паника. Фанатики с криками: «Русские идут на Стамбул!» — бросались с минаретов. Султан Мухаммед IV бежал в Азию и был убит обезумевшими от страха янычарами. Турецкий флот не успел спасти взятый Косаговым Очаков, десант не осмелился высадиться в устье Днепра. Тем временем венецианцы беспрепятственно заняли Морею, а их корабли без единого выстрела вошли в порт Афин. Дож Венеции послал в Москву благодарственную грамоту, имперцы же промолчали, хотя все лето наступали, почти не видя противника.

Союзники столь «щедро» предложили Голицыну занять Константинополь, что князь понял — Лига готова развалиться. В 1688 г., видя, что поляки второй год не наступают, Голицын не повел войска дальше реки Самары, но использовал все средства для укрепления Лиги. Его послы в Париже, Мадриде, Лондоне, Берлине, Амстердаме, Флоренции, Копенгагене и Стокгольме силились продлить хрупкий европейский мир. Посольский приказ использовал западные газеты и брошюры для пропаганды продолжения войны с мусульманским нашествием. Сама Империя, захватив Сербию, Славонию, Семиградье и часть Боснии, была удовлетворена добычей и вела сепаратные переговоры с турками. Русская дипломатия вынуждена была раскрыть эти планы перед польскими и венеци-

анскими послами. Переговоры были сорваны. Но Венеция тоже вступила в секретные сношения со Стамбулом, а тайных посланников Крыма разведка засекла при польском дворе.

В предстоящем походе на крымского хана Голицын должен был проявить предельную осторожность: ввязавшись в войну, можно было остаться последним дерущимся среди смеющихся. Тем не менее поход 1689 г. состоялся и принес победу русскому оружию. После первого похода Голицын начал строительство в Диком поле современных фортов с мощной артиллерией, способной не пропустить большую орду. Держа войска на Днепре и под Азовом, князь довершил блокаду Крыма. Но полностью утихомирить ханство и сделать пригодными для заселения огромные плодородные земли на юге России можно было только пробив крымский щит — огромное степное пространство, непреодолимое для европейской регулярной армии.

Военные руководства того времени запрещали удаляться от складов более чем на три перехода. Необходимость прикрывать мушкетеров пикинерами не позволяла пехоте наступать, отражая настойчивые атаки кавалерии, тем более через густые травы. Иностранцы были поражены успешным наступлением Голицына на Перекоп. Секрет состоял в тщательной военно-технической подготовке. Новые крепости стали передовыми базами снабжения. Облегченные полевые пушки и гаубицы были установлены на специальные лафеты, позволяющие вести огонь с ходу из боевых порядков батальонов. Массированный огонь артиллерии на критическом участке обеспечивал пушкарский полк. Пехота получила усовершенствованные мушкеты, первые винтовки, десятки тысяч ручных и ружейных гранат.

Среди туч постоянно атаковавших крымчаков наступавшая колоннами российская армия «шла как вода, не останавливаясь, только отстреливаясь». Три дня подряд крымский хан лично раз за разом бросался в атаки. Видя русский меч над своими кочевьями, крымчаки проявили отчаянную храбрость и дважды прорывали строй казачьих полков, но были отброшены контратакой пехоты. Плотный огонь 350 орудий, 112 тыс. мушкетов, карабинов и винтовок, разрывы гранат буквально сметали степную конницу с поля. Русская пехота не имела потерь. Высокая технология и выучка новой российской армии обусловили перелом в отношениях с Крымом. В мае 1689 г. под стенами Перекопа хан униженно просил мира и приносил дары, забыв требовать себе «поминок». Голицын знал, что, обещая перейти в царское подданство, хан лукавит: такой измены не допустили бы турки, опутавшие Крымское побережье

сетью крепостей. Вторжение в Крым означало бы конфликт России с Турцией, которого только и ждали союзники, чтобы выгодно выйти из войны.

Князь приказал рвущимся в бой войскам отступать, но вовсе не думал о неудаче. Отрезанное от источников военной добычи, на которую покупалось турецкое продовольствие, ханство должно было вскоре оказаться во власти голода и эпидемий. Через несколько лет южная граница России стала столь безопасной, что правительство увеличило срок сыска беглых на старых укрепленных чертах в 5 раз! А турки впоследствии были озабочены разрушением построенных Голицыным в Диком поле крепостей сильнее, чем возвращением взятого Петром I Азова. Канцлер не смог воспользоваться плодами своей прозорливой политики и обеспечить России максимальный выигрыш в войне. Он вернулся из похода незадолго до переворота, вновь лишившего страну мудрых правителей.

Переворот Видя, что опасность восстания подданных отодвинута далеко, царедворцы и патриарх Иоаким решили, что от правительства Софьи и Голицына можно избавиться. Мать Петра Наталия Кирилловна и ее родичи Нарышкины в январе 1689 г. женили юношу на Евдокии Федоровне Лопухиной, что должно было свидетельствовать о достижении царем совершеннолетия, и готовились к решительной схватке за власть. Недовольство вернувшейся из Крымского похода армии, без потерь одержавшей блестящую победу, но лишенную военной добычи, создавало удачный фон задуманному спектаклю.

Августовской ночью несколько стрелецких слобод были разбужены по тревоге. Зачинщики призывали идти в Кремль: будто царской семье угрожает какая-то опасность. За обещание вскоре прибыть ко дворцу они раздавали стрельцам «по рублю денег в бумажке». Люди эти, как явствует из подлинных документов, были наняты агентами Нарышкиных. Сполох кончился ничем — потолкавшись в Кремле, немногочисленные служилые люди разошлись по домам. Между тем жившему в селе Преображенское Петру среди ночи сообщили, что московские стрельцы восстали в пользу Софьи и идут его убивать. Пережитый ужас проснулся вновь. Бросив беременную жену, Петр в одной рубахе ускакал в Троице-Сергиев монастырь. Наталия Кирилловна спокойно собралась и с невесткой и двором отправилась вслед за сыном.

Остальное было предопределено: сбор войск во спасение жизни государя от злодеев стрельцов, обвинения и казни «заго-

ворщиков» из лагеря сторонников Софьи и Голицына, ссылка канцлера без суда и следствия в Мезень, свержение и заточение самой Софьи в Новодевичьем монастыре прошли гладко. Царь Иван, лишенный поддержки родственников и окруженный немногими запуганными сторонниками, чтобы спасти жизнь, должен был отказаться от участия в управлении страной. Труднее было с самим Петром, но и здесь мать и родственники нашли выход. Сначала вместо детских игр с солдатиками подростку дали поиграть с живыми людьми, затем подоспела Немецкая слобода, где под чутким руководством родичей и приближенных юноша мог брать уроки пьянства и разврата у худшей части наемных авантюристов из Западной Европы.

На участие в государственных делах ни времени, ни сил у Петра не оставалось до самой смерти его матери (1694), которая не выпускала из своих рук нитей государственного управления и ограбления, привив сыну глубочайшее отвращение к тому образу жизни, который она представляла и который сын принимал за традиционный для русского двора.

Жизнеописания: В. А. Змеев

Венедикт Андреевич Змеев начал военную службу в рейтарском полку (1649) и быстро выдвинулся в ходе начавшейся русско-польско-шведской войны. За отличие при штурме Куконоса был удостоен звания полковника и особой милости царя Алексея Михайловича (1656). Сформировал Тамбовский драгунский полк (1668), несколько лет воеводствовал в Вятке, обучал полки «нового строя». В русско-турецко-крымской войне командовал полком, затем конным корпусом регулярной армии (1674—1679), первым из россиян заслужив звание думного генерала. Участвовал в разработке военно-окружной реформы и отмене местничества. В условиях народного восстания в столице возглавил основные военные приказы: Разрядный, Стрелецкий, Рейтарский, Пушкарский и Иноземный (1682). В крымских походах старейший генерал командовал корпусом в чине «ближнего окольничего и наместника Серпуховского». После свержения царевны Софьи подвергся политическим гонениям и более не получал командования. Умер в Москве в 1697 г.

Вакханалия обогащения должностных лиц при покровительстве и под предводительством Нарышкиных вошла в историю. После многих лет вынужденного воздержания воеводы и приказные деятели жадно протянули руки к государственной казне. Взятки брали даже бывшие приближенные канцлера Голицына. Правосудие, военное дело и даже дипломатия целиком зависели от мзды. «Государственные деятели» понимали под «политикой» лишь борьбу за власть и расправу с соперниками.

Обоснования для репрессий не требовалось. На вопрос бояр, за что отправлен в ссылку заслуженный военачальник Леонтий Неплюев, от петровцев прозвучал ответ: «Явной его, Леонтия, вины вы не ведаете; а тайной вины и мы не ведаем!»

Вот как подводит итоги правлений царевны Софьи и царицы Наталии Кирилловны видный деятель петровских преобразований князь Борис Куракин в своей «Истории о царевне Софье и Петре»:

«Правление царевны Софьи Алексеевны началось со всякой прилежностью и правосудием и ко удовольствию народному, так что никогда такого мудрого правления в Российском государстве не было. И все государство пришло во время ее правления через семь лет в цвет великого богатства. Также умножились коммерция и всякие ремесла и науки стали развиваться на латинском и греческом языках. Также и придворное обхождение развито было в аристократах и других придворных...

И торжествовала тогда вольность народная, так что всякий легко мог видеть: когда праздничный день летом, то все места кругом Москвы за городом, удобные к забавам, — Марьина роща, Девичье поле и прочие — наполнены были народом, пребывающим в великих забавах и играх, из чего можно было видеть довольность жизни их... А внутреннее правление государства продолжалось во всяком порядке и правосудии, и умножалось народное богатство...

Правление оной царицы Наталии Кирилловны было весьма непорядочное, и недовольное народу, и обидимое. И в то время началось неправое правление от судей, и мздоимство великое, и кража государственная, которые доныне продолжаются со умножением, и вывести сию язву трудно».

1. Каковы причины московского восстания 1682 г.?

2. От чьего имени выступали стрельцы и солдаты и чего они добивались?

3. Чем определялась внутренняя политика царевны Софьи?

4. Каковы внешнеполитические достижения канцлера Голицына?

5. Чья власть установилась после свержения правительства Софьи?

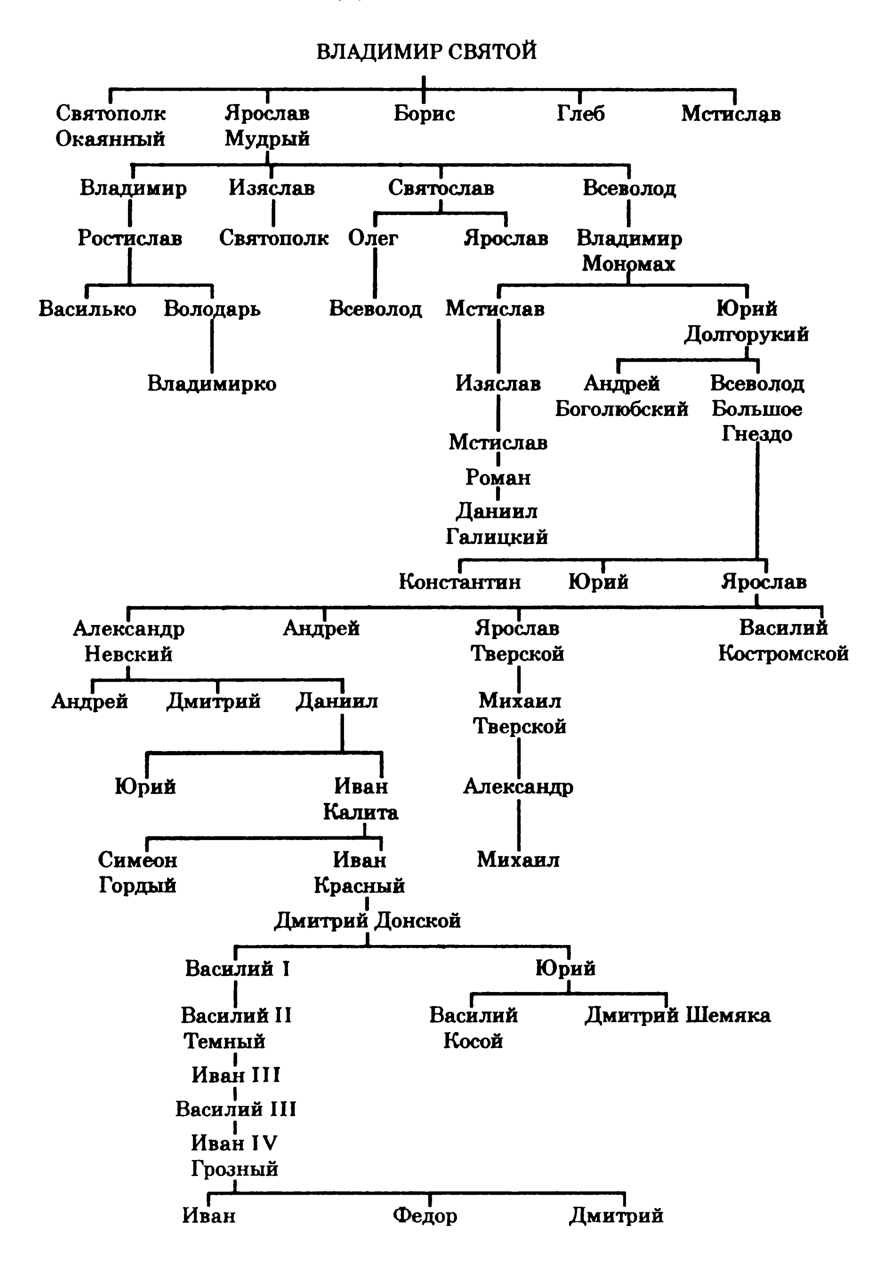
ДАТЫ И СОБЫТИЯ

II тыс. до н. э. — формирование древнеславянских племен
I в. н. э. — упоминания о территориях славян римскими авторами
IV—V в. — столкновение славян с готами, гуннами и аварами
VI в. — начало активных связей славян с Византией
VII—IX в. — образование славянских государств
860 г. — первый поход Руси на Константинополь
862—879 гг. — княжение Рюрика в Великом Новгороде
882 г. — объединение Руси под властью Вещего Олега
907 г. — поход Олега на Константинополь
945—969 гг. — устроение Киевского государства княгиней Ольгой
962—972 гг. — походы великого князя Святослава
980—1015 гг. — великое княжение Владимира Святого
988 г. — официальное принятие христианства на Руси
1019—1054 гг. — великое княжение Ярослава Мудрого
1053—1125 гг. — годы жизни великого князя Владимира Мономаха
1068, 1113 гг. — восстания в Киеве
1111 г. — объединенный поход князей на половцев
1223 г. — битва на Калке
1236—1240 гг. — нашествие Батыя на Русь
1240 г., 15 июля — Невская битва
1242 г., 5 апреля — Ледовое побоище
1259, 1262, 1327 гг. — восстания против монголо-татар
1325—1340 гг. — княжение Ивана Калиты в Москве
1359—1389 гг. — княжение Дмитрия Донского
1380 г., 8 сентября — Куликовская битва
1389—1425 гг. — княжение Василия I
1425—1462 гг. — княжение Василия II Темного
1462—1505 гг. — княжение Ивана III
1480 г. — свержение монголо-татарского ига
1497 г. — Судебник Ивана III
1505—1533 гг. — княжение Василия III
1530—1584 гг. — жизнь Ивана IV Грозного
1549 г. — первый Земский собор
1550 г. — Судебник, создание стрелецкого войска
1551 г. — Стоглавый собор, основание Свияжска
1552—1557 гг. — присоединение Казанского ханства
1555—1556 гг. — завершение губной и земской реформ
1556 г. — присоединение Астраханского ханства

1558—1583 гг. — Ливонская война
1565 г. — начало опричнины
1569 г. — первая русско-турецко-крымская война
1572 г. — битва при Молодях
1581 г. — введение заповедных лет
1581—1585 гг. — Сибирский поход Ермака
1584—1598 гг. — царствование Федора Иоанновича
1680—1690-е гг. — указы о закрепощении крестьян
1589 г. — учреждение патриаршества в Москве
1598—1605 гг. — царствование Бориса Годунова
1603—1612 гг. — Смута: первая гражданская война в России
1613—1645 гг. — царствование Михаила Федоровича Романова
1632—1634 гг. — Смоленская война
1637—1642 гг. — взятие и оборона Азова казаками
1643—1651 гг. — походы Василия Пояркова и Ерофея Хабарова на Амур и строительство первых приамурских крепостей
1645—1676 гг. — царствование Алексея Михайловича
1648 г. — открытие Семеном Дежневым Чукотки и пролива между Азией и Америкой, достижение русскими Камчатки
1648, 1650, 1662 гг. — городские восстания
1649 г. — Соборное уложение
1652—1658 гг. — патриаршество Никона, начало раскола церкви
1654—1667 гг. — отвоевание Левобережной Украины и Белоруссии
1666—1667 гг. — соборное осуждение староверов и Никона
1667—1671 гг. — восстание Степана Разина
1673—1681 гг. — вторая русско-турецко-крымская война
1676—1682 гг. — царствование Федора Алексеевича
1679 г. — военно-окружная, административная и налоговая реформы
1680 г. — учреждение Расправной палаты и реформа приказов
1681—1682 гг. — Земские соборы для гражданских и военных реформ
1682 г. — воцарение Ивана и Петра, народное восстание в Москве
1682—1689 гг. — правление царевны Софьи и князя Голицына
1686 г. — «вечный мир» с Польшей
1687, 1689 гг. — крымские походы

ПРИЛОЖЕНИЯ

РОДОСЛОВИЕ ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ И ЦАРЕЙ ОТ ВЛАДИМИРА СВЯТОГО

КОММЕНТАРИИ К ЦВЕТНОЙ ВКЛЕЙКЕ

1. *Восточные славяне и их соседи в IX—XI вв.*

Карта отражает расселение славянских и финно-угорских племен в системе водных путей, расположение городов и границы Древнерусского государства в период от Вещего Олега до Ярослава Мудрого. Показаны племена и государственные образования южных и западных славян, венгров, народов Прибалтики, Заволжья (до Белого моря), Поволжья, Северного Кавказа и Северного Причерноморья. Маршруты походов и места событий прослеживаются по выделенным на карте водным путям и городам.

2—3. В. М. Назарук. *Проводы Перуна. Крещение Руси.* Диптих

Картины посвящены поворотному моменту истории Руси. В лето 988-е великий князь Владимир Святославич, его сыновья и дружина отказываются от древних богов. Под присмотром боярина Добрыни Никитича, родного дяди Владимира, дружина разоряет языческое капище. На высоком Киевском холме над рекой Почайной уже разбили и сожгли идолов. Главного своего покровителя — бога грома Перуна с серебряной головой и златыми усами — дружинники не без трепета волокут к реке, чтобы, отталкивая от берега, проводить за Днепровские пороги. Но никто, кроме старых жрецов, не защищает дубовое идолище.

Могучее и богатое Древнерусское государство принимает новую веру, завоеванную в походе на Херсонес. Воины, украшенные добытыми у греков драгоценными тканями и золотом, внимают молитве царьградского епископа. Князь под роскошным шатром-наметом возвышается над подданными, уверившись, что власть его от Бога. Граждане Киева откликнулись на призыв Владимира и скопом полезли в реку принимать крещение: кто с радостью, кто — не желая ссориться с князем из-за дела неведомого, кто из любопытства, а кто — не в силах упустить народного гулянья.

4. С. В. Иванов. *Христиане и язычники*

Живописец выразил суть общественного противостояния, связанного с распространением христианства на Руси. Впереди священника идет представитель княжеской власти, на заднем плане видна закованная в сталь дружина. Языческий жрец в лаптях и на его стороне — сплошь лапотники. В конце

XI в., сказано в летописи, во время голода в Ярославле пошли смерды под предводительством двух волхвов громить богатые дворы. Под Белоозером они были остановлены княжеским наместником Яном Вышатичем. Дружина рассеяла смердов, а волхвов отдали на съедение медведю.

5. И. Я. Билибин. *Суд во времена Русской Правды*

Суд творит на своем дворе князь, окруженный советниками и дружиной. Закатав рукава, один из подсудимых готовится к испытанию раскаленным железом. Чтобы доказать свою правоту, он должен выхватить железо из огня и не получить тяжелых ожогов. Подобные испытания были широко распространены в средние века. Русская правда о них только упоминает. Главное внимание этот свод законов, создававшийся с начала XI до начала XIII в. и сохранявший значение до конца XV в., уделяет решениям, которые должны выносить князья или их наместники.

6. В. М. Васнецов. *После побоища Игоря Святославича с половцами (на сюжет «Слова о полку Игореве»)*

Мысль живописца, как и автора «Слова», далеко выходит за рамки гибели дружины новгород-северского князя Игоря в походе на половцев в 1185 г. Горечь поражения в одной из многочисленных битв со Степью усугубляется в обоих произведениях сознанием величия и могущества Руси, обреченной на ужасные потери княжескими распрями.

7. С. В. Иванов. *Съезд князей*

«Зачем губим Русскую землю, сами на себя ссоры навлекая? А половцы земли наши расхищают и радуются... — говорили князья, съехавшись в 1097 г. в Любеч. — Объединимся чистосердечно и будем охранять Русскую землю!» Однако на изображенный художником съезд в Уветичах в 1100 г. собрались они с воинскими предосторожностями, готовые броситься к стоящим неподалеку коням и кликнуть дружины. Четверо князей выговаривали сидящему справа Давыду Игоревичу: «Вонзил ты нож в нас!» На съездах не раз пытались миром поделить Русь и выступить против общих неприятелей, но распри не прекращались.

8. *Раздробленность Руси (XII—XIII вв.)*

На карте показаны основные русские княжества и земли с важнейшими городами, а также передвижения войск хана Батыя.

9. А. М. Васнецов. *Двор удельного князя*

Княжеский удел — миниатюрное государство со своей дружиной, боярами, казной, тиуном-управителем, сокольничим, слугами и податным населением. Подданные пришли на княжий суд, привезли оброк в закрома и подношения. Но гонец, скачущий через ворота, может везти от могущественного соседа весть: «Поди, княже, прочь!» В этом случае придется обратиться за покровительством к еще более сильному князю, которому удельный владыка будет обязан военной службой. Множество таких князей переходило на службу к великому князю московскому, теряло самостоятельность и становилось боярами.

10. С. В. Иванов. *Баскаки*

Первые десятилетия ордынского ига были одним из самых мрачных и опасных периодов русской истории. После Батыева разорения численники и баскаки великого монгольского хана расползлись по Руси, чтобы контролировать службу князей и сбор дани. У тех, кто не мог платить, брали в рабство детей и жен. На землях, обнищавших вконец, порабощали и гнали на восток целые селенья. Только городские восстания, безжалостно уничтожавшие баскаков и их прислужников, спасли русскую государственность. Держать в повиновении, грабить и продавать россиян в рабство ханам оказалось удобнее с помощью князей и духовенства.

11. А. М. Васнецов. *Новгородский торг*

Перед нами сердце купеческого Новгорода — площадь у храма Иоанна Предтечи на Опоках, в подвалах которого хранились важнейшие документы Новгородской республики, общественная казна и драгоценные товары. Рядом с церковью находятся городские весы, эталонные для всех Новгородских земель. У площади теснятся богатые лавки и склады, здесь совершают сделки русские и иноземные купцов. С Торговой стороны виден противоположный берег Волхова — кремль-детинец и знаменитый храм св. Софии. К ним ведет мост через Волхов, на котором проходили кулачные бои.

12. В. М. Назарук. *Ледовое побоище*

5 апреля 1242 г. на льду Чудского озера был остановлен натиск крестоносцев на Русь. Разгром псов-рыцарей, собравшихся едва не со всей Западной Европы, стал классическим сценарием для всех их последователей. Тяжеловооруженная конница обрушилась на русских пеших ополченцев, глубоко

вклинилась в их строй, но так и не смогла разорвать его надвое. Конная дружина князя Александра Невского ударила по флангам увязнувших в бою с ополчением крестоносцев. Местами подтаявший лед проломился и помешал рыцарям отступить. На дне озера, глубоко в иле, до сих пор находят их ржавые мечи.

13. В. М. Назарук. *Куликовская битва*

8 сентября 1380 г. за Доном, у речки Непрядвы, Русь сошлась с Ордой в «самом страшном сражении, какое только известно было в памяти людей». Ужасно было «видеть две силы великие, сходящиеся на кровопролитие, на скорую смерть; но татарская сила выглядела мрачно потемненной, а русская сила в светлых доспехах казалась великой рекой текущей. И не было им места, где расступиться...» Свирепым натиском ордынцы вырубили передовой полк, сразили воеводу большого полка, но московское знамя отбил и вновь поднял воевода Тимофей Вельяминов. Победа в Мамаевом побоище предрекла «Великой Орде разорение, а Российскому государству распространение».

14. *Русские земли в XIV — первой трети XVI в.*

15. А. М. Васнецов. *Монастырь в Московской Руси*

Небольшой скит с утвержденным Сергием Радонежским общежительным уставом, основанный в лесной глуши монахами-отшельниками, уже превращается в монастырь. Вместо убогой часовенки к небу возносится затейливо построенный храм. Давая душевное утешение и полезные советы мирянам, распространяя знания, чернецы получают все более богатые пожертвования. Вместе с монахами трудятся монастырские послушники и крестьяне, подаренные обители или попавшие в зависимость за долги. Монастырь разрастается, превращаясь в крупного землевладельца. И тогда люди, ищущие святой жизни, уйдут из него дальше в неведомые места, неся по земле русское слово и христианскую веру.

16. *Европейская Россия в середине XVI — XVII в.*

На этой подробной карте цветом показано расширение границ Русского государства.

17. И. Е. Репин. *Иван Грозный и его сын Иван 16 ноября 1581 г.*

Весной 1885 г. великий русский историк Н. И. Костомаров велел отнести себя в выставочный зал к новой картине Репина: «Не хотел умереть, не взглянув еще раз!» Непревзойденно

глубокий и правдивый образ царя-убийцы был и остается вызовом легиону «окаянных и вселукавых пагубников Отечества», до сих пор, как предсказывал в XVI в. Андрей Курбский, «бесстыдствующих и оправдывающих такого человекорастерзателя», как будто гибель значительной части россиян может быть прощена тирану, сделанному символом сильной государственной власти.

18. В. И. Суриков. *Покорение Сибири Ермаком*

Одежда, оружие, лица представителей множества племен, сошедшихся 26 октября 1528 г. в битве на берегу Иртыша, — все детали на картине исторически достоверны. Даже знамя с Нерукотворным Спасом, под которым казаки Ермака Тимофеевича идут в бой, тщательно скопировано с подлинника XVI в. Точно передан психологический настрой участников битвы. Русские дружно целятся в татар, которые своей яростью и примером понуждают сражаться сборное войско Кучума. На изображенных с любовью и сочувствием лицах остяков, вогулов и иных коренных сибиряков отражается испуганное любопытство.

19. *Россия в эпоху Великих географических открытий*

На карте показаны динамика расширения границ государства и маршруты первопроходцев от Ермака до В. В. Атласова.

20. С. В. Иванов. *Юрьев день*

Великомученика-земледельца Юрия поминали весной и осенью. Праздник 26 ноября особенно почитали крестьяне: неделю до и неделю после осеннего Юрьева дня Судебник 1497 г. разрешал им уходить от землевладельца. Урожай был собран, и с крестьянина легче было взыскать данную ему ссуду и налоги. Крестьянская семья, рассчитавшись с приказчиком, берет с собой лишь немного зерна и скудные пожитки, оставляя в уплату за долги и «пожилое» дом, двор, корову... Надвигались морозы, уйти далеко и обустроиться было трудно. Поэтому «выход» крестьянина часто был «вывозом» его другим помещиком. Но отмена Юрьева дня в конце XVI в. подняла крестьян на восстание.

21. С. В. Иванов. *В Смутное время*

Заглянув в лагерь самозванца, мы на первом плане видим казаков. Крестьяне и городское простонародье не составляют здесь большинства, как в войске Болотникова. Стрельцы в красных кафтанах, дворяне в старинной броне, кочевник в пестром

халате и немецкий наемник могли оказаться в любой из враждующих армий. Но подлинным хозяином чувствует себя польский магнат во главе отряда шляхты: это особенно характерно для Тушинского лагеря Лжедмитрия II. В войсках Василия Шуйского больше всего выделялись дворяне и шведские солдаты, а всенародные ополчения старались не сливаться с казаками.

22. С. В. Иванов. *Земский собор*

Опорой самодержавия были с середины XVI до середины XVII в. соборы высших чинов Государева двора, духовенства и выборных по уездам представителей сословий. Цари видели в соборах средство подкрепления своих решений волей «всей земли». Многие участники соборов считали, что «царь... должен искать доброго и полезного совета... у всего народа». Иван Грозный казнил соборных заседателей за малейшее противоречие, Борис Годунов, Василий Шуйский и бояре-изменники инсценировали соборы для придания вида законности своей власти. Совет всей земли постановил лишить узурпаторов власти и «выбрать государя всею землею». Соборами был укреплен трон Романовых.

23. С. В. Иванов. *Боярская дума*

До реформ царя Федора Алексеевича (1676—1682) Боярская дума обычно представляла собой домашний совет государя «с боярами о делах». Собирались в царских палатах с рассветом и начинали заседание с доклада думного дьяка — он разложил на столе специально подобранные материалы, чтобы ответить на возможные вопросы, и приготовил проект решения. Глава приказа — ведомства, к которому относится обсуждаемая сегодня проблема, стоя комментирует неясные места. На принятом Думой документе будет написано: «Государь указал и бояре приговорили». На информации всех ведомств о важнейших событиях в стране и за рубежом стоят пометы: «Государю известно и боярам чтено».

24. С. В. Иванов. *В приказе московских времен*

Волокита, взяточничество, крючкотворство, ехидный обман и неправосудие были притчей во языцех со времен появления приказов в середине XVI в. Почти все правительственные учреждения помимо государственного управления имели судебные функции. Чтобы не тратиться на жалованье, правительство предоставляло служащим-подьячим «кормиться от дел». Таких подьячих мы и видим за передним столом. Чуть

дальше, за правым столом, сидят подьячие, занятые решением государственных дел. От них требовалась высокая квалификация и полное напряжение сил. В дальней комнате видны руководители приказа — судья и дьяк.

25. С. В. Иванов. *Суд в Московском государстве*

Убийца взят с поличным: налицо окровавленный топор. Это освобождало схвативших его людей от ответственности, даже если бы в борьбе преступник был убит. Судью — губного старосту — легко узнать по описанию: «в губных старостах... быть дворянам добрым и зажиточным, которые за старость или за раны от службы отставлены... и которые грамоте умеют». Рядом сидит присяжный-целовальник, со свитком и пером стоит дьячок из дворян. Добиваясь признания вины, схваченного вздернут на дыбу. «Потом сзади палач станет бить по спине кнутом изредка, и как ударит — на спине будто большой ремень вырезан ножом мало не до костей».

26. С. В. Иванов. *Приезд воеводы*

Персонажи картины четко делятся на две группы — не без сожаления «дающих» представителей города и алчно устремленных ко «взятке» членов команды нового воеводы. До реформ царя Федора помимо денежного жалованья управление городом и уездом давало воеводе, его «товарищам», дьяку и подьячим, приказчикам и холопам право на «поденный корм». Практически ненаказуемым было воровство денег из запутанного местного бюджета. Чуть опаснее — введение новых налогов, прямое вымогательство и судебное мздоимство. Но встречались честные воеводы, первопроходцы и строители, о которых с гордостью рассказывали летописцы.

27. С. В. Иванов. *Смотр служилых людей (XVI—XVII вв.)*

С начала XVI в. до военно-окружной реформы (1579) дворяне одного уезда должны каждые год или два появляться на смотрах в соответствующем вооружении и во главе определенного числа слуг. Сидящий за столом воевода с помощью подьячих проверяет наличие людей, коней и оружия по списку прошлого смотра. В новом «смотреном списке» учитываются все изменения, прибавлены достигшие 15-летнего возраста «новики», выписаны вышедшие в отставку. Прошедший смотр дворянин будет записан с соседями в сотню, запомнит свою хоругвь с изображением святого и ярким значком — да и поедет домой до призыва сотни на войну.

28. С. В. Иванов. *Во времена раскола*

Раскол Русской церкви начался, когда власти запретили почитать старые церковные книги и обряды под угрозой проклятия и казни. Преследования сблизили ревнителей «старой веры» с задавленным налогами и повинностями народом. На картине показано, как действовали прибывшие в город или село представители официальной церкви, чтобы с помощью местных властей уничтожить древние книги. Народ сочувствует защитникам старины, старается понять, что вызвало гнев властей предержащих. Насилие порождает протест, вскоре многие станут на сторону «исконного благочестия».

29. В. И. Суриков. *Степан Разин*

Глубокая загадка скрыта в картине, передающей дух народных песен о Разине. Волга сливается со светлым бескрайним небом. Казачья вольница летит по глади реки, подгоняя струг сильными ударами весел. Казаки на корме бесшабашно гуляют, довольные удачным набегом. Среди гребцов лишь молодой казак в красной рубахе, с лихо заломленной шапкой, глядит с затаенной тоской. Коренастая фигура, молодецкая поза привыкшего быть на виду атамана выражают уверенность и решимость. Но взгляд Разина из-под грозно сдвинутых бровей лишен всякой веселости. Атаман не может найти ответа на мучительно важный вопрос.

30. С. В. Иванов. *Стрельцы*

Дозор стрельцов, охраняющий порядок, можно было видеть почти в каждом крупном городе допетровского времени. Особенно много стрельцов с середины XVI в. жило в Москве. Их слободы, до двух десятков числом, широким кольцом опоясывали столицу. В каждой слободе жили со своими семьями стрельцы одного приказа — подразделения из 500 человек, получавших жалованье и выступавших в поход со своим оружием, пушками, знаменами и музыкантами. В мирное время свободные от очередных караулов и тушения пожаров стрельцы занимались ремеслом и торговлей. Служба была наследственной, ею по праву гордились, ведь во всех войнах, начиная с казанского взятия, стрельцы были ударной силой русской армии.

31. В. И. Суриков. *Посещение царевной женского монастыря*

В высших слоях русского общества жены и дочери жили в теремах на положении затворниц, даже во время больших

придворных празднеств оставаясь в узком женском кругу. Пример подали первые Романовы, доведя до абсурда охрану от посторонних глаз цариц и особенно царевен. Последние не могли вступать в брак, и их жизненный путь прямиком вел в монастырь. Художник передает контраст между прелестью молодости, искренней верой, светлой мечтательностью царевны, которая единственная из присутствующих молится искренне — и миром «стариц», каковых Суриков характеризовал кратко: «Фальшивые все». Будущее царевны — апатия и медленное умирание, явленные в образе внешне похожей на нее молодой монашки.

32. Б. М. Кустодиев. *Школа в Московской Руси*

Начальные школы, подобные той, что изобразил художник, в XVI и XVII вв. были почти во всех городах и селах России. Средства на школу давали родители. Учитель занимался одновременно с детьми разных возрастов. Одни учили буквы и читали, другие уже постигали хитрости скорописи, третьи разбирали ноты — пение было предметом обязательным. Многие родители считали полезным, чтобы дети жили и питались в школе. Учились мальчики и девочки, знать и купечество оплачивала обычно и преподавание иностранных языков. Существовали училища при важнейших приказах и своего рода гимназии. Грамотность среди купцов и священников была всеобщей, среди дворян и монахов доходила до 60%, среди горожан — до 50%.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Учебное издание

Богданов Андрей Петрович

ИСТОРИЯ РОССИИ ДО ПЕТРОВСКИХ ВРЕМЕН

10—11 классы

Пробный учебник для общеобразовательных учебных заведений

Ответственный редактор *Н. А. Полторацкая*
Художественный редактор *О. И. Белозерский*
Технический редактор *В. Ф. Козлова*
Корректоры *Т. К. Остроумова*, *Н. С. Соболева*
Компьютерная верстка *С. Б. Клещев*

Изд. лиц. № 061622 от 23.09.92.
Подписано в печать с готовых диапозитивов 11.07.96.
Формат 60×90[1]/16. Бумага типографская. Гарнитура «Школьная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,0+2 усл. п. л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 24,15+2,3 уч.-изд. л. цв. вкл.
Тираж 30 000 экз. Заказ № 5926.

Издательский дом «Дрофа».
127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано на Смоленском полиграфическом комбинате Комитета Российской Федерации по печати.
214020, Смоленск, ул. Смольянинова, 1.

1. ***Восточные славяне и их соседи в IX—XI вв.***

2—3. В. М. Назарук. *Проводы Перуна. Крещение Руси.*
Правая часть диптиха.

2—3. В. М. Назарук. *Проводы Перуна. Крещение Руси.* Левая часть диптиха.

4. С. В. Иванов. *Христиане и язычники*

5. И. Я. Билибин. *Суд во времена Русской Правды*

6. В. М. Васнецов. *После побоища Игоря Святославича с половцами (на сюжет «Слова о полку Игореве»)*

7. С. В. Иванов. *Съезд князей*

УППСАЛА
Ладога
Новгород
Псков
Торжок
Тверь
Москва
Галич
Кострома
Ярославль
Переяславль
Нижний Новгород
Владимир
Муром
Коломна
Рязань
Козельск
Устюг
Биляр
Полоцк
Смоленск
Пинск
Туров
Чернигов
Владимир
Киев
Переяславль
Галич
Сарай
Корсунь
Сурож
Ливонский орден
Княж. Литовское
Тевтонский орден
Польша
Венгрия
Болгарское царство
Волжская Болгария
Марийцы
Удмурты
Мордва
Золотая Орда
Балтийское море
Черное море
Азовское море
Каспийское море

Общая граница русских княжеств и земель в середине XIII в.	Места и годы восстаний против монголо-татарского ига
Границы отдельных русских княжеств в середине XIII в.	Границы Золотой Орды
Центры княжеств	Походы крестоносцев на Русь в 1240–1242 гг.
Походы монголо-татар на Русь в 1236–1242 гг.	Места и годы важнейших сражений
Героическая оборона Козельска	

Масштаб 1:17 500 000

8. ***Раздробленность Руси (XII—XIII вв.)***

9. А. М. Васнецов. *Двор удельного князя*

10. С. В. Иванов. *Баскаки*

11. А. М. Васнецов. *Новгородский торг*

12. В. М. Назарук. *Ледовое побоище*

13. **В. М. Назарук.** *Куликовская битва*

Московское княжество в 1300 г.
Земли, присоединенные к Москве с 1300 по 1389 г.
Разгром войск Золотой Орды на реке Воже в 1378 г.
Куликовская битва в 1380 г.
Битва литовско-русских войск с золотоордынцами на реке Ворскле в 1399 г.
Земли, присоединенные к Москве с 1389 по 1462 г.
Сражения на реке Угре в 1480 г.
Земли, присоединенные к Москве с 1462 по 1533 г.
Русские и украинские земли, отвоеванные у Великого княжества Литовского
Границы Русского государства в первой четверти XVI в.
Границы Великого княжества Литовского в 1462 г.
Масштаб 1:18 000 000

14. *Русские земли в XIV — первой трети XVI в.*

15. А. М. Васнецов. *Монастырь в Московской Руси*

Территория России к середине XVI в.

Территории, вошедшие в состав России во второй половине XVI в.

Районы товарного производства хлеба

Районы товарного производства льна и конопли

Районы пушного промысла

Районы кочевого скотоводства

Важнейшие центры ремесленного производства

кузнечного

полотняного

кожевенного

поташного

Главные районы соледобычи и солеварения

Важнейшие мануфактуры, возникшие в XVII в.

железоделательные и оружейные

кожевенные

суконные и полотняные

Главные ярмарки

Важнейшие торговые пути

Границы России в 1686г.

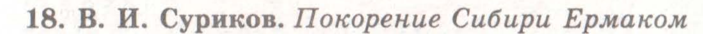
Земли, возвращенные России по Андрусовскому перемирию 1667 г. и "вечному миру" 1686 г.

Масштаб 1:18 000 000

16. *Европейская Россия в середине XVI—XVII в.*

17. И. Е. Репин. *Иван Грозный и его сын Иван 16 ноября 1581г.*

18. В. И. Суриков. *Покорение Сибири Ермаком*

Территория России в начале XVII в.
Территории, вошедшие в состав России в XVII в.
Территории, осваивавшиеся русскими в XVII в.
1652 Годы основания населенных пунктов
Важнейшие пути русских землепроходцев
Ермака в Сибирь в 1581–1585 гг.
Василия Пояркова в 1643–1646 гг.
Ерофея Хабарова в 1649–1653 гг.
Федота Попова–Семена Дежнева в 1648–1649 гг.
Других землепроходцев
Масштаб 1:40 000 000

19. *Россия в эпоху Великих географических открытий*

20. С. В. Иванов. *Юрьев день*

21. С. В. Иванов. *В Смутное время*

22. С. В. Иванов. *Земский собор*

23. С. В. Иванов. *Боярская дума*

24. С. В. Иванов. *В приказе московских времен*

25. С. В. Иванов. *Суд в Московском государстве*

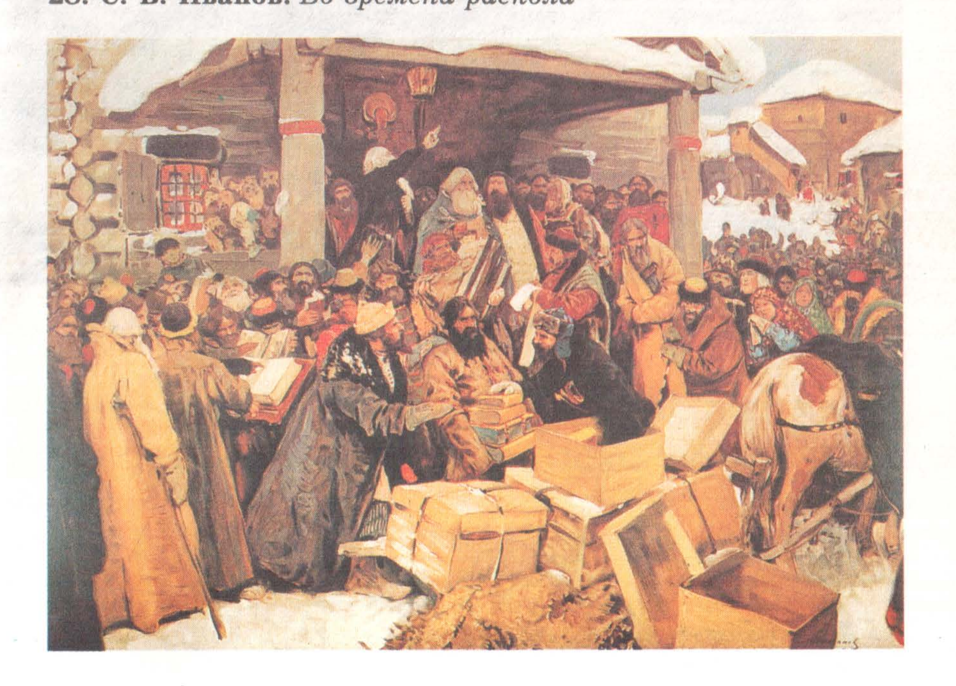
26. С. В. Иванов. *Приезд воеводы*

27. С. В. Иванов. *Смотр служилых людей (XVI—XVII вв.)*

28. С. В. Иванов. *Во времена раскола*

29. В. И. Суриков. *Степан Разин*

30. **С. В. Иванов.** *Стрельцы*

31. В. И. Суриков. *Посещение царевной женского монастыря*

32. Б. М. Кустодиев. *Школа в Московской Руси*

10-11 КЛАССЫ

История России до Петровских времен

Новый учебник «История России до Петровских времен»

√ создан с учетом современных образовательных стандартов, углубляет знания учащихся, полученные в 5—9 классах;

√ включает обширный фактический и теоретический материал, фрагменты разнообразных исторических свидетельств и документов и развернутый методический аппарат;

√ одобрен Федеральным экспертным советом и рекомендован к изданию Министерством образования Российской Федерации;

√ включен в Федеральный комплект учебников на 1997/98 учебный год

Издательский дом «Дрофа»